ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2020. Том 8, № 1

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2020, vol. 8, no. 1

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2020

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Emerging Sources Citation Index (ESCI) на платформе Web of Science Core Collection, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, ResearchBib, ERIH PLUS, WorldCat, Google Scholar, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка, РГБ.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	Издательский дом «Логос»
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 07.00.02 – Domestic history (historical studies), 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, ResearchBib, ERIH PLUS, WorldCat, Google Scholar, Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka, RSL.

The journal is a participant of partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media ПИ № ФС77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	Publishing house “Logos”
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index И7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хакимов Рафаиль Сибгатович, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Трепавлов Вадим Винцерович, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений (Москва, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Дариуш Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Мари Фаверо-Думенжу, Ph.D. (история), научный сотрудник исторического факультета Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы (Уфа, Российская Федерация)

Муминов Аширбек Курбанович, д.и.н., профессор, Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Почкаев Роман Юлианович, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Борис Черкас, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, аспирант (средневековая история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Сайфетдиновна Эльмира Гаделзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Галимов Тэймур Рустэмович**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rafail' S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of TAS, Chairman of the Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Vadim V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Nicola Di Cosmo, Ph.D., Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Dariusz Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D., Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

Marie Favereau Doumenjou, Ph.D. (History), Research Associate, Faculty of History, Oxford University (Oxford, England)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Ashirbek Muminov, Dr. Sci. (History), Professor, L.N.Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Roman Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics», (St. Petersburg, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D., Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Boris V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts editor's: **Roman Hautala**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); **Stephen Pow**, Ph.D. candidate (History/Medieval Studies), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Teymur R. Galimov**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

Тишин В.В., Нанзатов Б.З. Татары Внутренней Азии VIII–XII вв.: некоторые вопросы исторической географии	8
Halperin Ch.J. On Recent Studies of Rus' Relations with the Tatars of the Jochid Ulus	32
Почекаев Р.Ю. Крымские торговцы против Венеции: историко-правовые и процессуальные аспекты тяжбы 1350-х гг.	51
Майоров А.А. К вопросу о тульском баскачестве на землях северо-восточной части Черниговского княжества XIII–XIV вв.	67
Буланин Д.М. В поисках образца: Александр Македонский на Куликовом поле	87
Лисейцев Д.В. Новые сведения о «татарской войне» 1615–1616 гг. в Казанском царстве и судьбе членов семьи предводителя Еналеева восстания	107
Аваков П.А., Беспярых Ю.Н. Крымское ханство в 1736 г. по известию французского консула А. Яворки	127
Храпунов Н.И. Крым глазами британского авантюриста Уильяма Итона	147
Атыгаев Н.А., Канай О. Некоторые сведения о реке Сырдарья в историко-географической литературе XV–XIX вв.	167
Gallyamova A.G., Kabirova A.Sh., Khanipova I.I. The Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in August 1944 and the Tatar Intelligentsia	185

Рецензии

Мустакимов И.А. Рецензия на книгу: Vér, Márton. Old Uyghur Documents Concerning the Postal System of the Mongol Empire	200
---	-----

Хроника

Галимов Т.Р. Заключительные научные мероприятия юбилейного года 750-летия образования Золотой Орды	206
---	-----

CONTENTS

Original papers

- Tishin V.V., Nanzatov B.Z.** Tatars of Inner Asia in the 8th–12th centuries:
Some Issues of Historical Geography 8
- Halperin Ch.J.** On Recent Studies of Rus' Relations with the Tatars
of the Jochid Ulus 32
- Pochekaev R.Yu.** Crimean Traders vs. Venice: Historical, Legal
and Procedural Aspects of Lawsuits of the 1350s 51
- Mayorov A.A.** On the Function of the Tula Basqaqs
in the Northeastern Part of the Chernigov Principality
in the thirteenth and fourteenth centuries 67
- Bulanin D.M.** In Search of the Model:
Alexander the Great on the Kulikovo Field 87
- Liseitsev D.V.** New Information about the "Tatar War"
in 1615–16 in the Kazan Tsardom and the Fate of Family Members
of the Leader of Enalei's Uprising 107
- Avakov P.A., Bespyatykh Yu.N.** The Crimean Khanate in 1736
according to the Account of the French Consul, Adam Yavorka 127
- Khrapunov N.I.** The Crimea as Viewed by British
Adventurer William Eton 147
- Atygayev N.A., Hanayi O.** Some Information on the Syr Darya River
in Historical and Geographical Literature
from the fifteenth to nineteenth century 167
- Gallyamova A.G., Kabirova A.Sh., Khanipova I.I.** The Decree
of the Central Committee of the All-Union Communist Party
of Bolsheviks in August 1944 and the Tatar Intelligentsia 185

Reviews

- Mustakimov I.A.** Review of the Book: Vér, Márton. Old Uyghur
Documents Concerning the Postal System of the Mongol Empire 200

Chronicle

- Galimov T.R.** Final Academic Events Dedicated
to the 750th Anniversary of the Golden Horde 206

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

УДК [94(5)=512.145]:913.1/913.8

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.8-31

ТАТАРЫ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ VIII–XII ВВ.:
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ**В.В. Тишин¹, Б.З. Нанзатов²**

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
tihij-511@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
nanzatov@yandex.ru

Цель исследования: статья посвящена рассмотрению вопросов исторической географии, связанных с активностью носителей этнонима *татар* во Внутренней Азии в период VIII–XII вв. Основное внимание уделено анализу топонимики, упоминаемой в исторических источниках в связи с татарами.

Материалы исследования: в качестве основных источников настоящего исследования были привлечены памятники древнетюркской рунической письменности, где было достоверно отмечено упоминание этнонима татар, а также китайские исторические тексты. Для интерпретации отдельных сюжетов привлекались тексты монгольской хроники XIII в. «Тайная история монголов» и труд начала XIV в. персидского историка Рашīд ад-Дīна ат-Табībа «Джāmī ат-таварīх». В ходе обращения к частным вопросам авторы неизбежно обращались к лингвистическим данным, представленным фондом, прежде всего, тюркских и монгольских языков.

Результаты исследования и научная новизна: в статье рассмотрены 11 топонимов, так или иначе связанных с упоминанием татар. Из них для семи удалось обосновать адекватную интерпретацию, в том числе предложить два совершенно новых в науке отождествления. В частности, теперь, как считают авторы, мы имеем основания говорить об упоминании р. Керулэн (халх. Хэрлэн-гол) в памятниках древнетюркской рунической письменности.

Ключевые слова: татары, Внутренняя Азия, кочевнические народы, историческая география, этнонимика, фонетическая реконструкция

Для цитирования: Тишин В.В., Нанзатов Б.З. Татары Внутренней Азии VIII–XII вв.: некоторые вопросы исторической географии // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 8–31. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.8-31

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00082 «Внутренняя Азия в исторической картографии: реконструкция ее историко-культурного прошлого».

TATARS OF INNER ASIA IN THE 8TH–12TH CENTURIES: SOME ISSUES OF HISTORICAL GEOGRAPHY

V.V. Tishin¹, B.Z. Nanzatov²

¹ *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS
Ulan-Ude, Russian Federation
tishij-511@mail.ru*

² *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS
Ulan-Ude, Russian Federation
nanzatov@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* This article discusses issues related to the historical geography of the carriers of the Tatar ethnonym in Inner Asia from the eighth to the twelfth century. The focus of this article is devoted to the analysis of toponymy mentioned in historical sources in connection with Tatars.

Research materials: Monuments of the ancient Turkic runic script, containing a reliable mention of the Tatar ethnonym, as well as Chinese historical texts were used in this study as the main sources. The Mongolian “Secret History of the Mongols” of the thirteenth century and Rashīd al-Dīn al-Ṭabīb’s “Jāmī al-Tawārīkh” of the early fourteenth century were used for the interpretation of certain events. The authors inevitably turned to the linguistic data provided by the fund, primarily, of the Turkic and Mongolian languages, in the process of considering particular issues.

Results and novelty of the research: The article discusses eleven place names, connected in one way or another with the mention of Tatars. The authors managed to find and justify an adequate interpretation for seven of these names and propose two completely new identifications. Of particular novelty, according to the authors, we now have every reason to acknowledge the mention of the Kerulen (Mong. Kherlen) River in reference to the Tatars in the monuments of the ancient Turkic runic script.

Keywords: Tatars, Inner Asia, nomadic peoples, historical geography, ethnonymy, phonetic reconstruction

For citation: Tishin V.V., Nanzatov B.Z. Tatars of Inner Asia in the 8th–12th centuries: Some Issues of Historical Geography. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 8–31. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.8-31

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research’s grant no. 19-09-00082 “Inner Asia in Historical Cartography: Reconstruction of Its Historical and Cultural Past”.

Татары в памятниках древнетюркской рунической письменности Тюркского и Уйгурских каганатов

Впервые достоверно этноним *tatar* в таком облике, какой известен нам сегодня, упоминается в памятниках древнетюркской рунической письменности. Изучение конкретных контекстов упоминаний в привязке хронологии и географии памятников дает возможность конкретизировать территории, которые условно можно называть «местами активности» носителей этнонима *tatar* в соответствующий исторический период.

Сначала сочетание *otuz tatar*, буквально «тридцать татар», упоминается среди перечня «народов» (*bodun*), «оплакивающих (и) поминающих» (*siytamiš*

joylamiš) первых тюркских каганов (КТб, стк. 4 = БК, X, стк. 5)¹ [53, s. 164, 446, 455]. Исходя из того, что народы перечислены в порядке вращения солнца, т.е. по часовой стрелке, то *otuz tatar*, помещенных между *üč qurıqan* и *qıtañ*, следует искать севернее орхонской долины, между Прибайкальем и юго-востоком Внутренней Монголии [32, S. 330, Anm. 180].

Далее сочетание встречается, когда говорится, что после провозглашения каганом Кутлуга (682–691), в самом общем контексте «токуз огузов народ врагом стал, кыркызы, курыканы, отуз татары, кидане, татбы, все врагами стали» (*toquz oğuz bodunı jayı ärmis qırqız qurıqan otuz tatar qıtañ tatbı qop jayı ärmis*) (КТб, стк. 14 = БК, X, стк. 12) [53, s. 164, 447, 456].

К 716 г., уже, видимо, в правление Бильге кагана, относится упоминание сочетания *toquz tatar*, буквально ‘девять татар’, в связи с событием, когда, как говорится от лица тюркского кагана, «огузский народ с токуз татарами вместе напали» (*oğuz bodun toquz tatar birlä tirilip kälti*). Каган произвел с ними два крупных сражения у Агу(да) (?), победил их войско и «завладел властью (над ними)» (*ayuda eki uluğ süñüš süñüşdüm süsin bozdım elin anta altım*) (БК, X, стк. 34) [53, s. 164, 459].

Ф. Ласло допускает восстановление слова *tatar* в поврежденном фрагменте малой надписи Кюль тегина, еще хуже сохранившемся в стеле Бильге кагана, где после перечисления должностных лиц, внимающих речи кагана, идет фраза с лакуной: *otuz ... toquz oğuz bägläri bodunı* (КТ, Xб, стк. 1–2 = БК, Xб, стк. 1) [38, о. 20].

Следующие упоминания относятся уже к эпохе правления уйгурских каганов. В памятнике Могойн Шинэ Усу от лица Элетмиш Бильге кагана о событиях 749 г. говорится, что «в Бюкегюк (?) я настиг [врагов], вечером, к закату солнца, я сражался и там поразил [их] ... ночь наступила; в Бюк(е)гюк (?) секиз огузов² и токуз татар не осталось; во второй день новолуния, на восходе, я сражался» (*bükägük[k]ä jetdim kičä jaruq batar ärkli süñüşdüm anta šančdım kün r¹[...] tün tirilmis bük(ä)gükdä säkiz oğuz toquz tatar qalmaduq eki janıqa kün toğuru süñüşdüm*) (МШУ, Вост., стк. 1(13)) [53, s. 164, 475]. Далее говорится, что каган победил, по Воле Неба этот народ (*bodun*)

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны следующие сиглы памятников древнетюркской рунической письменности: БК, X – большая надпись на восточной стороне стелы Бильге кагана; БК, Xб – малая надпись на северной стороне стелы Бильге кагана; КТб – большая надпись на лицевой (восточной) стороне стелы Кюль тегина; КТ, Xб – малая надпись на левой боковой (южной) стороне стелы Кюль тегина; МШУ – стела Могойн Шинэ Усу (Селенгинский камень); Тер – Терхинская (Тариатская) стела; Тэс – Тэсинская стела. В отдельных случаях даны также следующие аббревиатуры: Вост., Зап., Сев., Южн., обозначающие, соответственно, восточную, западную, северную или южную сторону стелы. После запятой идет обозначение номера строки арабской цифрой на данной стороне и в случае с отдельными памятниками в скобках – общий номер строки. Поскольку в случае с Терхинской (Тариатской) надписью порядок строк остается предметом дискуссии [9, с. 34], здесь мы избегаем обозначения общей нумерации.

² Когда исследователи иногда пишут, ссылаясь на «Худуд ал-‘Алам», о том, что анонимный персидский автор считает *tatar* частью (*джинсий*) *токуз огузов* (см., напр.: [5, № 2, с. 4]), ими не учитывается, что в этом сочинении под последними именуются в виду уйгуры. Здесь, скорее, следует видеть указание на то, что татары прежде входили в возглавляемое уйгурами политическое объединение.

стал его «подданными» (*qulum küñüm*). Покарав «именитых» (*atliḡ*) и, не тронув простой народ, оставив его в покое, рассчитывая, что они признают его власть, но этого не случилось (МШУ, Вост., стк. 2(14)). Здесь прямо не говорится о том, с кем воевал каган, но далее ясно по контексту, где от лица кагана упоминается о том, что, преследуя их, он «настиг их у Бур(у)гу (*bur(u)ḡu*)», а далее «в четвертого месяца девятый день я сражался и поразил [их]; табуны, имущество, девушек и вдов я привел [от них]; в пятом месяце они пришли; секиз огузы и токуз татары не остались и пришли. От Селенги к западу (букв. ‘сзади’), от Ыылун Кол с южной стороны (= с правой стороны), до верховьев [реки] Шып (*вар.* до вершины Шып) войско я повел (*bur(u)ḡuda jetdīm törtinč aj toquz janıqqa süñüşdüm şančdīm jılqışın barımın qızın qoduzın kälürtüm bäsinc aj ud[u] kälti säkiz oḡuz toquz tatar qalmadı kälti sälänä kidin jılun qol biridin siñar şip başıña tägi čärig itdim*) (МШУ, Вост., стк. 3(15)) [53, s. 165, 475–476]. Далее: «По [рекам] Кергю и Шакыш, Шып верховья пересекая (*вар.* Шып вершину перейдя), они пришли... до Селенги войско они вели. В пятого месяца двадцать девятый день я сражался и потом поразил [их]; к Селенге отеснив, поразил [их]; я раздавил (букв. ‘распростертыми сделал’) [их]; многие [из них] по Селенге вниз ушли; я через Селенгу перейдя, их преследовал; в сражении захватив, десять мужей послал [к ним] (*kärgün şaqışın şip başın jürä kälti... uči sälänkä tägi čärig itdi besinc aj toquz otuzqa süñüşdüm anta şančdīm sälänkä şıqa şančdīm jazı qıltım öküşi sälänä qodı bardı bän sälänä kächä udu joridim süñüşdä tutup on är it[tim]*) (МШУ, Вост., стк. 4(16)).

Эти посланники должны были призвать остальных покориться. После двухмесячного ожидания они не пришли, и «в восьмой месяц, первый день» каган сам отправился против них в поход (МШУ, Вост., стк. 6(18)). Они выступили навстречу, и, как говорит каган, «в восьмой месяц, второй день, у озера Ачыг Алтар (Чыгылтыр?), Кашуй (Касуй?)³ обойдя, я сражался и тогда поразил [их], и тогда преследовал [их]. В тот месяц в пятнадцатый [день], в верховьях Кейре, [в местности] Уч Биркю, с татарами я столкнулся и разбил [их] (*säkizinc aj eki janıqqa açıḡ altar (čyḡyltır?) költä qaşuj kazu süñüşdüm anta şančdīm anta udu joridim ol aj biş jegirmikä käjrä başı üç birküdä tatar birlä qatı toqıdım*) (МШУ, Вост., стк. 6(18)) [53, s. 121–122, 165, 476, с поправками].

В следующий раз этот каган сталкивается с татарами в 750 г., после того, установления ставки в верховьях р. Тэс (*täz*), на западе от Касара (?) (*qasar qurıdın*), летовки там, и обозначения границ, каган указывает, что «в тот год на восток я последовал и татар призвал к ответу» (*ol jıl küzün ilgärü joridim tatarıḡ ajıtdım*) (МШУ, Вост., стк. 8(20)) [53, s. 121–122, 165, 476].

Другое упоминание встречается в неясном контексте в сильно поврежденной строке: *türk bodunuḡ ... säkiz oḡuz toquz tatar ...* [...] (МШУ, Зап., стк. 8(44)) [53, s. 165, 478].

В Тариатской (Терхинской) надписи в полуразрушенной строке говорится о событиях 747 г., что «в год свиньи токуз татар...» (*layzın jılqa toquz tatar...* [10–12 знаков] (Тер., Южн., стк. 4) [53, s. 165, 478]. Видимо, на основе этого Катая-

³ Некоторые исследователи вслед за Г.Й. Рамстедтом читают здесь (*a*)*q sub* [27, p. 757; 53, s. 143]. На снимке, приложенном к отчету японско-монгольской экспедиции (Šine-Ussu E 2), в частности, предпочтительнее выглядит чтение последнего знака как *jⁱ* (ср.: [42, p. 179]).

ма Акио восстанавливает в надписи Могойн Шинэ Усу «уч карлук, враждебно мыслив, бежал на запад, к [народу] Десяти стрел присоединился; в год Свиньи (747 г.) токуз татар...» (*üč qarluq javlaq saqinip täzä bardī qurija on oq[qla kirti laγzin jılqa t[oquz tatar]*...) (ср. вар. последнего слова как *toqıdım*) (МШУ, Сев., стк. 11(11)) [36, p. 179, 183, 192; 9, с. 11, 61] (ср. иначе: [53, s. 475]).

В другом фрагменте Тариатской (Терхинской) надписи этноним упоминается среди перечисления присутствовавших в момент нанесения надписи (зима 752/753 г.): «Небесного хана моего именитые токуз татары, семнадцать азских буйруков, тонгра, еде (?) сенгуны, тысяча уйгурского народа; с тегинами моими (вместе) когда я писал это, о мой хан, стражи начальники Кагаш Атачук и Бегзекер Чигши Бойла бага таркан с тремя тысячами стражи стояли» (*täñri qanım atliyi toquz tatar [jeti jigirmi az] bujruq [toγra äd]ä säñüt biγ[a uγur] bodunı tegitimın bu bitidükdä qanım a turγaq ba[šī qayās] ataçıq bāgzākār⁴ čigši bīla baγa tarqan üč jüz turγaq turdī*) (Тер., Сев., стк. 2) [29, vol. I, p. 78, note 102; 36, p. 170, 172, 176; 53, s. 165, 271, 480].

Последний раз этноним упоминается здесь, когда речь идет об административном распределении племен между двумя крыльями: «(12) Небесного хана моего сын – Бильге Тардуш Улуг Бильге йабгу, кутлуг [его] Исиг (вар.: пустынной, горячей) земли, кутлуг [его] ..., буйрук [его] Аз Сыпа Тай сенгун, народы [его]: *тонгра*, эде (?), ... *баиш* (?), *кай*, *аба баиш* (?), *уч карлук*; столь многие народы – *йабгу* народ, (13) Небесного хана моего сын – Бильге Толес Улуг Бильге чад, кутлуг [его] ..., кутлуг [его] Удуркан, буйрук [его] Чабыш сенгун, народы [его]: *токуз байырку*, *ак баиш* (?), *кай*, *аба* (?), *басмыл*, *токуз татар*; столь многие народы – *шада* народ ((12) *täñrim qanım oyli bilgä tarduś uluy bilgä jabγu qutluyi⁵ sig j[ir] qutluyi [...]* *bujruqi az sipa taj säñün bodunı toγra ädä [...]* *iq baš⁵ qaj aba baš üč qarluq bunča bodun jabγu bodunı* (13) *täñrim qanım oyli bilgä töläś uluy bilgä čad qutluyi [...]* *qutluyi udurγan bujruqi čabiś säñün bodunı toquz bajırqu aq baš qaj aba basmı[l] toquz tatar bunča bodun čad bodunı*) (Тер., Сев., стк. 3–4) (ср.: [54, p. 48, 51–52; 53, s. 130, 165, 481]). То есть татары здесь относятся к народу шада, который управлял крылом *töläś* (Тэс., Зап., стк. 6(6)), т.е. восточным.

Т. Осава восстанавливает *otuz tatar* в несколько более поздней Тэсинской надписи Бёгу кагана в неясном контексте (Тэс, Вост., стк. 3(14)) [44, p. 160, 161, 165] (ср. иначе: [53, s. 473]).

Таким образом, вырисовывается общий набор топонимов, который, ко всему прочему, позволяет, если не локализовать *татар* рунических памятников, то, по крайней мере, сделать какие-то наблюдения о местах их активности и охарактеризовать ее в событийном контексте.

⁴ См.: [36, p. 170, 176].

⁵ Исследователями знак из составленных вершинами равнобедренных треугольников трактуется по-разному, и предпочтительнее интерпретация как лигатуры /LİQ/ [50, S. 33–35, Ann. 35].

Первичная локализация *татар*

Как уже отмечалось, упоминание *otuz tatar* среди перечня «оплакивающих (и) поминающих» (*sīytamīš joylamīš*) среди первых тюркских каганов позволяет говорить об их локализации где-то в северо-восточной части Внутренней Азии. В этом плане непротиворечивым кажется отождествление топонима *Ауи* (БК, X, стк. 34, с аффиксом местного падежа +*dA*) с названием реки *Ага*, притоком Онона, в Забайкалье. Ср.: письм.-монг. *ayu* > бур. *аба*, т.е. здесь подразумевается долина р. Ага [1, с. 169]. Такое написание типично для старомонгольских письменных памятников (см., напр.: [10, с. 5; 15, с. 55]). Хотя, как отмечает предложивший эту аналогию Б.Я. Владимирцов, это может быть и другое место – в частности река с таким же названием *Абь* известна в Южной Монголии [1, с. 170]; тем не менее, локализация здесь *toquz tatar* не только не противоречит координатам размещения *otuz tatar*, но и позволяет связать эти два наименования.

Упоминание *toquz tatar* тридцатилетие спустя в памятнике Могойн Шинэ Усу связывается с целой серией топонимов, встречающихся в контексте перечня последовательно развивающихся событий (МШУ, Вост., стк. 2(14)–6(18)). После сражения при *bükägü-k[k]ä*, покорения части племен и отступления другой, происходит столкновение у/в *bur(u)yu*, снова пауза и поход уйгуров от *bur(u)yu* уже на территорию к западу от р. Селенга, к югу *jilun qol*, где находилось *šip baši*; противник, т.е. *toquz tatar*, выступает навстречу, двигаясь по рр. *kärgü* и *šaqiš* и переходит через этот самый *šip baši*, идя до Селенги; происходит битва и часть противника уходит вниз по Селенге, а уйгуры, в свою очередь, преследуя их, пересекают Селенгу. Далее следует пауза, пока ведутся переговоры о подчинении уйгурскому кагану, и через три месяца каган отправляется в поход; противник вновь выступает навстречу, и силы сталкиваются у озера *ČylTr¹ köl*, притом уйгуры пересекли *qasuġ*; противник снова разбит и, преследуя его, через две недели, уйгуры сталкиваются с ним в верховьях реки *käjrä*, в местности *üč birkü*.

В дальнейшем *tatar* неопределенно локализуются восточнее долины реки *täz* (МШУ, Вост., стк. 6(18)), хорошо идентифицируемой с совр. Тэс / Тэсийн-гол [24, р. 110] (тув. Тэс-хем) [9, с. 255].

Интересен тот факт, что в географической главе «Синь Тан шу» 新唐書 (цз. 436, с. 316–326), где помещен дорожник конца VIII в., описывающий пути по Внутренней Азии, один из них от [крепости] Средний Шоу-сян-чэн 受降城 (на севере совр. провинции Шань-си) [40, р. 16, Map 2], на восток, потом на северо-запад до ставки (я-чжан 衙帳) уйгуров (хуэй-гу 回鶻), где среди трудно идентифицируемых попутных топонимов, именно как следующий после смены направления с востока на северо-запад, упоминается озеро *Татар (да-дань-по 達旦泊) (цз. 436, с. 326; ср.: [5, № 2, с. 8]). Характерно, что топоним существовал уже, по крайней мере, к тому времени, как был основан уйгурский город Бай-балык (в источнике *фу-гуй-чэн* 富貴城) [4, с. 161], а основан он был – в 757 г. [3, с. 120].

Река *bur(u)γu*

Ключевым для различных построений при изучении памятников древнетюркской рунической письменности является топоним *bur(u)γu* и упоминание р. Селенги, отталкиваясь от которого возможно осуществить дальнейшие отождествления и/или локализации. Для примерного представления о том, что представлял собой первый топоним, следует обратить внимание на еще один фрагмент Тариатской (Терхинской) надписи (Тер., Зап., стк. 4), где от лица Элетмиш Бильге кагана определяются пределы основных мест кочевания уйгуров и подвластных им племенных группировок. Здесь говорится о нескольких реках, первой из которых названа (1) *s(ä)l(ä)ηä*. Этому слову предшествует числительное *säkiz*, по-разному интерпретируя упоминание которого, можно предполагать, что либо речь должна идти о восьми реках, либо, как некоторые исследователи, рассматривать как одну конструкцию сочетание *säkiz säläηä*. Далее перечислены (2) *orq(u)n*, (3) *toγla*, (4) *s(ä)b.[n]*⁶, (5) *t(ä)l(ä)dü*, (6) *q(a)r(a)γa* и (7) *bur(u)γu* (восьми рек не получается). Здесь достаточно легко узнаются названия рр. Селенги, Орхона и Толы [1, с. 171, 173–174].

В частности, С.Г. Кляшторный отмечал, что «восьмиречье» упоминается у Рашүд ад-Дүна как *секиз мурэн* [9, с. 46; 13, с. 113]. В двух последних из перечисленных названий С.Г. Кляшторный видел упоминание «рек Каргы (Карга надписи) и Каа-хема (Бургу надписи?)» [8, с. 94] (ср.: [9, с. 255]). Т. Текин отметил некорректность предложенного С.Г. Кляшторным прочтения *s(ä)b(ä)ntürdii* как глагола (ср.: [9, с. 38–41]), исправив на два названия, и предложил также следующие трактовки: *s(ä)k(i)z s(ä)l(ä)ηä* он считал устойчивым выражением со значением ‘the Eight-Selenga’, i.e., ‘the Selenga river with its eight tributaries’, а также *q(a)r(a)γa*, отмечая, что “This could be the original form of the name of the present-day river *Xarā*, i.e., *Xarā gol*” [54, p. 47, 50, 57]. В подтверждение второй идентификации следует привести топоним *qara sub*, упоминаемый в другом месте данного памятника (Тер., Южн., стк. 5), что, согласно Т. Текину, “could it be *Xar us nur* “the Black-Water Lake” in the Altay region in North-West Mongolia” [54, p. 47, 50, 55]. С.Г. Кляшторный трактовал последнее в значении ‘родниковая вода’ [9, с. 49].

В.Е. Войтов, интерпретируя упоминания топонима *burγu* в надписи Могойн Шинэ Усу, предположил, что он «связан или с современным хребтом Бургут, лежащем на водоразделе рек Орхон и Тола в месте их слияния, или с параллельным ему хребтом Бурэнгийн-Нуру в междуречье Орхона и Селенги» [3, с. 117, прим. 11]. Про топонимы *q(a)rγa* и *burγu*, явно упомянутые как

⁶ Хотя среди прочих Катаяма Акио также читает здесь три буквы, в том числе последний /n²/ [36, p. 170, 171], но на снимках, приложенных к отчету японско-монгольской экспедиции (Tariat W2 и Tariat W3), видно, что разлом после /b²/ не дает оснований для того, чтобы различить какие-то формы, как и вовсе предполагать наличие там одного знака или больше. Однако знак, по-видимому, просматривается на снимке, опубликованном С.Г. Кляшторным [37, p. 353, fig. 5, p. 355, fig. 6]. Также он начертан на прорисовке у С.Г. Кляшторного при первой публикации надписи [8, с. 89]. С. Каржаубай читал там *sub(i)* [6, с. 23], что некорректно, ввиду наличия переднерядного *b*, и также предполагало бы графическое обозначение огубленного гласного в первом слоге.

реки в Тариатской (Терхинской) надписи, он писал, что «это реки левобережной стороны Каа-Хема, расположенные около Пор-Бажына» [3, с. 122, прим. 31]. Таким образом, В.Е. Войтов разводит два упоминания топонима *burγu*.

Э. Айдын отождествил *bur(u)γu* с рекой Буругу-гол в Монголии [20, s. 74–75; 23, s. 167, 168, 174–176], а для *q(a)r(a)γa* предложил варианты отождествления, вслед за Т. Текином, с р. Хараа гол или гор Хара’ун [20, s. 74; 21; 23, s. 174–175], приводя в сравнение во втором случае упоминаемый в «Тайной истории монголов» (§§ 150, 177) топоним *haraun habcal* или *kara’un-kabcal*. По поводу последнего П. Пельо в свое время высказался, что это наименование лесной местности, которую нужно искать, по-видимому, в горной местности, к северу от Кяхты [33, p. 258–261].

Здесь нельзя вслед за П. Пельо не обратить внимание на парный топоним *qrās mwrās*, упомянутый в «Джамӣ ат-таварӣх» Рашӣд ад-Дӯна ат-Табу́ба, который говорит о битве Чингиз-хана с меркитами – «местности Карас-Мурас, не доходя до [реки] Кэлурэн, поблизости от реки Селенги, в месте, называемом Монача...» (в иранском издании – *mwrwčh*)⁷ [14, с. 111; 57, pt. 3, p. 364]. Подобно тому, как предстают в парном сочетании Онон и Керулен, П. Пельо восстанавливает здесь два топонима **Qaras-Buras* и идентифицирует первый как реку Хараа-гол, второй – как реку Бура, к югу от Кяхты, полагая, что локализация подсказана контекстом персидского источника [33, p. 267–271]⁸. Косвенно локализация подтверждается упоминанием в персидском тексте топонима **muriča* – ср. в «Тайной истории...» (§ 177) *mürüča se’ül* (в «Шэн-у цинь-чжэн лу» 聖武親征錄 – мо-ча-на-шань 莫察那山 < *мо-на-ча-шань *莫那察山), что соответствует, по-видимому, местности к востоку от Кяхты [55, p. 641].

Исходя из близости расположения и формальной логики, ближе, таким образом, предполагать идентификации *q(a)r(a)γa* и *bur(u)γu* с совр. Хараа-гол и Бурын-гол, и здесь нужно отметить, соответственно, формы *qara’a* и **bu’ura* (Ха-ла-ха-хэ 哈刺哈河, бу-у-ла 捕兀刺 в «Шэн-у цинь-чжэн лу» 聖武親征錄, бу-у-ла 不兀刺 в «Тайной истории...» (§§ 105, 109, 152), для первого случая свидетельствующие о, вероятно, сравнительно недавнем образовании от исходного **qaraγa*.

Заслуживает упоминания также в «Ляо ши» 遼史 (цз. 15), где полководец племени *ди-ле-дэ* 迪烈得 (ср. племя *татар* رتات [tr’āt] у Рашӣд ад-Дӯна)⁹ по имени Бо-гуа 勃栝, разбивший в 1015 г. ляоские войска после их переправы через реку *Хэ-ла-хэ* 曷刺河, которую заманчиво сопоставить с названием **qara* [17, с. 116, прим. XXX]. Само же имя этого вождя может быть не только восстановлено как *Biqa* [17, с. 116, прим. XXXI], но и выглядит заманчиво для сопоставления с упоминаемым в древнеуйгурском документе юаньского времени предводителем группировки *altı tatar bodun* по имени *toquz biqa bāgār* [56, p. 134, 136, 139, 141, 143, 148, note 25]. Географическая привязка к конкретному топониму представляется пока преждевременной, но небезын-

⁷ Ср. сомнения П. Пельо в кн.: [33, p. 272–273].

⁸ Формы с конечным -s, приведенные у Рашӣд ад-Дӯна, могут быть обусловлены путаницей с письменным уйгурско-монгольским -n [33, p. 270].

⁹ В настоящее время готовится специальная публикация, посвященная исследованию названий племен *татар* у персидского автора.

интересно отметить саму гипотетическую фонетическую форму – *qara, – не отсылающую к прототипу *qaraya.

Другие топонимы, связанные с событиями 749 г.:

bük(ä)gük, jilun qol, šip baši, kärgü и šaqiš

Слово *bük(ä)gükä*, по-видимому, нужно рассматривать как форму дательного падежа от исходного *bük(ä)gük* (+kA) [b²ü^ükgük], ввиду того, что дальше встречается форма локатива *bük(ä)gük+dä*.

Г.Й. Рамстедт допускал возможность сопоставления с местностью *büxxaG* недалеко от Урги (совр. Улаан-Баатар) [49, S. 48]. Цэнь Чжун-мянь также упоминает о топониме *bükük* вблизи Урги (кит. Ку-лунь 庫倫) [58, с. 473].

Э. Айдын трактует как форму множественного числа от *bük* ‘sık ağaçlık, orman’ + +AGU [20, s. 71], притом, как отметил еще сэр Дж. Клосон, это *bük* ‘forest’ неизвестно из текстов ранее, чем чагатайские, и таким наиболее ранним значением может являться ‘thicket’ “and the like” [27, p. 324]. Каким образом, однако, объясняется финальный -k? Теоретически возможно и чтение *bükgük*, что предполагает образование от глагола *bük-*, по поводу которого сэр Дж. Клосон отмечал: “Kaş. gives two meanings (1) ‘to bend, bow’, and the like (Intrans.); (2) ‘to feel aversion, be revolted by (something Abl.)’, but later usages and the Pass. f. *bükül-* show that it was a Trans. V. w. the Object sometimes understood” [27, p. 324] (см. еще: [29, vol. II, p. 657]. Предполагаемый аффикс -GOK образует в таком случае имена со инструментальным значением [29, vol. I, p. 359–362].

Для топонима *jilun qol* сложно найти очевидные аналогии для сопоставления. В.Е. Войтов отмечает, что «среди главных притоков Селенги, Н.Я. Бичурин упоминает реку Экэ, которая соответствует современному Эгийн-голу (Бичурин, 1950. С. 308, прим. 2), а поскольку июньская баталия 748 г. происходила на левобережье Селенги, то Йилун-гол может быть сопоставим только с рекой Экэ, т.е. Эгийн-голом» [3, с. 117, прим. 12].

Цэнь Чжун-мянь предлагает интерпретировать соответствующую фразу в тексте Могойн Шинэ Усу не как «к западу от Селенги» (*изы сянь-э-хэ чжи си* 自仙娥河之西), а как «на запад, к Селенге» (*юй-си мянь-чжи сянь-э-хэ* 於西面至仙娥河). Отсюда, он отмечает, что р. Керулен имеет приток (*Цюань-шуй* 泉水) с названием *Dzilun*, а касательно *šip* он указывает, что значение этого слова – ‘приток’ (*чжи-лю* 支流) [58, с. 474], не называя языка. Наблюдения китайского исследователя любопытны, но поправка грамматически неоправданна. Что касается интерпретации *šip*, зарегистрировано *sep* тув. ‘проток (боковой рукав реки)’, тоф. ‘залив (небольшой речной)’, *sip* хак. id., хак. диал. ‘приток’ [18, с. 240], но форма с узким гласным здесь вторичная.

Топонимы *šip baši, kärgü* и *šaqiš*, пожалуй, наиболее трудные для идентификации. Кроме того, что они находились между *jilun qol* и р. Селенга [49, S. 50; 20, s. 78–79; 22, s. 204–205], сказать что-то большее сложно.

Зарегистрированное в двух контекстах *šip baši* может обозначать как буквально ‘вершину [с названием] Шып’, так и ‘верховья [реки] Шып’. Согласно

Э. Айдыну, топоним может быть образованием, содержащим известное у Махмұда ал-Қашғарү значение *sīp* ‘iki yaşına girmiş olan tay’, также зарегистрированного в контекстах *sīp aqur* ‘hayvan torbası’, *sīp aqurı* ‘hayvan torbası; iki yaşındaki tayın yem yediği yer’ [20, s. 78–79; 22, s. 204–205]. Исследователь приводит также отмеченную у сэра Дж. Клосона трактовку топонима как ‘the colt’s head’ şeklinde anlamlandırmıştır [27, p. 375], при значениях *sīp* ‘a one-year-old colt’ и *sipa* ‘a donkey colt from six months to a year’ ile karşılaştırmıştır [27, p. 783].

Для топонима *kārgü* наиболее вероятной аналогией видится современный гидроним и Хэрхэ (халх. Хэрхэйн-гол). В настоящее время река Хэрхэйн-гол берет начало из истоков Хойт-Хэрхэйн-гол и Урд-Хэрхэйн-гол, поворачивая на запад, сливается с рекой Тээртуураг (халх. Тээртуурагийн-гол). На картах разного масштаба встречаются также варианты *Тээртуураг*, *Дэртуураг*, ср. название перевала *Дэртуураг даваа* на границе Бурятии и Монголии. В слове *Хэрхэ* конечный халх. /ё/ развился, по-видимому, из письм.-монг. /e/, соответствующего, в свою очередь, тюрк. /i/ ~ /ü/ [2, с. 326, 320–321, 322, 323], при халх. /x/ < /kʰ/ < /k/ (во втором случае – после сонорного /r/) [2, с. 403–404].

По меньшей мере, это отождествление позволяет утверждать, что татары точно переходили на левый берег Селенги, где, видимо, и велись дальнейшие боевые действия против них со стороны уйгуров.

Река *qasuj*

Топоним *qasuj*, кажется, достаточно легко находит ближайшую аналогию в современной топонимике. Традиционно его отождествляют с р. Хануй-гол [49, S. 52; 58, с. 475]. Б.Я. Владимирцов, интерпретируя топоним *Qasuj* надписи Могойн Шинэ Усу, следовал за Г.Й. Рамstedтом, приводя халх. *хасуй*, ойр. *хасу̇* ~ *хасу̇й*, < **χasui* < *qasui*, писал, что слово употребляется для обозначения «китайцев-торгащей из северозападных провинций»¹⁰, отметил, что причина этого остается невыясненной, как и нуждается в географической проверке предположение Г.Й. Рамstedта о том, что название *хануй* возникло из-за совместного употребления названий р. *χasui* и р. *küne* (> халх. *хүнэ*): *хануй-хүнэ* < **χasui-küne* [1, с. 171–172].

П. Пельо в заметке к статье Б.Я. Владимирцова отметил возможность сопоставления топонима *Qasui* с названием западно-тюркского племени *гэ-шу* 哥舒 (< **Kā-šīʷo*) [45, p. 230], но, скорее всего, здесь соответствие др.-тюрк. *qoʃu* [41, S. 94, Anm. 4].

В интерпретации *Касуй* В.Е. Войтов отмечает, что «в том же списке рек у Н.Я. Бичурина Хасуй назван первым правым притоком Селенги, что соответствует Хануй-голу. Сопоставление гидронимов Хасуй – Касуй – Хануй приводит, со ссылкой на Г.И. Рамstedта, и Б.Я. Владимирцов (Владимирцов, 1929. С. 171–172)» [3, с. 118, прим. 13].

Проблема имеет, на самом деле, весьма глубокие корни, подробно остановиться на которой здесь нет возможности. Следует указать, что она связана с путаницей упоминания названий *Хасуй* и *Хануй* на географических картах и в сочинениях путешественников XIX в. Впрочем, Д.А. Клеменц, в 1891 г. шед-

¹⁰ Ср.: халх. *хасуй* ‘китайцы – мелкие торговцы из С.-З. провинций Китая’ [2, с. 285].

ший в составе экспедиции Императорской академии наук маршрутом от Хара-Балгасуна на р. Орхон в Туву и Минусинскую котловину, не нашел реки Хасуй, регистрировавшейся к тому времени на географических картах. Когда исследователь пишет о «Хунейн-гол или в разговорном языке Хуни-гол» или далее «реке Ханьин-гол, или Хануй», он отмечает: «Здесь опять мы встречаемся с *qui pro quo* в топографии местности. На картах Хунейн-гол не существует, а показаны Ханьин-гол и приток его Хасуй. Певцов очевидно смешал Хуни и Ханьин-голь. Там, где на картах стоит Ханьин-гол, следует поставить Хуни-гол или Хунейн-гол как угодно, Хасуй изгнать вон и на место него поставить Ханьин-гол или Хануй, так как Хасуй в действительности не существует, а все притоки его именные и безыменные принадлежат Ханую» [7, с. 16].

В сочинении «Мэн-гу ю-му цзи» 蒙古遊牧記, составленном в Цинской империи в 1867 г. на основе более ранних источников, упоминается *Ха-суй* 哈綏 или другое название *Ха-жуй* 哈瑞) [12, с. 364, 365, 378; 58, с. 770, 771].

Уже потом стал известен в найденной позже Тариатской (Терхинской) надписи топоним *q(a)ñuj*, который упомянут в следующем контексте (Тер, Зап., стк. 5): *j(a)jl(a)y(i)m ötü(k(ä)n quzi k(e)d(i)n ucı t(ä)z b(a)ş öñdüni q(a)ñuj kün(ü)j b²z*, что в переводе Т. Текина ‘My summer pastures are the northern (slopes) of the ötüken (mountains). Its western end is the head of the Tez (river), and its eastern (end) is Kanyuy and Künüy’ [54, p. 47, 51]. Как писал знаменитый тюрколог касательно *q(a)ñuj*, “This name must be identical with the name of the river *Xanuy* in northern Mongolia. The runic *ñ* could easily be mistaken for *nē*”, а “*Kün(ü)j* is modern *Xünüy*” [54, p. 57]. Еще Л. Базен, однако, определил здесь, в Тариатской (Терхинской) надписи, *Xasui* “(Chassui des cartes allemandes)”, западный приток *Xanui* (*Xanuin-gol*), притока Селенги [24, p. 110].

Как указал Т. Текин, упоминание рядом *q(a)ñuj* и *kün(ü)j* не вызывает сомнения в идентификации обеих рек.

В «Мэн-гу ю-му цзи» 蒙古遊牧記 (цз. 8) вторая река называется *Ху-ну-и-хэ* 胡努伊河 [58, с. 653, 771; 11, с. 25, 140, коммент. 52]¹¹.

Колофон открытого недавно (2011 г.) текста монгольского перевода *Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā Sūtra*, относящегося предположительно к периоду 1678–1702 гг., содержит упоминание места его составления – *qasui künü-yin belčir-e* [19, с. 90], где угадываются названия двух рек – *Хасуй* и *Хүнүй* [19, с. 86 (здесь второе не распознано, допускается чтение *günü*)]. Этот факт ослабляет гипотезу Э. Айдына об описке в Селенгинской надписи. Кроме того, второй топоним в монгольском источнике явно является фонетической формой *künü* < письм-монг. **künüj*, что соответствует в руническому *künüj* (монголизм?). Кроме того, примечательно, что здесь мы также имеем случай парного употребления топонимов.

¹¹ Рассматривая сообщение «Тан хуэй яо» 唐會要 (цз. 72) о том, что племя *тун-ло* 同羅 (< *toŋra*) локализуется к юго-востоку от р. *Хун-но-хэ* 洪諾河, к северу от Цюй-юэ шань 曲越山, к востоку от Ю-лин-шань 幽陵山, в первом из перечисленных топонимов Цэнь Чжун-мянь видит р. *Хүнүй* [58, с. 771]. Ср. однако, *хун-но* 洪諾, пиньин. *hóng-nuò* < ран. ср.-кит. **ɣəwn-nak*, позд. ср.-кит. **xŋəwn-nak* [48, p. 125, 228] < **(q)uŋaɣ*.

Следует отметить очевидную однотипность форм *qasuj*, *qañuj* и *künij*. Здесь нельзя не вспомнить другой, известный по орхонским памятникам, топоним, *taluj* [53, s. 145]: ср. (пра)монг. *dala(y)i* ‘sea, ocean’ vs (пра)тюрк. **taloj* > др.-тюрк., ср.-тюрк. *taluj*, что, по мнению К. Шёнига позволяет поставить вопрос о возможном заимствовании из монгольских языков в тюркскую среду [52, p. 409]¹², если это не китаизм (< кит. *да-лэй* 大纛) (см.: [27, p. 502]). Ср. также: *tūāy* 𐰽𐰺𐰍 [twāy] > **to’ai* (= совр. Туин-гол) у Рашūd ад-Дūна выше.

Тождество топонимов *qasuj* и *qañuj*, исходя из разновременных данных об использовании этих названий, кажется очевидным, однако выявление соотношения двух форм представляет собой некоторую трудность.

Реконструкции известных из китайских источников написаний.

Так, (1) *гэ/ха-суй* 蛤綏 (пиньин. *gé/há-suī* < ран. ср.-кит. **kəp/kap-swi*, позд. ср.-кит. **kap-suj*, манд. **kəʔ-suj* [48, p. 106, 296]) < **qasuj*; (2) *гэ/ха-жуи* 洽瑞 (пиньин. *gé/há-rui* < ран. ср.-кит. **kəp/kap-dzwiðʰ/dzwiʰ*, позд. ср.-кит. **kap-ɣhuj*, манд. **kəʔ-ɣuj* [48, p. 106, 269]) < **qaju*, **qašuj*.

На основании этого можно полагать, что зарегистрированные транскрипции восходят ко времени не ранее позднего среднекитайского периода, при этом инициаль *ɣh-*, по крайней мере, для тюркских заимствований, исходя из примера *jabyu* ~ *ǰabyu*, могла передавать как палатальный апроксимант [j], так и спيرانт [j̥] [34, p. 127; 35, p. 72]. Ввиду этого возникает возможность гипотетического существования формы **qaju* < *qañuj* > *qanuj*¹³. Можно предполагать, что форма **qanuj*, отраженная в монгольском *хануй*, отсылает к пра-форме **qajnuj* ~ **qanuj*. С другой стороны, спорадическое явление /j/ > /n/ в интервокальной позиции известно в монгольском языке [47, p. 129].

Чтобы ответить на вопрос, каким образом соотносились эти формы, к тому же, с зарегистрированный *qasuj* ~ **qašuj*, требуется специальное исследование. Однако, ввиду невозможности подбора очевидного фонетического обоснования отношения последней к остальным, небезосновательной все еще видится гипотезы Г.Й. Рамстедта о том, что ее появлению мы можем быть обязаны такому обстоятельству как перезаймствование из китайского, которое, однако, должно было произойти в постсреднекитайский период. Форма, зарегистрированная в памятнике Могойн Шинэ Усу, несколько ослабляет эту версию.

Таким образом, пока можно остановиться на гипотетическом: ориг. (?) *qañuj* > 1) *qanuj*; > 2) **qaju* > позд. ср.-кит. **qašuj* > др.-тюрк. *qašuj* > письм. монг. *qasuj*.

Озеро *ČIγLTr¹ köl*

Касательно прочтения *ČIγLTr¹ köl* могут быть разные варианты. Ср. у Г.Й. Рамстедта *čjγiltir* при возможном **čjγ altir?*, где **čjγ* ‘bitter, salt’ (= монг. *gasigun*, халх. *gašūn*) [49, S. 52] (ср.: [58, с. 475]). Из последних исследований нужно назвать исследование Э. Айдына, который допускает прочтение *ačjγ altar/altir*, но предпочитает *Čigiltir*. Теоретически при зарегистрированном и

¹² Ср. сомнения Л. Кларка [26, p. 153].

¹³ Вопросы, связанные с древнетюркским /ñ/, обстоятельно рассмотрены в кн.: [30, p. 71–75], а также на общетюркском фоне: [16, с. 38–42].

потому оправданном значении *ačī-g* ‘bitter(ness), grief’ [29, vol. I, p. 179–180], проблему вызывает лишь второе слово. Э. Айдын формально сопоставляет с монг. *aldar* ‘ün, şöhet, nam, itibar, gözdelik, tanınmışlık, şan şöhet; isim, ad’, а также *altargana* ~ *altagana*, восходящее, в свою очередь, к < *altan* ‘altın’ + *gAnA*. По этому же принципу и искомый топоним может быть сходен с *Caragana*, что есть название растения *Caragana arborescens*, которое известно в Сибири. Но это гипотетично [20, s. 81; 23, s. 176–177].

Э. Айдын, локализуя *Çıgıltır Köl* на северо-западе Отюкена, исходит из соображения, что памятник Могойн Шинэ Усу содержит описку в слове *q(a)suj* вместо *q(a)ñuj*, зарегистрированного в Тариатской (Терхинской) надписи [20, s. 82–83; 23, s. 176–178]. Как было отмечено выше, это необязательно.

Реки *käjrä* и *üč birkü*

Представленное ниже отождествление топонима *käjrä* и *üč birkü* предлагается впервые.

В свое время Г.Й. Рамстедт сопоставлял с монг. *kegere* (бур. *хере*), манчж. *Keire* ‘braun (mit schwazer mähne)’ [49, S. 45]. Следующий упомянутый топоним *üč birkü* был сопоставлен Г.Й. Рамстедтом с названием небольшой речки *Birke* в 139 км в северо-западу от Урги (совр. Улаанбаатар) [49, S. 45]. Примерно в том же направлении рассуждения Цэнь Чжун-мяня, который, в частности, предпринимал попытки его привязки к современным географическим названиям на территории Монголии, содержащие элемент *gurwan*, либо формально сопоставимые фонетически (*birhe/birxe*, *ar-birke* и *üwar-birke*), но пришел к выводу о том, что однозная идентификация невозможна [58, с. 463].

Э. Айдын согласился с тем, что *Käjrä* следует искать к востоку от Селенги, это могла быть какая-то небольшая речка; притом в самом наименовании *üč birkü*, по его мнению, заложено указание на три места, возможно, ставки – так в этом же памятнике и в смежном месте в Тариатской (Терхинской) надписи, где говорится о войне уйгуров с тюрками и называются рядом четыре топонима *qara qum*, которые пересек уйгурский каган, и далее – сразу три *kögür*, *kömür tay* и *jar ügüz* (МШУ, Сев, стк 8(8); Тер., Вост., стк. 22) [20, s. 68–69]. По крайней мере, *qara qum*, являющийся калькой кит. *Хэй-ша* 黑沙, хорошо локализуется как местность к северо-западу от Да-тун-фу 大同府, в северной части большого изгиба р. Хуан-хэ, у северных склонов хр. Инь-шань [28, p. 57, 58, 63, note 14].

Л. Базэн, в кооперации с Дж. Хамильтоном, определил *jar ügüz* “Fleuve de la Faille” как “le bras le plus septentrional du Fleuve Jaune, qui occupe précisément une faille géologique”, *kögär* “verdoyant” (ср.: *kök* “bleu, bleu-vert”), что соответствует кит. *да-цин-шань* 大青山 – “au Nord de la grande boucle du Fleuve Jaune”, а *kömür tay* “montagne de charbon” – к северо-западу от него, в северо-западной части кит. *Хэй-шань* 黑山, известная месторождениями угля [24, p. 110; 25].

В.Е. Войтов лишь также указывает, что «географическое имя Кэйрэ упоминается также в связи с войной между токуз-огузами и тюрками в 740 г. (МШУ, 5-6; Терх., 21)» [3, с. 118, прим. 14].

Если Г.Й. Рамстедт прав, то приходится признать *Käjrä* монголизмом и заключить, что процессы *-VGV- > -VjV-* имели место в каком-то из монгольских наречий задолго до XIII в., когда появляются первые достоверные письменные данные об особенностях языков этих групп.

Между тем, есть основания предложить отождествление *käjrä* с р. Керулен (халх. *Хэрлэн*), а *üč birkü* – с тремя его притоками, в верховьях этой реки (ср. *käjrä baš*), – имеющими название в современном халхаском *Бүрх* (Зүүн Бүрх, Баруун Бүрх и Дунд Бүрх).

Среди всех известных в исторических источниках наименований р. Керулен (см.: [46, р. 166–167; 31, р. 21–26]) следует отметить аутентичное древнетюркскому времени танское (в источниках, восходящих ко временам династии Тан 唐 (618–907), таких как «Тан хуэй яо» 唐會要, «Цзю Тан шу» 舊唐書, «Синь Тан шу» 新唐書) *цзюй-лунь-шуй* 俱淪水/俱倫水 (иногда ошибочно *шань* 山) [58, с. 180–181, 695, 765, 767; 31, р. 21], который тоже иногда ассоциируют с р. Керулен [39, Bd. I, S. 355, Anm. 1799; Bd. II, S. 722]. Против всех подобных идентификаций, в том числе с рядом более древних форм, выступил Цэнь Чжун-мянь [58, с. 769–770]. Л. Амби считает, что речь идет о передаче названия оз. *Kölän* [31, р. 21, 26], в которое впадает р. Керулен. Это косвенно подтверждается употреблением названия как озера: *цзюй-шуй-по* 俱輪泊 в «Цзю Тан шу» 舊唐書 (цз. 1996), которому в «Синь Тан шу» 新唐書 (цз. 436, с. 326) соответствует *цзюй-лунь-по* 俱倫泊 [31, р. 26]. Ср.: *цзюй-лунь* 俱淪/倫, пиньин. *jū-lún/lún* < ран. ср.-кит. **kuǎ-lwin*, позд. ср.-кит. **kuǎ-lyn* [48, р. 162, 203] < **kölXn* / **körXn*.

В суйских сочинениях фиксируются разные формы. Чань Чунь 長春 «Сиюй цзи...» 西遊記 использует старую традиционную форму *лу-цзюй* 盧胸 [31, р. 22]¹⁴. Сюй Тин 徐霆 в его комментариях к «Хэй-да ши-люэ» 黑鞑事略 употребляет форму Лу-гоу-хэ 瀘溝河, которую П. Пельо считал одной из форм передачи названия Керулена [46, р. 166]. В «Бянь хоу цзи син» 邊埃紀行 (или «Сай Бэй цзи син» 塞北紀行) Чжан Де-хуэй 張德輝 зарегистрирована форма *си-лу-лянь-хэ* 翁陸連河 (< **kirülän*). [31, р. 22]

В «Тайной истории монголов» употребляется написание *Кэ-лу-лянь му-лянь* 克魯連沐連 (< *kälürä mürän*) (ср.: [31, р. 24]). В фактически аутентичных «Шэн-у цинь-чжэн лу» 聖武親征錄 и «Юань ши» 元史 встречается название *люй-лянь-хэ* 綠憐河 [33, р. 417–418]. В «Юань ши» 元史 также известны транскрипции *це-люй-лянь* 怯綠連, *кэ-люй-лянь* 客魯連 [31, р. 23]. В «Джамү ат-таварүх» Рашүд ад-Дүна ат-Табүба топоним обозначен как *k^alürän* [klwrän] [57, р. 2292 (Index)]. В «Юань ши» 元史 также встречается топоним *ци-лянь-гу* 起輦谷 ‘Vallée de K’i-lien’, для звучания сочетания первых двух элементов в котором П. Пельо допускал реконструкцию **kiräl* [46, р. 167]. В «Мин ши» 明史 употребляется анахронизм *лу-цзюй* 盧胸 [31, р. 24] и др. подобные двусложные формы, как и в других источниках Минского времени [46, р. 166–167].

Как давно установлено исследователями, на начало XIII в. мы имеем дело, скорее, с формой **kälürän* (~ *kärülän*, метатеза см.: [47, р. 158]). В то же время ранние китайские написания восходят, по-видимому, к древнекитайской

¹⁴ См. предыдущее примечание.

транскрипции *лу-цзюй* 盧胸, которое, вероятно, представляет собой метатезированный вариант от исходного *цзюй-лу* 胸盧. Не углубляясь в лингвистические вопросы, заслуживающие отдельного исследования, следует отметить, что увидеть какое-либо название, соответствие известных китайских транскрипций в той форме, что зарегистрирована в памятниках древнетюркской рунической письменности, здесь не представляется возможным. Однако, в монгольских языках существует возможность трансформации (**/l/* > */l/* > **/l'/* > */j/* перед другими согласными, через ступень сильной палатализации [2, с. 372; 47, р. 158]¹⁵. В этом случае др.-тюрк. *käjrä* или, как допустимо думать, **kāj(ä)rä*, может быть вторичной формой: **käjä* < **käl'(ə)rä*.

Интересно отметить, что в упомянутом выше дорожнике конца VIII в., когда говорится про оз. Цзюй-лунь 俱倫 (Цзюй-лунь-по 俱倫泊), отмечается, что «[вокруг] озера со всех четырех сторон [живут] *ши-вэй* 室韋» («Синь Тан шу», цз. 436, с. 326). В связи с этим кажется возможным вернуться в будущем к вопросу о выяснении соотношения между ними и носителями этнонима *tatar* в данный исторический период.

Что касается второго из обсуждаемых топонимов, в «Мэн-гу ю-му цзи» 蒙古游牧記 также отмечается впадение в Керулен реки *Бай-лэ-кэнь* 白勒肯 (ср. хребет Бирха – *бу-эр-кэ-лин* 毕尔喀岭) [12, с. 398], что П. Пельо сопоставил также с *bürgi-ärgi* (кит. *бу-эр-цзи э-эр-цзи* 不儿吉额儿吉) «Тайной истории монголов» – местность, где Тэмуджин провел детство [33, р. 388–389] (см. также: [55, р. 392–393]).

Трансформация *birkü* в ср.-монг. *bürgi* (где */g/* выступает как аллофон */k/* [2, с. 123–124], если это не описка [47, р. 141, 143]), и далее в халх. *бүрх* обосновывается при помощи законов монгольской фонетики. Гласный первого слога, содержащий */i/*, на монгольской основе подвергается перелому – ассимиляции под влиянием гласного второго слога, оказывавшегося в ударной позиции, соответственно на месте гласного первого слога возникает тот же гласный, что и в следующем слоге (ср. в халха-монгольском), потому мы имеем изменение гласного */i/* > */ü/* [2, с. 176, 177]. Финальный письм.-монг. */i/* нормально соответствует тюрк. */ü/* [2, с. 322, 323], тогда следующий этап – редукция финального письм.-монг. */i/* > халх. */i/* [2, с. 326], с дальнейшим исчезновением [2, с. 331–333].

Если предложенная идентификация верна, это, кроме всего прочего, важное свидетельство того, что перелом гласного */i/* в монгольских языках имел место в монгольских языках уже, по крайней мере, к концу XII в.

Нужно учесть, что путь в ходе преследования уйгурами татар от *Qasuj* до *Käjrä* занял две недели (со «второго» по «пятнадцатый» день месяца), что теоретически также не противоречит предложенной идентификации.

¹⁵ Справедливости ради нужно отметить, что из примеров, приведенных Н. Поппэ, можно видеть, что этот процесс происходит преимущественно перед */s/*, */b/*.

Выводы

В целом, имеющаяся картина, складывающаяся за счет комплексного использования данных исторической географии и филологии, позволяет не только реконструировать места исторической активности носителей этнонима *tatar* в определенные исторические периоды, но и попутно предложить новые интерпретации в топонимике Внутренней Азии древнетюркского периода. По крайней мере, можно выдвинуть смелую гипотезу о локализации основной территории проживания *otuz татар* на вторую половину VI в. и *toquz татар* VII – начало VIII вв. на одних территориях, что является аргументом в пользу мнения об исторической связи и даже преемственности этих племенных объединений. Второй момент – это именно *активное* участие *tatar* (*toquz татар*), которые не входили в тогуз-огузское племенное объединение в войне 748–750 гг. степных племен против установления политической гегемонии уйгуров.

Судя по реконструируемому маршруту их передвижений, можно говорить о том, что они действовали, вероятно, из своих коренных земель и, потерпев поражение в «западном походе», отступали туда же, но были застигнуты у Керулена уйгурским войском и разбиты. После этого они (или какая-то их часть), судя по всему, вошли в состав уйгурского политического объединения, пробыв там, по крайней мере, до самого крушения власти уйгуров, что косвенно подтверждает упоминание среди подданных уйгурского кагана некоего *Tatar Apa Tekin* [tātār 'apâ tqîn] во фрагменте манихейского текста *Maḥrmâtag* на среднеперсидском [43, S. 9, Linie 22], написанного в период 808–821 гг. [51, p. 255–256].

В IX в. история носителей этнонима *tatar* становится более запутанной, поскольку они начинают фиксироваться также на территории Гань-су и Восточного Туркестана. Что это за *татары* и каково их отношение к *татарам* Внутренней Азии, все это остается дискуссионными вопросами. Однако ясно то, что из самой Внутренней Азии носители этнонима никуда не исчезли, и фактически в этой же местности, с которыми увязывается их локализация в VI и VII вв., они фиксируются и позже, в период XI–XII вв. При этом важно указать и то, что привязка этих «поздних» *tatar* к местности у оз. Буир-Нур и Далай-нор отнюдь не исключает того, что уже в более ранний период, в частности, во время противостояния с уйгурами, отдельные группы носителей этого этнонима не оставались на каких-либо территориях пути их передвижений и, тем более, не переселялись с них на примыкающие земли впоследствии.

Как можно заметить из всего сказанного, далеко не все топонимы на настоящий момент могут найти точное отождествление и частично были в общем виде локализованы предшественниками. Авторы настоящей работы также не претендуют в данном исследовании на решение всех вопросов, число которых, к тому же, множится за счет выхода на ряд смежных проблем (исторических, лингвистических), каждая из которых заслуживает специального рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Владимирцов Б.Я.* Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском // Доклады АН СССР. 1929. № 10. С. 169–174.
2. *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. М.; Л.: Изд-во Вост. ин-та, 1929, XII, 436 с.
3. *Войтов В.Е.* К вопросу о летних и зимних резиденциях первых уйгурских каганов в Монголии // Материальная культура Востока / отв. ред. Л.М. Носкова. М.: Гос. Музей Востока, 2002. Вып. 3. С. 109–133.
4. *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
5. *Зуев Ю.А.* Каганат се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.) // Shygys. 2004. № 1. С. 11–21; № 2. С. 3–26.
6. *Каржаубай С.* Объединенный каганат тюрков в 745–760 годах (по материалам рунических надписей). Астана: Фолиант, 2002. 204 с.
7. *[Клеменц Д.А.]* [Приложение I] Письмо Д.А. Клеменца на имя академика Радлова // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. I. СПб.: Типогр. Имп. Акад. наук, 1892. С. 13–23.
8. *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись (Предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980. № 3. С. 82–95.
9. *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 328 с.
10. Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултур Тобоева и Вандан Юмсунова / текст издал Н.Н. Поппе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. X, 172 с.
11. *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.
12. Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / пер. с кит. П.С. Попова. СПб.: Паровая Скоропечатня П.О. Яблонского, 1895. 584 с.
13. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / пер. с перс. Л.А. Хетагурова; ред. и прим. А.А. Семенова. М.; Л.: АН СССР, 1952. 221 с.
14. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / пер. с перс. О.И. Смирновой; прим. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой; ред. А.А. Семенова. М.; Л.: АН СССР, 1952. 316 с.
15. *Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии Наук СССР. Т. I. М.: Наука, 1988. 508 с.
16. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
17. *Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам. Материалы китайских источников X–XIV вв. М.: Perolidergraf, 2015. 318, 16 с.
18. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / отв. ред. А.В. Дыбо. М.: Вост. лит-ра РАН, 2003. 446 с.
19. *Ямпольская Н.В.* О малоизвестном халхаском переводе сутры Аштасахасрика Праджняпарамита // Монголика-ХI. Сборник научных статей по монголоведению. Посвящается 130-летию со дня рождения А.В. Бурдукова (1883–1943) / ред. колл.: И.В. Кульганек (пред.), Л.Г. Скородумова, Т.Д. Скрынникова, К.В. Орлова, Н.С. Яхонтова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. С. 85–90.
20. *Aydın E.* Şine Usu Yazıtı. Çorum: KaraM Yayıncılık, 2007. 6, 145, 7 s.

21. *Aydın E.* Bilge Kağan Yazıtındaki Karagan Kısıl Adı ve Yeri Üzerine Düşünceler // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 2008a. Cilt 23. S. 55–62.
22. *Aydın E.* Şine Usu Yazıtında Hayvan Adlarıyla Kurulmuş Yer Adları Üzerine İncelemeler. Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları. 2008b. Vol. 3. No 1. Dede Korkut Dosyası. S. 202–208.
23. *Aydın E.* Şine Usu Yazıtı'ndaki Bazı Yer Adları Üzerine Düşünceler // 38. ICANAS (Uluslararası Asya ve Kuzey Afrika Çalışmaları Kongresi) 10–15 Eylül 2007 – Ankara / Türkiye: Bildiriler: Uluslararası İlişkiler / 38th ICANAS (International Congress of Asian and North African Studies) 10–15 September 2007. – Ankara / Turkey: Papers: International Relations / Yay. haz., ed.: Z. Dilek, M. Akbulut, Z. C. Arda, Z.B. Özer, R. Gürses, B.K. Taşkın. Cilt 1. Ankara: Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Başkanlığı, 2011. S. 167–181.
24. *Bazin L.* Histoire et philologie turques // École pratique des hautes études. 4e section, sciences historiques et philologiques. Livret 1. École pratique des hautes études. 4e section, sciences historiques et philologiques. Livret 1. Notice sur la Section. Documents. État de la Section au 1er juillet 1982. – Chronique. Fr. de Cenival et G. Posener: Michel Malinine (1900–1977) // Rapports sur les conférences des années 1978–1979, 1979–1980, 1980–1981. Paris: A la Sorbonne, 1982. P. 109–110.
25. *Bazin L.* Notes de Toponymie Turque Ancienne // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1982. T. XXXVI. Fasc. 1–3. P. 57–60.
26. *Clark L.V.* Mongol elements in Old Turkic? // Journal de la Société Finno-Ougrienne / Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja. 1977. Vol. LXXV. P. 110–168.
27. *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.
28. *Czeglédy K.* Čoyay-quzi, Qara-qum, Kök-öng // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. T. XV. Fasc. 1–3. P. 55–69.
29. *Erdal M.* Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Vol. I–II. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. xiv, 874 p.
30. *Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston: Brill, 2004. xii, 575 p.
31. *Hambis L.* Survivance de toponymes de l'époque mongole en Haute Asie // Mélanges de sinologie offerts à Monsieur Paul Demeville. Vol. II. Paris: Presses universitaires de France Paris, 1974. P. 19–41.
32. *Haussig H.W.* Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker // Byzantion. 1953. T. XXIII. S. 275–462.
33. Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou / Traduit et annoté: P. Pelliot et L. Hambis. T. I. Leiden: E.J. Brill, 1951. xxvii, 485 p.
34. *Kasai Yukio.* Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription *tū jué* 突厥 // “Die Wunder der Schöpfung”. Mensch und Natur in der türksprachigen Welt / Hgs. B. Heuer, B. Kellner-Heinkele, C. Schöning. Würzburg: Ergon-Verlag, 2012. S. 81–141.
35. *Kasai Yukiyo.* The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th – 9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥 // 内陸アジア言語の研究 [Nairiku ajia gengo no kenkyū] / Studies on the Inner Asian languages. 2014. Vol. XXIX. P. 57–135.
36. *Katayama A.* Tariat Inscription (タリят碑文) // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告) / ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir. Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999. P. 168–176.
37. *Klyashtorny S.G.* The Terkhin Inscription // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1982. T. XXXVI. Fasc. 1–3. P. 335–366.

38. László F. A kagán és családja // Körösi Csoma Archivum. Vol. III. 1941–1943. Leiden: E.J. Brill, 1967. O. 1–39.
39. Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'ukü). I–II. Buch. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 831 s.
40. Mackerras C. The Uighur Empire. According to the T'ang Dynastic Histories. A Study in Sino-Uighur Relations 744–840. Canberra: Centre of Oriental Studies, Australian National University Press, 1972. ix, 226 p.
41. Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // Bang W., Marquart J. Ostturkische Dialektstudien. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914. S. 25–238.
42. Moriyasu T. Site and Inscription of Šine Usu (シネウス遺蹟・碑文) // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告) / ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir. Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999. P. 177–195.
43. Müller F.W.K. Ein doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Maḥrnāmag) // Abhandlungen der Königlich Preußischen Akademie Der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin: Verlag der Königlischen Akademie der Wissenschaften in Commission bei Georg Reimer, 1912. Nu 5. Abh. V. S. 1–40.
44. Osawa T. Tes Inscription (テス碑文) // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告) / ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir. Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999. P. 158–167.
45. Pelliot P. Livres Requs // T'oung Pao, Second Series. 1931. Vol. 28. No. 1/2. P. 129–240.
46. Pelliot P. [Rev.] E. HAENISCH, *Die letzten Feldzüge Cinggis Han's und sein Tod nabe der ostasiatischen Ueberliferung (Asia Major, IX [1933], 503–551)* // T'oung Pao, Second Series. 1934. Vol. 31. No. 1/2. P. 157–167.
47. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seuran, 1955. 300 p.
48. Pulleyblank E.G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. vii, 488 p.
49. Ramstedt G.J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1913. T. XXX. № 3. S. 1–63.
50. Rybatzki V. Die Toñuquq-Inschrift. Szeged: Univ. of Szeged, 1997. 132 S.
51. Rybatzki V. The Titles of Türk and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions // Central Asiatic Journal. 2000. Vol. 44/2. P. 205–292.
52. Schönig C. Turko-Mongolic relations // The Mongolic Languages / ed. by Janhunen. London; New York: Routledge, 2003. P. 403–419.
53. Şirin User H. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya: Kömen Yayınları, 2009. 548 s.
54. Tekin T. The Tariat (Terkhin) Inscription // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983. T. XXXVII. Fasc. 1/3. P. 43–68.
55. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / transl. with historical and philological commentary by I. de Rachewiltz. Vol. I–II. Leiden; Boston: Brill, 2004. cxxvi, 1347 p.
56. Tieshan Z., Zieme P. A memorandum about the king of the On Uygurand and his realm // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2011. Vol. 64. Pt. 2. P. 129–159.
57. Rashīd al-Dīn Faḡl-āllāh Hamedānī. Jāmī al-Tawārīkh / Publ. and comment. by Moḥammad Roshan, Mostafa Mousavi. Tehrān: Nashr āl-barz, 1373/1994. Pt. 1–4. 2977, [87] p.

58. *Цэнь Чжун-мянь* 岑仲勉. Ту-цзюэ цзи ши 突厥集史. Пекин [北京]: Чжун-хуа шу-цзю 中華書局, 1958. 1136 с.

Сведения об авторах: Владимир Владимирович Тишин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij-511@mail.ru

Баир Зориктеевич Нанзатов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov@yandex.ru

Поступила 17.12.2019 Принята к публикации 28.02.2020

Опубликована 29.03.2020

REFERENCES

1. Vladimirtsov B.Ia. Geograficheskie imena orkhonskikh nadpisei, sokhranivshiesia v mongol'skom [Geographic names of the Orkhon inscriptions, preserved in the Mongolian language]. *Doklady AN SSSR* [Reports of Academy of Sciences of USSR], 1929, no. 10, pp. 169–174. (In Russian)
2. Vladimirtsov B.Ia. *Sravnitel'naia grammatika mongol'skogo pis'mennogo iazyka i khalkhaskogo narechiia. Vvedenie i fonetika* [Comparative Grammar of the Mongolian Written Language and the Khalkha Dialect: Introduction and Phonetics]. Moscow; Leningrad: Printing house of the Oriental Institute, 1929. XII, 436 p. (In Russian).
3. Voitov V.E. K voprosu o letnikh i zimnikh rezidentsiakh pervykh uigurskikh kaganov v Mongolii [On the problem of summer and winter residences of the first Uyghur Qaghans in Mongolia]. *Material'naia kul'tura Vostoka* [Material Culture of the Orient]. L.M. Noskova (ed.). Moscow: State Museum of the Orient, 2002. Is. 3, pp. 109–133. (In Russian).
4. Zuev Yu.A. *Rannie tiurki: ocherki istorii i ideologii* [The Early Turks: Essays on History and Ideology]. Almaty: Daik-Press, 2002. 338 p. (In Russian).
5. Zuev Yu.A. Kaganat se-ian'to i kimeki (k tiurkskoi etnogeografii Tsentral'noi Azii v seredine VII v.) [The Sie-yen-tuo Qaghanate and Kimeks (on the Turkic ethnogeography of Central Asia in Middle Ages in the middle of the seventh century)]. *Shygys*. 2004, no. 1, pp. 11–21; no. 2, pp. 3–26. (In Russian)
6. Karzhaubai S. *Ob''edinennyi kaganat tiurkov v 745–760 godakh (po materialam runicheskikh nadpisei)* [The United Qaghanate of the Turks in 745–760 (based on materials of runic inscriptions)]. Astana: Foliant, 2002. 204 p. (In Russian)
7. [Klements D.A.] [Prilozhenie I] Pis'mo D.A. Klementsа na imia akademika Radlova [(Appendix 1) A Letter of D.A. Klemenets in the name of Academician Radloff]. *Sbornik trudov Orkhonskoi ekspeditsii* [Collection of Works of the Orkhon Expedition]. Vol. I. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1892, pp. 13–23. (In Russian)
8. Klyashtorny S.G. Terkhinskaia nadpis' (Predvaritel'naia publikatsiia) [Terkhin Inscription (preliminary publication)]. *Sovetskaia tiurkologiia* [Soviet Turkology]. 1980, no. 3, pp. 82–95. (In Russian)

9. Klyashtornyi S.G. *Runicheskie pamiatniki Ugurskogo kaganata i istoriia evraziiskikh stepei* [Runic Monuments of the Uyghur Qaghanate and the History of the Eurasian Steppes]. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2010. 328 p. (In Russian)
10. *Letopisi khorinskikh buriat*. Vol. 1. *Khroniki Tugultur Toboev and Vandan Yumsunov* [Chronicles of the Khorī Buryats. Vol. 1: Chronicles of the Tugultur Tobois and Vandan Yumsuns]. N.N. Poppe (ed.). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1935. x, 172 p. (In Russian, Written Mongolian)
11. Malyavkin A.G. *Tanskīe khroniki o gosudarstvakh Tsentral'noi Azii: teksty i issledovaniia* [The Tang Chronicles on the States of Central Asia: Texts and Studies]. Novosibirsk: 'Science', 1989. 432 p. (In Russian)
12. *Men-gu-iu-mu-tszī. Zapiski o mongol'skikh kochev'iakh* [Ménggǔ yóumù: Records on Nomadic Groups of the Mongols]. P.S. Popov (trans.). St. Petersburg: Printing house of P.O. Yablonsky, 1895. 584 p. (In Russian)
13. Rashid al-Din. *Sbornik letopisei* [Compendium of Chronicles]. Vol. 1. Pt. 1. Khetagurov L.A. (trans.). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1952. 221 p. (In Russian)
14. Rashid al-Din. *Sbornik letopisei* [Compendium of Chronicles]. Vol. 1. Pt. 2. O.I. Smirnova (trans.). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1952. 315 p. (In Russian)
15. Sazykin A.G. *Katalog mongol'skikh rukopisei i ksilografy Instituta vostokovedeniia Akademii Nauk SSSR* [A Catalogue of Mongolic Manuscripts and Xylographs of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Vol. I. Moscow: 'Science', 1988. 508 p.
16. *Sravnitel'no-istoricheskaiia grammatika tiurkskikh iazykov. Pratiurkskii iazyk-osnova. Kartina mira praktiurkskogo etnosa po dannym iazyka* [Comparative Grammar of Turkic Languages: The Proto-Turkic Basic Language. The World Picture of the Proto-Turkic Ethnos Based on the Language]. E.R. Tenishev, A.V. Dybo (eds.). Moscow: 'Science', 2006. 908 p.
17. Khrapachevskii R.P. "Tatary", "mongoly" i "mongolo-tatary" 9–12 vekov po kitaiskim istochnikam ["Tatars", "Mongols", and "Mongol-Tatars" in the 9th–12th centuries according to Chinese sources] *Materialy kitaiskikh istochnikov 10–14 vv.* [Materials of Chinese sources of the 10th–14th centuries]. Moscow: Pero–Lidergraf, 2015. 318, 16 p. (In Russian)
18. *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov. Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na bukvy "L", "M", "N", "P", "S"* [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Stems Starting with Letters "L", "M", "N", "P", "S"]. A.V. Dybo (ed.). Moscow: Oriental Literature, 2003. 446 p. (In Russian)
19. Yampolskaya N.V. O maloizvestnom khalkhaskom perevode sutry Ashtasakhasrika Pradzhniaparamita [About the little-known Mongolian translation of the Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā sutra]. *Mongolica-XI. Collection of Articles on Mongolian Studies. Dedicated to the 130th Anniversary of the Birth of A.V. Burdukov (1883–1943)*. I.V. Kulganek, L.G. Skorodumova, T.D. Skrynnikova, K.V. Orlova, N.S. Yakhontova (eds). St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2013, pp. 85–90. (In Russian)
20. Aydın E. *Şine Usu Yazıtı*. Çorum, KaraM Yayıncılık, 2007. 6, 145, 7 p. (In Turkish)
21. Aydın E. Bilge Kağan Yazıtındaki Karagan Kısıl Adı ve Yeri Üzerine Düşünceler. *Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, 2008, cilt 23, pp. 55–62. (In Turkish)
22. Aydın E. Şine Usu Yazıtında Hayvan Adlarıyla Kurulmuş Yer Adları Üzerine İncelemeler. *Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları*, 2008, vol. 3, no 1. Dede Korkut Dosyası, pp. 202–208. (In Turkish)
23. Aydın E. Şine Usu Yazıtı'ndaki Bazı Yer Adları Üzerine Düşünceler. 38. ICANAS (Uluslararası Asya ve Kuzey Afrika Çalışmaları Kongresi) 10–15 Eylül 2007 – Ankara /

Türkiye: Bildiriler: Uluslararası İlişkiler / 38th ICANAS (International Congress of Asian and North African Studies) 10–15 September 2007. Ankara / Turkey: Papers: International Relations. Z. Dilek, M. Akbulut, Z. C. Arda, Z.B. Özer, R. Gürses, B.K. Taşkın (eds). Vol. 1. Ankara, Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Başkanlığı, 2011, pp. 167–181. (In Turkish)

24. Bazin L. Histoire et philologie turques. *École pratique des hautes études. 4e section, sciences historiques et philologiques*. Livret 1: *École pratique des hautes études. 4e section, sciences historiques et philologiques*. Livret 1: *Notice sur la Section. Documents. État de la Section au 1er juillet 1982.* – Chronique. Fr. de Cenival et G. Posener: Michel Malinine (1900–1977). *Rapports sur les conférences des années 1978–1979, 1979–1980, 1980–1981*. Paris: A la Sorbonne, 1982, pp. 109–110. (In French)

25. Bazin L. Notes de Toponymie Turque Ancienne. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1982, t. 36, fasc. 1–3, pp. 57–60. (In French)

26. Clark L.V. Mongol elements in Old Turkic? *Journal de la Société Finno-Ougrienne / Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja*, 1977, vol. 75, pp. 110–168.

27. Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.

28. Czeglédy K. Čoyay-quzī, Qara-qum, Kōk-ōng. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1962, t. 15, fasc. 1–3, pp. 55–69.

29. Erdal M. *Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon*, vol. I–II. Wiesbaden, Harrassowitz, 1991. xiv, 874 p.

30. Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill, 2004. xii, 575 p.

31. Hambis L. Survivance de toponymes de l'époque mongole en Haute Asie. *Mélanges de sinologie offerts à Monsieur Paul Demiéville*, vol. II. Paris: Presses universitaires de France Paris, 1974, pp. 19–41. (In French)

32. Haussig H.W. Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker. *Byzantion*, 1953, t. 23, pp. 275–462. (In German)

33. *Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou*. P. Pelliot, L. Hambis (trans., comment), T. I. Leiden: E.J. Brill, 1951. xxvii, 485 p. (In French)

34. Kasai Yukiyo. Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription *tū jué* 突厥. “Die Wunder der Schöpfung”. *Mensch und Natur in der türksprachigen Welt*. B. Heuer, B. Kellner-Heinkele, C. Schöning (eds). Würzburg: Ergon-Verlag, 2012, pp. 81–141. (In German)

35. Kasai Yukiyo. The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th – 9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥. 内陸アジア言語の研究 [Nairiku ajia gengo no kenkyū] / *Studies on the Inner Asian languages*, 2014, vol. 29, pp. 57–135.

36. Katayama A. Tariat Inscription (タリят碑文). *Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998* (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告). T. Moriyasu, A. Ochir (eds). Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999, pp. 168–176 (In Japanese, English)

37. Klyashtorny S.G. The Terkhin Inscription. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1982, t. 36, fasc. 1–3, pp. 335–366.

38. László F. A kagán és családja. *Kőrösi Csoma Archivum*, vol. III. 1941–1943. Leiden: E.J. Brill, 1967, pp. 1–39. (In Hungarian)

39. Liu Mau-Tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'ü-küe)*, I–II. Buch. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 831 p. (In German)

40. Mackerras C. *The Uighur Empire. According to the T'ang Dynastic Histories. A Study in Sino-Uighur Relations 744–840*. Canberra: Centre of Oriental Studies, Australian National University Press, 1972. ix, 226 p.
41. Marquart J. Über das Volkstum der Komanen. In: Bang W., Marquart J. *Ostturkische Dialektstudien*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1914, pp. 25–238. (In German)
42. Moriyasu T. Site and Inscription of Šine Usu (シネウス遺蹟・碑文). *Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998* (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告). T. Moriyasu, A. Ochir (eds). Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999, pp. 177–195. (In Japanese, English)
43. Müller F.W.K. Ein doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Maḥrnāmag). *Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie Der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse*. Berlin: Verlag der Königlischen Akademie der Wissenschaften in Commission bei Georg Reimer, 1912. No. 5, Abh. 5, pp. 1–40. (In German)
44. Osawa T. Tes Inscription (テス碑文). *Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998* (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告). T. Moriyasu, A. Ochir (eds). Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999, pp. 158–167. (In Japanese, English)
45. Pelliot P. Livres Requs. *T'oung Pao*, Second Series, 1931, vol. 28, no. 1/2, pp. 129–240. (In French)
46. Pelliot P. [Rev.] E. HAENISCH, *Die letzten Feldzüge Cinggis Han's und sein Tod nabeh der ostasiatischen Ueberliferung* (Asia Major, IX [1933], 503–551). *T'oung Pao*, Second Series. 1934, vol. 31, no. 1/2, pp. 157–167. (In French)
47. Poppe N. *Introduction to Mongolian Comparative Studies*. Helsinki: Suomalais-Ugrilaisen Seuran, 1955. 300 p.
48. Pulleyblank E.G. *A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver: UBC Press, 1991. vii, 488 p.
49. Ramstedt G.J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. *Journal de la Societe Finno-Ougrienne*, 1913, t. XXX, no. 3, pp. 1–63. (In German)
50. Rybatzki V. *Die Toñuquq-Inschrift*. Szeged: Univ. of Szeged, 1997. 132 p. (In German)
51. Rybatzki V. The Titles of Türk and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions. *Central Asiatic Journal*, 2000, vol. 44/2, pp. 205–292.
52. Schöniß C. Turko-Mongolic relations. *The Mongolic Languages*, ed. by Janhunen. London; New York: Routledge, 2003, pp. 403–419.
53. Şirin User H. *Köktürk ve Ötüken Uyğur Kağanlığı Yazıtları*. Söz Varlığı İncelemesi. Konya: Kömen Yayınları, 2009. 548 p. (In Turkish)
54. Tekin T. The Tariat (Terkhin) Inscription. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1983, t. XXXVII, fasc. 1/3, pp. 43–68.
55. *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. I. de Rachewiltz (trans., comment.). Vol. I–II. Leiden; Boston: Brill, 2004. cxxvi, 1347 p.

56. Tieshan Z., Zieme P. A memorandum about the king of the On Uygurand and his realm. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2011, vol. 64, pt. 2, pp. 129–159.

57. Rashīd al-Dīn Fazl-āllāh Hamedānī. *Jāmī al-Tawārīkh*. M. Roshan, M. Mousavi (eds). Tehrān: Nashr āl-barz, 1373/1994. Pt. 1–4. 2977, [87] p. (In Persian)

58. Cén Zhòngmiǎn 岑仲勉. *Tūjué jí shǐ* 突厥集史. Běijīng 北京: Zhōnghuá shūjú 中華書局, 1958. 1136 p. (In Chinese)

About the authors: Vladimir V. Tishin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij-511@mail.ru

Bair Z. Nanzatov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov@yandex.ru

*Received December 17, 2019 Accepted for publication February 28, 2020
Published March 29, 2020*

ON RECENT STUDIES OF RUS' RELATIONS WITH THE TATARS OF THE JOCHID ULUS

Charles J. Halperin

Indiana University (USA)
chalperi@iu.edu

Abstract: *Research objectives:* The goal of this article is to examine recent English-language publications about Rus' relations with the Tatars of the Jochid ulus in order to correct factual errors and analyze dubious conclusions.

Research materials: The primary materials utilized in this study are three books. The first is Timothy May's new monograph synthesizing the history of the Mongol Empire. The second two are collective works by an international group of recognized specialists. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph* is a translation of an anthology originally published in Russian. *The Cambridge History of Inner Asia*. Volume 2: *The Chinggisid Age* continues a multi-volume series.

Results and novelty of the research: Recent English-language studies of Rus'–Tatar relations sometimes idealize Rus'–Tatar cooperation. The Rus'–Tatar relationship rested upon destructive conquest and often destructive rule. Much Russian-language scholarship on Rus'–Tatar relations exaggerated the importance of Rus' in the Jochid ulus. In fact the Kipchaks played a far more important role than the Rus'. Some conclusions in recent English-language studies rely upon propagandistic Russian sources, often of later provenance. English-language authors do not always agree with each other, for example, on the level of medieval Rus' culture or the extent of Russian efforts to convert conquered Tatars. Discussions of Noghai's status and offices are very confused. Only a Chinggisid could have issued coinage, so Noghai must have been a Chinggisid. If he was a Chinggisid, he could not have been an emir or ulus beg, offices held by "black bone" commoners.

Keywords: Rus', Jochid ulus, Golden Horde, Noghai, Kipchak khanate, Tatar Yoke, Kazan

For citation: Halperin Ch.J. On Recent Studies of Rus' Relations with the Tatars of the Jochid Ulus. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 32–50. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.32-50

In recent decades studies of the Mongol Empire and its successor states have flourished. This essay will examine the conclusions of some recent works. This is not a survey of all scholarship on the subject, nor even a comprehensive evaluation of the works cited, whose quality is not at issue, but a selective analysis of issues that have caught my attention¹. Timothy May's impressive overview of the Mongol Empire [27] devotes far more attention to the Jochid ulus than the classic study of the Mongols by David Morgan [30]². Morgan did not find room to comment on either the institutional or cultural history of the Jochid ulus. May successfully integrates the history of the Jochid ulus into his analysis of the Mongol Empire and all its successor states. He has corrected the egregious typographical error in his first

¹ Even when the articles and books I cite employ the term "the Golden Horde" I have replaced that anachronism with "Jochid ulus."

² For convenience I will use May's spellings of Mongol names.

book on Mongol military history which turned the site of the first Rus'–Mongol (Tatar) battle from the Kalka River in the Pontic steppe to the Khalkha River in Mongolia³. Some of his assertions and conclusions, whether original or derivative of other publications, require correction or merit further discussion.

May writes that in 1234 the (Volga) Bulgars approached some Rus' princes seeking an alliance against the Mongols. He cites the English translation of the sixteenth-century Nikon Chronicle [27, p. 110, citing 54, p. 299, 304]. Neither of the pages he cites pertain to 1234: the first describes events in 1229, the second 1231, and neither mentions the Bulgars at all. May correctly cites the Nikon Chronicle entry sub anno 1236 which does describe the Mongol conquest of Grand Bulgar, but does not mention any attempt by the Bulgars to solicit Rus' military assistance [54, p. 307]⁴. I do not know on what source May based his invocation of a proposed Rus'–Bulgar alliance⁵.

May writes that under Qa'an Möngke silver coinage was uncommon in Rus' where furs became the alternative form of payment of the Mongol tribute [27, p. 155]. This observation is not wrong, but it is inadequate. It is true that no Rus' polity issued its own coinage from the time of the Mongol conquest until at least a century later, and that furs were sometimes used as currency. However, parts of Rus' involved in the Baltic trade did import European silver coinage, even if it is difficult to judge how extensively they were used. Overall silver bars (ingots) served in lieu of minted coins. The Rus' began paying tribute to the Great Mongol Empire soon after conquest, presumably after the first census, and continued paying it to the Jochid ulus in the second half of the thirteenth century. However, no sources communicate how much the Rus' paid or how they paid it until the second half of the fourteenth century, at which time we have numbers in rubles, although their interpretation is contested. At no time did any Rus' principality or even the later Muscovite state mint a coin called the "ruble." The ruble was a denomination of account only; in the sixteenth century it took either 100 or 200 smaller coins (later called kopecks) to constitute a ruble. It is not impossible that in the thirteenth century the Rus' paid tribute in furs of value equivalent to a certain number of rubles, but we can only infer whether this actually took place.

All specialists in the Mongol Empire know that the term "the Golden Horde" was not contemporary to the Jochid ulus, but was invented by Muscovites in the sixteenth century. Some – perhaps most, and certainly almost all when addressing general audiences – use the term anyway. A different term in English for the Jochid ulus has gained currency of late, namely the Kipchak Khanate, a name derived from the geographic base of the Jochid ulus, invariably called the "Kipchak steppe" (Desht-i Kipchak) in oriental sources. May writes that the Jochid ulus was known as the "Kipchak khanate" during the Mongol era [27 p. 280]. This generalization echoes – but does not quote – the same assertion by Donald Ostrowski which popularized the term "the Kipchak Khanate" among historians: "I use the term *Qipchak*

³ Of course he had corrected this error in other publications before he wrote *The Mongol Empire*.

⁴ I have confirmed the accuracy of the translation [36, p. 104].

⁵ István Zimonyi [57, p. 347–355, reprinted 56, p. 25–33] proposed that the Volga Bulgars did not resist Rus' expansion into their territory because they considered the Mongols the greater threat. He does not, however, mention any overt Volga Bulgar alliance overtures to the Rus' princes.

Khanate to refer to the western-most component of the Mongol Empire because that term, along with *Ulus of Jochi*, is what it called itself" [32 p. xiii]. Ostrowski rightly notes that the Rus' sources most often called the Jochid Ulus "the Horde" (*Orda*), although they were familiar with the term "ulus". As far as I know, the Rus' sources never use the term "Kipchak steppe". They refer instead to the steppe literally as the "field" (*pole*) or the "wild field" (*dikoe pole*), but never the "Kipchak field" (*polovetskoe pole*). Late literary works reference the "Kipchak Land" (*polovetskaia zemlia*), or even the "Tatar Land" (*tatarskaia zemlia*), a projection of a Rus' system of political and geographic nomenclature [12]. How do we know that the Mongols of the Jochid ulus called their polity "the Kipchak khanate"? I have never seen a quotation from an Arabic, Persian, or Turkic source to the phrase "Kipchak Khanate." The Mongols repeatedly emphasized that the Kipchaks were their slaves. The likelihood that they would name their policy after the Kipchaks strikes me as problematic. The term "Kipchak Khanate" is an artificial inference from a geographic term unsupported by any contemporary sources. Spain is located on the Iberian Peninsula, but the medieval kingdoms of Castile and Aragon were not called "the Iberian kingdoms." May is merely following current practice primarily among specialists in medieval Rus' and early modern Russia in referring to the Kipchak Khanate, so his usage may be excused, but not endorsed.

May writes that Sarai "boasted an Orthodox metropolitan" [27, p. 288]. The metropolitan was the head of the Rus' Orthodox Church, based, during the Mongol period, successively in Kiev, Vladimir, and Moscow. The Orthodox hierarch in Sarai was a bishop. Metropolitan (at the time metropolitan-designate en route to Constantinople to be ordained) Alexei did visit Sarai, allegedly to cure an ailing khan, but he was not based there.

May refers to "king-maker Noghay" as a "minor Jochid prince, probably born to a concubine" and therefore deprived of any legitimate claim to be khan. He cites István Vásáry's monograph on the military history of Kipchaks (Cumans) and Mongols in the Balkans [27, p. 289, citing 48, p. 71]. He provides additional evidence on this matter, namely that Noghay issued his own coins from at least 1286, and that the Rus' sources refer to him as khan (*tsar'*), perhaps only as an inference from the political situation [27, p. 290, 291]. Finally, he suggests that "Noghay's questionable ancestry may have helped to blur the distinction between *qarachu* ("black bone commoners") and Chinggisid" [27, p. 341–342].

Noghay's power and influence, his use of puppet khans and then assertion of his own status as khan, are not in doubt, but several important questions about Noghay's status remain highly contested: was he a Chinggisid, if so was he the son of a concubine, if he was the son of a concubine was he barred from ascendance the throne of a khan, and what title other than "khan" was and/or should be applied to him. The choices are emir, ulus beg or *karachi* beg, *bekliaribek* (*beylerbey*), or *tümen-ü noyad* (commander of a *tümen*, in theory 10,000 troops, in Russian *temnik*, commander of a *t'ma*)".

The strongest evidence that Noghay was not a Chinggisid has always been the existence of two different genealogies of his descent⁶, a fact not always adduced in discussions of the issue. The Mongol attention to – nay obsession with – Chinggi-

⁶ This was how Larry Moses explained the matter to me.

sid genealogy requires no argument; the one thing that Chinggisids presumably would never get wrong was descent in the Golden Kin (*Altan uruk*). On the other hand, no one doubts that Toqtamysh was a Chinggisid, and he also possesses one genealogy too many, that is to say, two [42, p. 138–144; 51, p. 429], so perhaps deduction might be an insufficient foundation on which to base conclusions. I would be inclined to argue that the Rus' sources would never get Chinggisid status wrong, because that could be a fatal mistake, but that would apply only to contemporary references. Unfortunately, the dating of contemporary Rus' sources rests on quicksand. Later Muscovite sources did wrongly assign Mamai the status of khan, ergo Chinggisid.

In the monograph cited by May, Vásáry describes Noghay as a Chinggisid, great-grandson of Jochi. "Though all the sons of a Chinggisid prince were considered legitimate in the Tatar-Turkic world, only those born to legal wives were given appanages (*ulusy*) and could become khans. *Probably* [my emphasis – CJH] that is why Nogay is mentioned in most sources only as a commander-in-chief and 'head of ten thousand people'" (Turkic *tümen beg*, Russian *temnik*) [48, p. 71]. Note that May glosses "not a legal wife" as a "concubine," a word Vásáry does not use. Note also that Vásáry's use of "probably" almost certainly derives from the absence of any direct reference to Noghay as the son of a concubine. The status of Noghay's mother is an inference.

Supposedly Toqtamysh called both Mamai and Tamerlane "black-bone" men, that is to say commoners, non-Chinggisids [29, p. 694], but apparently no one called Noghay a commoner. Still, Vásáry did not classify Noghay's mother as a concubine (using May's vocabulary for convenience) in all his discussions of Noghay's status. It does not appear in his contributions to two multi-authored volumes on Mongol history and the history of the Jochid ulus. In one Vásáry wrote that the emir Noghay, himself a Jochid, formally only a *tumen beg* (commander of 10,000), adopted the title of khan at the end of his life, but was considered a usurper, but Vásáry does not elucidate why Noghay was considered a usurper [49, p. 77]. In the other Vásáry wrote that Emir Noghay was Chinggisid. The decisive evidence is that he issued his own coinage and founded his own khanate. "At most he could be considered illegitimate", he again wrote, but without specifying why he should be considered illegitimate [50, p. 531, 535]. The issuance of coinage deserves to be the decisive argument. No non-Chinggisid Mongol, certainly not at the turn of the fourteenth century, would have dared to violate the exclusive prerogative of the Golden Kin to issue coinage. Even Mamai, in the midst of the "great troubles" in the Jochid ulus of the 1360s and 1370s, never issued coinage in his own name; only his puppet khans had coins minted with their names. Noghay's Chinggisid status should be considered settled.

Why most sources, in Vásáry's estimation, failed to call Noghay a khan or sultan but referred to him only as a commander of an army or a *tumen*, remains to be determined. Ignorance can be excluded: the Jochid ulus and the Ilkhanate were intimate enemies, and the Jochid ulus and the Mamluk sultanate, if not intimate friends, then at least in the period of Noghay's ascendancy, extremely well-acquainted. Nor can Ilkhanate hostility be at issue. Perhaps this pattern need not reflect on Noghay's mother or Noghay's legitimacy. Noghay *was* a commander-in-chief or of a *tumen* and did not occupy a throne. There was little need for foreign sources to identify him by more than his military rank.

But that still leaves open the issue of his mother's possible concubine status. Anne Broadbridge adduces highly significant evidence on the Mongol and Chinggisid attitude toward concubines. Lineage was only patrilineal, so Noghay would be considered a Chinggisid regardless of the status of his mother, but the status of a male Chinggisid's mother did affect his status. The son of his father's main wife would outrank the son of a lesser wife, and all sons of wives would outrank all sons of concubines. According to Broadbridge, although Carpini declared that there was no distinction between sons of wives or concubines, Marco Polo noted strict primogeniture in Qubilai's family. Lesser sons (whose mothers were concubines) had careers, but careers commensurate with their lesser status. Herbert Franke declared that nomadic children of wives and concubines had equal status, but this contradicts specific Mongol examples. Morris Rossabi acknowledged that children of lesser wives or concubines received lesser inheritance. George Zhao cited the *Yuan shi* provision that "sons of concubines *should not* [my emphasis – *CJH*] inherit the throne", but one way or another that proscription was violated in the Ilkhanate. Ilkhans Ghazan and Arghun were both sons of concubines, which Broadbridge declares makes them anomalous, a "puzzle" that "certainly requires attention" [4, p. 32, n. 126, 163, 252–253, 273, 283–284]. Obviously, at least in practice, a Chinggisid born of a concubine mother was not irrevocably barred from succession to the Ilkhanate throne. One might argue that Ilkhanate examples do not have probative value in the Jochid ulus, but the extensive contacts between them, hardly confined to warfare, certainly permit drawing the inference that the Jochids knew about the status of Ghazan's and Arghun's mothers, yet did not bring that issue into play in their war propaganda. Consequently the Jochids did not dispute the Ilkhanate's attitude toward sons of concubines.

Peter Golden supplies earlier steppe precedents both ways concerning maternal versus paternal dynastic legitimacy. A son of Türk Qaghan Muqn was prevented from attaining the Qaghanate because his mother was of "low birth". However Ashina, the eponymous founder of the Türk royal house, was the son of a concubine [10, p. 110, n. 7].

Certainly Noghay's delay in claiming to be a khan might derive from his status as a lesser prince born of a concubine, a circumstantial argument, although it could just as easily derive from purely political considerations of the balance of power. We lack sufficient evidence to decide. Leaving that issue aside, the question of Noghay's offices and rank apart from that of khan or Chinggisid non-khan remains.

Different historians assign a panoply of offices and ranks to Noghay. Vadim Trepavlov confines himself to calling him a Jochid. Boris Cherkas cites (Rus') chronicles that call him "tsar" (khan) and himself calls Noghay *beylerbey*. Roman Pochekaev calls him the great-grandson of Batu and a *beklyaribek* but adds that he was so powerful that he claimed the throne "in breach of all the principles and rules of the Mongol Empire's law". Pochekaev does not identify those "principles and rules". Emil Sedaliyev calls Noghay a *beklyaribek*. Although Noghay was called a *temnik* (head of a *tumen*), he actually commanded the entire army, not just a *tumen*. Aleksandr Uzelac confines himself to family matters, calling Noghay a cousin of Khan Mengü Timur. Emma Zilivinskaya and Dmitry Vasilyev call Noghay *beklyaribek*. Uli Schamiloglu, by contrast, calls Emir Noghay a tribal leader.

Vladislav Gulevich sticks to a Jochid [44, p. 149, 157–158; 6, p. 157–158; 33, p. 228, 230, 232; 43, p. 259; 47, p. 380; 55, p. 648; 41, p. 676; 11, p. 757]⁷.

The lack of consistency or consensus among scholars about Noghay's rank and office in part reflects a source problem: No Jochid ulus sources, specifically chronicles, exist which would definitively attest to Noghay's status. All historians rely on Arabic and Persian sources, which, no matter how well-informed, were still written at some distance from the site of events, and not in the current language (Turkic) of the Jochid ulus.

If Noghay was a Chinggisid, there is no problem whatsoever with his commanding a *tumen* or an entire army; Chinggisids could do that, indeed, Chinggis commanded armies. If Noghay was a Chinggisid who did not occupy a throne then the oriental sources should have called him a sultan, and the Rus' sources should have called him tsarevich; it would appear that neither the former nor the latter did so. However, it is difficult not to imagine that ascribing the title of "emir" or "beg" to Noghay would have been an enormous insult, disrespecting his membership in the Golden Kin. The possibility might be explored that sources who accord him that title were ignorant of his Chinggisid status. Noghay as an ulus beg or *beklyaribek/beylerbey* is more complicated. If the four ulus begs were clan-tribal heads, the status Schamiloglu ascribes to them, then no Chinggisid could hold that office, unless we modify Schamiloglu's chronology to allow that clan-tribal heads did not occupy all posts of ulus begs until, for the sake of argument, the reign of Uzbek. That ulus begs constituted *karachi* begs creates another far more serious and unsolvable anomaly. No Chinggisid could be a *karachu* beg, ever. Ergo, if Noghay was an ulus beg, then at that time ulus begs were not *karachi* begs. If the *beylerbey/beklyaribek* was one of the ulus begs, then, again, Noghay cannot have held that office if the ulus beks were clan-tribal leaders or *karachi* begs. If the office of ulus begs did not become the exclusive prerogative of the clan-tribal leaders, then May's last observation must be reversed: After Noghay the distinction between Chinggisids and black bone commoners became greater.

Even allowing for the notorious flexibility of most medieval terminology, the vocabulary applied to Noghay is extremely confused, if not downright careless. Playing Devil's advocate I would propose that the role of khan-maker was unofficial and bore no specific title. As a Chinggisid Noghay could command a *tumen* or an army or he could be a governor or some kind, but he could not be an emir, an ulus beg / *karachi* beg, or *beklyaribek/beylerbey*. Applying the last title to him was an attempt, albeit an ignorant attempt, by foreign chroniclers to formalize Noghay's informal status as power-behind-the-throne. We may now return to May's other comments on the Jochid ulus.

According to May, in 1322 Shevkal sought to rule Tver directly and to convert its citizens to Islam [27, p. 299]. If true, that would be the only instance in nearly 250 years of Mongol rule over Rus' that a Mongol sought to occupy a Rus' throne, and the only occasion in nearly 150 years since the "official" conversion of the Jochid ulus to Islam under Uzbek that a Tatar tried to impose Islam on Orthodox East Slavs. It was neither. The chronicle tale of the events in Tver in 1323 is anti-

⁷ I follow the spellings that appear in this volume.

Tatar propaganda, probably of Orthodox Christian monastic origin, and nothing more [18, p. 93–102]⁸.

Concerning the battle of Kulikovo Field in 1380, May writes that “The Russian sources depict an epic victory, which threw off the oppression of the Mongol Yoke and liberated Russia”. He then impugns the veracity of that portrayal of the battle by invoking Ostrowski’s argument that Donskoi’s army, returning from Kulikovo, according to two German chronicles, was later mauled by Mamai’s Lithuanian allies, which not every specialist in early Muscovite history finds credible. May also notes that Timur, who was not a Chinggisid, did not attempt to occupy the throne the way Noghay and Mamai did [27, p. 304]. Only one of the three sources of the Kulikovo cycle is an epic and could present the battle as an “epic” victory; even its image of the battle resembles a defeat because of the emphasis upon the scale of Muscovite casualties. Regardless, not one source about the battle mentions the “Mongol Yoke” (*Tatarskoe igo*), a phrase that does not occur in an East Slavic source until the seventeenth century. Moreover, Mamai did not attempt to seize the throne. One Muscovite source accused him of doing so in order to discredit him [18, p. 108–116]. If Noghay was a Chinggisid, then his ambitions to be khan cannot be equated with those of Mamai or Timur.

Finally, May observes that because in the sixteenth century the Nogai Tatars addressed Ivan IV as the White Tsar, Ivan could be considered *qarachū* [27, p. 342]. This conclusion does not follow. The Nogais ascribed to Ivan the status of a Chinggisid khan when they praised him as a descendant of Chinggis. Again, a Chinggisid could hardly be “black bone” or hypothetically one of four *karachi* begs [13, p. 481–497].

The second volume of *The Cambridge History of Inner Asia* is entitled *The Chinggisid Age*.

Vásáry’s chapter, previously cited for his views on Noghay, contains prose about the Mongol conquests that one does not expect from a Turcologist and Inner Asianist. The Mongols in Hungary (granted, the author is Hungarian, but even so) “massacred, butchered, and ravaged the country ‘in their fury’” [49, p. 71–72]. Turning to the Jochid ulus, Vásáry writes that Russia suffered longer from the influence of Tatars than China or Iran, and that Russian civilizing influence scarcely reached the nomadic Tatars. In 1380 St. Sergei (Sergius) of Radonezh supported Donskoi’s campaign against Mamai, but Russian hopes to overthrow the Tatar Yoke were quashed in 1382 when Toqtamysh reasserted Mongol authority by sacking Moscow [49, p. 74, 81, 82]⁹.

Again, Muscovite sources about the battle of Kulikovo could hardly express hopes for liberation from the “Tatar Yoke” when that term had not yet been invented. The role of St. Sergei of Radonezh in assisting Donskoi is a later literary invention. In lamenting how long Russia “suffered” under the Mongols and the weakness of Russian “civilizing” influence on the nomadic Tatars, Vásáry seems to be following the well-trod anti-Mongol, anti-nomad prejudices of the “patriotic Russian historiography” that he takes to task for distorting history [49, p. 81, n. 45].

⁸ May’s bibliography contains this book.

⁹ In 2009 Vásáry still referred to a volume co-edited by Uli Schamiloglu and Timur Kocaoglu as “forthcoming”. This was intended to be an anthology of papers from the 2005 Istanbul conference on “The Golden Horde and its Successors”, but it never appeared.

Arsenio Martinez calls attention to the growing gap between conquerors and conquered in the Jochid ulus that accompanied Islamization. In 1275 Qubilai ordered a census and conscription in Russia for troops to fight the Song. The descendants of the sizable number of deportees wound up in Yuan emperor Togh Temur's body-guard. "Even when the 'Great Trouble' came belatedly to Russia, the princes did not throw off the 'Mongol Yoke' "because they needed the Horde's support against the expansive Polish-Lithuanian state with its superior army, which had adopted the tactics of its traditional enemies, the Teutonic Order". "In Russia the impossibility of effective opposition caused a withdrawal of disaffected elements from both nomadic and sedentary populations into inaccessible defensive areas, [which] the regime may have permitted because it separated potential rebel leaders from their natural following – marginal elements of both societies formed Qazak or Cossack bands". *Darugha* and *basqaq* were Turkic and Mongol terms meaning "oppressor" or "enforcer". When Grand Prince Ivan Kalita of Moscow received the right to farm Jochid ulus taxes, this constituted the "beginning of reunification of Russia". Converting tax farming from Muslim to native Christian hands was greatly facilitated by the "progressive commutation of taxes in kind to cash revenues as a result of a general monetarization of the Horde's and the Russian principalities' economies that was the result of the shift in interregional trade to the Golden Horde in the second quarter of the fourteenth century" [25, p. 93–96, 99–100].

To argue that Islam divided the conquerors and the conquered in the Jochid ulus treats the East Slavs of the forest zone as the only conquered people, whereas Islamization united the Mongol conquerors with the subject population that mattered the most to them, the Kipchaks of the steppe, who adopted Islam along with the Mongols, and to urban Muslim populations in Khwarezm and Bulghar. We have no direct evidence of conscription of troops by the Mongols (as opposed to demanding Rus' princes and their retinues accompany Mongol armies on campaign), and there is a considerable time gap between when Martinez supposes Rus' were drafted, in 1275, and the references to the Rus' regiments in Yuan China. Even during the "Great Troubles" the Rus' princes did not overthrow the "Mongol Yoke" because they had not heard of a "Mongol Yoke" and would not do so until well after Mongol rule had been overthrown. In this period Muscovy did not fight the Polish-Lithuanian state, just the Grand Duchy of Lithuania, whose armies did engage in chronic warfare against the Livonian Knights. However in the fourteenth and early fifteenth century Lithuanian military superiority over Muscovy did not derive from Lithuanian heavy cavalry but from a superior territorial and tax base from which to raise troops. Without adopting heavy cavalry, the Muscovites gained military superiority over Lithuania by the end of the fifteenth century. The earliest references to Cossacks, at first almost exclusively Mongol, then mixed Mongol and Slavic, date to the middle of the fifteenth century. The Tatar and Rus' polities did not "permit" this development of disaffected elements in order to get rid of potential rebels and their supporters; rather, by that time the soon-to-be successor states of the Jochid ulus lacked the ability to control the evolution of Cossack societies, and so did the Rus' principalities. The words *daruga* and *basqaq* are commonly thought to derive from a root meaning "to stamp", as in: to put a stamp or seal on a document. I have not seen these terms translated as "oppressor" or "enforcer". To speak of the "reunification" of Russia in the early fourteenth century is highly anachronistic. "Russia" had not been unified on the eve of the Mongol conquest.

What Kalita's coup in taking over tax farming did was facilitate Muscovite expansion, which was later retroactively conceived of by Muscovite ideologues and later nationalist historians as "unification". Although the significance of trade to the economies of Rus' and the Jochid ulus is unquestionable. I do not know how to measure the monetarization of the Jochid ulus. I do know that no northeastern Rus' principality began minting coins until the third quarter of the fourteenth century, so to speak of monetarization in the second quarter of the fourteenth century sounds premature. Certainly much of the Rus' economy in the second half of the fourteenth and throughout the fifteenth century did not rely on coinage.

Golden and Trepavlov indicate that initially the Jochid ulus was called the *Ulugh ulus*, the Great Horde [10, p. 114; 45, p. 767]. Without questioning the validity of that assertion, it is worth noting that the Rus' sources did not use that term for the Volga Horde. They employed it for the nomadic remnant of the Jochid ulus after its fragmentation in the middle of the fifteenth century. It is not impossible that this title was in Tatar eyes historical, but in Rus' sources it was new.

Thomas Allsen refers to the "Tartar Yoke" in quotation marks, perhaps to signify that it is an anachronism, but he does not call attention to, let alone explicate, the misspelling of "Tatar" as "Tartar" [2, p. 135]. He concludes that the Orthodox Christian cultural empire¹⁰ did not participate in cultural development in the Jochid ulus at same level as the Sinitic and Islamic cultural empires did among the Yuan and the Ilkhanate. This relative failure among other causes was the product of a social contrast. Whereas the Yuan and Ilkhanate Mongols lived with their subjects, the Mongols of the Jochid ulus remained in the steppe and ruled "the most populous sedentary principalities, by a kind of 'remote control'". At a more fundamental level, Rus' and the Jochid ulus possessed unequal cultural assets. The Mongols needed East Slavic military recruits and artisans "but there were no astronomers/astrologers, physicians, geographers, cartographers and mathematicians" in Rus', at least not of the status of the scholars and professionals in China or Iran. There was no pool of administrative personnel in Rus' whom the Mongols of the Jochid ulus could recruit. Like the Alans, Rus' only sent contingents of troops to China, not scholars [2, p. 143]¹¹.

Allsen echoes the line of reasoning of Martinez which presupposes that the most important conquered people in the Jochid ulus were the forest-dwelling Rus', the subjects among whom the Mongols of the Jochid ulus did not live, but Allsen turns the consequences of this uncontested feature of Jochid ulus society upside down from Vásáry. To Allsen the Rus' exercised less civilizing influence on the Jochid ulus Mongols because they had less civilization themselves. They could offer the Mongols neither professional administrators nor scholars. To me Allsen misses the point. The administration of the Jochid ulus seems not to have suffered from the absence of talented Rus' officials for the same reason that it did not lack for cultural achievement. The culture of the Jochid ulus became Islamic, and its scholars, poets, architects, and officialdom could draw upon the internal resources of Islamic Khwarezm and Bulghar, and the external resources of Asia Minor, Egypt and even

¹⁰ By this term Allsen means what has been called the Byzantine Commonwealth, the cultural world encompassing the Byzantine Empire and the Orthodox Slavs.

¹¹ For some reason Allsen alludes to Georgia as if it were part of the Jochid ulus, instead of a vassal of the Ilkhanate.

Iran. Allsen reverses Pushkin's famous aphorism that the Mongols, unlike the Arabs, brought to the peoples they conquered neither Aristotle nor algebra by emphasizing what cultural skills the Rus' could not share with the Mongols.

Christian Noack discusses the Muscovite conquest of the middle Volga region, the khanates of Kazan and Astrakhan, in the sixteenth century. According to Noack, after Ivan IV's failure to impose a puppet on Kazan, he resolved upon methods "that violated the established rule of steppe diplomacy and traditional clientele policy pursued by his ancestors from the 1480s onward" by imposing outright conquest. Ivan IV had to overcome "the reluctance of his own service nobility" and to "ignor[e] the advice of some war-weary boyars". "Ivan IV's campaigns against Kazan had been conducted with missionary zeal and the Orthodox Church was instrumental in providing additional spiritual and political justification for the transgression of the traditional rules of steppe policies. After all, with the recurrent technique of indirect rule failing, Ivan had betrayed political customs already with the annexation of the right bank of the Volga River in 1551 – foreign territories that had never belonged to the Eastern Slavic principalities. The chronicles, though, suggested the opposite and depicted the Middle Volga as a constituent part of Kievan Rus' allegedly settled by Orthodox Slavs". "Against all historical evidence, Ivan claimed the 'Kazan yurt' as his patrimony, and referred to the fact that already his grandfather Ivan III had invested rulers there". Religious arguments about the defense of the (Russian) fatherland "hardly veiled the aggressive character of Ivan's policy" but the need to free Russian captives in Kazan was more plausible. The repetition of these arguments shows that the "motive for conquest was perceived as being far from self-evident". The development of imperial doctrine and autocracy was "intrinsically linked" to the Byzantine concept of the basileos and the doctrine of Moscow, the Third Rome. Ivan sought to overcome the customary limits on royal authority, such as the need for consultation with the boyars. Sixteenth-century Muscovite diplomacy "paid lip service" to Chinggisid dynastic superiority [31, p. 305–308].

That Ivan III selected and invested rulers in Kazan constitutes valid historical evidence that Kazan had acknowledged its subservience to Moscow. Whether such transient dependence rendered Kazan Ivan IV's yurt and patrimony is another matter.

Ivan IV did implement a new policy toward Kazan, but only after the old policy had failed, as Noack concedes, to eliminate Kazan slave-trading, although it must be said that after conquering Kazan, the Muscovites enslaved many Kazan Tatars, so there is no question of moral superiority here on the slavery issue. Not all historians agree that the slave-trade was a major segment of the Kazan economy [1, p. 778]. Noack's analysis is suspect on different grounds. Clearly Noack idealizes "traditional steppe diplomacy". The Great Mongol Empire, like the Jochid ulus, was not founded by the "traditional steppe diplomacy" of consent and consultation, but by conquest, so his judgmental use of words like "transgression" and "betrayed" rings false. Judging the sincerity of religious justifications for military aggression is hardly profitable; all medieval and early modern armies invoked God as they marched out. Chinggis invoked Tengri, the Great Blue Sky. It is also true that Muscovites invented historical justifications for conquering Kazan, but only one source, not a chronicle but a history, the *Kazan History* (*Kazanskaia istoriia*) claimed that Kazan had been settled by East Slavs, as explicated in Jaroslaw Pelenski's monograph that Noack cites. However, I know of no evidence that the

service nobility were “reluctant” to conquer Kazan; some servitors claimed they could not afford to go on campaign, but Ivan supplied them with the necessary provisions and they happily marched off to Kazan to conquer and returned with slaves and booty. No sources attest to “war-weary boyars”. The historiography mentions boyars who supposedly opposed Ivan IV’s war against Livonia, a separate matter, but no one in Muscovy opposed the conquest of Kazan. Despite the Russian Orthodox Church’s support for the campaign, after conquest even it realized that “missionary zeal” would be counter-productive, so attempts to convert the Muslim Tatars to Orthodox Christianity were not pursued [39, p. 511–540]. After publication of *The Cambridge History of Inner Asia* volume 2, the significance of the concept of autocracy for Ivan IV’s ideology was questioned [14, p. 197–213], but even by 2009 many specialists had noted that the concept of Moscow, the Third Rome was conspicuous by its absence from all ideological expressions during Ivan IV’s reign [5, p. 355–376]. In theory Ivan IV objected to the requirement of Muscovite political custom that he consult his boyars, but in practice he always had boyar advisors. Sixteenth-century Muscovite diplomacy did far more than pay lip-service to Chinggisid legitimacy, as demonstrated by the deference shown to the Gireid khans of Crimea, the use of puppet khans in Kasimov and Kazan, and Ivan IV’s choice of a converted Chinggisid, Simeon Bekbulatovich, to occupy the throne of Moscow after Ivan IV “abdicated” in 1575 [17, p. 306–330].

The second collective work, *The Golden Horde in World History*, is devoted exclusively to the Jochid ulus.

Vladimir Ivanov observes that because of warfare and Kipchak alienation from sedentary objects there was no Rus’–Kipchak trade. No Rus’-crafted objects can be found in Polovtsy burial sites [22, p. 47]. However, various steppe peoples contributed to the “Black Caps” (*Chernye klobuki*), who served as vassals of the Kievan Rus’ princes, different Kipchak groups served as mercenaries for or allies of various Rus’ principalities, and some Rus’ princes intermarried with the Kipchaks. Such developments suggest that warfare and animosity did not entirely characterize Rus’–Kipchak relations. Regardless of the archeology, the *Hypatian Chronicle* sub anno 1185 mentions Rus’ merchants returning from a Kipchak camp [36, p. 634–635]¹². Without question the Kipchaks extracted “customs” from Rus’ commercial caravans crossing the steppe, when they did not attempt to rob them outright.

Pochekaev asserts that for Rus’ princes walking between two fires as a purification test before appearing before a Jochid ulus khan was not mandatory. The Tatars made Michael of Chernigov do it because if he refused, as they expected and as he did, it would provide an excuse to execute a political enemy of the Mongols. On the other hand, the Mongols exempted Daniil of Halych from performing the ritual [35, p. 189]. I would contend that in his time Daniil was as hostile to the Mongols as Michael. Given the hostility of the chroniclers toward the Mongols and the discretion they sometimes manifested in narrating Rus’ princely encounters with “infidels,” it strikes me as more likely that Daniil was not exempt from the two fires but that the chronicle chose not to mention his performance of the rite. The fact is that the sources mention the two-fire ritual only for Michael of Chernigov; it is difficult to believe that all other Rus’ princes were exempted.

¹² Peter Golden kindly called my attention to this entry.

In another article Pochekaev writes that the princes of Moscow conquered almost all of Northeast Rus', including Novgorod [34, p. 245]. His wording is poorly chosen. Of course Novgorod is located in Northwest Rus', even if it became subordinate to Moscow in Northeast Rus'. Pochekaev proposes that the fact that a yarlyk from Khan Uzbek to the Russian Orthodox Church was forged suggests that Uzbek had issued one, as did every khan [34, p. 247]. I would phrase the matter differently. The fact that someone forged a charter from Uzbek attests that no charter from him was extant, else it would have given the lie to the forgery. In addition the forger must have assumed that his intended audience would believe that Uzbek had issued a charter, a different assumption than that every khan had done so. The number of surviving charters from khans of the Jochid ulus to the Russian Orthodox Church is only a small fraction of the number of charters that would have existed if every khan issued one.

Roman Hautala writes that when Daniil submitted to Batu he accepted "formal dependence ...on condition of maintaining significant autonomy" for Galicia-Volhynia" [20, p. 366]. Given the imbalance of power between Batu and Daniil, Daniil was in no position to impose conditions upon his subordination to the Jochid ulus. Moreover, Daniil's dependence on the Jochid ulus was far from "formal", it was real, involving tribute and military service.

Khatip Minnegulov describes the vibrant literary culture of Kazan on the eve of the Muscovite conquest. The poet and religious activist Qolsarif died unsuccessfully defending Kazan in 1552. Sharifi Jannitarkhani is credited with writing the "Zafar-nama-i Vilayat-i Kazani" ("The story of the victory of the Kazan state"), a prose work with poetic content, in 1550 on the successful defense of the city against the Muscovite army in that year. It called Ivan IV "conceited", a "troublemaker," and a "malefactor", defiantly proclaiming "This is not Ivan's city!". Some scholars identify Sharifi as Qolsarif. One of last poets before the Kazan conquest, Muhammedyar, composed two epic lyric poems with didactic content that dreamt about the qualities of a just ruler, evaluated people by their humane actions rather than their wealth, rank or religion, and valued justice, compassion, generosity, and loyalty. Its ideas are concordant, Minnegulov asserts, with those of the great Renaissance thinkers and West European utopians of the Middle Ages. Despite diplomatic immunity while working as interpreter for Kazan in Moscow he was brutally murdered at Ivan IV's orders. A member of the same delegation, Adnash Hafiz, who was enslaved, wrote the "Luminary of Hearts" on religious and moral questions, a work widely known among Tatars. According to the great Orientalist Vasilii Bartol'd (Barthold), it was originally composed in Arabic but then translated into Farsi and later Turkic, and was based upon multi-lingual sources including the Quran. In addition, literary culture continued after the Russian conquest of all the Tatar khanates, in Crimea and to some extent in Kasimov, despite "very harsh colonial oppression" [28, p. 520–521, 523]. This evidence of Kazan's cultural achievements in general and of literary reactions to the Muscovite conquest in particular deserves inclusion in every history of Ivan IV's reign.

Elmira Sayfedinova disputes assertions that the Jochid ulus lacked written historiography based upon the fact that only folklore survives from the period of Jochid ulus independence and unity. The high spiritual culture of the Jochid ulus justifies the postulate that such historiography existed. It also demonstrates Tatar cultural development because nomadic civilizations had no written literature. No-

vels and other literary works with historical content do survive. To be sure, texts of Jochid ulus history date mainly to the “fifteenth to fourteenth centuries”¹³, such as the “Chinggis-name” of the mid-sixteenth century Khiva author Ötemysh Hajji, whose use of the *Altan Debter* and Rashid al-Din proves that there was systematic historiography in the Jochid ulus [40, p. 524–528]. (Coincidentally, Ilya Zaitsev asserts that although no Tatar work dedicated to the history of Hajji Tarkhan (As-trakhan) survives, one must have existed [52, p. 753].)

The lack of a written chronicle tradition, a single genre of literature, in the Jochid ulus, in no way impairs its other cultural achievements or entails the absence of historical memory expressed in other genres. The development of written chronicles among the successor states of the Jochid ulus may be attributed to varying local conditions. For example, Crimean historiography shows Ottoman influence. On point, no historical work from the Jochid ulus’s successor states identifies a written chronicle from the period of Jochid ulus unity. That Ötemysh Hajji utilized Mongolian and Persian sources to write his history attests to the opposite of what Sayfetdinova proposes. His use of non-Jochid sources suggests that he had no earlier works from the Jochid ulus on which to rely¹⁴.

Zaitsev cites the “Crimean Affairs” (*krymskie dela*) archival documents in his study of the Astrakhan khanate. Muscovite diplomatic papers use the particle *dei* to indicate oral communication. The translator of Zaitsev’s article neither knew that nor consulted someone who did, so the translation includes *dei* in transliteration, which is meaningless [52, p. 750–751].

Anvar Aksanov declares that Ivan IV’s coronation meant that he was equal to a khan, part of Muscovy’s foreign policy of pursuing its “Horde heritage”. Prince Andrei Kurbsky compiled the chronograph and was the author of the *Kazan History* (*Kazanskaia istoriia*), a history of Kazan from its founding to its conquest by Ivan IV. Official Muscovite chronicles lack credibility. Moscow won the fight for domination of the former Jochid ulus [1, p. 778–779].

Ivan IV’s coronation was based upon a Byzantine coronation ordo; it is difficult to see how this could convey the legitimacy of a Chinggisid khan. As discussed above, that Nogai Tatars addressed Ivan IV as “White Khan” does not mean that Ivan IV intended to take over the mantle of the Jochid ulus. He never questioned Crimean pretensions to that distinction. The concept of the Muscovite tsardom as a successor state of the Jochid ulus, which I do not share, has been proposed by a number of scholars in Russia, especially Tatarstan, and the US, for example [38, p. 783–793]. Suffice here to say that this conclusion depends upon how one defines a “successor state” [16, p. 377–387]. Calling the Muscovite chronicles “official” likewise depends upon the criteria utilized to identify an “official” source [19, p. 81–93].

Andrey Belyakov concludes that when Ivan Kalita’s heirs began to outrank serving Chinggisids cannot be established with certainty. Chinggisids became approximately equal to West European noble natives like the captive Master of the

¹³ Common sense strongly suggest that this should read “fifteenth to sixteenth centuries”, but the original Russian text contains the same wording; was this a typographical error that was not corrected in the translation process?

¹⁴ Sayfetdinova does not cite [15, p. 1–15], the most complete discussion of this question, nor does she cite anyone else who disputes the existence of Jochid ulus chronicles.

Livonian Knights Wilhelm von Fürstenberg, but their higher status was sometimes accompanied by lower material rewards. By the end of Ivan IV's reign, the functional use of the Kasimov Khanate had already been exhausted and it was "liquidated". On campaign Ivan IV consulted his "campaign Duma" (*polkhodnaia дума*) [3, p. 812–814, 816].

In terms of status in Muscovy through the reign of Ivan IV no one outranked Chinggisids, serving or independent, save members of the Muscovite royal family. Political subordination to the ruler of Muscovy did not and could not change that. The special status of members of the Golden Kin could not be translated outside of Muscovite relations with Tatars, so comparing it to that of a Livonian knight is meaningless. The Kasimov Khanate had outlived its usefulness when Muscovy annexed Kazan in 1552, although Kasimov Tatars served in Muscovite armies in the Livonian War that began in 1558 and Muscovite toleration of Islam in the Kasimov Khanate served Muscovite diplomacy with the Ottomans well, because it enabled Muscovy to deprive the sultan of an excuse to launch a holy war against Muscovy. Rakhimzyanov's article details the history of the Kasimov Khanate into the seventeenth century. While Ivan was accompanied by boyars on campaign and did consult them on the road, there were no institution called the "campaign Royal Council"¹⁵.

In another article in the anthology Zaitsev writes that while in the thirteenth century refusing to fight the Mongols, the Scourge of God, was considered a sign of true Christian humility on the part of Rus' princes, especially as the Orthodox Church hoped to convert the pagan Tatars, by the fourteenth century probably failure to fight Muslim Tatars was considered cowardice. Agreeing with Aksanov and Rakhimzyanov, Zaitsev observes that the Muscovite state "is believed to have been the successor of the Empire of the Chinggisids", although it did not attempt to convert Muslims, a sign of its Eurasian continuity, in contradistinction to Noack's implication [53, p. 868].

Zaitsev's contrast of Rus' attitudes toward the Tatars in the thirteenth and fourteenth centuries is too logical. In the thirteenth century Rus' princes who died fighting the Tatars, despite the view that their incursion was God's punishment for Rus' sins, were considered martyrs, although princes who submitted were considered humble and princes who just ran away, doing neither, were not criticized for it. Zaitsev does not specify *who* "believed" that Muscovy was a successor state of the Chinggisid Empire; I would contend that it was *not* the Muscovite Court¹⁶.

Dariusz Kolodziejczyk asserts that Mamai let Algirdas annex Eastern Podolia and the Kiev region (Kievshchina) because they shared a common enemy, namely the Muscovite Grand Principality, and in exchange for taxes, which Lithuania was still paying forty years later [24, p. 893].

It is of course true that Lithuania humored Jochid ulus sensibilities by paying tribute and taxes for these East Slavic territories after their annexation, but Mamai did not "let" Algirdas conquer them. At the time Mamai simply did not have the means to prevent their conquest by Lithuania, and he made the best of a bad situation. Because Lithuanian eastward expansion cannot be dated exactly, it is not even certain that Mamai and Moscow were at odds at the time.

¹⁵ The translator of Belyakov's article renders *deti boiarskie* literally as "boyar children"; it means "gentry" [2, p. 820].

¹⁶ The translator renders *Trebnik* as "Book of Needs" which is literal but uninformative; it is a ritual book of prescribed prayers, a book of devotion [53, p. 869].

Trepavlov's "Conclusion" claims that the system of government of the Jochid ulus had a "significant impact" on the statehood and culture of the Rus' principalities. Furthermore, the "nationhood of the Ulus of Jochi demonstrates a quite rare historical example of a long-term, conflict-free coexistence over a large territory between subjects belonging to different economic spheres (nomadic cattle-herders and sedentary farmers), adhering to different religions, and speaking different languages" [45, p. 921].

I would not dispute the political influence of the Jochid ulus on the Rus' principalities, but their concept of "statehood" and culture owed much more to the Kievan Rus' than to the Tatars. *Gosudarstvennost'* in the Russian original should not be translated as "nationhood"; it derives not from the word for "nation" (*narod*), but from "*gosudarstvo*" meaning "state," ergo "statehood," or "concept of state". But even in a revised translation Trepavlov's obiter dictum presents a highly idealized distillation of Rus'-Tatar relations. Yes, there was more pragmatic cooperation than the dominant paradigm of "the Russian national struggle against the Tatar Yoke" allows, but in its broader context we are still dealing with conquerors and conquered in a relationship in which the former always had ready and ruthless recourse to coercion to achieve its goals. There is no need to sugar-coat history.

These critical comments are intended only to further discussion of the complicated relations between the Rus' and the Mongols of the Jochid ulus and its successor states. They are matters for discussion. All the authors cited here are to be thanked for making valuable contributions to historical knowledge.

REFERENCES

1. Aksanov A. Vilayate Kazan (The Kazan Khanate). *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 772–783.
2. Allsen T.T. Mongols as Vectors for Cultural Development. *The Cambridge History of Inner Asia*, vol. 2, *The Chinggisid Age*, pp. 135–154.
3. Belyakov A. Tatars in the Muscovite State. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 811–828.
4. Broadbridge A.F. *Women and the Making of the Mongol Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. xxii, 321 p.
5. Bushkovitch P. The Formation of National Consciousness in Early Modern Russia. *Harvard Ukrainian Studies* 10, 1986, pp. 355–376.
6. Cherkas B. Territorial Organization of the Ulus of Jochi (Territory to the West of the Don). *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 153–175.
7. Curta F., Maleon B.-P. (ed.). *The Steppe Lands and the World Beyond Them. A Collection in Honor of Victor Spinei On His 70th Birthday*. Iasi: Editura universitatii "Alexander Ioan Cruz", 2013. 797 p.
8. di Cosmo N., Frank A. J., Golden P.B. (ed.). *The Cambridge History of Inner Asia. Volume 2: The Chinggisid Age*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. xxvii, 488 p.
9. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 968 p. + 28 p. with colour insert.
10. Golden P. Migrations, Ethnogenesis. *The Cambridge History of Inner Asia. Vol. 2: The Chinggisid Age*, pp. 109–119.

11. Gulevich V. Ulug Ulus (the Crimean Khanate). *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 756–772.
12. Halperin C.J. The Image of the Mongols (Tatars) as Kipchaks (Polovtsy) in Russian Sources, Thirteenth-Sixteenth Centuries. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 21, 2014–2015, pp. 137–146.
13. Halperin C.J. Ivan IV and Chinggis Khan. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 51, 2003, pp. 481–497.
14. Halperin C.J. Ivan IV as Autocrat (*samoderzhets*). *Cahiers du monde russe* 55, 2014, pp. 197–213.
15. Halperin C.J. The Missing Golden Horde Chronicles and Historiography in the Mongol Empire. *Mongolian Studies* 23, 2000, pp. 1–15.
16. Halperin C.J. ‘No One Knew Who They Were’: Rus’ Interaction with the Mongols. Florin Curta, Bogdan-Petru Maleon (eds). *The Steppe Lands and the World Beyond Them*, pp. 377–387.
17. Halperin C.J. Simeon Bekbulatovich and the Mongol Influence on Ivan IV’s Muscovy. *Russian History* 39, 2012, pp. 306–330.
18. Halperin C.J. *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia*. Bloomington: Slavica Publishers, Inc. 2009. x, 239 p.
19. Halperin C.J. What is an ‘Official’ Muscovite Source from the Reign of Ivan IV? Kleimola A.M., Lenhoff G. (eds). *The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness*, pp. 81–93.
20. Hautala R. The Confrontation between the Ulus of Jochi and the Catholic Europe from the Mid-13th to Mid-14th Centuries. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 364–376.
21. *The History of the Tatars since Ancient Times in Seven Volumes*, v. III: *The Ulus of Jochi (Golden Horde) 13th century – mid 14th century*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 1127, 71 p.
22. Ivanov V. The Nomads of Eastern Europe in the Early 13th Century. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 40–49.
23. Kleimola A.M., Lenhoff G. (eds). *The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness / “Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia” i genezis russkogo istoricheskogo soznaniia*. Bloomington: Slavica Publishers, Inc., 2011. xv, 348 p.
24. Kolodziejczyk D. Relations Between Tatar States and the Polish-Lithuanian State. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 892–901.
25. Martinez A.P. Institutional Developments, Revenue and Trade. *The Cambridge History of Inner Asia*, vol. 2, pp. 89–108.
26. May T. *The Mongol Art of War*. Yardley: Westholme Publishing, 2007. xiv, 215 p.
27. May T. *The Mongol Empire*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. xxii, 416 p.
28. Minnegulov Kh. Literature of the Ulus of Jochi and the Post-Golden Horde Tatar Khanates. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 515–523.
29. Mirgaleyev I. Attempts to Restore the Golden Horde at the End of the 14–Beginning of the 15th Century. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 693–699.
30. Morgan D.O. *The Mongols*. Cambridge, MA: Blackwell, 1990. xi. 238 p.
31. Noack C. The Western Steppe: The Volga-Ural Region, Siberia and the Crimea under Russian Rule. *The Cambridge History of Inner Asia*, vol. 2, pp. 303–330.

32. Ostrowskii D. *Muscovy and the Mongols. Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. xvi, 329 p.
33. Pochekaev R. First Rulers of the Ulus of Jochi. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 220–238.
34. Pochekaev R. The Golden Age of the Ulus of Jochi: The Rule of Öz Beg and Jani Beg. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 239–259.
35. Pochekaev R. The Law of the Golden Horde. Taxation. Court Etiquette and the Protocol. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 175–192.
36. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 10. Moscow: 'Science', 1965. 244 p. (In Russian)
37. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 2, Moscow: USSR Academy of Sciences, 1962. xvi, 938, 87 p. (In Russian)
38. Rakhimzyanov B. The Meshchera Yurt' (Kasimov Khanate). *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 783–793.
39. Romaniello M.P. Mission Delayed: The Russian Orthodox Church after the Conquest of Kazan'. *Church History* 76, 2007, pp. 511–540.
40. Sayfetdinova E. Formation of the Historiographic Tradition. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 524–528.
41. Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 674–688.
42. Seleznev Iui. V. *Elita Zolotoi ordy* [The Elite of the Golden Horde]. Kazan: FEN, 2009. 231 p. (In Russian)
43. Seydaliyev E. Military Science in the Golden Horde. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 259–281.
44. Trepavlov V. The Administrative Structure. Administrative Organization. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 144–153.
45. Trepavlov V. Conclusion. The Golden Horde and Tatar Yurts in World History. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 919–922.
46. Trepavlov V. The Great Horde. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 737–747.
47. Uzelac A. The Golden Horde and the Balkans (13–14th centuries). *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 376–394.
48. Vásáry A. *Cumans and Tatars: Oriental Military in the pre-Ottoman Balkans.: 1185–1365*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. xvi, 230 p.
49. Vásáry I. The Jochid Realm: The Western Steppe and Eastern Europe. *The Cambridge History of Inner Asia*. Vol. 2: *The Chinggisid Age*, pp. 67–85.
50. Vásáry I. Military and Political Contacts with Byzantium and the Balkan Countries. *The History of the Tatars since Ancient Times in Seven Volumes*, v. III: *The Ulus of Jochi (Golden Horde) 13th century – mid 14th century*, pp. 530–541.

51. Vernadsky G. *The Mongols and Russia*. New Haven: Yale University Press, 1953. xi, 462 p.
52. Zaitsev I. The Astrakhan Yurt. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 747–756.
53. Zaitsev I. Tatar-Russian Relations in the 16–18th Centuries. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 863–871.
54. Zenkovsky S.A. (ed.), Zenkovsky S.A., Zenkovsky B.J. (tr.). *The Nikonian Chronicle*, vol. 2. Princeton: The Kingston Press, 1984. xxxix, 323 p.
55. Zilivinskaya E., Vasilyev D. Cities of the Golden Horde. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 630–660.
56. Zimonyi I. *Medieval Nomads in Eastern Europe. Collected Studies*. Victor Spinei (ed.). București: Editoru Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzueului Brăilei, 2014. 398 p.
57. Zimonyi I. Volga Bulgars between Wind and Water (1220–1236). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 46, 1992/1993, pp. 347–355.

About the author: Charles J. Halperin – Research Fellow of the Russian and East European Institute, Indiana University, Bloomington (Bloomington, Indiana, USA). E-mail: chalperi@iu.ed

*Received December 25, 2019 Accepted for publication February 27, 2020
Published March 29, 2020*

О НЕДАВНИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУСИ С ТАТАРАМИ УЛУСА ДЖУЧИ

Чарльз Дж. Гальперин

*Индианский университет (США)
chalperi@iu.ed*

Целью данной статьи является рассмотрение недавних англоязычных публикаций об отношениях Руси с татарами Улуса Джучи с целью исправления фактических ошибок и анализа сомнительных выводов.

Материалы: основными источниками являются три книги. Первая – новая монография Тимоти Мэйа, в которой синтезирована история Монгольской империи. Вторые две – коллективные работы международной группы признанных специалистов. *Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография* – перевод антологии, первоначально изданной на русском языке. *Кембриджская история Внутренней Азии*. Том 2: *Эра Чингизидов* – является продолжением многотомной серии.

Результаты: недавние англоязычные исследования русско-татарских отношений иногда идеализируют русско-татарское сотрудничество. Русско-татарские отношения опирались на разрушительное завоевание и зачастую разрушительное правление. Многие русскоязычные исследования преувеличивали значение Руси в Улусе

Джучи. На самом деле кыпчаки сыграли гораздо более важную роль, чем Русь, в Улусе Джучи. Некоторые выводы последних англоязычных исследований опираются на пропагандистские русские источники, часто позднего происхождения. Англоязычные авторы не всегда согласны друг с другом, например, в отношении уровня средневековой русской культуры или масштабов русских усилий по обращению завоеванных татар в православное христианство. Рассмотрение статуса Ногая и его должности весьма запутано. Только Чингизид мог чеканить монеты, и поэтому Ногай должен был быть Чингизидом. Если же он был Чингизидом, он не мог быть эмиром или улусбеком и занимать должность, которую занимали простолюдины «черной кости».

Ключевые слова: Русь, Золотая Орда, улус Джучи, Ногай, кыпчакское ханство, татарское иго, Казань

Для цитирования: Halperin Ch.J. On Recent Studies of Rus' Relations with the Tatars of the Jochid Ulus // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 32–50. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.32-50

Сведения об авторе: Чарльз Дж. Гальперин – внештатный научный сотрудник Российского и Восточно-Европейского института, Университет Индианы, Блумингтон (Блумингтон, Индиана, США). E-mail: chalperi@iu.edu

Поступила 25.12.2019 Принята к публикации 27.02.2020

Опубликована 29.03.2020

**КРЫМСКИЕ ТОРГОВЦЫ ПРОТИВ ВЕНЕЦИИ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
АСПЕКТЫ ТЯЖБЫ 1350-х гг.**

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация
rpochekaev@hse.ru*

Цель: изучение золотоордынских исторических памятников середины XIV в. как источника сведения по истории права и судебного процесса Золотой Орды, сравнение действий золотоордынских властей с аналогичными действиями, предпринимавшимися в других странах того времени, общая оценка уровня золотоордынского судопроизводства в рассматриваемый период.

Материалы исследования: золотоордынские исторические памятники (правовые документы т.н. «венецианской коллекции», другие источники XIV–XV вв., касающиеся разбирательства дел о возмещении ущерба на международном уровне, включая акты венецианских колоний Причерноморья и средневековые русские грамоты.

Научная новизна: впервые предпринимается попытка историко-правового анализа золотоордынских памятников как источника сведений о судебном процессе и сопоставительного анализа действий судебных органов на разных стадиях гражданского судебного разбирательства с международным участием в Золотой Орде и современных ей государствах.

Результаты исследования: реконструированы основные стадии гражданского процесса в Золотой Орде (от подачи иска до вынесения судебного решения), выявлена специфика конкретного дела в связи с участием в нем иностранного элемента, а также публично-правовым характером (иск не к частным лицам, а к государству – Венецианской республике – в целом). Установлено, что все процессуальные действия, совершавшиеся ордынскими властями в процессе разбирательства, а также в целях обеспечения исполнения вынесенного решения имели аналоги в процессуальной практике других государств, имевших интересы в Причерноморье в XIV–XV вв. Соответственно, делается вывод о высоком уровне судебной техники в Золотой Орде, в т.ч. и благодаря рецепции из иностранного опыта.

Ключевые слова: Золотая Орда, Венеция, торговля в Причерноморье XIV в., возмещение убытков, гражданский процесс, традиционное право, международные имущественные споры

Для цитирования: Почекаев Р.Ю. Крымские торговцы против Венеции: историко-правовые и процессуальные аспекты тяжбы 1350-х гг. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С.51–66. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.51-66

CRIMEAN TRADERS VS. VENICE: HISTORICAL, LEGAL AND PROCEDURAL ASPECTS OF LAWSUITS OF THE 1350s

R.Yu. Pochekaev

*National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg, Russian Federation
rpochekaev@hse.ru*

Abstract: *Objective:* A study of the Golden Horde historical sources of the mid-fourteenth century containing information on the history of law and trials in the Golden Horde, providing a comparison of the actions of the Golden Horde authorities with similar actions taken in other countries of that time. This includes a general assessment of the standards of the Golden Horde proceedings in the period under study.

Research materials: The Golden Horde historical sources, namely, legal documents from the so-called “Venetian collection”, along with other sources from the fourteenth and fifteenth centuries related to the proceedings of damages at the international level, including acts of the Venetian colonies of the Black Sea and medieval Rus’ian charters.

Novelty of the research: This study is the first attempt both at a historical and legal analysis of the Golden Horde sources containing information about trials, as well as a comparative analysis of the actions of the judiciary at different stages of civil litigation which included international participation in the Golden Horde and contemporary states.

Research results: The author reconstructed the main stages of the civil process in the Golden Horde (from filing a lawsuit to a court decision) and revealed the specifics of a particular case in connection with the participation of a foreign element, in addition to its public and legal nature (the lawsuit was not against private individuals, but against the state, i.e. the Venetian Republic). The author established that all procedural actions performed by the Golden Horde authorities in the course of the proceedings, as well as those to ensure the enforcement of the decision, had analogues in the procedural practice of other states that had interests in the Black Sea in the fourteenth and fifteenth centuries. Accordingly, the author concluded there existed a high level of judicial practice in the Golden Horde, including elements which derived from foreign experience.

Keywords: Golden Horde, Venice, Black Sea trade of the fourteenth century, civil process, traditional law, international property suits

For citation: Pochekaev R.Yu. Crimean Traders vs. Venice: Historical, Legal and Procedural Aspects of Lawsuits of the 1350s. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 51–66. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.51-66

Ст. 53. Если нейтральные товары, не подлежавшие конфискации,
были уничтожены вместе с судном, то собственник этих товаров
имеет право на вознаграждение.

Лондонская декларация о праве морской войны от 26.02.1909 г.

Немецкий исследователь Золотой Орды Б. Шпулер, давая характеристику правовой и судебной системы этого государства, утверждал: «О судах по урегулированию гражданских дел населения... источники ничего не сообщают» [32, с. 371]. Казалось бы, его мнение имеет полное право на существование: до настоящего времени все авторы, обращавшиеся к теме золотоордын-

ского суда, и в самом деле, сосредотачивались на анализе сообщений источников, касавшихся уголовно-правовой сферы, т.е. преступлений и наказаний, либо судебных органов [см., напр.: 24; 33; 34].

Между тем, в нашем распоряжении находится целый комплекс источников, анализ которых позволяет до некоторой степени восполнить пробел, отмеченный Шпулером. Речь идет о нескольких дипломатических и правовых актах из т.н. «коллекции золотоордынских документов из Венеции». Это:

1) Письмо крымского даруги (баскака) Рамадана венецианскому дожу Джованни Градениго от 4 марта 1356 г.;

2) Ярлык хана Бердибека крымскому даруге (баскаку) Кутлуг-Тимуру от 13 сентября 1358 г.;

3) Ярлык хана Бердибека венецианским купцам Азова от 13 (26) сентября 1358 г.;

4) Послание ханши Тайдулы венецианскому дожу Джованни Дольфино от 4 марта 1359 г.;

5) «Платежная ведомость» (реестр) ханши Тайдулы, являющаяся приложением к предыдущему посланию¹.

Все они в той или иной степени связаны с захватом и ограблением ордынских купцов венецианцами и последовавшими мерами золотоордынских властей по возмещению причиненного им вреда.

Таким образом, в нашем распоряжении имеется целый блок документов золотоордынского происхождения, посвященных одному и тому же вопросу, что уже само по себе – редкость в ордынведении. Их анализ позволяет до некоторой степени проследить, как происходил процесс принятия решения ордынскими властями, и кто именно из представителей этих властей был вовлечен в него. Кроме того, как уже отмечено выше, вопрос, которому они посвящены, касался не уголовно-правовой, а гражданско-правовой ответственности, поскольку купцы добивались не наказания преступников, а компенсации за понесенные убытки. Наконец, ответчиками оказались представители другого государства, что повлияло на ход судебного разбирательства, его сроки, участие в нем соответствующих носителей власти и т.д. Анализ этих аспектов позволяет выявить некоторые особенности международно-правового статуса Золотой Орды, ее внешней политики.

Таким образом, цель настоящего исследования – историко-правовой (а именно – историко-процессуальный) анализ перечисленных золотоордынских документов. Мы намерены определить природу возникшего правового конфликта и его стороны, выявить судебные инстанции, задействованные в его разрешении, основные этапы разбирательства вплоть до принятия окончательного решения. Кроме того, разбирательство дела «с участием иностранного элемента», по-видимому, предполагало учет международной и иностранной практики решений подобных споров, поэтому автор намерен также провести сравнительный анализ тех или иных правовых и процессуальных решений при сходных обстоятельствах в других государствах того времени, в первую очередь – имевших непосредственные контакты с Золотой Ордой.

¹ И. Вашари, посвятивший исследование анализу золотоордынских документов, касающихся итальянских торговых колоний Кафы и Таны, ошибочно все их определил, как адресованные общинам указанных городов [4, с. 195].

Возникновение конфликта достаточно четко вырисовывается из самих документов. Осенью 1353 г.² генуэзская кокка под командованием капитана Николо Скотто, направлявшаяся в Константинополь, в бухте Золотой Рог была атакована 16 венецианскими галерами под командованием адмирала Николо Пизани. На кокке находились девять золотоордынских торговцев из Солхата, из которых двое погибли во время нападения, двое были захвачены в плен, а остальные лишились своего имущества. Некоторое время спустя, в том же 1353 или 1354 г.³ произошел аналогичный случай: генуэзское судно, на котором находился золотоордынский купец Бачман, возвращавшийся с Кипра, подверглось нападению венецианских галер, в результате чего торговец также лишился своего имущества [8, с. 172, 176, 187, 199]. Все пострадавшие обратились в поисках справедливости к золотоордынским властям.

Соответственно, истцами в данном процессе выступили сами пострадавшие. Все они перечислены в анализируемых документах: это – солхатские торговцы Идумелик, Айниддин Юсуф, Сабадин, Акнок, Теодорос, Иоанн, Стефан, Идудимент и Калос, а также Бачман. Двое из них, как уже отмечалось, погибли при нападении (кто именно, из документов напрямую не следует), двое же – Идумелик и Айниддин Юсуф – попали в плен и были отправлены на остров Крит. Убытки девяти купцов составили 4 тыс. сомов серебра, Бачман оценил свои убытки в 500 сомов⁴.

Нельзя не обратить внимания на то, что, согласно анализируемым документам, произошло «объединение дел» девяти купцов и Бачмана в рамках «единого производства». Надо полагать, причиной этого стали весьма схожие обстоятельства причинения вреда в обоих случаях. При этом любопытно отметить, что даруга Крыма Зайн ад-Дин Рамадан в своем послании венецианскому дожу упоминает «и о других захватах» [8, с. 172], но не вдается в подробности: вероятно, эти случаи существенно отличались от тех, которые послужили основанием иска, и даруга упомянул о них в послании лишь для усиления эффекта своих требований.

Возник вопрос: кому пострадавшие могли предъявить требование о возмещении ущерба⁵? Действия венецианцев, казалось бы, представляли собой пиратские действия, которые в этот период (XIII–XV вв.) получили широкое распространение по всему Средиземноморью и Черноморскому бассейну. Державы, суда которых страдали от нападений пиратов, имели полное право

² Точная дата события неизвестна, она косвенно устанавливается на основании того, что оно имело место вскоре после сокрушительного разгрома генуэзского флота венецианским в битве у Лойеры (Альгерро, на северном берегу о. Сардиния), имевшем место 29 августа 1353 г. [5, с. 166; ср.: 8, с. 176].

³ А.П. Григорьев и С.П. Карпов предлагают разные даты этого события [8, с. 187; 15, с. 178].

⁴ Учитывая противоречивость информации о применявшихся в Золотой Орде и всем Причерноморье видах счетных и весовых денежных единиц, не считаем необходимым переводить упомянутые в документах «сомы» в другие денежные эквиваленты (дирхемы, дукаты и пр.). В целях и задачах настоящего исследования для нас достаточно условных сумм убытков, фигурирующих в изучаемых актах.

⁵ Исследователи отмечают расплывчатость института международно-правовой ответственности в отношении ее субъектов с глубокой древности до настоящего времени [см., напр.: 3, с. 315–316].

отправлять свои флоты для поиска и уничтожения пиратских кораблей или даже осуществлять репрессалии (вплоть до захвата владений) против тех государств, которые, как было установлено, покровительствовали пиратам из числа своих граждан [25, с. 9–14; 29, с. 211–212]⁶. Однако Золотая Орда, как известно, не относилась к числу «морских держав», поскольку не имела собственного флота и не практиковала привлечения наемных морских сил, соответственно, она не могла использовать эту сложившуюся международную практику в своих интересах⁷.

Соответственно, если бы речь шла о столкновении частных судов Венеции и Генуи, несомненно, и дело носило бы чисто частноправовой характер: ответчиком стал бы венецианский капитан⁸. В таком случае золотоордынские купцы имели бы право обратиться с иском к совместному суду главы своего административного округа (даруги Крыма или Азака) и представителя Венеции на территории Золотой Орды (консула Таны): оно предусматривалось ярлыками ханов Узбека 1332 г., Джанибека 1342 и 1347 гг. и Бердибека 1358 г. [8, с. 28, 73, 120, 166]⁹.

Однако нападение венецианцев на генуэзские суда в обоих описанных случаях происходило в рамках венециано-генуэзской войны 1350–1355 гг. Соответственно, они имели право вести боевые действия против любых ко-

⁶ Подобная практика применялась уже и в Древнем мире [3, с. 327]. Учитывая распространенность этой практики, неудивительно, что в ряде случаев сами же власти страны, из которой происходили пираты, порой старались предупредить ответные действия государства, чьи подданные страдали от набегов, и способствовали скорейшему возмещению ущерба. Так, например, в июне 1383 г. дож и совет Генуи направили «обществу» Кафы распоряжение освободить захваченных венецианцев и вернуть им все имущество, а перед венецианскими властями попытались оправдаться тем, что жители фактории в Кафе, якобы, не знали, что между Генуей и Венецией в очередной раз заключен мирный договор [5, с. 231–232].

⁷ Неудивительно, что когда сама Золотая Орда в 1360–1370-е гг. подверглась нападению новгородских пиратов-ушкуйников, то сначала (еще контролируя русские княжества) ее власти потребовали захватить и выдать преступников от своих вассалов – нижегородских князей, а затем астраханскому наместнику Сальчи пришлось исхитряться, чтобы своими силами справиться с пиратами [21, с. 181, 189, 191–192; см. также: 10, с. 18].

⁸ Согласно т.н. Родосскому морскому закону, разработанному между VIII и X вв. в Византийской империи и имевшему широкое применение по всему Средиземноморью, если капитан судна заранее знал (в т.ч. и от пассажиров), что плывет в опасный район, то в случае нападения в этом районе именно он должен был возместить своим пассажирам причиненный ущерб [28, с. 19–20]. Однако этот закон уже в эпоху первых крестовых походов все больше вытеснялся нормами западного морского права и окончательно перестал действовать после захвата Константинополя в 1204 г.

⁹ Практика совместных (или «компромиссных») судов не была уникальной для Золотой Орды, поскольку получила распространение в обычаях торгового оборота, действовавших в различных странах Причерноморья [см., напр.: 19, с. 184]. Сходные способы решения имущественных споров между частными лицами из разных государств использовались и в других регионах, где была распространена морская торговля и торговцы, отправляясь по своим делам на кораблях, подвергались риску нападений. Так, например, в 1338 г. похожий случай произошел с новгородским купцом Волосом, который плыл на немецком корабле, подвергшемся нападению, во время которого был убит, а имущество его захвачено. Вопрос был рассмотрен правительством Великого Новгорода в мае того же года, и в его решении было официально определена позиция и властей, и истцов – детей Волоса: «истцу ведаться с истцом», т.е. взыскивать ущерб непосредственно с виновника нападения, не привлекая к этому делу иных лиц [7, № 40, с. 71–72].

раблей противника, нахождение на которых золотоордынских торговцев оказалось лишь досадной случайностью¹⁰. И руководивший нападением венецианцев Н. Пизано являлся не частным капитаном, а официальным должностным лицом – адмиралом Светлейшей Республики. Причинение им ущерба купцам Золотой Орды (не находившейся в состоянии войны с Венецией), совершенное во время военных действий против Генуи, придавало публично-правовой характер иску, поданному пострадавшими купцами¹¹. Полагаем, именно поэтому власти Улуса Джучи и не сочли действия венецианцев ни пиратским нападением, ни актом военной агрессии (несмотря даже на убийство двух купцов) и сосредоточились лишь на вопросе возмещения ущерба, причиненного торговцам.

И сами торговцы сразу же обратились не к даруге Крыма или венецианским властям в Азове, а к хану Джанибеку, подав исковое заявление о возмещении причиненного им ущерба. Произошло это, вероятно, уже в 1354 или 1355 г.

С процессуальной точки зрения, интересен вопрос о том, какие именно доказательства могли использовать истцы для обоснования своих требований. В ярлыке Бердибека Кутлуг-Тимуру 1358 г. есть упоминание, что «во времена Рамадана было *говорено и доказано* [курсив наш – Р.П.], что это имущество действительно находится у венецианцев, и вследствие этого оно должно быть оплачено» [8, с. 188]. Таким образом, основным из доказательств были личные показания (нередко подкрепляемые присягой¹²), являвшиеся наиболее распространенным видом доказательств в делах такого рода в рассматриваемый период¹³. Вместе с тем, упоминание не только о «говорении», но и о «доказании» позволяет предположить, что могли быть представлены и иные доказательства: письменные документы (договоры с крымскими контрагентами) и т.п. Не будем забывать, что, судя по именам, среди пострадавших торговцев были представители мусульманских народов, армяне и греки, которые, соответственно, должны были опираться на развитые традиции ведения торговых дел в целом и документального оформления сделок в частности.

¹⁰ Что, впрочем, уже в древности не служило основанием для освобождения от обязанности возместить ущерб, причиненный представителям нейтрального государства [3, с. 325].

¹¹ Подобный вывод подчеркивается также и тем фактом, что в посланиях Рамадана и его преемника на посту крымского даруги Кутлуг-Тимура, адресованных непосредственно венецианским купцам Азова (оба документа входят в ту же «коллекцию»), нет ни слова об иске солхатских купцов, следовательно, частных торговцев ордынские власти в это дело никак не вмешивали.

¹² Что было характерно не только для восточного традиционного, но и для европейского права, применявшегося в итальянских колониях Причерноморья того времени [см., напр.: 6, с. 20].

¹³ Например, во время той же венециано-генуэзской войны 1350–1355 гг. генуэзский флот разграбил Ираклию Фракийскую (принадлежавшую Византии), часть жителей попала в плен и была продана в рабство, и уже много лет спустя, в 1365 г., греческая хозяйка некоей Лючии, проданной генуэзской аристократке, предъявила права на свою рабыню. Основными доказательствами в рамках данного процесса стали показания самой Лючии, которые суд получал от нее не один день в форме «вопрос–ответ» [2, с. 117–118]. Форма «вопрос–ответ» была характерна и для монгольского суда, что нашло отражение даже в фольклоре [см. подробнее: 20].

Золотоордынский монарх, как следует из ярлыка Бердибека Кутлуг-Тимуру, рассмотрел их дело¹⁴ и поручил Рамадану, даруге Крыма, добиться возмещения ущерба от Венеции. Опираясь на собранные материалы дела, Рамадан в исполнение ханского предписания направил венецианскому дожу послание с требованием отпустить пленников и возместить убытки, однако, как следует из того же ярлыка Бердибека Кутлуг-Тимуру, «пришедшему туда не было уплачено, и был запрещен проезд» [8, с. 187]. Можно предположить, венецианские власти, формально не отказываясь от возмещения причиненного купцам ущерба [см.: 18, с. 120], старались затянуть процесс, объясняя свои действия тем, что ведут войну с Генуей, и путешествие ордынских дипломатов (по сути – «судебных исполнителей») в этих обстоятельствах окажется не безопасным. Кроме того, венецианская синьория, блюдя престиж Светлейшей Республики, не пожелала реагировать на послания всего лишь наместника одной из золотоордынских областей¹⁵. Все вопросы, связанные с рассматриваемым иском, она предпочитала решать через своих послов, которые направлялись не в Крым, а непосредственно к ханскому двору¹⁶.

В результате, осознавая невозможность исполнить ханское повеление, Рамадан принял решение, также соответствовавшее международно-правовой практике того времени, по сути, применив «санкции». Он приказал задержать двух венецианских торговцев и арестовать их имущество, о чем и сообщил дожу Д. Градениго в своем послании от 4 марта 1356 г. [8, с. 172]. Не следует считать, что крымский наместник нарушил принципы международного права и привлек к ответственности частных лиц за деяния, совершенные их государством: в самом своем послании он специально подчеркнул, что задержанные купцы «находятся во здравии» и будут отпущены вместе со своим товаром сразу же по освобождении двух ордынских торговцев¹⁷. Обратим внимание, что речь

¹⁴ Вряд ли можно на основании того, что хан лично рассмотрел дело и принял по нему решение, издав соответствующий ярлык, считать, что торговцы из Солхата относились к числу влиятельного купечества, с которым сотрудничали золотоордынские ханы и представители правящих слоев – к т.н. уртакам [см. подробнее: 22, с. 130–146; 36]. Напротив, в деле ни разу не упоминается, что купцы пользовались какими-то особыми правами «государственных торговцев», предъявляли соответствующие документы и пр. На самом деле, право любого подданного обращаться к суду хана являлось давней тюрко-монгольской традицией, которая активно применялась как во времена ранней Монгольской империи (Рашид ад-Дин, в частности, приводит немало рассказов о суде Угедэя в отношении рядовых подданных), и в последних традиционных тюрко-монгольских государствах вплоть до начала XX в. [1; 23, с. 49–64; 32, с. 370].

¹⁵ Направление Рамаданом послания непосредственно дожу, по всей видимости, не было «нарушением субординации», а объяснялось особенностью политической ситуации: по итогам мирного договора между Венецией и Генуей 1355 г. венецианцы отказывались от ведения торговли в Азове в течение трех лет [5, с. 167].

¹⁶ Это соответствует политике Венеции, реализуемой в государствах Причерноморья. Например, все споры, связанные с действиями властей Трапезундской империи против венецианских торговцев, ее консул (байло) решал путем «увещеваний» непосредственно императору, игнорируя многочисленные судебные инстанции этого государства [14, с. 313].

¹⁷ К подобным средствам (или угрозе их применить) нередко прибегали и власти европейских государств: например, в 1446 г. бургундский герцог Филипп Добрый, требуя от Генуи возмещения убытков своего подданного В. де Ваврина (вложившего средства в оснащение корабля, арестованного генуэзскими властями Кафы), пригрозил, что арестует всех генуэзцев, которые ведут дела в его владениях, что привело к принятию решения в пользу бургундского истца [13, с. 348–349].

шла не о конфискации имущества венецианцев, а о своеобразной «мере обеспечения» исполнения Светлейшей Республикой ее обязанности по возмещению убытков. Венецианским властям, практиковавшим защиту и покровительство своим гражданам в международных отношениях [см. подробнее: 16, с. 119–120; 17], пришлось отреагировать на действия золотоордынского наместника.

Обратим внимание, что послание Рамадана о задержании венецианских купцов было написано в Гюлистане, т.е. ханской ставке, куда вскоре прибыл также и венецианский посол А. Венерио, тогда же получивший ханский ярлык на право открыть венецианскую торговую факторию в крымском поселении Провато [8, с. 178]. Полагаем, что приезд даруги к хану объяснялся его намерением либо отчитаться об исполнении ханского повеления, либо объяснить свои действия по задержанию венецианцев, если он тем самым превысил свои полномочия (возможно, подобные действия мог предпринять только сам хан).

Как бы то ни было, действия Рамадана оказались эффективными, и два ордынских пленника, Идумелик и Айнеддин Юсуф, вскоре вернулись домой, пробыв в заключении на Крите 2 года. По мнению А.П. Григорьева, они были доставлены в Орду упомянутым венецианским послом А. Венерио [8, с. 186]. Как полагает А.Г. Еманов, узники были освобождены благодаря усилиям своих бывших спутников Иоанна и Стефана, в чем он склонен видеть пример сплоченности крымских торговых кругов [9, с. 292–294].

Однако причиненный имущественный ущерб так и не был возмещен венецианскими властями, а последовавшая вскоре болезнь и смерть хана Джанибека, надо полагать, приостановила дальнейший ход дела. Судебное разбирательство было возобновлено лишь в 1358 г., уже при его преемнике, Бердибеке, к которому обратились все четверо вышеупомянутых истцов: освобожденные Идумелик и Айниддин Юсуф и способствовавшие их освобождению Иоанн и Стефан, а также Бачман. Примечательно, что если последний по-прежнему требовал полного возмещения убытков в размере 500 сомов, то претензии остальных сократились: вместо 4 тыс. они требовали лишь 2330 сомов. По мнению исследователей, это свидетельствовало о частичном возмещении Венецией причиненного ущерба [8, с. 187–189], однако можно с той же степенью вероятности предположить, что остальная часть убытков принадлежала тем участникам, которые по каким-то причинам не приняли участия в подаче повторного иска (возможно, умерли или просто-напросто предпочли отказаться от безнадежного дела).

Хан Бердибек, подобно отцу, принял решение в пользу своих подданных. Выдав ярлык со своим решением самим торговцам, он также направил ярлык-предписание Кутлуг-Тимуру, новому даруге Крыма, и его коллеге Черкес-беку, даруге Азова, в котором приказывал «не прекращать усилий, направленных к его [захваченного имущества – *Р.П.*] скорейшей оплате» [8, с. 188]. По сути, Бердибек подтвердил решение своего отца (что полностью соответствовало принципам законотворческой и судебной практики Золотой Орды), но с некоторыми изменениями. Во-первых, в его судебном решении были отражены изменившиеся состав истцов и сумма, подлежащая возмещению. Во-вторых, в отличие от Рамадана, Кутлуг-Тимуру и Черкес-беку предписывалось решать вопрос о возмещении уже не с центральными венецианскими властями, а с консулом республики, вновь появившемуся к этому времени в Азове (Тане) [15, с. 178].

Однако затем дело приняло совершенно неожиданный оборот: в него вмешалась ханша Тайдула, мать Джанибека и бабка Бердибека. Известная в средневековых русских источниках как «христианская заступница», она, казалось, и в данном случае задалась целью оправдать подобную репутацию, что следует из ее письма венецианскому дожу Д. Дельфино от 4 марта 1359 г. Сочтя, что требуемая, согласно ханскому решению, сумма окажется «бременем» для консула и купцов Азова, Тайдула в тот же день, когда Бердибек выдал ярлык Кутлуг-Тимуру, в свою очередь, рассмотрела дело и приняла решение... из собственных средств компенсировать часть убытков пострадавшим торговцам, что и было торжественно сделано в присутствии венецианских послов Д. Кверини и Ф. Бона. Свои расходы она отразила в приложенной к посланию «платежной ведомости», которая представляет собой весьма ценный документ, позволяющий прояснить еще некоторые детали судебного процесса в Золотой Орде.

Адресатами выплат, помимо самих пострадавших – Идумелика, Айниддина Юсуфа, Иоанна и Стефана (которые в документе почему-то фигурируют под собирательным обозначением «армяне» [8, с. 215]), и Бачмана, в общей сложности получивших что-то около десятой части суммы иска, – стали также некоторые представители ордынской правящей элиты и участники судопроизводства.

Ордынскими сановниками, на которых распространилась щедрость Тайдулы, стали влиятельный эмир Могул-Буга со своим семейством (среди членов которого отдельно выделен сын Тимур с собственным семейством), его предполагаемый брат Кутлуг-Буга с женами, дети вышеупомянутого крымского даруги Кутлуг-Тимура, азовский даруга Джанука и некий Кичик-Мухаммад. По мнению А.П. Григорьева, их включение в список пожалованных Тайдулой объясняется их высоким статусом и предполагаемым родством с самой ханшей¹⁸. Однако более вероятной причиной выплаты им вознаграждения представляется то, что они могли выступить в качестве «ходатаев» купцов-истцов и были указаны в выданном им (но не сохранившемся до нашего времени) ярлыке Бердибека¹⁹. В соответствии с правовой практикой того времени, они имели право на вознаграждение от тех, чьи интересы представляли, однако, поскольку те и так до сих пор ничего не получили, ханша, по-видимому, решила компенсировать и эти расходы истцов.

Среди других получателей выплат числятся таинственные “*Sadradino et Sirine*”, получившие 500 безантов. Если принять версию А.П. Григорьева о том, что под ними подразумеваются «Садрадин и шерифы», т.е. потомки семьи пророка Мухаммада в Золотой Орде [8, с. 214]²⁰, можно предположить, что они получили вознаграждение за то, что, будучи знатоками мусульман-

¹⁸ Версия о родстве Тайдулы с Могул-Бугой и Кутлуг-Бугой, а также принадлежность к этому семейству Кичиг-Мухаммада, отождествляемого А.П. Григорьевым с Мамаем, подверглась обоснованной критике со стороны В.В. Трепавлова [31, с. 345].

¹⁹ Вовлеченность этих сановников в анализируемое дело косвенно подтверждается тем, что большинство их зафиксированы в качестве «ходатаев» в других актах, посвященных данному делу: так, в ярлыке Бердибека венецианским купцам Азова 1358 г. упомянуты Могул-Буга и Кутлуг-Буга, а в его же ярлыке Кутлуг-Тимуру – тот же Могул-Буга, Кутлуг-Тимур и Тимур [8, с. 166, 188].

²⁰ Отметим, что Д.М. Исхаков в своем специальном исследовании, посвященном потомкам пророка (сейидам) в Золотой Орде и пост-ордынских государствах [11], не упоминает такого представителя этого семейства, хотя и неоднократно пишет о шерифах в Улусе Джучи.

ского права, могли выработать мнение (фетву) о праве ханши поступить таким образом.

Фигурирует среди получивших вознаграждение и «казначей императрицы» – вероятно, как лицо, отвечавшее за материальное обеспечение самого рассмотрения ханшей дела, а также за исполнение ее решения о выплате указанных сумм. Упоминается также «алафа», т.е. вознаграждение деньгами и/или в натуральной форме армянину-переводчику. Это дает основание считать, что перевод для иностранцев (в данном случае – для венецианских послов) в судебных заседаниях обеспечивался самими ордынскими властями. При этом переводчики приглашались для конкретных дел с участием «иностранного элемента», поэтому и вознаграждение определялось, вероятно, в каждом случае.

В качестве «судебных расходов» Тайдула включила в свою «платежную ведомость» также затраты на оформление двух посланий (одно – самому дожу, другое – консулу в Тане), штуку эскарлаты, т.е. отрез дорогой ткани, поднесенный венецианским послам, бумагу «и прочее» общей стоимостью 161 безант [8, с. 206, 216–217]. В соответствии с современными принципами процессуального права, эти статьи расходов могут быть приравнены к судебным издержкам, компенсация которых производится за счет стороны, проигравшей процесс. Соответственно, в данном случае в качестве таковой воспринималась Венецианская республика. В итоге общая сумма составила около 11 тыс. безантов, которые исследователи приравнивают к 550 сомам серебра [8, с. 202, 207]. И теперь власти Венеции должны были выплатить эти средства не пострадавшим ордынским торговцам, а самой ханше: в гражданско-правовых отношениях произошел «переход прав кредитора к другому лицу» (в римской правовой традиции – *delegatio*)!

Как отмечают исследователи, этот шаг Тайдулы, казалось бы, представлявший собой компромиссный вариант решения данного судебного дела, совершенно не устроил ни венецианских послов, выразивших протест против принимаемого решения, ни самого дожа – в силу того, что венецианским властям предлагалось возместить суммы, врученные вовсе не истцам, а многочисленным сановникам и судебным чиновникам Золотой Орды. Соответственно, никакого возмещения от Венеции так и не поступило [8, с. 202; 15, с. 179; 27, с. 36–37].

Однако вряд ли ханша, игравшая столь значительную роль в политике Улуса Джучи и, к тому же, по сведениям Ибн Баттуты, бывшая «самой скупой из хатун» [30, с. 293], могла столь легкомысленно потратить 550 сомов серебра, не рассчитывая вернуть такие значительные средства. Ее прагматизм нашел отражение в еще одном документе, казалось бы, не имеющем прямого отношения к анализируемому судебному делу: речь идет о ярлыке хана Бердибека венецианским купцам Азова от 13 сентября 1358 г. Наряду со стандартными (со времен ярлыка Узбека 1332 г.) условиями пожалования венецианцам территории и разного рода права и привилегий, в этом документе присутствует следующее положение: «В личном указе Тайдулы-хатун подтверждается, что 3 сома с каждого венецианского корабля, прибывающего в Азов, выплачиваются Тоглубаю ее доверенными лицами не от имуществ ханской таможни, а из доли Тайдулы от всей суммы ввозной пошлины. У венецианских купцов ни Тоглубай, ни его доверенные лица на указанную цель ничего не должны запрашивать» [8, с. 165].

А.П. Григорьев, анализируя данный фрагмент, полагает, что Тайдула, в силу своего высокого статуса (старшая супруга Узбека, мать Джанибека и бабушка Бердибека), еще со времени первого ярлыка венецианцам, выданного ее супругом в 1332 г., имела право на какие-то доходы с азовской таможни [8, с. 153]. Однако еще во второй половине XIX в. немецкий исследователь У. Гейд обратил внимание на этот пассаж из ярлыка Бердибека, вполне обоснованно придя к выводу, что право Тайдулы на пошлину с азовской таможни появилось как раз после того, как она возместила ордынским купцам-истцам средства, которые столь долго они требовали от венецианцев. Гейд рассматривает эту пошлину как особый временный налог, который должен был быть отменен после того, как в результате его сбора Тайдула получила бы истраченную сумму [18, с. 120–121]. То, что это был именно отдельный налог, подтверждается уточнением, что Тоглубай, получая от него свою долю, не должен «запрашивать» ничего дополнительно у венецианских купцов, т.е. не распространять свое право на другие обычно взимавшиеся с них налоги и сборы²¹.

По всей видимости, этот дополнительный сбор показался весьма обременительным венецианским торговцам в Азове, в результате чего они усилили нажим на власти Светлейшей Республики, на что, вероятно, и рассчитывали Бердибек и Тайдула. Есть сведения о том, что в декабре 1359 г. к ханше прибыл Г. Бон, дипломат-переводчик из Таны, которому были даны полномочия уладить с ней финансовые вопросы и позволено для этого даже получить кредит у ордынских вельмож или же придать вид кредита требованиям самой ханши [12, с. 25]. Как видим, в итоге все же ордынским властям пришлось окончательно решать иск на уровне локальной венецианской общины в Азове и за ее счет.

Таким образом, можно сделать вывод, что ордынские власти сумели в значительной степени защитить интересы своих подданных в отношениях с Венецией, не прибегая при этом ни к военным средствам, ни к радикальным репрессивным мерам. Длительность этого процесса (с 1353 по 1359 гг.), полагаем, можно объяснить не только стремлением «законным способом» получить возмещение причиненных убытков, но и противоречивость отношений между Золотой Ордой и Венецией. С одной стороны, Светлейшая Республика являлась одним из важнейших торговых партнеров Улуса Джучи, и портить с ней отношения (тем более, после недавнего конфликта 1343–1347 гг.) ордынским властям совершенно не хотелось²². С другой стороны, начавшийся политический кризис в Золотой Орде не мог не подорвать ее престижа на международной арене, и ее властям следовало подкрепить его путем защиты интересов собственных подданных перед иностранными ответчиками. Думается, результат рассмотренного дела в значительной степени позволил им выйти из затруднительного положения.

²¹ Подобный способ взыскания долга также не был ордынским изобретением: например, в 1304 г., когда венецианские пираты разграбили владения Киликийской Армении, ее власти, оценившие ущерб в 30 тыс. драм, ввели для венецианских торговцев (ранее освобожденных от торговых сборов) пошлину в размере 4% от стоимости ввозимых товаров [19, с. 378–379].

²² Объективности ради нельзя не отметить, что и Венеция, со своей стороны, прилагала всяческие усилия, чтобы восстановить отношения (особенно условия торговли), существовавшие между ней и Золотой Ордой до конфликта 1340-х гг. Так, венецианцы еще и в 1360-х гг. боролись за восстановление ранее существовавшего 3%-ного торгового налога тамги, каковой взимался с них до конфликта и был затем повышен до 5% [26, с. 116; 35, р. 407].

Рассмотренный процесс, по всей видимости, сумел убедить иностранные державы, – и, в первую очередь, Венецию, – в том, что Улус Джучи намерен и далее защищать интересы своих подданных, которым причинен ущерб со стороны иностранцев. Это в какой-то мере подтверждается следующим фактом: в 1360-е гг. (т.е. уже в эпоху «Замятни великой» в Золотой Орде!) венецианские пираты захватили несколько ордынских подданных и привезли в Кафу на продажу, всех пиратов подвергли аресту, пленников отпустили, а хозяину корабля вменили в ответственность возместить имущественный ущерб любому подателю жалобы из числа пострадавших [15, с. 176–177].

Таким образом, можно сделать вывод, что в случае возникновения конфликтов гражданско-правового (имущественного) характера власти Золотой Орды имели достаточно четкие механизмы их судебного урегулирования. При этом в основу судебного процесса, средств обеспечения исполнения обязательств и т.п. были положены не только монгольские имперские правовые принципы и нормы, но и обычаи делового оборота, действовавшие в регионе, в котором Улус Джучи контактировал со своими зарубежными партнерами. Это позволяет говорить о высоком уровне правового и процессуального развития Золотой Орды, о том, что международный правовой опыт отслеживался и учитывался ее властями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдурасулов У.* В Хиву в поисках справедливости: церемония «арзод» в Хивинском ханстве // История Узбекистана. 2015. № 2. С. 27–39.
2. *Барабанов О.Н.* Судопроизводство по гражданским делам в генуэзских факториях XIV–XV вв. // Причерноморье в Средние века. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2001. С. 108–128.
3. *Буткевич О.В.* У истоков международного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 881 с.
4. *Ваиари И.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории АН РТ, 2001. С. 193–206.
5. *Волков М.* О соперничестве Венеции с Генуей // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. IV. 1858. Отд. II. С. 151–236.
6. *Гавриленко О.А.* Основні риси цивільного процесу в Північнопричорноморських колоніях Генуї (друга половина XIII – третя чверть XV ст.) // Ученые записки Таврического национального университета. Юридические науки. Т. 24 (63). № 2. 2011. С. 17–22.
7. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
8. *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб.: СПбГУ, 2002. 276 с.
9. *Еманов А.Г.* Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV вв. СПб.: Алетейя, 2018. 368 с.
10. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. 2-е изд., испр. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.
11. *Исхаков Д.М.* Институт сейидов в Улусе Джучи и поздnezолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн, 2011. 228 с.
12. *Карпов С.П.* Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359–60 гг.) // Причерноморье в Средние века. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2001. С. 9–26.

13. Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб.: Алетейя, 2007. 624 с.
14. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. М.: МГУ, 1990. 336 с.
15. Карпов С.П. Латинская Романия. СПб.: Алетейя, 2000. 256 с.
16. Климанов Л.Г. Возвращаясь к эпитафии Якопо Корнаро, Тана, 1362 г.: Comes Arbensis и островной опыт феодализации венецианцев // Сугдейский сборник. Киев; Судак: Академперіодика, 2004. С. 101–163.
17. Климанов Л.Г. Quod sunt cives nostri: статус венецианского гражданства в XIV в. // Культура и общество Италии накануне нового времени. М.: Наука, 1993. С. 28–38.
18. [Колли Л.П.] Извлечение из сочинения Вильгельма Гейда «История торговли Востока в Средние века (Колонии на северном побережье Черного моря. Конец западных колоний северного побережья Черного моря)» // Известия Таврической ученой архивной комиссии № 52. 1915. С. 68–185.
19. Микаелян Г.Г. История Киликийского армянского государства. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1952. 536 с.
20. Носов Д.А. Рукопись монгольской сказки «О старике Боронтае» из собрания ИВР РАН / Пред., транскр., пер. с монг., прим. // Письменные памятники Востока. 2015. № 1 (22). С. 5–11.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
22. Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды. М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.
23. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.
24. Сапронова Ю.В., Ярошенко У.А. Суд и правосудие в Золотой Орде // Академия педагогических идей. Новация. 2018. № 6. С. 698–706.
25. Сидорченко В.Ф. Морские пираты: от Средневековья к современности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. 264 с.
26. Скржинская Е.Ч. Венецианский посол в Золотой Орде: По надгробию Якопо Корнаро, 1362 г. // Византийский временник. Т. 35. 1973. С. 103–118.
27. Скржинская Е.Ч. История Таны // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Наука, 1971. С. 29–64.
28. Сюсюмов М.Я. Морской закон родосцев // Античная древность и средние века: Сб. статей. Вып. 6. Свердловск: УрГУ, 1969. С. 4–29.
29. Талызина А.А. Корсарство и венецианско-генуэзские взаимоотношения в XV в. // Причерноморье в Средние века. Вып. VII. СПб.: Алетейя, 2009. С. 202–214.
30. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Изд. С.Г. Строганова, 1884. 563 с.
31. Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 319–352.
32. Шулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 / Пер. с нем., и коммент. М.С. Гатина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.
33. Шургучиев О.С. Источники о судопроизводстве в Золотой Орде // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 28. 2016. № 6. С. 128–134.
34. Якушева А.А., Калашиникова Е.Б. Суд и правосудие в Золотой Орде // Наука, образование: общество, тенденции и перспективы развития. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 18 июня 2017 г. Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. С. 57–61.
35. Di Cosmo N. Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts // Mongols, Turks and Others. Eura-

sian Nomads and the Sedentary World / Ed. by R. Amitai and M. Biran. Leyden; Boston: Brill, 2005. P. 391–424.

36. Endicott-West E. Merchant Associations in Yuan China: The Ortoy // *Asia Major*. Ser. 3. Vol. 2. Pt. 2. 1989. P. 127–156.

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Поступила 26.12.2019 Принята к публикации 20.02.2020

Опубликована 29.03.2020

REFERENCES

1. Abdurasulov U. V Khivu v poiskakh spravedlivosti: tseremoniya «arzodod» v Khivinskom khanstve [Seeking justice in Khiva: Arzod ceremony in the Khanate of Khiva]. *Istoriya Uzbekistana* [History of Uzbekistan], 2015, 2, pp. 27–39. (In Russian)
2. Barabanov O.N. Sudoproizvodstvo po grazhdanskim delam v genuezskikh faktoriyakh XIV–XV vv. [Court procedure on civil suits in Genoese trading stations of the 14th–15th cc.]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea Region in the Middle Ages], Is. 5. St. Petersburg: Aleteyya, 2001, pp. 108–128. (In Russian)
3. Butkevich O.V. *U istokov mezhdunarodnogo prava* [Origins of the International Law]. St. Petersburg: Law Center Press, 2008. 881 p. (In Russian)
4. Vásáry I. Zhalovannye gramoty Dzhuchieva Ulusa, dannye ital'yanskim gorodam Kafa i Tana [Granting charters of the Jochid Ulus given to Italian cities of Kafa and Tana]. In Usmanov M.A. (ed.). *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ord)*. *Ot Kalki do Astrakhani. 1223–1556* [Source study of the Jochid Ulus (the Golden Horde). Since the Kalka to Astrakhan. 1223–1556]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2001, pp. 193–206. (In Russian)
5. Volkov M. O sopernichestve Venetsii s Genuey [On rivalry of Venice and Genoa]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Proceedings of the Odessa Society of History and Antiquities], 1858, Vol. 4, sect. 2, pp. 193–206. (In Russian)
6. Gavrilenko O.A. Osnovni risi tsivil'nogo protsesu v Pivnichnoprichernomors'kikh koloniyakh Genui (druga polovina XIII – tret'ya chvert' XV st.) [Basic features of the civil procedure in the Black Sea colonies of Genoa, second half of 13th – third quarter of 15th c.]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Proceedings of the Tauric National University. Legal Sciences], 2011, Vol. 24 (63), no. 2, pp. 17–22. (In Ukrainian)
7. Valk S.N. (ed.). *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Charters of the Great Novgorod and Pskov]. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1949. 408 p. (In Russian)
8. Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. *Kollektsiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii: Istochnikovedcheskoe issledovanie* [The Collection of the fourteenth-century Golden Horde Documents from Venice: The Source Study]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2002. 276 p. (In Russian)
9. Emanov A.G. *Mezhdru Polyarnoy zvezdoy i Poludennym Solntsem: Kafa v mirovoy torgovle XIII–XV vv.* [Between the Pole Star and Middy Sun: Kafa in the World Trade of the 13th–15th cc.] St. Petersburg: Aleteyya, 2018. 368 p. (In Russian)

10. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate], 2nd ed., rev. Moscow: Oriental Literature, 2006. 303 p. (In Russian)
11. Iskhakov D.M. *Institut seyidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoodynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [Institute of the Sayyids in the Jochid Ulus and the Late Golden Horde States]. Kazan: Fen, 2011. 228 p. (In Russian)
12. Karpov S.P. Venetsianskaya Tana po aktam kantslera Benedetto B'yanko (1359–60 gg.) [The Venetian Tana according to Acts of Chancellor Benedetto Bianco]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea region in the Middle Ages], Is. 5. St. Petersburg: Aleteyya, 2001, pp. 9–26. (In Russian)
13. Karpov S.P. *Istoriya Trapezundskoy imperii* [The History of the Trebizond Empire]. St. Petersburg: Aleteyya, 2007. 624 p. (In Russian)
14. Karpov S.P. *Ital'yanskies morskies respubliki i Yuzhnoe Prichernomor'e v XIII–XV vv.: problemy trgovli* [Italian Maritime Republics and the South of the Black Sea Region in the 13th–15th cc.: Problems of Trade]. Moscow: Moscow State University Publ., 1990. 336 p. (In Russian)
15. Karpov S.P. *Latinskaya Romaniya* [The Latin Romania]. St. Petersburg: Aleteyya, 2000. 256 p. (In Russian)
16. Klimanov L.G. Vozvrashchayas' k epitafii Yakopo Kornaro, Tana, 1362 g.: Comes Arbensis i ostrovnoy opyt feodalizatsii venetsiantsev [Back to the epitaph of Jacopo Cornaro, Tana, 1362: Comes Arbensis and the island experience of feudalization of the Venetians]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeian Collection]. Kyiv; Sudak: Akadempriodika, 2004, pp. 101–163. (In Russian)
17. Klimanov L.G. Quod sunt cives nostri: status venetsianskogo grazhdanstva v XIVv. [Quod sunt cives nostri: the status of Venetian citizenship in the 14th c.]. *Kul'tura i obshchestvo Italii nakanune novogo vremeni* [Culture and Society of Italy on the Eve of the Modern Age]. Moscow: 'Science', 1993, pp. 28–38. (In Russian)
18. Heyd G. *Geschichte des Levantehandels im Mittelalter* [Russ. ed. by Kolli L.P. (transl.). Izvlechenie iz sochineniya Vil'gel'ma Geyda "Istoriya trgovli Vostoka v Srednie veka (Kolonii na severnom poberezh'e Chernogo morya. Konets zapadnykh koloniy severnogo poberezh'ya Chernogo morya)". Proceedings of the Tauric scientific archival commission, no. 52, 1915, pp. 68–185]. (In German, Russian)
19. Mikaelyan G.G. *Istoriya Kilikiyskogo armyanskogo gosudarstva* [The History of Cilician Armenian State]. Erevan: Academy of Sciences of Armenian SSR, 1952. 536 p. (In Russian)
20. Nosov D.A. Rukopis' mongol'skoy skazki "O starike Borontae" iz sobraniya IVR RAN. Pred., transkr., per. s mong., prim. [Manuscript of the Mongolian Folktale "About old man Borontai" from IOM, RAS Collection: foreword, transcription and translation from Mongolian]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written Monuments of the Orient], 2015, no. 1 (22), pp. 5–11. (In Russian)
21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 25. *Moskovskiy letopisniy svod kontsa XV v.* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 25. Moscow Annalistic Collection of the end of 15th c.]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1949. 464 p. (In Russian)
22. Pochekaev R.Yu. *Pravovaya kul'tura Zolotoy Ordyy* [Legal Culture of the Golden Horde]. Moscow: Yurlitinform, 2015. 312 p. (In Russian)
23. Rashiduddin Fazlullah's *Jami'u't-tawarikh. Compendium of Chronicles. A History of the Mongols* [Russ. ed.: Rashid al-Din. Sbornik letopisey, vol. 2 / Transl. from Persian by Yu.P. Verkhovskiy, notes by Yu.P. Verkhovskiy and B.I. Pankratov, ed. by I.P. Petrushevskiy. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1960. 253 p.]. (In Russian)
24. Sapronova Yu.V., Yaroshenko U.A. Sud i pravosudie v Zolotoy Orde [Court and justice in the Golden Horde]. *Akademiya pedagogicheskikh idey. Novatsiya* [The Academy of Pedagogic Ideas. Innovation], 2018, no. 6, pp. 698–706. (In Russian)
25. Sidorchenko V.F. *Morskies piraty: ot Srednevekov'ya k sovremennosti* [Sea Pirates: from Middle Age to the Present]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2016. 264 p. (In Russian)

26. Skrzhinskaya E.Ch. Venetsianskiy posol v Zolotoy Orde: Po nadgrobiyu Yakopo Kornaro, 1362 g. [Venetian Ambassador in the Golden Horde. Based on the tombstone of Jacopo Cornaro, 1362]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Kronika], 35, 1973, pp. 103–118. (In Russian)
27. Skrzhinskaya E.Ch. Istoriya Tany [History of Tana]. In: Skrzhinskaya E.Ch. (transl.). *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazey v XV v.* [Barbaro and Contarini on Russia. On the History of Italian-Russian Relations in the 15th c.]. Moscow: 'Science', 1971, pp. 29–64. (In Russian)
28. Syuzyumov M.Ya. Morskoy zakon rodostsev [Rhodes Maritime Law]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [The Ancient World and Medieval Age: Collected works], 6. Sverdlovsk: Ural State University, 1969, pp. 4–29. (In Russian)
29. Talyzina A.A. Korsarstvo i venetsiansko-genuezske vzaimootnosheniya v XV v. [Corsairs and Venetian-Genovese relations in the 15th c.]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea Region in the Middle Ages], 7. St. Petersburg: Aleteyya, 2009, pp. 202–214. (In Russian)
30. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordya. T. I: Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collected Materials Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1: Extracts from the Arabic Sources]. St. Petersburg: Publ. by S.G. Stroganov, 1884. 563 p. (In Russian)
31. Trepavlov V.V. Predki "Mamaya-tsarya". Kiyatskie beki v "Podlinnom rodoslove Glinskikh knyazey" [Ancestors of the "king Mamay". The Kiyat begs in the "Original Genealogy of the Glinskiy princes"]. *Tyurkologicheskiy sbornik* [Turcological Collection], 2006. Moscow: Oriental Literature, 2007, pp. 319–352. (In Russian)
32. Spuler B. *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland (1223–1502)* [Russ. ed.: Gatin M.S. (transl.). Shpuler B. Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2016. 500 p.]. (In German, Russian)
33. Shurguchiev O.S. Istochniki o sudoproizvodstve v Zolotoy Orde [Sources on the proceeding in the Golden Horde]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Proceedings of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences], 2016, Vol. 28, no. 6, pp. 128–134. (In Russian)
34. Yakusheva A.A., Kalashnikova E.B. Sud i pravosudie v Zolotoy Orde [Court and justice in the Golden Horde]. *Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendentsii i perspektivy. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferentsii* [Science, Education, Society: Trends and Perspectives. Collected materials of the 6th International scientific and practical conference]. Cheboksary, June 18, 2017. Cheboksary: Interactive Plus, 2017, pp. 57–61. (In Russian)
35. Di Cosmo N. Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts. *Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Amitai R., Biran M. (eds.). Leyden; Boston: Brill, 2005, pp. 391–424.
36. Endicott-West E. Merchant Associations in Yuan China: The Ortoy. *Asia Major*, ser. 3, no. 2, pt. 2, 1989, pp. 127–156.

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate professor, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198099, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

*Received December 26, 2019 Accepted for publication February 20, 2020
Published March 29, 2020*

УДК 94(47).031"12/13"

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.67-86

**К ВОПРОСУ О ТУЛЬСКОМ БАСКАЧЕСТВЕ
НА ЗЕМЛЯХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
ЧЕРНИГОВСКОГО КНЯЖЕСТВА XIII–XIV вв.**

А.А. Майоров

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
Орел, Российская Федерация
aamajorov@rambler.ru*

Цель исследования: выявление совокупности причин, приведших к возникновению, функционированию и исчезновению на северо-восточных территориях Черниговского княжества во второй половине XIII – первой половине XIV вв. ордынских управленческих структур, не связанных с правящей княжеской династией.

Материалы исследования: средневековые русские летописи – Лаврентьевская, Ипатьевская, Воскресенская, Никоновская, Рогожский летописец. Договорные грамоты русских князей, ярлыки ордынских ханов, результаты археологических исследований, воспоминания европейских путешественников.

Результаты и научная новизна: анализ собранного и систематизированного материала показывает, что первоначальное возникновение ордынских управленческих структур, не связанных с правящей княжеской династией («баскачество Тайдулы»), было обусловлено необходимостью сохранения управляемости землями, непосредственно прилегавшими к донскому торговому пути. Продолжение их дальнейшего функционирования в определенной степени было обусловлено организацией здесь ряда товарных ремесленных производств, необходимых для ведения коммерческой деятельности с использованием донского торгового пути. Следствием исчезновения «баскачества» стала, наряду с прочим, практически полная депопуляция региона. К падению баскачества могли привести, наряду с ордынской Великой Замятней второй половины XIV в., также воздействие косвенных последствий эпидемии чумы («Чёрной смертью») на поддерживавшиеся ранее деловые контакты и военная агрессия Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: Золотая Орда, северо-восток Черниговщины, управление землями, баскаки, Тульское баскачество, донской торговый путь, товарное ремесленное производство, Великая замятня, эпидемия чумы

Для цитирования: Майоров А.А. К вопросу о тульском баскачестве на землях северо-восточной части Черниговского княжества XIII–XIV вв. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 67–86. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.67-86

**ON THE FUNCTION OF THE TULA BASQAQS
IN THE NORTHEASTERN PART OF THE CHERNIGOV PRINCIPALITY
IN THE THIRTEENTH AND FOURTEENTH CENTURIES**

A.A. Mayorov

*Orel State University named after I.S. Turgenev
Orel, Russian Federation
aamayorov@rambler.ru*

Abstract: *Research objectives:* Identification of the set of reasons that led to the emergence, function, and disappearance of the Golden Horde's administrative structures not related to the ruling princely dynasty in the northeastern territories of the Chernigov principality in the second half of the thirteenth and first half of the fourteenth century.

Research materials: Medieval Rus'ian chronicles; namely, the Laurentian, Hypatian, Resurrection, Nikonian, and Rogozhskii Chronicles. Contractual charters of Rus'ian princes, yarliqs of the Golden Horde khans, the results of archaeological research, and memoirs of European travelers.

Results and novelty of the research: An analysis of the collected and systematized materials shows that initially the Golden Horde administrative structures that were not connected with the ruling princely dynasty ("Taydula's basqaqship") arose because of the need to preserve the administration in the lands directly adjacent to the Don trade route. To a certain extent, the continuation of their further functioning was due to the local organization of a number of commodity handicraft industries which were necessary for conducting commercial activities using the Don trade route. The consequence of the disappearance of the "basqaqship" was, among other things, an almost complete depopulation of the region. Along with the Time of Troubles in the Golden Horde in the second half of the fourteenth century, the disappearance of the "basqaqship" could have been caused both by indirect consequences of the plague epidemic (Black Death), which had a negative impact on business contacts, and the military aggression of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Golden Horde, northeast of the Chernigov principality, administration of territories, Basqaqs, Tula Basqaqship, Don trade route, commodity craft production, Golden Horde's Time of Troubles, plague epidemic

For citation: Mayorov A.A. On the Function of the Tula Basqaqs in the Northeastern Part of the Chernigov Principality in the thirteenth and fourteenth centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 67–86. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.67-86

Вопросы организации системы управления русскими землями после монгольского завоевания достаточно давно привлекают внимание историков. Как известно, одним из направлений организации административной деятельности на завоеванных землях стало назначение специальных уполномоченных представителей, направляемых непосредственно из ордынского центра — баскаков (даруг). Подробный анализ совпадений и несовпадений различных аспектов статуса и полномочий даруг (даругачи) и баскаков на разных территориях и в разные периоды существования Монгольской империи и ее наследников содержится в работах С.А. Масловой [25, с. 23–26; 26, с. 80–109]. Следует отметить большую гибкость и вариативность организации их деятельности в разных ситуациях в зависимости от поставленных задач. Черни-

говское княжество, бывшее одним из самых крупных и населенных на территории Руси, своей историей даёт материал, необходимый для разностороннего рассмотрения данной проблематики.

Специфику организации территориального управления на постчерниговских территориях XIII в. характеризует весьма известный и крайне интересный феномен, известный как Ахматовы слободы. Сам рассказ о них, базирующийся на ряде летописных сообщений, весьма популярен в исследованиях российских историков. Его изложение и анализ, с разными выводами и датировками, можно наблюдать в десятках работ, начиная с В.Н. Татищева, продолжая произведениями Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, М.С. Грушевского и многих других [43, с. 62–68; 12, с. 135–138; 41, стб. 899–902; 9, с. 183–185]. Тема эта в более позднее время была очень подробно проработана А.Н. Насоновым, В.В. Каргаловым, рядом других исследователей [28, с. 17–21, 70–71; 8; 13, с. 154–161]. Рассмотрению обстоятельств их возникновения, функционирования и исчезновения посвящено несколько серьезных современных исследований, дающих качественный историографический обзор, а также тщательный анализ событийного ряда в совокупности с общеполитической обстановкой того периода. Одной из наиболее полных стала работа В.А. Кучкина, где был дан подробный анализ имеющихся летописных сообщений, уточнена датировка событий и их географическая локализация, проведён анализ и «ранжировка» сохранившихся письменных сообщений по полноте и достоверности [16]. Не была обойдена эта тема и в исследованиях, посвященных изучению взаимоотношений русских и ордынских властей [24].

Стоит отметить, что с начала процесса покорения русских княжеств монгольские завоеватели отнюдь не демонстрировали неодолимое желание кардинально менять сложившуюся на Руси административную традицию и, по всей видимости, планировали привлечь к локальному управлению местные управленческие ресурсы путем использования представителей существовавших княжеских родов. Судя по всему, главным требованием, предъявляемым завоевателями потенциальному управленцу высокого ранга было признание верховной власти Чингизидов и принятие на себя ряда достаточно чётко очерченных финансовых и материальных обязательств. Символом наделения полномочиями было вручение конкретному русскому князю именного ханского ярлыка на управление землями, традиционно принадлежавшими присягнувшему княжескому роду [34, с. 176–180].

В пользу данной гипотезы свидетельствуют сообщения русских летописей о начале Кипчакского похода: «...приидоша отъ восточныя страны на Рязаньскую землю... безбожнии Татарове со царемъ Батыемъ... и оттоле послаша послы своя... ко княземъ Рязанскимъ, прося у нихъ десятины во всемъ...» [36, с. 221]. Другое сообщение: «...Меньгоуканови же. пришедшоу сглядать град Кыева... присла послы свои к Михайлоу и ко гражданамъ. Хотя е прельстити...» [37, стб. 782]. Заметно, что первым шагом при встрече с новым противником со стороны монголов, если на них не нападали, была обычная посылка послов и переговорщиков. Из текста не всегда понятно, по какой причине русские князья, в большинстве своём, сразу же отвергали предложения или даже нападали на послов (что являлось грубейшим нарушением принятых этических норм и подлежало обязательному наказанию). Возможно, свою роль играла недооценка противостоящего противника в силу

давнего навыка успешной борьбы с набегами степняков, может быть, имелась определенная переоценка собственных сил, ожидание вероломства от захватчиков, либо присутствовали какие-то иные причины. Факт остаётся фактом: князья русские и горожане не верили послам и вступали в славный, но безуспешный бой. В других частях Евразии, также подвергшихся завоеванию, ситуация в ряде случаев развивалась несколько менее кроваво.

В частности, на государство сельджуков монголы напали и нанесли несколько серьёзных военных поражений в 1242 г. Следующий 1243 г. для тюрок также не стал более успешным. В сложившейся обстановке «Везир и кадий Амаси... самостоятельно решили отправиться в ставку к монгольскому нойону Байджу и попросить его заключить мир с сельджуками... Байджу благосклонно отнесся к визиту везира и кадия, заверивших его, что сельджукский султан признает власть монгольского хана и будет регулярно платить дань» [11, с. 256–257]. Была оговорена величина дани. По сообщениям хронистов, султан был чрезвычайно доволен договорённостью. Батый повелел султану управлять государством сельджуков [11, с. 256–257].

Таким образом, целью монголов-завоевателей выступало отнюдь не одноразовое ограбление захваченных территорий, а, скорее, установление планомерного и упорядоченного поступления даней и сборов из стран, приведённых (военным или невоенным образом) к покорности. Как только обнаруживался уполномоченный правитель, готовый подчиниться завоевателям, практически сразу начиналось выстраивание местной управленческой вертикали как части единой имперской системы руководства и управления. Русь не являлась исключением: после военной победы основной формой организации управленческих структур на территории русских княжеств стало включение местной княжеской элиты в состав управленческого аппарата монгольской империи на правах высших служащих.

Несмотря на относительно «конструктивный» подход со стороны новых правителей, первоначальный вариант одноканальной системы управления русскими княжествами (посредством «принятия на службу» князя в качестве вассала-наместника и местного налогового агента), вероятно, оказался не вполне удачным для целей налогообложения. На это указывает то обстоятельство, что после информации о проведении переписей населения завоеванных княжеств сразу же следуют сообщения о назначении специальных чиновников от центральной власти для контроля за сбором платежей на местах. Первые сообщения об учёте количества жителей Черниговского княжества относятся к середине 40-х гг. XIII в.: «...инеи крыяхуся в пещерах и в лесехъ... тех же не по колецех временех осадиша в градех, и сочтоша я в число, и начаша на них дань имати» [31, с. 298]. Подтверждение и конкретизация летописной информации имеется уже в сообщении Плано Карпини: «... В бытность нашу в Руси, был прислан туда один Сарацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Батыя. И этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного... Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый... платил... дань...» [33, с. 33]. В любом случае статистические обследования были на захваченных территориях произведены.

По всей видимости, результаты переписей податного населения, проведенных имперской администрацией, и результаты сбора обязательных плате-

жей в значительной степени не коррелировали между собой, что породило в имперской администрации предположения о неэффективности фискальной деятельности князей: «баскаки появились тогда, когда с этой обязанностью русские князья перестали справляться, и исчезли, когда князья смогли вновь контролировать выплату дани» [24, с. 39]. Вопросы тесной взаимосвязи деятельности баскаков с наведением порядка в сфере уплаты обязательных платежей, которые русскими летописями зачастую трактуется как вооружённые вторжения татар, слишком объёмны для настоящей работы. В то же время аспект их деятельности, связанный с прямым участием в управлении рядом территорий, подлежит дальнейшему рассмотрению.

Баскаки впервые отмечены русскими летописями под 1255 г.: «...изъехавше яша. Милея баскака. и приведе Левъ» [37, стб. 829]. Никаких дополнительных пояснений о роли баскака летопись не содержит, а потому можно предполагать, что наличие баскака было делом привычным, а их функции в детализации не нуждались. Текст сделанного с ярлыка Менгу-Тимура от 1267 г. списка, датированного последней четвертью XIV в., упоминает баскаков примерно на уровне чуть выше княжеского: «...Менгутемерьво слово людьским баскаком и князем и польчным князем...» [32, с. 467]. Подобное положение весьма интересно, поскольку следующее упоминание баскаков в этом же ярлыке не сопровождается ссылкой на князей, но определяет баскаков как высшую категорию лиц, которые уполномочены собирать дань и оперировать финансами: «...от попов и от черньцов ни дани ни иного чего ни хотять ни възмутъ баскаци, княжи писцы, поплужники, тамошники» [32, с. 468].

Плано Карпини также упоминает баскаков: «Башафов (Baschathos), или наместников своих, они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Татарам...» [33, с. 34]. В приведённом отрывке баскаки представлены в качестве чиновников, надзирающих за соблюдением порядков, норм и правил, установленных завоевателями, уполномоченных вызывать вооружённые отряды, карающие за непослушание.

Роль баскаков (другой вариант термина – даруг, от монгольского «представитель хана, наместник») в качестве организаторов и контролёров сбора дани была многократно рассмотрена. Иная сторона их деятельности – территориальное администрирование – также привлекала внимание исследователей, но изучена в несколько меньшей степени. Данное обстоятельство связано с малым объёмом дошедшего до наших дней письменного материала. Некоторые важные детали, характеризующие это направление административной активности, содержатся в упомянутом выше летописном рассказе об Ахматовых слободах.

Изложение краткой, но весьма драматичной канвы событий не занимает много места в описании 1283–1284 гг. Баскак Ахмат, откупив (по видимому, у администрации Ногай) право сбора дани в Курском княжении, поставил две слободы, где довольно быстро «...умножишася люди въ свободахъ техъ, съ всехъ сторонъ сшедшеся...» [41, с. 79]. Причем, судя по всему, для возвращения этих людей на прежнее место их нахождения местным князьям Олегу и Святославу потребовалось, в отсутствии самого Ахмата, получив предварительное разрешение у хана Телебуги, «...пограбити обе те свободы, а иныхъ

поимати, а иных поковати повеле, а свои люди выведе въ свою отчину» [41, с. 79]. Последовавший затем ряд вооруженных столкновений стал показателем наличия серьезных внутриордынских противоречий между Ногаем и сарайским ханом, которыми пытались воспользоваться (большей частью неудачно) местные правители [41, с. 92–93].

Следует указать, что реальная датировка описанных событий, в соответствии с современными взглядами, отличается от приведённой в летописях. В частности, признанным считается их отнесение к несколько более позднему периоду, так как упомянутый в изложении событий хан Телебуга правил с 1287 г. по 1291 г. [8, с. 83–87]. Кучкин полагает, что «...наиболее реальная дата происшедших в Рыльско-Воргольском, Липовичском и курском княжениях событий – весна 1289 – осень 1290» [16, с. 38].

Политические и военные результаты происшедшего достаточно подробно рассмотрены в уже упомянутых ранее работах. Для настоящей статьи важным является указание на то, что «...Ахмать, держаше баскачество Курьскаго княжения, откупаша у Татаръ дани всякия... Еще къ тому наряди две свободе въ отчине Олга» [41, с. 79]. Из логики повествования вытекает, что «держание баскачества» и «постановка слобод» представляли собой действия, не связанные между собой напрямую, но допустимые для баскака, работающего с местным княжением. Рутинность упоминания подразумевает, что подобного рода экономическая активность высокопоставленных имперских чиновников, которыми в описанной ситуации представляются баскаки (даруги), по всей видимости, никак дополнительно не ограничивалась.

Сюжет со слободами важен, в контексте рассмотрения различных аспектов развития северочерниговских земель в ордынский период, по двум основным причинам. Первая, самая явная, заключается в наглядности имевших место событий в качестве иллюстрации протекавших здесь процессов: особенностей организации территориального управления на подконтрольных Орде землях, специфики отношения рядовых людей к новой не княжеской власти, последствий внутреннего соперничества в верхах ордынской администрации для более низких социальных слоёв. Вторая – возможность отследить предполагаемые последствия реализации нестандартных форм территориального управления.

Данные упомянутых выше исследований позволяют сделать вывод о наличии признаков ощутимого ограничения рамками имперских норм и порядков ранее неограниченных властных полномочий и административных возможностей русских князей, уже вошедших в структуру ордынской правящей вертикали. В частности, весьма скоро «в Курске уже не было князя, там обосновался баскак, прерогативы которого распространялись и на Рыльское княжество» [16, с. 49]. Курский археолог профессор В.В. Енуков ещё в начале 90-х гг. прошлого века выявил явную связь весьма основательно исследованного Ратского (Бесединского) археологического комплекса (города Ратун/Ратно) с Ахматовыми слободами [2, с. 72, 91–95]. Ведущиеся в настоящее время раскопки, судя по сообщениям местной прессы, демонстрируют впечатляющую масштабность поселения. Помимо того, был «...выявлен факт проживания смешанного населения в XIV в., что противоречит версии о его угасании после набега соседних русских князей на слободы, состоявшегося в

1290 г.» [22, с. 81]. Таким образом, в настоящее время имеются материальные подтверждения долговременного существования на землях Черниговского княжества крупных поселений городского типа, датируемых ордынским периодом, чьё население состояло из носителей различных этнических, религиозных и культурных традиций и явно находилось под управлением администрации, не имевшей прямого отношения к русским княжеским династиям.

Следует указать, что Плано Карпини также упоминал о существовании целых зон, находившихся под управлением монголов, но населённых не ими (монголами), а их подданными, причём общая площадь территорий могла насчитывать несколько сот квадратных километров [33, с. 45; 10, с. 37–38]. Более того, на этих землях вполне могли размещаться целые «...города. сядяция. за Татары...» [37, стб. 838]. Таким образом, создание территорий, находившихся в полном административном ведении ордынской (в данном случае баскаческой) администрации, выглядит нормальной деловой практикой второй половины XIII в.: «Компетенция баскаков распространялись на целые области, такие как Курское княжество и Червлёный Яр» [24, с. 39]. Весьма характерным, в этой связи, выглядит замечание летописца о фактически добровольном уходе людей из-под власти этнически близких им русских князей под руку баскака Ахмата («съ всехъ сторонъ шедшеся») и их нежелании возвращаться, что вызывало недовольство местных правителей («иныхъ поимати, а иных поковати повеле») Баскаческое управление территорией сделало фактически избыточным функционирование местной княжеской администрации в Курске и Рыльске: все финансовые обязательства исполнялись, а местное население шло в слободы, по всей видимости, вполне охотно. Судя по всему, опыт построения новой управленческой структуры «с нуля» оказался вполне успешным.

Представляется, что экстраполяция выявленных специфических черт описанной ситуации на другие постчерниговские пространства и институты может быть весьма плодотворной ввиду того, что на северо-восточном их крае, в районе, прилегающем к современной Туле, традиционно прослеживаются земли, которыми «...баскаци ведали» [15, с. 344]. Следует помнить, что существуют различные трактовки термина «ведали», которые определяют его значение по-разному: «управляли», «судили», «осуществляли фискальные функции» [17, с. 31–32]. Не вдаваясь в детали данного спора, можно, тем не менее, указать, что каждый из перечисленных вариантов трактовки термина «ведать» входит в качестве обязательной составной части в средневековое понимание вопросов управления и администрирования.

Согласно данным археологических исследований территорий, идущих полосой от южного берега Оки через современную Тулу, нынешнее Куликово Поле к Ельцу, здесь во второй половине XIII – первой половине XIV вв. сложилась специфическая демографическая, культурная и политическая обстановка, нетипичная для большей части соседних территорий. Упоминания о событиях, происходящих на землях, соответствующих многим современным восточным тульским районам, практически исчезают из русских летописей. Верховские и рязанские князья (обе категории – в широком смысле этого слова) практически прекращают здесь всякую самостоятельную деятельность. Лишь во второй половине XIV в. (в 1381 г.) новые лидеры северо-востока – московские князья – для вхождения на указанные территории включают отдельное упоминание о них в большое внешнеполитическое со-

глашение с Рязанью [15, с. 344]. Ранее предполагалось, что это было обусловлено полным запустением этих земель.

По всей видимости, позиции потомков черниговского и рязанского кланов Рюриковичей после ордынского завоевания здесь действительно ослабли и были недостаточны для осуществления эффективного контроля сбора и уплаты дани в пользу правителей Монгольской империи (затем – улуса Джучи), а также выполнения иных властных функций. В пользу подобной гипотезы говорят данные раскопок поселений этого периода: были разрушены и исчезли, по меньшей мере, 10 домонгольских городищ, чётко определяемых как древнерусские укрепленные поселения [3, с. 208–209, 221–222; 4, с. 21–22, 22–23, 35–36, 62, 102, 122–123, 131, 151]. Укрепленное поселение было неизменным признаком княжеской власти, а «древнерусский город ...это и административно-хозяйственный центр большой округи (волости), очаг культурного развития и идеологического господства» [14, с. 6]. Следует упомянуть, что именно здесь в несколько более ранний период располагались основные территории вятичского этнополитического объединения (по меньшей мере, до третьей четверти XII в. сохранявшего заметную степень самостоятельности и определенную степень политической субъектности), которые впоследствии стали отдаленной, преимущественно языческой, окраиной Черниговского княжества [21].

Косвенным указанием на слабость (либо исчезновении) княжеской власти и присутствие «вятичской» языческой тематики являются результаты археологических исследований захоронений, которые демонстрируют явное наличие признаков, по меньшей мере, «двоеверия» при захоронении местных жителей с XII по XIV вв.: «Форма обряда становится христианской, а многие детали соответствуют языческим представлениям. Наличие угля, обожжённых веток и соломы, зольные пятна у костяков, прокал стенок и дна могильных ям, керамический бой в их заполнении, связываемый с обычаем ритуального битья посуды во время трапезы, «дары» погребённым, наличие камней на или около захоронений, нестабильное положение рук – вот неполный перечень языческих черт» [7, с. 149]. Предположение о вятичском участии в заселении территории подтверждается находками типичных вятичских украшений, датированных ранними, и позднейшими сроками их распространения [7, с. 189–193, 196–197]. Таким образом, «идеологическое господство» явно не было обеспечено и в предшествующий период.

Возвращаясь к теме «городов», следует отметить, что до настоящего времени археологические исследования данных территорий не выявили признаков, указывающих на существование здесь в период со второй половины XIII в. по последние десятилетия XIV в. какой-либо городской русской инфраструктуры, подтверждающей наличие княжеского контроля этих земель. На этих землях вскоре после их монгольского завоевания и разрушения прежних черниговских крепостей возникают новые поселения с крупными ремесленными мастерскими разной специализации, явно нацеленными на удовлетворение более широких потребительских потребностей, нежели у ощутило сократившегося местного сельского населения [4, с. 15–17, 87, 109–111]. Для прежнего порядка административно-территориальной организации данное обстоятельство выглядит необычным, так как сельское общество, в отличие от городского, лишь в редких случаях могло создавать излишки товарной массы, достаточные

для формирования объемного и постоянного потребительского рынка, присутствие которого представляется обязательным условием успешного и длительного функционирования означенных ремесленных мастерских.

Следует указать, что русские князья этого времени являлись составной частью высшего ордынского управленческого аппарата и, наряду с баскаками (и даругами), должны были выполнять и реализовывать все предусмотренные властные, финансовые и судебные функции. Для местных жителей тарусский, карачевский либо пронский князь (он же официальный монгольский нойон) был, по всей видимости, чужаком лишь немногим менее чуждым, чем присланный из Орды татарский (монгольский, персидский, хорезмский и т.д.) баскак. Поэтому, исходя из опыта весьма эффективного функционирования на юге прежних черниговских земель Ахматовых слобод, летописных сообщений и косвенных данных археологических исследований, существование в период со второй половины XIII в. по последние десятилетия XIV в. к северу и югу от современной Тулы особой территории, управляемой ордынскими чиновниками (баскаками), не имевшими прямого отношения к династии Рюриковичей, но выполнявшими такие же управленческие функции, как и поставленные Ордой (улусом Джучи) русский князья, следует признать вероятным и подтверждаемым.

Беглое рассмотрение археологической ситуации на территории, протянувшейся от северных окрестностей современной Тулы до современного же Ельца, позволяет выявить ряд аргументов в пользу гипотезы о возможности функционирования здесь полноценной самостоятельной (вероятно, баскаческой) административной структуры. Более того, даже современная Тула, по всей видимости, имела непосредственного предшественника в виде поселения этого периода, находившегося в нескольких километрах от города и в настоящее время известного в качестве комплекса поселений (селищ и городищ) Торхово на р. Синетулица, относительно благополучно и непрерывно просуществовавшего в течение XII–XIV вв. [4, с. 160–164] В пользу данного предположения имеется достаточно большое количество подтверждений [17, с. 209–212].

Как указывалось выше, полоса территорий, находившихся под контролем гипотетического Тульского баскачества, по всей видимости, проходила от Оки через окрестности современной Тулы к югу – в междуречье р. Дона и р. Красивая Меча. Именно здесь находится знаменитое Куликово поле, ставшее местом одного из самых известных русских сражений XIV в. – Куликовской битвы. Большинство дошедших источников указывает на отчётливо «татарскую» принадлежность этих земель даже по состоянию на 1380 г., что является весомым, хотя и косвенным аргументом в пользу озвученного выше предположения [1, с. 213–216].

Результаты археологических исследований окрестных территорий подтверждают первоначальное сокращение численности населения и числа населенных пунктов сразу после ордынского завоевания в середине XIII в.: «События ...связанные с Батыевым нашествием, резко изменяют ситуацию в Верхнедонском регионе... Происходит значительный отток русского земледельческого населения в более безопасные, видимо, северные регионы. Прекращают свое существование поселения южной, остепненной части Поля, а также гнезда памятников, расположенных на водораздельных территориях поблизости от древних сухопутных дорог. Наиболее сильное запустение тер-

ритории приходится на середину – 3-ю четверть XIII в.» [7, с. 85–86]. В то же время, на следующем этапе, вскоре после первого бегства местного населения, здесь «...происходит вторичное заселение Поля русскими земледельцами» [7, с. 209]. В.Л. Егоров связывал эти процессы с установлением контроля за рассматриваемой территорией со стороны Тульского баскачества и, как минимум, определенной стабилизацией социально-политической ситуации [10, с. 41–45, 53].

В этой связи показательной представляется информация о том, что в южной части рассматриваемых земель, на Куликовом поле «...в конце XII – первой половине XIII вв. складывается инфраструктура мастерских по производству и переработке железа, где на 573 крестьянских двора существовало 15–17 производственных комплексов. После татаро-монгольского нашествия численность населения сокращается до 210 крестьянских хозяйств, но число ремесленных комплексов по производству и переработке железа возрастает в 1,5 раза (25–27 мастерских). Более 50% всего ремесленного производства сосредотачивается в двух районах – в среднем течении р. Ведице и нижнем течении р. Мокрая Табола...» [29, с. 9]. Как отмечалось ранее, подобное количество выглядит избыточным для удовлетворения местных нужд и явно представляет собой результат организации товарного производства для поставок на сторону.

Результаты исследований показывают, что «...в домонгольское время железоделательным ремеслом занималось около 3% населения, в золотоордынское – уже 12%..., что свидетельствует о количественном скачке в данном производстве» [30, с. 102]. А вот активизация торговли с восточными соседями прослеживается неизменно, поскольку «...к концу XIII – началу XIV вв. происходит налаживание экономических связей Верхнедонского населения с Волго-Камским регионом» [7, с. 204]. Помимо собственно железоплавильного производства, местное население, по всей видимости, было занято обязательными сопутствующими промыслами – заготовкой древесины, изготовлением древесного угля, добычей и подготовкой местной руды [30, с. 102–103].

Судя по всему, значение донского торгового пути было весьма высоко и для соседней Рязанской земли, по крайней мере, в сохранившихся после завоевания Переяславле Рязанском, Ростиславле и Пронске «в целом в золотоордынский период отмечается увеличение предметов импорта... по сравнению с предшествующим временем. ...Среди импортных предметов этого времени подавляющее большинство составляют изделия, связанные своим происхождением с территорией Золотой Орды или поступившие через нее... Большое значение для развития торговых отношений в этот период имел Черноморско-Донской путь, связывавший Рязанскую землю с Причерноморьем и Византией» [27, с. 29–30].

Достойно упоминания, что помимо локальной активизации ремесленной активности, исследователи отмечают новые для этой местности «...Болгарские и Северо-Донецкие традиции в формах и орнаментации керамической продукции. ...Появляются новые типы стрел, ...детали конской упряжи, ...ременная гарнитура, ...некоторые типы украшений. ...В XIV в. влияние кочевого мира ещё ярче проявляется в материальной культуре древнерусских памятников региона» [6, с. 206–207]. Указанные тенденции подтверждают предположение о наличии не только «восточных» заказчиков, но также пря-

мых связей и тесного взаимодействия носителей различных производственных школ и традиций, поскольку только в такой ситуации возможна отмеченная широкая модификация широкого ассортимента производимых изделий – гончарной и шорной продукции, ювелирных украшений, производства оружия. В условиях свойственной средневековой высокой традиционности ремесленного обучения столь примечательная гибкость может быть объяснена, в первую очередь, прямыми и целенаправленными наставническими контактами, а также явно конкретизированными заказами.

Более того, археологические данные отмечают наличие признаков, указывающих на присутствие среди местного населения различных пришлых антропологических компонентов – черниговских, полоцких, смоленских, степных (в том числе ордынских), владими́ро-суздальских и т.п. – что наводит на предположение о целенаправленном «комплектовании» местного рабочего персонала [7, с. 148–149].

Продуктивной для анализа является оценка степени товарности производства путём сопоставления местных потребностей и объёмов выпуска продукции с необходимым количеством поставляемого сырья разных видов: «в золотоордынское время каждая сыродутная печь лишь 20–25% своей загрузки использовала для удовлетворения в железе внутренних потребностей сельского населения Куликова поля, в остальное время металл производился на внешний рынок» [30, с. 110]. Столь высокая производственная активность продолжалась без малого столетие и окончательно прекратилась только к 70-м гг. XIV столетия [7, с. 209]. Примерно этим же рубежом датируется окончательный уход местного населения с обжитых мест и явная их последующая депопуляция.

На территории, ставшей впоследствии землями Елецкого княжества, отмечаются те же тенденции: «...монголо-татарское нашествие seriously не нарушило естественный ход развития древнерусских поселений на южных территориях Чернигово-Рязанского пограничья в середине – второй половине XIII вв. Более того, мы наблюдаем рост числа памятников почти в два раза» [44, с. 21]. Кроме того, «...активизируется участие жителей в донской торговле с Крымом, Северным Кавказом, территориями византийского круга» [44, с. 31]. Археологами установлено, что «...На южных территориях Чернигово-Рязанского порубежья во второй половине XIII – первой половине XIV вв. численность памятников возрастает и составляет 239 селищ, 8 монетных кладов и отдельные находки, 4 могильника. В два раза их численность возрастает по р. Дон в районе гг. Данкова, Лебедяни, Задонска, а также по р. Красивая Меча и почти в пять раз – в нижнем течении Быстрой Сосны. Это время активных торговых связей с Ордой и Востоком» [44, с. 35].

Представляется, что в качестве аналога описанных поселений можно рассматривать болгарское селище Чакма п. Лаишево, часто трактуемое как ремесленная слобода [5, с. 64]. Такого рода поселения, в том числе и работавшие в качестве поставщиков экспортной готовой продукции и полуфабрикатов, были распространены, в частности, на территории Волжской Булгарии как в домонгольское, так и в ордынское время [6, с. 232]. Продукция размещавшихся там производств была весьма востребована торговцами, многочисленными городскими и сельскими кузнями, а также ремесленными мастерскими.

Хронологическая близость приводит к тому, что многие исследователи часто справедливо связывают окончательный отток местного населения с

событиями и последствиями Великой замятни конца XIV в. [7, с. 209]. В то же время, остаётся не до конца оценённым вклад в запустение территорий печальных результатов знаменитых эпидемий чумы середины XIV в. Летописи чётко определяют её первое появление 1346 годом. «Въ лето 6854 ...казнь бысть отъ Бога на люди подъ восточную страну на городъ Орначь, и на Хазторокань, и на Сарай, и на Бездежь, и на прочие грады во странахъ ихъ; бысть моръ силенъ на Бесермены, и на Татары, и на Ормены, и на Обезы, и на Жида, и на Фрязы, и на Черкасы, и на всехъ тамо живущихъ, яко не бе кому ихъ погребати...» [38, с. 210]. Довольно скоро заболевание перекинулось на юг средиземноморской Европы.

Обстоятельства распространения чумы в европейских странах и печальные последствия эпидемии для развития европейских государств и культуры достаточно хорошо исследованы [20, с. 15, 107–109; 23; 47; 46, с. 11–12]. Представляется логичным, что именно этой эпидемией мог быть косвенно обусловлен начальный этап запустения рассматриваемых земель, поскольку именно донской торговый путь связывал земли Верхнего Дона с Северным Причерноморьем и Крымом [45; 48]. Признаков распространения эпидемии на рассматриваемой территории не обнаружено. В то же время, вспышки заболевания неизбежно вели к резкому сокращению числа торговых партнёров, располагавшихся в отмеченных регионах Причерноморья, «...бшае бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села; аще бо и бшае древле грады красны и нарочиты зело видениемъ места, точью пусто же все и не населено» [39, с. 96]. Банальная смерть нескольких важных заинтересованных лиц либо потеря налаженных каналов сбыта массовой продукции через коммерческие структуры Причерноморья создавали ситуацию разрыва существовавшей торгово-производственной цепочки. Вряд ли прибыль от её функционирования была чрезмерно высока (массовая продукция была отнюдь не уникальна) для того, чтобы её выгодоприобретатели начали предпринимать чрезмерные усилия по восстановлению деловых связей в условиях сложившейся чрезвычайной ситуации. Подобное положение в сочетании с последовавшей «Замятней», по всей видимости, являются наиболее вероятными претендентами на их принятие в качестве хронологически первых причин разрыва налаженных коммерческо-производственных связей «Тульского баскачества» по донскому торговому пути.

По всей видимости, окончательную черту под существованием предполагаемых местных производственных комплексов и Тульского баскачества в целом подвёл новый «двойной удар» первой половины 60-х годов XIV в. Первой фазой этих событий стал очередной мор: «Того же лета бысть мор на люди в Орде, так по ряду и пошел и по русским городам в Новосиле и в Коршеве» [40, стб. 73]. Стоявший на притоке Дона, р. Сосна, летописный г. Коршев (Карасу), располагался, скорее всего, на месте современного поселка Чернава и непосредственно примыкал к землям баскачества [18].

Финальным и «добивающим» ударом для местных управленческих структур стал, по всей видимости, победоносный поход литовского князя Ольгерда против татар в 1362 г. (возможно 1363), сопровождавшийся взятием всё того же Коршева [40, стб. 75]. Вероятно, именно тогда местные ордынские управленческие структуры были окончательно сокрушены, поскольку боевые дейст-

вия явно не ограничивались городами и шли на территории более широкой. Впрочем, гипотетически можно предположить чуть более длительное их функционирование. Последовавшая битва на Синих Водах логически продолжилась и увенчала тенденцию литовской войны против ордынских структур: «тое же осени Олгердь Синю воду и Белобережье повоевалъ» [40, стб. 75].

Косвенные аргументы в пользу предлагаемой датировки дают данные археологических раскопок другой части черниговских земель: датировка начала обращения и времени чеканки ордынских монет, обнаруженных на Ратском городище и в его окрестностях (территория предполагаемого Курского баскачества), относится к первым десятилетиям XIV в. Затем, после некоторого периода стабильного роста, число свежечеканенных монет резко сокращается в середине его 60-х гг., и они весьма слабо отмечаются до начала XV в.: «...обращение ордынских монет уже через 2 десятилетия в 1350 гг достигло своего максимума, а в сер. 1360 гг резко снизилось. Слабое обращение дангов продолжилось до кон. XIV в. и полностью прекратилось в первом десятилетии XV века. ...обращение пулов едва прослеживается в посл. трети XIV в. и полностью прекратилось к его концу» [19, с. 498]. Хронологически синхронны этим данным результаты анализа состава выявленных в данной местности денежных кладов, которые, в массе, датируются периодом до 60-х гг. XIV в. Это, в свою очередь, указывает на то, что «...резкое снижение интенсивности обращения... джучидских монет могло быть вызвано таким же резким снижением объема поступаемых монет из Орды» [19, с. 498].

С точки зрения сохранения экономической эффективности действовавших торговых путей, будущего у верхнедонских производств уже не было: расположенные в географической близости рязанские земли ещё могли перенести нагрузку на волго-окский торговый маршрут, что было невозможно для территорий «баскачества», которая была жёстко привязана к р. Дон и полностью зависима от имевшихся торговых контрагентов, вряд ли многочисленных. Их вероятная потеря в результате эпидемий и иных указанных негативных событий, по-видимому, и привела к тому, что к предпоследнему десятилетию XIV в., к моменту собственно Куликовской битвы, «территория становится незаселенной, что согласуется со сведениями текста “Хождение митрополита Пимена в Царьград”» [7, с. 209].

Следует отметить, что приведённые доводы в пользу существования на востоке бассейна Верхней Оки особой зоны баскаческого управления выглядят вполне убедительно. Они выступают в качестве новых дополнительных аргументов в пользу предположения А.Н. Насонова о том, что Тула и окружающие её места «...были на особом положении, находясь в непосредственной зависимости от татар» [28, с. 78, сноска 1]. Последовательность исторических событий после ордынского завоевания может быть представлена в виде обоснованной цепочки подтверждённых событий.

После завершения основных процессов завоевания и покорения рассматриваемых территорий, в конце XIII – начале XIV вв., судя по результатам исследования археологов, произошло вторичное славянское расселение на рассматриваемых землях и были сформированы производственные комплексы, занимавшиеся выпуском товаров, вывозившихся за пределы территории, в том числе по восстановленному Донскому торговому пути. Расселение происходило, по всей видимости, с ведома местной администрации, организованной новыми

управленческими структурами и не относящейся к сфере ведения традиционных русских княжеств. В рамках существования единого ордынского налогового и административного пространства, возникновение и существование такого рода зон не являлось антагонистическим по отношению к соседствующим русским княжествам, также являвшихся органичной частью этого пространства.

Отмеченные производственные комплексы, привязанные к активно функционировавшему донскому торговому пути, действовали на протяжении, по меньшей мере, нескольких десятилетий – с конца XIII в. до 60-х гг. XIV в. Относительно одной из важных составных частей рассматриваемой территории – Куликова поля – современные исследования показывают, что значительная (75–80%) доля продукции металлургических комплексов вывозилась за пределы региона и целенаправленно изготавливалась в качестве товара для продажи. Лишь после череды серьёзных бедствий разного рода, имевших место в середине XIV в., административный контроль со стороны «баскачества» перестал осуществляться. Важным фактором депопуляции рассматриваемых территорий могло быть прекращение функционирования местной управленческой структуры вследствие упомянутых успешных походов сюда войск Великого княжества Литовского. По всей видимости, отмеченные военные действия не являлись прямой причиной смерти либо изгнания местного населения, но распад местных управленческих структур вёл к полной потере местного оборонного потенциала, что и вызвало зафиксированный летописями и археологами уход местных жителей в поисках защиты. После Куликовского сражения 1380 г. эти земли вновь вошли в сферу административного контроля русских княжеств.

Важным представляется то обстоятельство, что отмеченное административное освоение и управленческое ассимилирование данных территорий ближними русскими княжествами были осуществлены, по всей видимости, не сразу, а лишь через несколько лет после их повторного запустения, прямо или косвенно связанного с последствиями эпидемии чумы 40–50 гг. XIV в., последовавшей управленческой деградацией, результатами начавшейся в улусе Джучи «Великой замятни», повторными эпидемиями 60-х гг. и литовской военной экспансией. Ссылка на «ведение» данных территорий баскаками в смысле «сбора информации о величине установленной дани», как отмечалось выше, также не является непреодолимой [17, с. 31–33].

Управленческая практика не допускает длительного бесконтрольного существования крупных территориальных зон в непосредственной близости от значимых и важных торговых путей, а потому осуществление управленческих и административных функций требовалось возложить на близкорасположенные функционирующие легитимные административные структуры вне зависимости от их этнической либо конфессиональной принадлежности. Сама суть княжеской службы в качестве аналога чиновничей ордынской позволяла безболезненно совершать такого рода переподчинение ранее освоенных, но ныне бесхозных территорий. Распределение запустевших мест могло и должно было осуществиться не позднее 1369 г., когда «...седе на царстве царь Навроусъ и къ нему приидоша вси князи Роусьскыи и бысть имъ въ орде роздель княжением[ъ] ихъ...» [40, стб. 68].

Данные археологических исследований территории так называемого «Тульского баскачества» косвенно подтверждают возможность его существо-

вания в качестве особой экономической зоны, в течение нескольких десятилетий не контролируемой русскими князьями, что привело к организации и сохранению не княжеской (баскаческой) ордынской администрации по образцу земель, описанных ди Плато Карпини в XIII в. По всей видимости, специфика их расположения в непосредственной близости от важных торговых путей и вероятная организация здесь коммерчески успешных товарных ремесленных производств привели к консервации особого режима управления вплоть до 70-х гг. XIV в. Среди возможных причин исчезновения Тульского баскачества – хозяйственно-экономические последствия эпидемий середины XIV столетия, «Великая заматня», а также негативные результаты разрушения ранее возникшей территориальной административно-управленческой структуры, приведшие к последующей депопуляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и потомков. М.: Квадрига, 2011. 384 с.
2. Археологическая карта России. Курская область. Часть 1/ Автор-сост. А.В.Кашкин. М.: Институт археологии Российской академии наук, 1998. 304 с.
3. Археологическая карта России. Под ред. Ю.А.Краснова. Тульская область. Часть 1. М.: Институт археологии РАН, 1999. 304 с.
4. Археологическая карта России. Под ред. А.В. Кашкина. Тульская область. Часть 2. М.: Институт археологии РАН, 2002. 272 с.
5. Бургачев А.И., Руденко К.А. Нумизматические находки с селища Чакма (р.п.Лаишево, Республика Татарстан) // Поволжская археология № 4(6). 2013. С. 64–78.
6. Валеев Р.М. Предметы внутренней торговли Волжской Булгарии в X–XIV веках (по археологическим данным) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 225–234.
7. Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV вв. района Куликова поля. Дис. ... к.и.н. М., 2003. 538 с.
8. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.
9. Грушевський М.С. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Т. 3. Київ: Наук.думка, 1993. 592 с. (на укр. яз.)
10. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
11. Запорожец В.М. Сельджуки. М.: Воениздат, 2011. 295 с.
12. Карамзин Н.М. История государства Российского. Том IV. Изд-е 2-ое, исправленное. СПб.: Тип-я Н.Греча, 1819. 556 с.
13. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М.: Издательство «Высшая школа», 1967. 264 с.
14. Куза А.В. Города в социально-экономической системе Древнерусского феодального государства X–XIII вв. // Краткие сообщения института археологии. 179. Славянская археология. М.: Издательство «Наука», 1984. С. 3–11.
15. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М.: «Древлехранилище», 2003. 368 с.
16. Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. М.: Российское университетское издательство, 1996. С. 5–57.
17. Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М.: Квадрига, 2011. 256 с.

18. *Лантенков В.В.* Золотоордынская область Карасу и образование Елечского княжества. // Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета. Вып. 2. Липецк: ЛПГУ, 2000. С. 121–128.
19. *Лебедев В.П., Зорин А.А.* Денежное обращение Курской земли в золотоордынское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Сб. науч. работ / Гл.ред. А.В.Евглевский; Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий нац. ун-т. Т. 6. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 487–506.
20. *Ливи Баччи, Массимо.* Демографическая история Европы / Серия «Становление Европы» / Пер. с итал. А.Миролюбовой. СПб.: «Александрия», 2010. 304 с.
21. *Майоров А.А.* Территориальные группировки вятичей VIII–XII вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. Июль-Сентябрь С. 18–21.
22. *Макаров Д.В.* Тьмы и «татарские места» Центральной России // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 2. Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. С. 81–83.
23. *Макэведи Колин.* Бубонная чума // В мире науки. 1988 №4. С. 68–74.
24. *Маслова С.А.* Баскаческая организация на Руси: Время существования и функции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1. С. 27–39.
25. *Маслова С.А.* Даруги и баскаки: соотношение должностей. Древняя Русь // Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 23–36.
26. *Маслова С.А.* Монгольская администрация на завоеванных землях: даруги и баскаки // Исторический вестник. Т. 10 (157). С. 80–109.
27. *Милованов С.И.* Торговля Рязанской земли в XI – 2-й половине XV вв. (по археологическим и нумизматическим данным). Автореф. ... к.и.н. М, 2010. 32 с.
28. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 178 с.
29. *Наумов А.Н.* Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – середине XV вв. Автореф. дис. к.и.н. М.: 2004. 16 с.
30. *Наумов А.Н.* Черная металлургия на древнерусских сельских поселениях Куликова поля. Краткие сообщения Института археологии/ Ин-т археологии РАН. Вып.220/ гл. ред. Н.А.Макаров. М.: Наука, 2006. С. 101–111.
31. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 642 с.
32. Памятники русского права. Выпуск третий. Под ред. проф. Л.В.Черепнина. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. 527 с.
33. *Плано Карпини, Иоанн де.* История Монгалов. Рубрук, Вильгельм де. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А.И.Малеина. СПб.: Издание А.С.Суворина, 1911. 232 с.
34. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Ред. И.М.Мергалеев. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2009. 260 с.
35. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. Изд.2-е, испр. и доп. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 464 с.
36. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: Тип-я Э.Праца, 1846. 286 с.
37. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд-е 2-е. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1908. 574 с.
38. Полное собрание русских летописей. Т. 7. Воскресенская летопись. СПб.: тип-я Э.Праца, 1856. 356 с.
39. Полное собрание русских летописей. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип-я И.Н.Скороходова, 1897. 258 с.
40. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Изд. 2-е. Вып. первый. Рогожский летописец. Петроград. 1922. 132 с.

41. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1913. 320 с.
42. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга первая. Том I–V. 2-ое издание. СПб.: Товарищество «Общественная Польза», 1851. 1726 стб.
43. Татищев В.Н. История российская с древнейших времен. Книга четвертая. СПб.: Тип-я Вейтбрехта, 1784. 560 с.
44. Тропин Н.А. Южные территории чернигово-рязанского порубежья в XII–XV вв. Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2007. 44 с.
45. Хайдаров Т.Ф. Рубикон Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 314–335.
46. Emmeluth Donald. Plague. Philadelphia: Chelsea house publishers. 2005. 100 p.
47. Herlihy D. The Black Death and the Transformation of the West. New York: Harward University Press, 1997. 117 p.
48. Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 325–343. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.325-343

Сведения об авторе: Анатолий Александрович Майоров – кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (302026, ул. Комсомольская, 95, Орел, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4758-7553. E-mail: aamajorov@rambler.ru

Поступила 09.01.2020 Принята к публикации 28.02.2020
Опубликована 29.03.2020

REFERENCES

1. Amelkin A.O., Seleznev Yu.V. *Kulikovskaya bitva v svidetelstvakh sovremennikov i potomkov* [The Kulikovo Battle in the Testimonies of Contemporaries and Descendants]. Moscow: Quadriga. 2011. 384 p. (In Russian)
2. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Kurskaya oblast. Chast' 1* [Archaeological Map of Russia. The Kursk Region. Part 1]. A.V. Kashkin (ed.). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 1998. 304 p. (In Russian)
3. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Tul'skaya oblast'. Chast' 1* [Archaeological Map of Russia. The Tula region. Part 1]. Yu.A. Krasnov (ed.). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 1999. 304 p. (In Russian)
4. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Tul'skaya oblast'. Chast' 2* [Archaeological Map of Russia. The Tula region. Part 2]. A.V. Kashkin (ed.). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2002. 272 p. (In Russian)
5. Burgachev A.I., Rudenko K.A. Numizmaticheskie nahodki s selishha Chakma (r.p.Laishevo, Respublika Tatarstan) [Numismatic artifacts from the settlement of Chakma (Laishevo village, Republic of Tatarstan)]. *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga Region Archaeology]. 2013, no. 4(6), pp. 64–78. (In Russian)
6. Valeyev R.M. Predmety vnutrenney trgovli Volzhskoy Bulgarii v X–XIV vekakh (po arkheologicheskim dannym) [Items of internal trade of the Volga Bulgaria of the tenth to the fourteenth centuries (according to archaeological data)]. *Vestnik Novosibirskogo gos. universiteta. Seriya: Istoriya. filologiya. Arkheologiya i etnografiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History. Philology. Archaeology and Ethnography], no. 8/5, 2009, pp. 225–234. (In Russian)

7. Gonyanyy M.I. *Drevnerusskiye arkhеologicheskiye pamyatniki kontsa XII – 3-y chetverti XIV vv. rayona Kulikova polya. Dis. k.i.n* [The Old Rus' Archaeological Sites of the end of the twelfth to the third quarter of the fourteenth centuries, Located in the Vicinity of the Kulikovo Field. PhD Thesis]. Moscow, 2003. 538 p. (In Russian)
8. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padeniye* [The Golden Horde and Its Fall]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1950. 505 p. (In Russian)
9. Grushevskiy M.S. *Istoriya Ukraïni-Rusi: V 11 t., 12 kn.* [The History of Ukraine-Rus': In 11 volumes, 12 books], Vol. 3. Kyiv: 'Scientific Thought', 1993. 592 p. (In Ukrainian)
10. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoj Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde during the thirteenth and fourteenth centuries]. Moscow: 'Science', 1985. 246 p. (In Russian)
11. Zaporozhets V.M. *Sel'dzhuki* [The Seljuks]. Moscow: Military publishing house, 2011. 295 p. (In Russian)
12. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. IV. St. Petersburg: Printing house of N. Grech, 1819. 556 p. (In Russian)
13. Kargalov V.V. *Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noj Rusi* [Foreign Policy Factors of the Feudal Rus' Development]. Moscow, 1967. 264 p. (In Russian)
14. Kuza A.V. Goroda v social'no-ekonomicheskoy sisteme Drevnerusskogo feodal'nogo gosudarstva X–XIII vv. [Cities in the social and economic system of the Old Rus' feudal state of the tenth to the thirteenth centuries]. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii, 179: Slavyanskaya arheologiya* [Brief Communications of the Institute of Archaeology, no. 179: Slavic Archaeology]. Moscow: 'Science', 1984, pp. 3–11. (In Russian)
15. Kuchkin V.A. *Dogovornyye gramoty moskovskikh knyazey XIV veka: Vneshnepoliticheskiye dogovory* [Contractual Charters of the fourteenth-century Muscovite Princes: Foreign Policy Agreements]. Moscow: Archive, 2003. 368 p. (In Russian)
16. Kuchkin V.A. Letopisnyye rasskazy o slobodakh baskaka Akhmata [Chronicle tales about basqaq Akhmat's slobodas]. *Srednevekovaya Rus* [Medieval Rus']. Moscow: Russian University Publishing House, 1996, pp. 5–57. (In Russian)
17. Lavrentyev A.V. *Posle Kulikovskoj bitvy: Ocherki istorii Oksko-Don'skogo regiona v poslednej chetverti XIV – pervoj chetverti XVI vv.* [After the Battle of Kulikovo: Essays on the History of the Oka–Don Region in the last quarter of the fourteenth to the first quarter of the sixteenth century]. Moscow: Quadriga, 2011. 256 p. (In Russian)
18. Laptёnkov V.V. Zolotoordynskaya oblast' Karasu i obrazovanie Elech'skogo knyazhestva [The Golden Horde region of Karasu and the formation of the principality of Elech]. *Vekhi minuvshogo: Uchenye zapiski istoricheskogo fakul'teta* [Milestones of the Past: Scientific Notes of the Faculty of History], no. 2. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 2000, pp. 121–128. (In Russian)
19. Lebedev V.P., Zorin A.A. Denezhnoye obrashcheniye Kurskoy zemli v zolotoordynskoye vremya [Money circulation of the Kursk land during the Golden Horde's time]. *Stepi Evropy v epoku srednevekovia. Zolotoordynskoye vremya. Sb. nauch.rabot.* [The Steppes of Europe in the Middle Ages. The Golden Horde's Time. Collected papers] Gl.red. A.V.Evglevskiy; In-t arkhеologii NAN Ukrainy; Donetskij nats. un-t, no. 6. A.V.Evglevsky (ed.). Donetsk: Donetsk National University, 2008, pp. 487–506. (In Russian)
20. Livi Bacci M. *Demograficheskaya istoriya Evropy. Seriya "Stanovlenie Evropy"* [The Demographic History of Europe. Series "The Formation of Europe"]. Mirolyubova (tr.). St. Petersburg: Alexandria, 2010. 304 p. (In Russian)
21. Mayorov A.A. Territorialnyye gruppировки vyatichey VIII–XII vv. [Territorial settlement groups of the Vyatichi of the eighth to the twelfth century]. *Vestnik Kostromskogo*

gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kostroma State University], no. 23/3, 2017, pp. 18–21. (In Russian)

22. Makarov D.V. Tmy i “tatarskiye mesta” Tsentralnoy Rossii [“T’mas” and “Tatar places” of Central Russia]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva. Sbornik statey* [Medieval Turkic-Tatar States. Collected Papers], no. 2. Kazan: Ikhlas, 2010, pp. 81–82. (In Russian)

23. Makevedi Kolin. Bubonnaya chuma [Bubonic plague]. *V mire nauki* [In the World of Science], no. 4. 1988, pp. 68–74. (In Russian)

24. Maslova S.A. Baskacheskaya organizatsiya na Rusi: Vremya sushchestvovaniya i funktsii [Basqaqs’ organization in Rus’: Time of existence and functions]. *Drevnyaya Rus. Voprosy mediyevistiki* [The Ancient Rus’. Issues of Medieval Studies], no. 1. 2013, pp. 27–39. (In Russian)

25. Maslova S.A. Darugi i baskaki: sootnosheniye dolzhnostey [Darugas and Basqaqs: The ratio of offices]. *Drevnyaya Rus. Voprosy mediyevistiki* [The Ancient Rus’. Issues of Medieval Studies], no. 4 (58). 2014, pp. 23–36. (In Russian)

26. Maslova S.A. Mongolskaya administratsiya na zavoyevannykh zemlyakh: darugi i baskaki [The Mongol administration of the conquered lands: darugas and basqaqs]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Herald], no. 10 (157), pp. 80–109. (In Russian)

27. Milovanov S.I. *Torgovlya Ryazanskoy zemli v XI – 2-y polovine XV vv. (po arkheologicheskim i numizmaticheskim dannym)*. Avtoreferat Diss. [Trading Activity in the Ryazan Land in the ninth to the second half of the fifteenth centuries (according to archaeological and numismatic data). Abstract of PhD Thesis]. Moscow, 2010. 32 p. (In Russian)

28. Nasonov A.N. *Mongoly i Rus’ (istoriya tatarskoy politiki na Rusi)* [The Mongols and Rus’ (the history of Tatar politics in Rus’)]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1940. 178 p. (In Russian)

29. Naumov A.N. *Chernaya metallurgiya i zhelezoobrabotka na selskikh pamyatnikakh Kulikova polya v kontse XII – seredine XV vv.* Avtoreferat Diss. [Ferrous Metallurgy and Ironworking in Rural Settlements of the Kulikovo Field at the end of the twelfth to the middle of the fifteenth centuries. Abstract of PhD Thesis]. Moscow, 2004. 16 p. (In Russian)

30. Naumov A.N. Chernaya metallurgiya na drevnerusskikh selskikh poseleniyakh Kulikova polya [Ferrous metallurgy on the Old Rus’ rural settlements of the Kulikovo field]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii. In-t arkheologii RAN* [Brief Communications from the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], no. 220. Makarov N.A. (ed.). Moscow: ‘Science’, 2006, pp. 101–111. (In Russian)

31. *Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov* [Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1950. 642 p. (In Russian)

32. *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian Law], Iss. 3. Cherepnin L.V. (ed.). Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1955. 527 p. (In Russian)

33. Plano Carpini, Iohannes de. *Istoriya Mongalov* [History of the Mongals]. Guillaume de Rubruck. *Puteshestvie v vostochnye strany* [Itinerarium]. Malein A.I. (ed.). St. Petersburg: Published by A.S. Suvorin, 1911. 232 p. (In Russian)

34. Pochekaev R.Ju. *Pravo Zolotoy Ordyy* [The Legal System of the Golden Horde]. Mirgaleev I.M. (ed.). Kazan: FEN, 2009. 260 p. (In Russian)

35. Pochekayev R.Yu. *Tsari ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordyy* [Tsars of the Horde. Biographies of the Khans and Rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg: ‘Eurasia’, 2012. 464 p. (In Russian)

36. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 1: *Lavrentievskaya i Troitskaya letopisi* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1: Laurentian and Trinity Chronicles]. St. Petersburg: Printing house of E. Pratz, 1846. 286 p. (In Russian)

37. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 2: *Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2: Hypatian Chronicle]. St. Petersburg: Printing house of M.A. Aleksandrov, 1908. 574 p. (In Russian)
38. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 7: *Voskresenskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 7: Resurrection Chronicle]. St. Petersburg: Printing house of E. Prats, 1856. 356 p. (In Russian)
39. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 11: *Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopisyu* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 11: The Chronicle Collection Called the Patriarchal or Nikonan Chronicle]. St. Petersburg: Printing house of I.N. Skorokhodov, 1897. 258 p. (In Russian)
40. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 15: *Rogozhskiy letopisets* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 15: Rogozhsky Chronicle]. Petrograd, 1922. 132 p. (In Russian)
41. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 18: *Simeonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 18: Simeonov's Chronicle]. St. Petersburg: Printing house of M.A. Aleksandrov, 1913. 320 p. (In Russian)
42. Solovyev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [The History of Russia from the Most Ancient Times]. First Book, Vols I–V. St. Petersburg: Partnership “Public Benefit”, 1851. 1726 cols. (In Russian)
43. Tatishchev V.N. *Istoriya rossiyskaya s drevneyshikh vremen* [Russian History from the Most Ancient Times]. Book IV. St. Petersburg: Printing house of Veibrecht, 1784. 560 p. (In Russian)
44. Tropin N.A. *Yuzhnyye territorii chernigovo-ryazanskogo porubezhia v XII–XV vv. Avtoref. diss. d.i.n.* [The Southern Territories of the Chernihiv–Ryazan Border in the twelfth to the fifteenth centuries. Abstract of PhD Thesis]. Moscow, 2007. 44 p. (In Russian)
45. Khaydarov T.F. Rubikon Zolotoy Ordya [Rubicon of the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 2, pp. 314–335. (In Russian)
46. Emmeluth D. *Plague*. Philadelphia: Chelsea house publishers. 2005. 100 p.
47. Herlihy D. *The Black Death and the Transformation of the West*. New York: Harward University Press, 1997. 117 p.
48. Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 325–343. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.325-343

About the author: Anatoliy A. Mayorov – Cand. Sci. (History), Orel State University named after I.S. Turgenev (95, Komsomolskaya Str., Orel 302026, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4758-7553. E-mail: aamajorov@rambler.ru

Received January 9, 2020 Accepted for publication February 28, 2020

Published March 29, 2020

УДК 821.161.1

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.87-106

**В ПОИСКАХ ОБРАЗЦА:
АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ**

Д.М. Буланин

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Санкт-Петербург, Российская Федерация
dmitriibulanin@yandex.ru*

Цель исследования: определить функцию образа Александра Македонского в старших редакциях «Сказания о Мамаевом побоище», с одной стороны, и, с другой стороны, функцию этого же и других символических образов в древнерусских исторических повестях соответствующей эпохи – появившихся после завоевания Константинополя турками в 1453 г. Установить закономерности и парадоксы типологической экзегезы, которую практиковали составители выбранных для исследования текстов и которая заключалась в проекции современных автору событий на переломные эпохи из далекого прошлого, – тех, что занимали ключевые позиции в провиденциальном представлении об историческом процессе.

Материалы исследования: диптих, состоящий из «Сербской Александрии» и сочиненного под ее воздействием «Сказания о Мамаевом побоище», рассматривается на фоне целого набора произведений, относящихся к тому же хронологическому периоду. В их числе Повесть о походе на Новгород в 1471 г., Повесть о взятии Царьграда турками, «Казанская история», наконец, серия памятников XVI в., посвященных русско-татарским отношениям в исторической ретроспекции (статьи Никоновской летописи, цикл писаний во славу Михаила Черниговского, включая Слово похвальное Льва Филолога и Житие Евфросинии Суздальской, «Повесть о Меркурии Смоленском», «Повесть о разорении Рязани Батыем»).

Результаты и научная новизна: впервые подвергнут систематическому анализу механизм типологической экзегезы, с помощью которого древнерусские писатели XV–XVI вв. интерпретировали важнейшие по их представлению факты в прошлой и современной истории человечества, выстраивая их в виде соотносимых друг с другом временных горизонтов. За точку отсчета в статье выбрана гибель Византии в 1453 г., потребовавшая радикальных изменений в господствовавших прежде христианских схемах развития мироздания и обострившая ощущение исторической динамики. Авторы исторических повестей, привлеченных к исследованию, неизменно отдают предпочтение символическому толкованию событий и героев перед толкованием буквальным, что нередко приводит к амбивалентности в этических и политических оценках действующих лиц. Идея истории, которую исповедуют составители исторических повестей и которая граничит с фатализмом, вносит элемент неопределенности в присущее средневековой литературе строгое разделение положительных и отрицательных героев. Персонажи нередко меняются атрибутами, в числе которых устойчивые сравнения с видными фигурами из прошлого – как подлинными, так и мифологическими. Характерным примером такой неопределенности в выборе характеризуемого субъекта является использование образа Александра Македонского, с которым обыкновенно сопоставлялся идеальный правитель. В «Сказании о Мамаевом побоище» с македонским царем поочередно соотносятся герои-антагонисты – Дмитрий Донской и Мамай. В символическом плане они становятся равновеликими.

Ключевые слова: Куликовская битва, Роман об Александре, символ, прообраз, функция, провиденциальная история, типологическая экзегеза

© Буланин Д.М., 2020

Для цитирования: Буланин Д.М. В поисках образца: Александр Македонский на Куликовом поле // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 87–106. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.87-106

**IN SEARCH OF THE MODEL:
ALEXANDER THE GREAT ON THE KULIKOVO FIELD**

D.M. Bulanin

*Institute of Russian Literature (Pushkin House),
Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
dmitriibulanin@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* On one hand, to determine the purpose of the image of Alexander the Great in the earliest versions of *The Tale of the Battle with Mamai*. On the other hand, the goal here is to determine its function along with other symbolic images in Russian historical narratives of the epoch, i.e. in the tales which appeared after the conquest of Constantinople by the Turks in 1453. To establish patterns and paradoxes of typological exegesis, which used to be practiced by the compilers of the texts. This exegesis consisted in the projection of contemporary events on crucial events and prominent heroes from the distant past. The authors preferred to compare the phenomena, which were essential within providential vision of the history.

Research materials: A diptych consisting of the *Serbian Alexandria* and *The Tale of the Battle with Mamai*, which was composed under its influence, is viewed against the background of a whole set of the texts written in the same chronological period. Among them are *The Tale on the Campaign against Novgorod in 1471*, *The Tale on the Capture of Tsargrad by the Turks*, *Kazan History*, and finally, a series of sixteenth-century literary pieces dedicated to Russian–Tatar relations in historical retrospection (entries of the *Nikonian Chronicle*, cycle of writings glorifying Michael of Chernigov, including *The Praise* by Leo the Philologist, *The Vita of Euphrosyne of Suzdal*, *The Tale of Mercury of Smolensk*, and *The Tale about the Destruction of Ryazan by Batu*).

Results and novelty of the research: For the first time, the mechanism of typological exegesis, practiced by Russian writers of the fifteenth and sixteenth centuries, is systematically analyzed. This exegesis used to be applied in order to interpret the most important facts in the past and contemporary history of mankind. It consisted of arranging them as a series of time horizons correlated with each other. As a chronological beginning, the author chose the fall of Byzantium in 1453, a catastrophe which required radical changes in the Christian view of universal development and which stimulated a sense of historical dynamics. The authors of historical narratives analyzed in the study invariably gave preference to the symbolic interpretation of events and heroes over their literal interpretation. This strategy often led to ambivalence in the ethical and political evaluation of the relevant personalities. The idea of history, which was adopted by the medieval writers and which held a kind of fatalism, introduced an element of uncertainty in the strict separation of positive and negative heroes inherent to medieval literature. Characters in the texts often lent each other their attributes, including traditional comparisons with prominent people from the past, historical as well as mythological. A typical example of such uncertainty in the distribution of characteristics is the use of the image of Alexander the Great, an ideal ruler against which later rulers were compared. In *The Tale of the Battle with Mamai*, Dimitri Donskoy

and Mamai, the antagonist characters, are both compared to this king of Macedon. On the symbolic level they become equal.

Keywords: Battle on Kulikovo Field, Alexander Novel, symbol, prototype, function, providential history, typological exegesis

For citation: Bulanin D.M. In Search of the Model: Alexander the Great on the Kulikovo Field. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 87–106. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.87-106

«Сказание о Мамаевом побоище» не перестает привлекать к себе внимание профессионалов и любителей древности как наиболее детальный и наиболее красочный рассказ о Куликовской битве. Однако значительная часть содержащихся в Сказании подробностей обладает сомнительной исторической ценностью для реконструкции событий XIV в., потому что перед нами довольно поздний памятник, составленный, согласно новейшим разысканиям, не ранее первой четверти XVI в. [13]¹. Поздняя датировка никоим образом не обесценивает ни художественных достоинств Сказания, ни его важности для исторических исследований, правда, не столько тех, что относятся к 1380 г., сколько касающихся эпохи, когда сочинялся текст. Перед медиевистами по-прежнему стоит в качестве первоочередной задачи изучение прямых и промежуточных источников произведения. В этом плане очень важна опубликованная пятнадцать лет назад статья А.Е. Петрова, рассматривающая, какому влиянию подверглось древнерусское сочинение о Куликовской битве со стороны переводного памятника – так называемой «Сербской Александрии», поздней редакции «Романа об Александре» псевдо-Каллисфена, достигшей Руси в конце XV в. [22]. Нельзя сказать, чтобы все аргументы исследователя обладали равной доказательной силой: ни в одной из приведенных в статье параллелей не отыскивается буквального совпадения сопоставляемых текстов, неоднозначны также предлагаемые сопоставления ситуаций и поворотов сюжета (благословение Сергия, которое сравнивается с явлением Александру пророка Иеремии, использование засадного полка, обмен доспехами с Михаилом Бренком, поединок перед битвой). Тем не менее сам факт воздействия одного произведения на другое сомнений не вызывает, ибо основывается на двух несокрушимых показателях.

Во-первых, в тексте есть две прямые ссылки и одна завуалированная, связанные с именем и деяниями Александра Македонского. Сначала Ольгердовичи – литовские князья – вспоминают македонского царя, восхищаясь войском Дмитрия Донского: «Подобно есть Александра, царя Макидоньскаго въиньству, мужеством бысть Гедеоновы снузници, Господь бо своею силою въоружил их!» [32, с. 39]. Если в приведенной цитате имя Александра дается безотносительно к посвященным ему произведениям, в другом месте составитель Сказания вполне определенно имеет в виду эпизод из «Сербской Александрии». Князь Дмитрий скорбит над телом убитого Михаила Бренка, который погиб, потому что, увидев на нем княжеские облачения, враги приняли одного за другого: «Въистинну древнему Авису подобен, иже бе от плъку Дарьева Перскаго, иже и сей тако сътвори» [32, с. 47]. Как справедливо

¹ Мои разногласия с Б.М. Клоссом по частным вопросам, касающимся интерпретации текста, не мешают принять за условную точку отсчета именно его датировку.

указывают комментаторы, тут разумеется следующая история, присутствующая, из доступных на Руси версий «Романа об Александре», только лишь в недавно полученном от южных славян переводе. Авис, любимый воевода персидского царя Дария, чтобы спасти царя от неминуемого поражения, решил проникнуть к врагам под видом македонского воина и убить их правителя. На счастье, покушение его на Александра Македонского тогда не удалось [1, с. 32–33]. Для дальнейших размышлений полезно отметить, что обе приведенные ссылки присутствуют в тексте наиболее ранней – Основной редакции Сказания. Полагаю, что в этой редакции есть еще один прозрачный намек на «Сербскую Александрию», на который до сих пор не обратили внимания. Мамай, отвечая своим союзникам Ольгерду и Олегу Рязанскому, заверяет их, что не нуждается в их помощи. С московским князем биться не придется, считает он, потому что тот испугается одних Мамаевых угроз: «Мне убо царю достойть победити царя, подобна себе, то мне подобасть и довлееть царьскаа чесьть получитьи» [32, с. 28]. Обычно по умолчанию предполагается, что речь идет о двух царях – Мамае и Дмитрии Донском. Такое мнение несостоятельно, потому что Основная редакция очень щепетильна в выборе титулов: царем называется только Мамай, а Дмитрий – не иначе, как князем. Это продуманное решение: победа князя над царем приносит больше чести победителю, чем победа над равным по чину. О каком же царе говорит Мамай? Ясно, кажется, что, вкладывая приведенную сентенцию в уста Мамаю, сочинитель подразумевает конкретное место в «Сербской Александрии». Там Филон убеждает македонского завоевателя, что тому не пристало биться с индийским царем Пором, это ниже его достоинства [1, с. 51]. Правильность данного умозаключения следует из сравнения Основной редакции с той, которую принято называть «Киприановской» и которая включена в Никоновскую летопись. Есть основания думать, что она и написана была для этой летописи. Киприановская редакция безусловно вторична по отношению к Основной, потому что в ней текст Сказания не только стилистически нейтрализован, но и разбавлен вставками из «Летописной повести о Куликовской битве». Вместе с тем, по времени возникновения (Никоновскую летопись сейчас принято датировать концом 1520-х гг.) она совсем незначительно отстоит от Основной, не исключено, что над ними работали одни и те же книжники. Но в вопросе о титулах Киприановская редакция придерживается другой политики: царем редактор именует только Тохтамыша, Мамай и Дмитрий называются князьями. Кроме того, царем себя именует татарский темник в своих хвастливых речах. Перед создателем Киприановской редакции встала задача прояснить намеки, содержащиеся в приведенной выше сентенции (кто же он – царь, противостоящий Мамаю?). Поэтому, презрительно обозвав Дмитрия «улусником и служебником», Мамай Киприановской редакции прямо отсылает к истории Александра Македонского: «Но подобает мне победити подобна себе некоего великаго, и силнаго, и славнаго царя, яко же царь Александрь Македоньский победи Дариа, царя перскаго, и Пора, царя индейскаго» [32, с. 52]. Замечу, что две предыдущие реминисценции, связанные с именем македонского царя и находившиеся в Основной редакции, Киприановская редакция опускает. Таков первый аргумент в поддержку вывода Петрова.

Во-вторых, рукописные источники свидетельствуют, что та же самая Основная редакция Сказания на очень раннем этапе своей истории соединилась с «Сербской Александрией», образовав некоторого рода диптих, иллюстрированный двумя сходными по своим иконографическим и стилистическим свойствам циклами миниатюр. Из трех рукописей, в которых сохранился диптих (всего известно восемь иллюминированных списков Сказания, если не брать в расчет посвященных Куликовской битве миниатюр Лицевого летописного свода), наибольший интерес представляет кодекс, ныне разделенный на две части: первая часть некогда единой рукописи, с иллюстрированной «Сербской Александрией», находится в Дублине (Chester Beatty Library, W151), а вторая часть, с украшенными миниатюрами Сказанием – в Лондоне (British Library, Yates Thomson, no. 51)². Хотя Дублинско-Лондонский манускрипт датируется серединой XVII в., по единодушному мнению искусствоведов, он – в обеих отделившихся друг от друга частях – представляет собой воспроизведение высокохудожественного оригинала с приметами школы Дионисия, оригинала, который можно смело отнести к первой половине предыдущего столетия [6, с. 158–164, 206–214]. В книжном искусстве Византии и Запада довольно рано сложилась традиция снабжать «Роман об Александре» иллюстрациями, и традиция эта, вместе с переведенной на Балканах «Сербской Александрией», благополучно перекочевала к южным славянам, а потом отразилась в старшем русском списке памятника, копированном знаменитым книжником Ефросином Белозерским – Российская национальная библиотека. Собр. Кирилло-Белозерского мон. № 11/1088 [9]. Следовательно, есть все основания утверждать (по крайней мере, применительно к трем спискам с диптихом), что импульс, побудивший снабдить Сказание миниатюрами, шел от открывающей диптих иллюстрированной «Сербской Александрии», а не в обратном направлении. Это был прогрессивный, а не регрессивный импульс. Возникновение такого диптиха на ранней стадии в истории Сказания, если не в его архетипе, предполагает какую-то корреляцию русского памятника с переводным текстом не только на уровне изображений (что несомненно), но и на уровне текста и даже на уровне сокрытой в них исторической идеи. Правильность данного вывода подтверждается тем, что, помимо лицевых кодексов с диптихом, существует еще немало рукописных сборников, куда одновременно входят оба изучаемых произведения [24, с. 482, 483, 484, 487, 488, 490, 491, 501, 503].

Составитель Сказания не случайно вспомнил об Александре Македонском: его образ был как нельзя более подходящим для исторических аналогий – постольку, поскольку его империи в христианских взглядах на прошлое людского рода неизменно отводилась весьма ответственная роль. Поиск средневековыми писателями в прошлом прообразовательных феноменов и моделей, в особенности, символически значимых героев из разных эпох, – дело обычное. Интереснее другое: присмотревшись ближе к воспроизведенным по Основной редакции контекстам и к цитированному сейчас по Киприановской редакции, убеждаемся, что образ Александра Македонского странным, на первый взгляд, образом двойится. Он как бы исключен из урав-

² Остальные два кодекса с диптихом суть следующие: Государственный исторический музей. Собр. Барсова. № 1798 и Российская государственная библиотека. Музейное собр. № 3155.

нения, поставлен над схваткой – над представлениями о добре и зле тех непримиримых антагонистов, о которых повествует Сказание. В самом деле, в первом случае, в согласии с многолетней традицией, восходящей еще к римским императорам (*imitatio Alexandri*), но подхваченной, с необходимыми поправками, византийскими, а потом и славянскими правителями и их апологетами [3, с. 47–51], к Александру Македонскому приравнивается главный положительный персонаж – московский князь. Напротив, упоминаемый ближе к концу повествования Авис, хотя и совершает достойный поступок, все же является по тексту «Сербской Александрии» представителем Дария – противника македонского царя. Чтобы не нарушить пропорции черного и белого, Ависа и в Сказании следовало бы причесть к татарскому стану. Еще более заметна релятивизация авторской оценки древнего правителя в выявленном нами скрытом намеке на историю Александра (в Киприановской редакции он становится открытым), где с македонским царем равняет себя Мамай, однозначно выведенный в Сказании отрицательным героем³. Хотя изменения, которые претерпел сюжет «Романа об Александре» в «Сербской Александрии», относительно более ранних версий рассказа («Хронографическая Александрия»), обычно рассматривают как очередной шаг на пути к беллетризации истории, в повествовательной ткани Сказания образ македонского царя безусловно выполняет парадигматическую функцию как отсылка к историческому прецеденту. Независимо от того, к русскому или татарскому правителю примеряется образ Александра, он нужен автору, чтобы представить Куликовскую битву на фоне судеб всего человечества. Символический подтекст, который извлекает автор из этого события (независимо от подлинного его места в истории), заключается в указании на метафизический переход верховной власти от одного ее носителя к другому.

Итак, Мамай в некотором смысле равновелик Димитрию Донскому, поскольку, через уподобление их поочередно Александру Македонскому, они оказываются функционально тождественными. Потребность в типологических эквивалентах такова, что символический уровень осмысления поворотных моментов в прошлом подавляет моральный, создавая, иной раз, противные здравому смыслу парадоксальные сочетания. Философия истории, предельно концентрированная на выявлении в прошлом сходных сценариев особенно прочно укоренилась в древнерусской литературе после эпохального события, перевернувшего вверх дном прежние историософские стереотипы. Событие это – взятие Константинополя турками в 1453 г., потрясшее умы в Древней Руси, как и во всей христианской ойкумене. Но существенно то, что потрясение дало ход разным культурным процессам в разных концах этой

³ Как было сказано, Киприановская редакция, вероятно, изначально предназначалась для Никоновской летописи. На страницах летописи амбивалентность образа Александра Македонского дополнительно акцентирована за счет того, что его образ появляется там еще раз, и в этом случае, в согласии с этикетом, противостоит образу с отрицательным зарядом. Теперь о македонском царе вспоминает другой восточный завоеватель – Тамерлан, в отличие от Мамаю, с презрением от него дистанцирующийся: «Александр Македонский яко на поругание себе всю землю обтече, малы дары и поклонения тому подааху, он же и болша тех подааше» [26, с. 152]. Изречение знаменитого завоевателя попало в Никоновскую летопись при посредничестве Русского Хронографа из Жития Стефана Лазаревича [14, с. 496, ср. первоначальный – более вразумительный вариант изречения на с. 387].

ойкумены. Дело в том, что на Руси, через Книгу пророка Даниила и серию эсхатологических текстов (например, «Откровение» Мефодия Патарского), хорошо была известна мистическая теория о переходе мирового господства от одного царства к другому – теория, получившая широкое распространение в эпоху средневековья и обозначаемая формулой *translatio imperii* [38]. Однако византийская специфика этой теории, связанная с тем, что Восточная империя представляла собой синтез римской идеи универсального государства и библейской идеи единственной истинной религии, – эта специфика оставалась чужда русской культуре вплоть до падения Константинополя. Ни понятия римской территории, римского гражданства и римского наследия, ни само понятие империи не входили в аксиоматику русского православия, так что на Руси средневековых греков никогда не называли «ромеями» [37]. На Руси Византия воспринималась исключительно в конфессиональном ключе – как греческое православное царство, возглавляющее восточную половину христианского мира. Именно в данном ракурсе и оценивалась поначалу гибель империи. Чуть позднее, когда перед Москвой встала задача создания собственного аналога империи, своего священного царства, ее прежнее равнодушие к несущим конструкциям Византийской империи обусловило сложную (и не всегда удачную) тактику в поисках «царских знаков», которые по частям собирались у разных народов, в том числе ближе, чем Русь, знакомых с идеологией павшей империи. Впрочем, история и результаты этих поисков – задача особых штудий [4, с. 468–530], в то время как сейчас нам предстоит проследить действие механизма, с помощью которого символическая значимость прецедентов, сравнений и аналогий может оказаться более важной, чем заключенный в них моральный или политический урок. То есть поискать в тексте исторических повестей параллели к тому парадоксу, который мы подметили в «Сказании о Мамаевом побоище», где образы Александра Македонского и других героев «Сербской Александрии» лишены этической однозначности, будучи подавлены своей символической функцией. Поскольку символический потенциал персонажей Священного Писания был относительно устойчивым, больший для нас интерес представляют ныне исторические сближения, проводимые между разновременными феноменами за пределами текстов библейского канона. Особенно эффектны такие сближения в обращении с именами собственными.

Положение, в котором оказалась Древняя Русь после установления в Константинополе власти турок, уже благополучно покоривших другие православные царства на юге, можно определить как ситуацию культурного одиночества. Такая ситуация безусловно способствовала напряженным раздумьям над закономерностями исторического процесса. Симптомом этих раздумий является, прежде всего, интенсивная письменная продукция по всему спектру исторических жанров, развернувшаяся на Руси в конце XV–XVI вв. Количество текстов на исторические сюжеты (тех, которые считали историческими сами творцы), составленных в эту эпоху, включая сюда оригинальные композиции, компиляции и переводы, намного превышает все, написанное в данном роде за предыдущие столетия. Еще важнее, что внимание производителей литературы исторического содержания, в поисках символической опоры, неизменно обращается к критическим ситуациям в прошлом и действующим лицам этих ситуаций. Таковы, среди прочего, Троянская война (отсюда комбинации из разных пере-

водных рассказов о взятии Трои), рождение и гибель державы Александра Македонского (отсюда «Сербская Александрия» и комплекс других текстов с македонским царем в качестве главного героя), разорение Иерусалима римлянами (отсюда популярность «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и связанных с ней компиляций), татарское нашествие (отсюда новосочиненные произведения, посвященные событиям XIII в.), битва на Куликовом поле (отсюда гиперболизированные описания победы в произведениях Куликовского цикла), и т.д. Перечисленное – экстраординарные обстоятельства, когда власть переходила из одних рук в другие, не компрометируя при этом божественного Промысла, который по ему одному известным мотивам распоряжается народами и царствами. Типологический метод экзегезы был всегда на вооружении у христианских писателей, а интерес к динамическому фактору в судьбе человеческого рода провоцировал на самые неожиданные сближения символических предметов. С другой стороны, именно при повествовании или всего лишь упоминании о таких предметах возникала коллизия между символической и буквальной их интерпретацией. Коллизия, в которой верх нередко одерживал символический подход, когда функция в провиденциальной истории исторических или псевдо-исторических событий и персонажей ломала или смещала их заданную традицией оценку, в том числе этическую. В провиденциальной истории в некотором смысле нет правых и виноватых, зло и добро нейтрализуются с помощью общих аналогий, побежденные не вправе обижаться на победителей, ибо победители неминуемо сами рано или поздно станут побежденными. Малого недостает, чтобы назвать такое видение истории фатализмом. Хотя сказанное до известных пределов касается русской средневековой историографии в целом, наиболее ярко стремление интерпретировать современные события через символические прообразы отразили сочинения, написанные в ближайшее столетие после окончательного завоевания Византии турками.

Далее мы обратимся к трем произведениям, многократно комментировавшимся специалистами: Повести о походе на Новгород в 1471 г., Повести о взятии Царьграда турками, «Казанской истории». Нас они будут интересовать только на предмет предлагаемой авторами типологической экзегезы, преимущественно в обращении с именами собственными. Эта экзегеза, будучи применена к разновременным деятелям и их деяниям, создавала историческую перспективу в виде нескольких выстроенных друг вслед за другом временных горизонтов. Самый простой случай мы видим в Московской летописной повести о походе на Новгород в 1471 г. Смута в Новгороде накануне похода Ивана III сравнивается с внутренними раздорами в Иерусалиме, предшествовавшими его взятию Титом Флавием («яко же в Иерусалиме бысть, егда предасть его Господь в руце Титове» [21, с. 290]). Не исключено, конечно, что упоминание императора Тита извлечено непосредственно из «Истории Иудейской войны», но более вероятно использование какого-нибудь другого – ходового источника, например, статьи «О взятии Иерусалиму 3-ею Титово» из Еллинского летописца, восходящей, как теперь установлено, к особой редакции «Иосиппона» [16, с. 224–244]⁴. Столь же правдоподобно обращение еще к одному источнику – компилятивной статье «Пле-

⁴ О статье см.: [17, с. 163–166]. По тексту этой статьи составлена соответствующая глава в Русском Хронографе [28, с. 245–253].

ны Иерусалим», где рассказывается, кроме как о кампании Тита, о первых двух пленениях города нечестивыми царями – Навуходоносором и Антиохом [19, с. 154–158; 36, с. 60–61]. Летописец, рисуя московский поход как священную войну, сопровождаемую чудесными знамениями, упомянув Тита Флавия, вольно или невольно, соотнес князя не только с императором-язычником, поправшим иудео-христианскую святыню, но также с предыдущими богомерзкими завоевателями священного города. Правда, равновесие восстанавливается за счет вспоминаемого чуть дальше прадеда Ивана III Дмитрия Донского, одержавшего победу над Мамаем, с которым уравниваются мятежные новгородцы [21, с. 294]. При всей произвольности символических уподоблений, некоторые из них оказывались в политическом мейнстриме. Так, восприятие Новгорода как русского Иерусалима стойко продержалось в Москве вплоть до карательной экспедиции Ивана Грозного 1570 г., которую можно определить как реализацию тропа [4, с. 474–475].

Более хитроумные соответствия, устанавливающие символическую связь эпох и героев, находим в Повести о взятии Царьграда в 1453 г. Традиционно считается, что старшей ее редакцией является та, при которой в конце текста объявлено имя Нестора Искандера, ее подлинного или вымышленного автора. Есть, правда, мнение, что «искандеровская» и «хронографическая» редакции восходят к общему источнику, но в целом история текста произведения на удивление плохо изучена. В контексте наших рассуждений, самое интересное в Повести – это несколько исторических горизонтов, которые выстраивает автор за своим рассказом о падении города. Таких горизонтов в «искандеровской» редакции, по меньшей мере, два – греко-персидские войны и падение Трои. Троянская война в средние века рассматривалась как один из поворотных эпизодов мировой истории, своего рода идеальная модель ротации носителей царского начала. Ведь согласно формуле *translatio imperii* царство может существовать только в единственном числе. В Повести Троя и троянцы упоминаются дважды – в преамбуле, рассказывающей об основании Царьграда, и в эпилоге. Выбирая место для будущей столицы, Константин Великий поначалу будто бы намеревался обосноваться в Троаде, «иде же и всемирная победа бысть греком на фряги» [25, с. 26]. Повесть основывается на Еллинском летописце (он, в свою очередь, цитировал Житие Константина), но там та же географическая точка описывается другими словами: «над Ентовым (Аякса) гробом, иде же, ркоша, лодья поставити на троан воевавшим еллином» [16, с. 290; 17, с. 62]⁵. Обратим внимание: нашему автору важно подчеркнуть, что тут была одержана победа, «всемирная» победа, ибо символическое царство мира сменило субъекта, что победа была одержана греками (слово «еллин» создавало нежелательные ассоциации с язычниками), одержана над латинянами (под «фрягами» автор мог понимать не только древних римлян, но и современников, ибо франки издавна вели свою легендарную родословную от троянцев). В контексте Повести существенно, что символическое царство, прежде чем его ликвидировали турки, последовательно побывало во владении нескольких народов. Именно многократная смена субъекта подчеркивается в эпилоге Повести: султан «одоле одолевших горда-

⁵ Ср. отражение этого описания в гл. 119 Хронографа: [29, с. 268]. На том, что троянские мотивы Повести взяты непременно из «Троянской истории» Гвидо де Колумна (мнение А.С. Орлова), нет необходимости настаивать [36, с. 153–155].

го Артаксеркса ... и потреби потребивших Троию предивну» [25, с. 68]⁶. Здесь, как видим, перед Троей дана отсылка (через имя царя) еще к одному мировому царству – Персии, над которым тоже когда-то одержали победу греки. Как справедливо подчеркивал М.Н. Сперанский, Повесть необходимо изучать в комплексе с другими известиями о катастрофе 1453 г. и присовокуплявшимися к ним новыми статьями [33, с. 188–190]. Так вот, Русский Хронограф, по-видимому, прежде чем к нему присоединилась рассматриваемая Повесть (ее «хронографическая» редакция), завершался разделом, который условно называют «Плач о падении Царьграда» – творением самого составителя Хронографа. Для нас сейчас важно, что этот Плач содержит имплицитно отсылку еще к одному (третьему, если добавить его к аллюзиям Повести) историческому горизонту – нашествию Батыя, поскольку, как показал Б.М. Клосс, зачин Плача парафразирует начало хронографического рассказа о трагических событиях XIII в. [ср.: 28, с. 437 и 396; см.: 12, с. 245]. Наконец, проследив последующую судьбу «хронографической» редакции Повести, убеждаемся, что, скорее всего, при посредничестве Хронографа, она проникла в летописные своды, снова подвергшись там изменению и распространению. В частности, в экзордиуме летописных версий к Повести добавляется легенда о городе Византии, связанная с судьбой Олимпиады, матери Александра Македонского [27, с. 78 – текст из Лицевого свода]⁷. Таким образом, через образ македонского царя в рассматриваемом произведении вырисовывается четвертый по счету исторический горизонт с прообразовательным потенциалом. Историческая динамика максимально конденсируется в Повести на ее символических отрезках. Это предопределило в некотором роде беспристрастность рассказа о поведении султана после захвата Царьграда: как мудрый правитель он воздает должное мужеству павшего императора и останавливает кровопролитие. Тут налицо чисто функциональная метаморфоза «окаянного» Магомета (так он величается на протяжении всего рассказа) – прекрасный пример отсутствия психологического толкования в известии о событиях символической значимости. За этой метаморфозой ошибочно было бы усматривать осознание автором многогранности человеческой личности, хотя в таком именно ключе поняли Повесть уже древнерусские начетчики⁸. Об их рецепции Повести есть достоверные сведения: в рукописной традиции, в числе сопутствующих ей текстов, появляются сочинения Ивана Пересветова, избравшего султана носителем высшего государственного разума. Этот симбиоз дорогого стоит, потому что, в противоположность нашим повестям, у Пересветова морализаторство побеждает символизм (ср. еще уход от сим-

⁶ Мне представляется сейчас малоубедительным предположение, что, благодаря встречающейся кое-где идентификации троянцев и турок, взятие ими Константинополя могло квалифицироваться как реванш за поражение в Троянской войне [5, с. 218–219]. Калейдоскопическая смена власти в рассматриваемых сейчас повестях лишена логики человеческих поступков, эти повести игнорируют политическую или этическую целесообразность, тем самым демонстрируя всемогущество божественного Промысла.

⁷ Легенда заимствована из Еллинского летописца или из «Откровения» Мефодия Парского. См.: [10. Тексты, с. 90–91; 16, с. 179; и 17, с. 39].

⁸ Подобно Магомету, в «Повести о разорении Рязани Батыем» татарский царь тоже на минуту преображается, становясь мудрым правителем, после сражения с Евпатием Коловратом и его дружиной. Это, конечно, тоже колебания на функциональном уровне, не имеющие отношения к психологии личности [ср.: 2, с. 9].

волизма в фольклорных текстах, например, в «Песне об Авдотье Рязаночке», где жестокий завоеватель неожиданно проявляет великодушие и мудрость, следуя требованиям сюжета и не оставляя места для психологии).

Наиболее причудливые капризы типологической экзегезы в отношении исторических фактов и имен собственных встречаются в «Казанской истории». Прежде, чем демонстрировать эти капризы, стоит все же предупредить возможные возражения против использования данной исторической повести, какие могут возникнуть из-за отсутствия ранних списков произведения [8, с. 45–17; 7]. Как было сказано по поводу отождествления Новгорода с Иерусалимом, случалось, что парадоксы символического толкования находили отражение в политических реалиях XV–XVI вв. Сейчас мы имеем дело с примером обратного развития, когда политические мифологемы послужили опорой для исторического рассказа с символической перспективой. Такой мифологемой в политике Ивана Грозного несомненно явилось взятие Казани. Для русских идеологов Казанское царство было равным Московскому, а поскольку священное царство виделось предметом уникальным, одному из них предстояло исчезнуть (потом та же конфигурация, в редуцированной форме, сложилась в отношениях с Астраханью). Как следует из дипломатических бумаг, именно присоединение Казани давало правителю Москвы право на царский титул [30, с. 297, 299, 300, 305]. Ради того, чтобы иностранцы титуловали государя «царем казанским и астраханским», московские дипломаты готовы были идти даже на территориальные уступки. Символическая значимость феномена (царства) оказывается для них важнее конфессиональной, на что тогда же справедливо обратили внимание поляки, ведущие переговоры с Москвой: «Никогда не может прийти в голову польским королям именоваться титулом «татарского» или «турецкого», как будто христианин (может) называть христианского государя «царь татарский»» [29, с. 176, ср. с. 169]. Поскольку это та сама антиномия, которая лежит в основе «Казанской истории», будем исходить из презумпции, что архетип произведения, от которого ведут свою родословную позднейшие, дошедшие до нас версии, относительно близок к эпохе, когда не выветрилась еще память о спорах, касающихся царской титулатуры. Все же, при обсуждении деталей списка, опубликованного в используемом нами издании (Российская национальная библиотека. F.IV.578), не будем упускать из виду, что проекция его чтений на архетип есть вынужденная уступка обстоятельствам – я бы сказал, *licentia poetica*. Напротив, свободное обращение в поисках аналогий к фольклорным текстам представляется мне некорректным: обычно невозможно доказать наличие архаического субстрата в поздних записях. Не говорю уже о том, что носители фольклора не ставили перед собой задач типологической экзегезы [ср.: 23, с. 171–202].

Исследователи «Казанской истории» не раз обращали внимание на неустойчивость авторской позиции в выборе положительных и отрицательных героев, на необычное для древнерусской традиции равновесие в раздаваемых им оценочных характеристиках. Герои будто бы то и дело меняются местами: «Нарушения этикета простираются до такой степени, что враги Руси молятся православному Богу и видят божественные видения, а русские совершают злодеяния, как враги и отступники» [18, с. 100]. Соответствующие примеры приводились неоднократно, повторять их не вижу смысла. Объяснение необычному *qui pro quo* давались разные: Д.С. Лихачев усматривал тут распад литературного этикета, первые попытки психологической мотивировки,

Э. Кинан, датировавший памятник XVII в., писал о попытке автора выявить в героях рыцарские качества, какими отличаются персонажи переводившихся тогда западных романов [39]. На самом деле, парадоксы «Казанской истории» связаны с идеологическим конфликтом, который в исторической реальности не поддавался разрешению, потому что он был «не от мира сего»: оба царства обладают одинаковым символическим капиталом, но не могут существовать одновременно. Падение одного из них предопределено, но оно не умаляет достоинств павшего, паритет победителя и побежденного многократно акцентируется в тексте, когда, например, Иван Грозный отдает распоряжение по поводу взятого в плен казанского царя Едигера: «Не подобает бо, – глаголаше, – повинному древних царей обычаю, видевше царя, быти в печали и тузе, но радостну и веселу, яко царь сый, аще и поган» [11, с. 476]. Необходимость интерпретировать исторические события на символическом уровне, помимо прочего, подкрепляется типологической экзегезой, предметом которой становятся и описываемые события, и оба конкурента порознь, и аксессуары каждого из них. Описанию Казанской кампании предпослан экскурс, из которого вырисовывается судьба Казани *ab urbe condita*. Поскольку же ее судьба переплетена с судьбой России, в произведении сообщается о многих событиях, касающихся прошлого этой соперницы Казани. В их числе – о знаковых, которые в тексте «Казанской истории», наряду с упоминанием символических эпизодов мировой истории, связанных с переходом власти, образуют настоящую анфиладу временных горизонтов. Закономерным образом в эту анфиладу попадают победа греков над персами, Троянская война, подвиги Александра Македонского, разорение Иерусалима римлянами, падение Константинополя [11, с. 258, 339, 392, 448 – заимствование из Хронографа, 503], из русской истории – нашествие Батыя, Куликовская битва, присоединение Новгорода [11, с. 254–256, 304–306, 440], и др. Типологическая экзегеза производится и через поиск в прошлом имен собственных, имеющих прообразовательное значение для Казанской эпопеи, – обозначений народов (русские соотносятся с евреями в египетском плену и с евреями – жертвами Навуходоносора [11, с. 256, 318]), персонажей (так, например, Иван Грозный сравнивается с Гедоном, Давидом, Александром Македонским, эфиопским царем Елезвоем, с князьями Святославом, святым Владимиром, Владимиром Мономахом [11, с. 390–392, 404]⁹, а царица Сююмбике – с Сивиллой [11, с. 346]), названий городов (Москва именуется вторым Киевом и третьим Римом [11, с. 262], Казань – Вавилоном, Римом и Иерусалимом [11, с. 368, 410]), даже рек (Волга уподобляется Тигру [11, с. 298]), и проч. В результате источниковедческих разысканий выяснилось, что некоторые из указанных параллелей позаимствованы сочинителем из чужих произведений. Он вообще обнаружил незаурядную начитанность: помимо многого другого, в поле его зрения находились все упоминавшиеся выше исторические повести. Но такие посторонние инкрустации не препятствуют целостному восприятию памятника. При последовательном чтении «Казанской истории», все эти напоминания, сравнения, уподобления, замены создают впечатление не останавливающегося бега времени, непрерывного перехода царского достоинства от

⁹ Ср. еще противопоставление царя (вывод, тоже сделанный при поиске имен для сравнения!) Гераклу [11, с. 502], где из-за порчи протографа мифологический персонаж превратился в Лициния. Конъектура предложена в кн.: [15, с. 501–502].

народа к народу, от одного властителя к другому, из старой столицы в новую. В ряду подобных отождествлений мы отыскиваем поразительные пересечения в оценках двух противоборствующих миров. С евреями (в Египте, а потом в Иерусалиме) сравниваются как русские, так и казанцы, на Рим проецируется Москва, равно как и Казань. Но самые, пожалуй, дерзкие переносы связаны с идеей троекратного завоевания Иерусалима, идеей, которая упоминалась уже при обсуждении Повести о походе на Новгород. Если там называется *expressis verbis* один только римский император, составитель «Казанской истории» не усомнился внести в текст сообщения о первых двух завоевателях – Навуходоносоре и Антиохе, имена которых были особенно одиозны для православного читателя. И все же автор, не сомневаясь, проецирует на деяния нечестивых царей древности поход на Казань, предпринятый исполненным религиозного рвения Иваном Грозным. Говоря о многочисленности приведенного московским царем войска, автор ссылается на слова пророка Иеремии по поводу вавилонян: «И те люди безчислены, яко же о приходе вавилонского царя ко Иерусалиму и пророчествова Иеремия». Чуть дальше московское войско сравнивается с войском Антиоха: «И не хуже Антиоха явленного, егда прииде Иерусалим пленити» [11, с. 410, 416]. Правда, по поводу Антиоха писатель все же счел нужным сделать оговорку («но он неверен и поган ... сей же верный на неверныя...»), между тем как сравнение с войском Навуходоносора оставлено без комментариев.

Итак, анализируя тексты трех исторических повестей, мы убедились в страсти книжников рассматриваемой эпохи к поиску символических аналогий в прошлом. Разумеется, при желании дополнительные примеры типологической экзегезы можно было бы отыскать в других произведениях, особенно в летописных и хронографических компиляциях, которыми столь богата эта эпоха. Полагаю все же, что для конечной цели настоящих размышлений – интерпретации одного из источников «Сказания о Мамаевом побоище» – представленного материала достаточно. Три наших повести, с разной степенью откровенности, демонстрируют отсутствие однозначности в оценках происходящего и происходившего, что объясняется предпочтением типологической экзегезы в ущерб буквальной. Этот вывод, думаю мне, можно сформулировать и как обратную зависимость, именно: индифферентность символов к страстям, сопутствующим буквальной интерпретации людей и их деяний, имеет свойство проявляться на фоне повышенного спроса на типологическую экзегезу в целом. С этой точки зрения, Сказание, прежде всего, его Основная редакция, выделяется на общем фоне следами особенно буйной фантазии автора, которую он обнаружил в поиске прообразов, вносимых по признаку сходства или по контрасту. Перед читателем мелькают разные эпохи, выделяемые описательно или через указание на их представителей – начиная от времен израильских пророков и судей, включая императорский Рим и Византию, продолжая княжением прославленных князей за первые века существования христианской Руси, заканчивая поражением на Калке и походом Батыя [32, с. 25, 29, 33, 37, 38, 39, 41, 42]. У главных действующих лиц отыскивается в прошлом целая вереница двойников. Так, Димитрий Донской эксплицитно отождествляется с Моисеем, Гедеоном, Езекией, Александром Македонским, Константином Великим, Владимиром Святым, Ярославом Мудрым, Александром

Невским [32, с. 25, 26, 27, 28, 29]¹⁰, противостоящий ему Мамай – с Навуходоносором, императорами Титом и Юлианом Отступником, Батыем [32, с. 25, 28, 30, 38, 39, 41, 46], Олег Рязанский – со Святополком Окаянным [32, с. 28, 35]. Вселенский масштаб сражения подчеркивается также за счет того, что этноним «татары» варьируется с иными их обозначениями, отсылающими к древним и относительно древним временам. В частности враги, в ряду разнообразных уничижительных прозвищ («сыроядцы», и др.), маркируются по религиозному признаку («еллины»¹¹ и «измаильтяне») или по этническому, когда используются имена других кочевых народов Южной Руси («печенеги», «половцы») [32, с. 31, 32, 35, 36, 38, 40, 43, 45, 47].

Подобное нагнетание исторических прообразов в Сказании, как мы выяснили, создавало благоприятную среду для колебания в распределении положительных и отрицательных авторских оценок, проявляющихся, в том числе, в сравнениях и ассоциациях. Нагнетание это, в свою очередь, объясняется пристальным вниманием всех книжников изучаемой эпохи к русско-татарским отношениям в их парадигматическом значении, в проекции на переломные эпохи в истории человечества. Причина известна: из великих правителей прошлого татарские цари рассматривались московскими идеологами как прямой источник достоинства великих князей, а потом и царей. Никоновская летопись год за годом восстанавливает во всей полноте значение для судьбы Руси татарского фактора, причем наибольший интерес вызывают, разумеется, бывшие поражения и бывшие победы. Составляются и самостоятельные тексты – такие, как целый цикл памятников во славу Михаила Черниговского (включая Слово похвальное Льва Филолога и Житие Евфросинии Суздальской), «Повесть о Меркурии Смоленском», «Повесть о разорении Рязани Батыем». Из них, для объяснения удивительной исторической дальнзоркости автора Сказания, насытившего текст бесконечным множеством символов, полезно присмотреться к «Повести о Меркурии Смоленском». М.Б. Плеханова справедливо характеризует Повесть как отражение напряженной антиномии между поражением и победой [23, с. 63–104]. Вместе с тем, свой тезис о непосредственной зависимости Повести от Сказания исследовательница подкрепляет сложной и малоубедительной аргументацией (компенсаторная роль Меркурия в несостоявшемся мученичестве Дмитрия Донского). Поскольку использованное тем и другим памятником Мучение Меркурия Кесарийского и его Чудо о Юлиане Отступнике полнее отразились в Повести (в старшей ее – Минейной редакции), можно было бы даже поставить вопрос об обратной зависимости¹². Полагаю все же, что правильным будет совсем другой ответ: безусловное родство двух текстов следует связывать с их происхождением из одного и того же круга книжников, которые могли повторно обращаться к одним и тем же источни-

¹⁰ Замечательным художественным приемом является собственное заявление Мамай, что он не хочет походить на Батыя и довольствоваться набегами. Он хочет прочно сесть на московский престол [32, с. 26]. Это тот случай, когда идентичность закрепляется через контраст.

¹¹ Однажды сочинитель применил прилагательное «еллинский» к русским, определяя их состояние до принятия крещения [32, с. 30].

¹² Что касается Сказания, позволю себе высказать следующее осторожное предположение о том, каков мог быть повод, чтобы вспомнить об императоре-отступнике. Не исключено, что автор, то и дело играющий на сходстве и контрасте всевозможных образов, воспользовался функциональной параллелью и противопоставил чудесное убийство Юлиана святым Меркурием Кесарийским [32, с. 29] неудавшемуся покушению Ависа.

кам. На мой взгляд, гораздо важнее, чем совпадения и расхождения текстов, присутствующий в обоих произведениях провиденциальный взгляд на татарское нашествие XIII в. как на фатальное явление, не подлежащее суду грешного человечества, а с другой стороны, типологически равнозначное прежним величайшим событиям в многовековой истории людского рода. Тенденции, наблюдаемые в Сказании, в Повести предельно обнажены. Достаточно сказать, что этноним «татары» ни разу не употребляется в тексте Повести, они неизменно нарекаются «варварами» [31, с. 31–34]¹³, Меркурий бьется с безымянным «исполином». За счет всего этого конкретный эпизод под Смоленском (ср. вставленные в текст Повести летописные даты и реальные имена) обретает космические пропорции. Сам герой напрочь лишен индивидуальных черт, он и его прообраз (Меркурий Кесарийский) с трудом поддаются дифференциации. До конца не ясно, не явился ли совершить новый подвиг на Руси святой воин, когда-то, по молитве Василия Великого, сразивший нечестивого императора. Меркурий Смоленский – это лишенная плоти функция. Будучи предопределены, его действия до известной степени лишаются нравственного содержания, заставляя вспомнить аксиологическую вольность при использовании образа Александра Македонского в Сказании.

Завершая наши рассуждения об амбивалентности образа македонского царя в повествовательном пространстве Сказания, непозволительно было бы умолчать еще и о том, что сама история восприятия этого образа способствовала колебаниям его между положительным и отрицательным полюсами. Символические ассоциации, связанные с именем Александра Македонского, соединились с древнейших времен в весьма пестрый по составу набор, с течением времени полисемия образа только нарастала. Сфера его применения отнюдь не исчерпывалась дифирамбами, которые слагались в честь очередных образцовых правителей и где уподобления македонскому царю стали общим местом. В суждении разных людей, Александр Македонский мог прославляться как гениальный полководец или осуждаться как суетный честолюбец, превозноситься как идеальный государь или быть порицаемым как жестокий тиран. Сама быстро взошедшая, но и быстро закатившаяся звезда завоевателя Азии делала его объектом зависти в глазах честолюбцев, но одновременно примером непрочности земного счастья. К этому нужно добавить, что царь Македонии стал еще при жизни объектом религиозного поклонения, и даже многие столетия безраздельного господства христианства не вполне очистили образ Александра Македонского от издавна приписанной ему магической силы. Все эти обертоны, в полной мере звучавшие в византийской культуре, пускай приглушенно, уловимы были и на Руси, где восприятие образа воителя никак не сводилось к множившимся редакциям и версиям переводного «Романа об Александре». Отсутствие у образа-знака однозначного положительного или отрицательного наполнения удерживается вплоть до известной лубочной картинки, представляющей битву Александра Македонского с индийским царем Пором: расположение войск и их предводителей строго симметрично, ни один из них не приукрашен в ущерб другому [20, № 119]¹⁴. Любопытно, что заглавие картинки начинается словами: «Славное побоище...». Поскольку в

¹³ В службе Меркурию Смоленскому «татары» трансформируются в «печенегов» [31, с. 130].

¹⁴ По мнению В.В. Стасова, лубочное изображение Александра Македонского копирует портрет Петра I с гравюры [34, с. 339–340].

«Сербской Александрии», к которой восходит остальной текст на картинке, подобного словосочетания нет, можно предположить, что художник позаимствовал его из «Сказания о Мамаевом побоище». Таким образом, мы начали с того, что занялись поиском следов влияния переводного произведения на Сказание, а заканчиваем наше исследование указанием на факт, за которым гипотетически усматриваем обратное воздействие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / Изд. М.И. Ботвинник, Я.С. Лурье, О.В. Творогов. М.; Л.: Наука, 1965. 270 с. (Литературные памятники).
2. Амелькин А.О. Татарский вопрос в отечественном сознании России конца XV – первой половины XVI в.: (По материалам агиографических сказаний и памятников фольклора). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. 24 с.
3. Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München: Verlag Otto Sagner, 1991. 466 с. (=Slavistische Beiträge. Bd 278).
4. Буланин Д.М. Афон в древнерусской письменности до конца XVI в.: (Из истории образа по памятникам, учтенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», а также пропущенным при его подготовке) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 427–763.
5. Буланин Д.М. Троянская тема в Житии Михаила Клопского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 48. С. 214–228.
6. Веселов Ф.Н. Лицевые списки Сказания о Мамаевом побоище XVII–XIX вв. в музейных и библиотечных собраниях. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2017. 497 с.
7. Добродомов И.Г., Кучкин В.А. «Казанская история» и основание Казани // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. С. 430–479.
8. Дубровина Л.А. История о Казанском царстве: (Казанский летописец): Списки и классификация текстов. Киев: Наукова думка, 1989. 192 с.
9. Живковић М. О византијском пореклу фигуралних минијатура «Београдске Александриде» // Зограф: Часопис за средњовековну уметност. Београд, 2013. Т. 37. С. 169–200.
10. Истрин В.М. «Откровение» Мефодия Патарского и апокрифические Видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: Исследование и тексты. М.: Университетская тип., 1897. 330+208 с.
11. Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 10. С. 252–509.
12. Клосс Б.М. О времени создания Русского Хронографа // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1971. Т. 26. С. 244–255.
13. Клосс Б.М. Сказание о Мамаевом побоище // Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 331–348.
14. Куев К., Петков Г. Събрани съчинения на Константин Костенечки: Изследване и текст. София: Изд-во на Българската Академия на науките, 1986. 574 с.
15. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. 682 с.
16. Летописец Еллинский и Римский. Т. 1: Текст. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 514 с.
17. Летописец Еллинский и Римский. Т. 2: Комментарий и исследование О.В. Творогова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 270 с.

18. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 360 с.
19. Мецгерский Н.А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 578 с.
20. Мишина Е.А. Русская гравюра на дереве XVII–XVIII вв. СПб.: Арс; Дмитрий Буланин, (1998). 184 с.
21. Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. С. 286–311.
22. Петров А.Е. «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 54–64.
23. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 336 с.
24. Повести о Куликовской битве / Изд. М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 512 с. (Литературные памятники).
25. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. С. 26–71.
26. Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. Т. 11. VIII+254 с.
27. Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. Т. 12. VI+266 с.
28. Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1911. Т. 22. Ч. 1. VIII+568 с.
29. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / Пер. и изд. Л.Н. Годовиковой. М.: Изд-во МГУ, 1983. 272 с.
30. Савва В. Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков: Тип. М. Зильберберг, 1901. 400 с.
31. Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / Подготовка текстов и исслед. Н.В. Рамазановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 394 с.
32. Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. Л.А. Дмитриев, О.П. Лихачева. Л.: Наука, 1982. 422 с. (Литературные памятники).
33. Сперанский М.Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII веков // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. С. 188–225.
34. Стасов В.В. Рец. на кн.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 1–5 // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Т. 223. № 10. С. 312–401.
35. Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л.: Наука, 1975. 320 с.
36. Творогов О.В. Троянские сказания в древнерусской литературе // Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков. Л.: Наука, 1972. С. 148–160 (Литературные памятники).
37. Franklin S. The Empire of the “Rhomaioi” as Viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantino-Russian Cultural Relations // Byzantion. 1983. Vol. 53, fasc. 2. P. 507–537.
38. Goetz W. Translatio imperii: Ein Beitrag zur Geschichte des Geschichtsdenkens und der politischen Theorien im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1958. 400 s.
39. Keenan E. Coming to Grips with the “Kazanskaya Istoriya”: Some Observations on Old Answers and New Questions // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. 1964–1968. Vol. 11. Nos. 1–2 (31–32). P. 143–183.

Сведения об авторе: Дмитрий Михайлович Буланин – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (199034, наб. Макарова, 4, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5480-7964. E-mail: dmitriibulanin@yandex.ru

Поступила 30.11.2019 Принята к публикации 22.02.2020

Опубликована 29.03.2020

REFERENCES

1. *Aleksandriya: Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoy rukopisi XV veka* [Alexandria: Alexander the Great Novel according to the Russian Manuscript of the 15th century]. M.I. Botvinnik, Ya.S. Lur'e, O.V. Tvorogov (eds). Moscow; Leningrad: Science, 1965. 270 p. (In Russian)
2. Amel'kin A.O. *Tatarskiy vopros v otechestvennom soznanii Rossii kontsa XV – pervoy poloviny XVI v.: (Po materialam agiograficheskikh skazaniy i pamyatnikov fol'klora). Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Tatars' Matter in the National Mentality of Russia at the end of the 15th – the first half of the 16th century (based on the materials of hagiography and folklore texts) Abstract of PhD Thesis]. Moscow, 1992. 24 p. (In Russian)
3. Bulanin D.M. *Antichnye traditsii v drevnerusskoy literature XI–XVI vv.* [Ancient traditions in Old Russian Literature of the 11th–16th centuries]. München: Verlag Otto Sagner, 1991. 466 p. (In Russian)
4. Bulanin D.M. *Afon v drevnerusskoy pis'mennosti do kontsa XVI v.: (Iz istorii obraza po pamyatnikam, uchennym v "Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi", a takzhe propushchennym pri ego podgotovke)* [The Mont Athos in Old Russian Writings until the end of the 16th century: (From the History of the Image According the Texts Recorded in the "Dictionary of the Writers and Writings of Old Rus'", as well as Missed in Course of Its Preparation)]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*, Is. 2: *Vtoraya polovina XIV–XVI v.*, Part 3: *Bibliograficheskie dopolneniya. Prilozhenie* [Dictionary of the Writers and Writings of Old Rus', Is. 2: The second part of the 14th–16th centuries, Part 3: Bibliographic Additions. Supplement]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2012, pp. 427–763. (In Russian)
5. Bulanin D. M. *Troyanskaya tema v Zhitii Mikhaila Klopskogo* [The Theme of Troy in the Vita of Mikhail Klopsky]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], Vol. 48. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1993, pp. 214–228. (In Russian)
6. Veselov F.N. *Litseye spiski Skazaniya o Mamaevom poboishche XVII–XIX vv. v muzeynykh i biblioteknykh sobraniyakh. Diss. ... kand. ist. nauk* [Illuminated Manuscripts with "The Tale of the Battle with Mamai" of the 17th–19th centuries in Museums and Libraries' Collections. PhD Thesis]. St. Petersburg, 2017. 497 p. (In Russian)
7. Dobrodomov I.G., Kuchkin V.A. "Kazanskaya istoriya" i osnovanie Kazani ["Kazan History" and the Foundation of Kazan]. *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature], Vol. 1. Moscow, 1989, pp. 430–479. (In Russian)
8. Dubrovina L.A. *Istoriya o Kazanskom tsarstve: (Kazanskiy letopisets): Spiski i klassifikatsiya tekstov* [The History of Kazan Tsardom: (Kazan Chronicle): The Manuscripts and the Classification of the Text Variants]. Kyiv: Scientific Thought, 1989. 192 p. (In Russian)
9. Zhivkoviћ M. *O vizantijskom poreklu figuralnih minijatura "Beogradske Aleksandride"* [On the Byzantine Origine of the People Portraits in the Miniatures of the "Alexandria of Belgrad"]. *Zograf: Chasopis za sredњovekovnu umetnost* [The Artist: Journal on Medieval Art], Vol. 37. Beograd, 2013, pp. 169–200. (In Serbian)

10. Istrin V.M. *“Otkrovenie” Mefodiya Patarskogo i apokrificheskie Videniya Daniila v vizantiyskoy i slavyano-russkoy literaturakh: Issledovanie i teksty* [The “Revelation” by Methodius of Patara and the Apocryphal Visions of Daniel in the Byzantine and Slavic-Russian Literatures: Research and Texts]. Moscow: University’s printing house, 1897. 330 + 208 p. (In Russian)
11. Kazanskaya istoriya [Kazan History]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Russian Literature], Vol. 10. St. Petersburg: ‘Science’, 2000, pp. 252–509. (In Russian)
12. Kloss B.M. O vremeni sozdaniya Russkogo Khronografa [Dating the Composition of Russian Chronograph]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], Vol. 26. Leningrad: ‘Science’, 1971, pp. 244–255. (In Russian)
13. Kloss B.M. Skazanie o Mamaevom poboishche [The Tale of the Battle with Mamai]. *Izbrannye trudy* Vol. 2: *Ocherki po istorii russkoy agiografii XIV–XVI vekov* [Selected Studies, Vol. 2: Essays on the History of Russian Agiography of the 14th–16th centuries]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2001, pp. 331–348. (In Russian)
14. Kuev K., Petkov G. *S“brani s“chineniya na Konstantin Kostenechki: Izsledvane i tekst* [Collected Works by Konstantin Kostenechki: Research and Text]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 1986. 574 p. (In Bulgarian)
15. Kuntsevich G.Z. *Istoriya o Kazanskom tsarstve, ili Kazanskiy letopisets: Opyt istoriko-literaturnogo issledovaniya* [The History of Kazan Tsardom, or Kazan Chronicle: The Attempt of the Historical and Literary Research]. St. Petersburg: Printing house of I.N. Skorokhodov, 1905. 682 p. (In Russian)
16. *Letopisets Ellinskiy i Rimskiy*, Vol. 1: *Tekst* [Hellenic and Roman Chronicle, Vol. 1: Text]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1999. 514 p. (In Russian)
17. *Letopisets Ellinskiy i Rimskiy*, Vol. 2: *Kommentariy i issledovanie O.V. Tvorogova* [Hellenic and Roman Chronicle, Vol. 2: Commentary and Research by O.V. Tvorogov]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2001. 270 p. (In Russian)
18. Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [The Poetics of Old Russian Literature]. 3rd ed. Moscow: ‘Science’, 1979. 360 p. (In Russian)
19. Meshcherskiy N.A. *“Istoriya Iudeyskoy voyny” Iosifa Flaviya v drevnerusskom perevode* [The “Jewish War” by Josephus Flavius in Old Russian Translation]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1958. 578 p. (In Russian)
20. Mishina E.A. *Russkaya gravюра na dereve XVII–XVIII vv.* [Russian Engravings on the Wood of the 17th–18th centuries]. St. Petersburg: Ars Publ.; Dmitriy Bulanin Publ., (1998). 184 p. (In Russian)
21. Moskovskaya povest' o pokhode Ivana III Vasil'evicha na Novgorod [Moscow Tale on the Campaign of Ivan III Vasilievich against Novgorod in 1471]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Russian Literature], Vol. 7. St. Petersburg: ‘Science’, 1999, pp. 286–311. (In Russian)
22. Petrov A.E. “Aleksandriya Serbskaya” i “Skazanie o Mamaevom poboishche” [“Serbian Alexandria” and “The Tale of the Battle with Mamai”]. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki* [Old Russia: Problems of Medieval Studies], no. 2 (20), 2005, pp. 54–64. (In Russian)
23. Plyukhanova M.B. *Syuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva* [Themes and Symbols of the Moscow Tsardom]. St. Petersburg: Akropolis, 1995. 336 p. (In Russian)
24. *Povesti o Kulikovskoy bitve* [Tales on the Kulikovo Battle]. M.N. Tikhomirov, V.F. Rzhiga, L.A. Dmitriev (eds). Moscow: Academy of Sciences of USSR, 1959. 512 p. (In Russian)
25. Povest' o vzyatii Tsar'grada turkami v 1453 godu [The Tale on the Capture of Tsargrad by the Turks in 1453]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Russian Literature], Vol. 7. St. Petersburg: Science, 1999, pp. 26–71. (In Russian)
26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 11. St. Petersburg: Printing house of I.N. Skorokhodov, 1897. viii + 254 p. (In Russian)

27. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 12. St. Petersburg: Printing house of I.N. Skorokhodov, 1901. vi + 266 p. (In Russian)
28. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 22, part 1. St. Petersburg: Printing house of M.A. Aleksandrov, 1911. viii + 568 p. (In Russian)
29. Possevino A. *Istoricheskie sochineniya o Rossii XVI v.* [Historical Writings about Russia of the 16th century]. L.N. Godovikova (ed. and trans.). Moscow: Moscow State University Publ., 1983. 272 p. (In Russian)
30. Savva V. *Moskovskie tsari i vizantiyskie vasilevsky: K voprosu o vliyaniy Vizantii na obrazovanie idei tsarskoy vlasti moskovskikh gosudarey* [Moscow Tsars and Byzantine Basilei: To the Problem of the Byzantine Influence on the Emergence of the Idea of Moscow Rulers' Tsar Power]. Kharkov: Printing house of M. Zil'berberg, 1901. 400 p. (In Russian)
31. *Svyatye russkie rimlyane: Antoni Rimlyanin i Merkuriy Smolenskiy* [Saints Russian Romans: Anthony the Roman and Mercury of Smolensk]. N.V. Ramazanova (ed.). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2005. 394 p. (In Russian)
32. *Skazaniya i povesti o Kulikovskoy bitve* [Legends and Tales about the Battle on Kulikovo Field]. L.A. Dmitriev, O.P. Likhacheva (eds). Leningrad: 'Science', 1982. 422 p. (In Russian)
33. Speranskiy M.N. *Povesti i skazaniya o vzyatii Tsar'grada turkami (1453) v russkoy pis'mennosti XVI–XVII vekov* [Tales and Legends about the Capture of Tsargrad by the Turks (1453) in Russian writings of the 16th–17th centuries]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], Vol. 12. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1956, pp. 188–225. (In Russian)
34. Stasov V.V. Rets. na kn.: Rovinskiy D.A. *Russkie narodnye kartinki. Kn. 1–5* [Review of the book: Rovinskiy D.A. Russian Folk Pictures. Books 1–5]. St. Petersburg, 1881. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], no. 223/10, 1882, pp. 312–401. (In Russian)
35. Tvorogov O.V. *Drevnerusskie khronografy* [Old Russian Chronographs]. Leningrad: 'Science', 1975. 320 p. (In Russian)
36. Tvorogov O.V. *Troyanskije skazaniya v drevnerusskoy literature* [Trojan Legends in Old Russian Literature]. *Troyanskije skazaniya: Srednevekovye rytsarskie romany o Troyanskoy voyne po russkim rukopisyam XVI–XVII vekov* [Trojan Legends: Medieval Knightly Novels about the Troy War according to Russian Manuscripts of the 16th–17th centuries]. Leningrad: 'Science', 1972, pp. 148–160. (In Russian)
37. Franklin S. The Empire of the "Rhomaioi" as Viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantino-Russian Cultural Relations. *Byzantion*, no. 53/2, 1983, pp. 507–537.
38. Goetz W. *Translatio imperii: Ein Beitrag zur Geschichte des Geschichtsdenkens und der politischen Theorien im Mittelalter und in der frühen Neuzeit*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) Publ., 1958. 400 p. (In German)
39. Keenan E. Coming to Grips with the "Kazanskaya Istoriya": Some Observations on Old Answers and New Questions. *The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States*, vol. 11, nos. 1–2 (31–32), 1964–1968, pp. 143–183.

About the author: Dmitrii M. Bulanin – Dr. Sci. (Philology), Main Research Fellow of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (4, Makarov embankment, Saint Petersburg 199034, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5480-7964. E-mail: dmitriibulanin@yandex.ru

*Received November 30, 2019 Accepted for publication February 22, 2020
Published March 29, 2020*

УДК 94(47).046

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.107-126

**НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О «ТАТАРСКОЙ ВОЙНЕ» 1615–1616 гг.
В КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ И СУДЬБЕ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ
ПРЕДВОДИТЕЛЯ ЕНАЛЕЕВА ВОССТАНИЯ**

Д.В. Лисейцев

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
Liseitsev@mail.ru*

Цель: выявить и ввести в научный оборот новые источники о Еналеевом восстании 1615–1616 гг. и реконструировать биографии потомков Еналея Еммаметева.

Материалы исследования: в основу исследования легли неопубликованные документы начала XVII в. – челобитные непосредственных свидетелей восстания. Судьбы потомков Еналея Еммаметева реконструируются по материалам комплекса годовых сметных списков Великого Новгорода.

Результаты и научная новизна: История земель и населения Казанского царства XVI–XVII вв. в отечественной науке исследованы слабо. В начале XVIII в. архив приказа Казанского дворца в Москве сгорел. Вследствие этого историкам остаётся лишь надеяться на обнаружение документов, отложившихся в хранилищах других государственных учреждений. К числу малоизученных сюжетов истории Казанской земли начала XVII в. относится Еналеево восстание 1615–1616 гг. Автору статьи удалось обнаружить челобитные казанских дворян, пострадавших от действий повстанцев или участвовавших в подавлении восстания. Эти документы указывают на то, что восставшие в течение некоторого времени держали в осаде главный город края – Казань. Сведения о действиях последователей Еналея Еммаметева позволяют видеть в событиях 1615–1616 гг. скорее национально-освободительное движение, нежели антифеодальную борьбу, спровоцированную экономическими причинами. Восстание не было продолжительным. Оно длилось около трёх месяцев и было подавлено к середине февраля 1616 г. Немного было известно и о судьбе потомков предводителя восстания Еналея Еммаметева. Новые источники позволяют проследить биографии сыновей и внуков Еналея до середины XVII в. В годовых сметах Великого Новгорода зафиксированы ежегодные выплаты кормового жалования семье Еналеевых. Лишь один из пятерых сыновей вождя восстания принял православие; прочие сохранили верность исламу. Документы показывают, что сосланные на северо-запад страны опальные татары успешно встраивались в новую социально-экономическую реальность. Их связь с родным краем при этом не была полностью прервана. Об этом свидетельствует их попытка вернуть себе отцовские владения в Казанском уезде. В приложении к статье публикуются наиболее ценные новые документы о восстании 1615–1616 гг. и судьбе семьи Еналеевых.

Ключевые слова: Смутное время, Казанское царство, Еналеево восстание, служилые татары, новокрещёны

Для цитирования: Лисейцев Д.В. Новые сведения о «татарской войне» 1615–1616 гг. в Казанском царстве и судьбе членов семьи предводителя Еналеева восстания // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 107–126. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.107-126

**NEW INFORMATION ABOUT THE “TATAR WAR”
IN 1615–16 IN THE KAZAN TSARDOM AND THE FATE
OF FAMILY MEMBERS OF THE LEADER OF ENALEI’S UPRISING**

D.V. Liseitsev

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
Liseitsev@mail.ru*

Abstract: *Research objective:* To identify and introduce the notion of new sources for Enaleev uprising of 1615–16 and to reconstruct the biography of the descendants of Enalei Emmametev.

Research material: This research is based on unpublished petitions of direct witnesses of the uprising, dating from the beginning of the seventeenth century. The fate of the descendants of Enalei Emmametev is reconstructed according to the materials of the estimated annual lists of Veliky Novgorod.

Results and novelty of the research: The history of the lands and population of the Kazan Tsardom in the sixteenth and seventeenth centuries is poorly studied in Russian scholarship. At the beginning of the eighteenth century, the archive of the office of the Kazan Palace in Moscow had burned down. As a result of this, historians could only hope for the discovery of documents preserved in the archives of other state institutions. Enalei’s uprising in 1615–16 is one of the little-studied episodes of the history of Kazan land at the beginning of the seventeenth century. The author of this article managed to find petitions of Kazan noblemen who suffered at the hands of the rebels or participated in the suppression of the uprising. According to these documents, the rebels besieged Kazan for some time. Information about the actions of the followers of Enalei Emmametev allows us to see the events of 1615–16 as a national liberation movement rather than an anti-feudal struggle provoked on the basis of economic reasons. The uprising was not long. It lasted about three months and was suppressed by mid-February 1616. The fate of the descendants of the leader of the uprising, Enalei Emmametev, have remained unclear to date. However, new sources make it possible to trace the biographies of Enalei’s sons and grandsons until the mid-eighteenth century. The annual estimates of Veliky Novgorod contain information on the annual payments of feed salaries to the Enaleev family. Only one of the five sons of the leader of the uprising converted to Orthodoxy; the rest remained faithful to Islam. According to documents, the disgraced Tatars, exiled to the northwest of the country, successfully integrated into their new social and economic reality. At the same time, the connection with their native land was not completely cut off. Their attempt to regain their fatherly possessions in the Kazan district is proof of this. This article’s supplementary material contains the new and extremely valuable documents both on the uprising in 1615–16 and the fate of the Enaleev family.

Keywords: Time of Troubles, Kazan Tsardom, Enalei’s uprising, serving Tatars, novokreshcheny

For citation: Liseitsev D.V. New Information about the “Tatar War” in 1615–16 in the Kazan Tsardom and the Fate of Family Members of the Leader of Enalei’s Uprising. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 107–126. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.107-126

Изучение истории постордынского пространства и жившего на нём в XVI–XVII вв. населения для современного исследователя осложнено низким уровнем сохранности документов той эпохи. Земли Среднего и Нижнего По-

волжья с середины XVI в. находились в ведении одного из органов центрального управления Московского царства – приказа Казанского дворца. Отложившиеся в архиве этого учреждения документы – «отпуски» грамот воеводам поволжских городов, равно как и «отписки» представителей местной администрации и челобитные подведомственного Казанскому дворцу населения, полностью уничтожены московским пожаром 1701 г. В силу этого печального обстоятельства для реконструкции истории казанских земель XVII в. приходится использовать те небольшие остатки проходившей через приказ Казанского дворца документации, что сохранились в архивах других приказов Московского государства. Порой в руки исследователя попадают ценные свидетельства, позволяющие существенно уточнить бытующие представления о той или иной стороне жизни Казанской земли в XVII столетии. В настоящей статье я поделюсь своими архивными находками относительно истории Еналеева восстания в Казанском крае в 1615–1616 гг. и судьбы потомков предводителя этого народного выступления.

Казанское восстание 1615–1616 гг. – один из слабоизученных сюжетов истории Казанского края и России. Имеющиеся в распоряжении исследователей сведения о «Еналеевом восстании» чрезвычайно скудны. Причиной восстания называют экономическое разорение Казанского края в ходе сбора т.н. «второй пятины» в 1615 г., а непосредственным толчком к нему – бунт казанской рати, отказавшейся участвовать в военных действиях против Лисовского [1, с. 42–64]. Согласно «Новому летописцу», казанская рать пришла под команду князя Д.М. Пожарского в Лихвин, была выдвинута к Перемышлю преследовать Лисовского, однако приказа не выполнила: «все казанские люди побегоша в Казань». Датировать этот бунт можно концом сентября – началом октября 1615 г. [17, с. 137; 9, с. 227]. Если исходить из того, что эта бежавшая с верховьев Оки рать стала ядром повстанческого войска, мы должны предположить, что восстание в Казанской земле началось вряд ли раньше середины ноября 1615 г. – взбунтовавшимся казанцам предстояло преодолеть путь длиной не менее 1 000 вёрст. Интересно, что казанский жилец Девятой Змеев, участвовавший в злополучном походе «за Лисовским», согласно его собственной челобитной, успел вернуться в Казань ещё до прибытия к её стенам повстанцев¹. Если предположение о связи бунта в войске князя Пожарского с началом Еналеева восстания верно, то, как будет показано ниже, оно длилось не более трёх месяцев.

В Москве к информации о восстании в казанских землях отнеслись серьёзно: началось формирование войска, которому предстояло ликвидировать беспорядки в Поволжье. Во главе его поставили боярина князя Юрия Яншеевича Сулешева и князя Алексея Михайловича Львова. Войско собирали уже в начале февраля 1616 г.: пометы на челобитных назначенных в казанский поход жильцов Даниила Юрьевича Мартюхина, Льва Андреевича Микулина, Андрея Демидовича Пазухина, дьяка Дементия Образцова датированы 9–16 февраля. Сохранилась информация и о других участниках похода: к их числу принадлежали жильцы Степан Иванович Жабин, Василий Михайлович Волков, смоленский выборный сын боярский Андрей Романович Уваров. Более того, войско было не только сформировано, но и выступило в поход, успев

¹ РГАДА. Ф. 396 («Архив Оружейной палаты»). Оп. 1. Д. 38697. Л. 1.

дойти до Нижнего Новгорода, где воеводу Сулешева и застала весть о том, что «казанские вести поминались»².

Разрозненные и обрывочные сведения позволяют, тем не менее, составить картину довольно значительного антиправительственного выступления поволжских народов (татар, чувашей, башкир и удмуртов) на пространстве в 500 вёрст – от Казани до Пермской земли. Военные действия под Сарапулом и Осой датируются концом января 1616 г.: 25 января «тотаровя, и чуваша, и черемиса, и вотяки, и башкирцы пришли на Сарапул войною», после чего намерены были идти рекой Камой в направлении Осинского острога [14, с. 155]. Одновременно восставшие действовали и в окрестностях Казани и даже держали её в осаде. Предположение о том, что восставшие осадили Казань, высказал пермский краевед В.Н. Шишонко («учинили на Казань нападение и держали оную несколько времени в осаде»). Исследователь опирался при этом лишь на не вполне ясную фразу из поздней (1692 г.) жалованной грамоты купцам Строгановым: («и стояли под Казанью»). Выражение «стояли под Казанью», в принципе, не означает того, что город действительно подвергся осаде. Тем не менее догадка Шишонко находит себе документальное подтверждение. Весной 1617 г. один из казанских служилых людей Девятой Змеев подал в Москве челобитную, сообщив о своём участии в борьбе против восставших, отдельно упомянув и об осаде: «как де заворовали казанские татарове, и чуваша, и черемиса, и он де в Казани в осаде сидел»³. Таким образом, силы восставших оказались достаточно многочисленными, раз их хватило на то, чтобы блокировать крупный город, располагавший одним из самых сильных в Поволжье гарнизонов.

Вряд ли у восстания в Поволжье следует искать экономическую подоплёку. Во всяком случае, экономические сложности, связанные со сбором пятинных денег в 1615 г., регион отнюдь не разорили. В 1616 г., уже после подавления Еналеевского восстания, в казанских землях, как и на остальной территории государства, собирали «третью пятину». Этот экстраординарный денежный сбор был самым тяжёлым из всех, что произвело правительство Михаила Фёдоровича в первые годы его царствования [5, с. 26–57, 76–78; 12, с. 16–17]. В нашем распоряжении имеется приказная выписка, свидетельствующая о том, что Казанский край к 1616 г. вполне ещё сохранял платёжеспособность. С Казани и Свияжска, в частности, запланировали взять 10 тыс. рублей – столько же, сколько предстояло взять с московских торговых людей. Более крупные оклады назначили лишь для Нижнего Новгорода (12 тыс. рублей) и Ярославля (20 тыс. рублей) [6, с. 159–161]. Деньги с казанских земель удалось собрать почти в полном объёме – Казань не доплатила чуть более 100 руб., прощённые городу вследствие случившегося в нём в том же 1616 г. пожара⁴. Следовательно, к моменту начала восстания регион не был разорён до предела. У нас нет оснований полагать также, что Еналеевское восстание носило антифеодальный характер. Под Сарапулом повстанцы уничтожали обмолоченный хлеб и сено; в

² Там же. Ф. 210 («Разрядный приказ»). Оп. 9 («Столбцы Московского стола»). Д. 6. Ч. 2. Л. 43, 78, 82–83, 98, 251; Д. 8. Л. 101, 219; Д. 71. Л. 17; Д. 901. Л. 280; Ф. 396. Оп. 1. Д. 38506. Л. 11.

³ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38697. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 38507. Л. 37.

Казанском уезде они перебили и разорили значительную часть крестьян, что констатируется в челобитных казанских дворян; некоторым из них приходилось после восстания пахать землю силами собственных дворовых людей: «Как государю изменили было казанские татаровя, и чуваша, и черемиса, и вотяки, и в то время те татаровя поместья их розорили, крестьян посекали и животы их и крестьянские пограбили»; «А за нами... в казанских деревнишках крестьян нет, пашем своими людишками, а ково и были немногие крестьянишка, и те в татарскую войну побиты, а иные розбрелись, а которые крестьянишка и остались, и те ныне меж двор волочатся»⁵. Исключив возможность видеть основными причинами Еналеевского восстания экономический фактор или феодальный гнёт, мы должны будем квалифицировать этот взрыв социального протеста как национально-освободительное движение. Не случайно в документах оно именуется «татарской войной», а приводимый документами перечень участников совершенно чётко указывает на национальный состав восставших – татары, чуваша, черемиса.

Восстание на Каме удалось подавить местными силами. В частности, из поздней (1692 г.) жалованной грамоты Строгановым известно, что эти «именитые люди» на собственные средства собрали и вооружили войско, сумевшее разгромить повстанцев под Осой и Сарапулом [15, с. 69]. Восстание под Казанью, согласно «Карамзинскому хронографу», подавили силами местных воевод [10, с. 362]. Когда именно это произошло, можно вычислить по записи, сохранившейся в расходной книге Казённого приказа. Весть о том, что мятеж в Казанской земле прекратился, в Москве получили в конце февраля 1616 г. 27 февраля по распоряжению дьяка приказа Казанского дворца Петра Микулина в Казённом приказе выдали жалование казанцам Постнику Неелову, Архипу Якшину, Фёдору Шалимову: «а пожаловал государь их за сеунчъ, как побили в Казани государевых изменников казанских татар Еналейка Еммаметева с товарищи»⁶. Надо полагать, разгром повстанцев имел место в середине февраля 1616 г. – для преодоления 750 вёрст, разделяющих Казань и Москву, гонцам требовалось около недели.

Отдельным сюжетом может стать судьба членов семьи предводителя восстания Еналея Еммаметева. Писцовая книга Казанского уезда 1602/03 г. сообщает о том, что тот имел пятерых сыновей; двое из них – Ишей и Ижбулат – к тому моменту были уже совершеннолетними («в службу успели») [16, с. 133]. О дальнейшей судьбе детей Еналея до сих пор было известно лишь по дефектной копии отказной грамоты, датируемой второй половиной XVII в. [8, с. 109–110]. На этом документе мы остановимся позже. Пока же отмечу, что, опираясь на этот документ, Максум Акчурин и Мулланур Ишеев пришли к выводу о том, что трое из сыновей Еналея – Урекей, Ижбулат и Битуган (Айтуган) участвовали в возглавленном их отцом восстании, были схвачены и сосланы сначала в Москву, а затем в Великий Новгород. Позднее Ижбулат и Битуган предприняли неудачную попытку вернуть себе отцовские владения в Казанском уезде [1, с. 42–64].

Что удаётся узнать о судьбе детей Еналея Еммаметева помимо этой информации? Прежде всего, приходится констатировать – в Еналеевом восста-

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 278. Л. 143 об.

нии сыновья Еналея либо не участвовали, либо доказать их участие в восстании московские власти не сумели. На это указывает терминология документов. Если самого Еналея Еммаметева в приказной документации упорно именуют «изменником», то его сыновей – только казанскими татарами или, в худшем случае, «изменничьими детьми». Единственный аргумент в пользу участия братьев Еналеевых в восстании – упоминание в опубликованной отказной грамоте о том, что «дети ево Еналейковы... за многое ж свое воровство ис Казани взяты... и сосланы в Великий Новгород» [8, с. 109–110]. Однако, судя по всему, всё их «воровство» состояло в том, что они являлись сыновьями руководителя восстания.

Любопытная информация о них сохранилась в годовых сметах Новгорода Великого вследствие того, что городские власти педантично вели учёт расходам на содержание ссыльных. Благодаря этому удаётся реконструировать не только расходы на содержание ссыльных татар в Новгороде, но и узнать численность их семей (и даже примерно восстановить динамику изменения их состава), а также отметить некоторые важные события в истории семейства (в частности, переход одного из Еналеевых в христианскую веру).

Выясняется, что в Новгороде братья Еналеевы оказались лишь весной 1625 г. Где они провели предыдущие девять лет после подавления восстания в Казанской земле, остаётся загадкой. В ссылке на северо-западе страны оказались четверо из сыновей Еналея – Урекей, Ижбулат, известный ещё по писцовой книге Казанского уезда 1602/03 г., и их младшие братья Иштуган и Юнус. Некоторые из них были к тому времени женаты и имели детей, сосланных в Новгород вместе с ними. Выплата кормового жалования ссыльным началась с 23 марта 1625 г. (что указывает на вероятную дату их прибытия в город). На оставшиеся до конца года 163 дня им выделили 12 руб. 22 коп. 1 д. – по 7,5 копеек в день (корм, если учесть, что ссыльных казанских татар было не менее восьми человек, довольно скудный)⁷. Годовое их содержание должно было обойтись казне в 27 руб. 37 коп. 1 д.

Через несколько лет ситуация изменилась в лучшую для ссыльных сторону. К 1627/28 г., судя по всему, уже не было в живых Урекея Еналеева (во всяком случае, в городской смете он более не упоминается). Ижбулат и Иштуган в том году брали из городской казны одинаковый подённый корм – по 2 копейки в день. Их младший брат Юнус получал по 3 копейки, а его супруга – по 2 копейки в день. В общей сложности на содержание этих четырёх человек выделялось 32 руб. 85 коп.⁸ Вопрос о причинах, по которым младшему брату платили больше, чем старшим, раскрывается сметой следующего 1628/29 г., где Юнус уже фигурирует под христианским именем Иван. Следовательно, увеличение подённого корма стало для него наградой за смену веры. Думается, причиной принятия христианства для него стала женитьба. В 1629 г. у Ивана родился сын Илья, на корм ему с 1 июня выдавали по одной деньге в день.

Материальное положение старших братьев, сохранивших преданность исламу, в том году тоже улучшилось – с 1 января 1629 г. подённый корм стали получать члены их семей. У Ижбулата, как выясняется, была жена, два сына и дочь, у Иштугана – жена и двое сыновей. Жёнам стали выдавать по

⁷ Там же. Ф. 137 («Боярские и городовые книги»). Оп. 1. Новгород. Кн. 13-г. Л. 34 об.

⁸ Там же. Кн. 16. Л. 54–54 об.

копейке, а детям – по деньге в день. В общей сложности содержание потомков Еналея Еммаметева обошлось новгородской казне в 1628/29 г. уже в 41 руб. 18 коп. 1 д.⁹ На прежнем уровне уплата кормовых денег оставалась в 1629/30 г. – в общей сложности за полный год – 51 руб. 10 коп. В 1630/31 г. эта сумма сократилась до 49 руб. 27 коп. 1 д., поскольку Иштуган похоронил одного из своих сыновей. На прежнем уровне подённый корм казанским татарам продолжали платить и в 1631/32 г.¹⁰

Следующий 1632/33 г. стал для Еналеевых особенным. У новокрещена Ивана Еналеева появилась дочь, крещёная под именем Пелагея. Подросшему сыну Ивана Илье с 5 февраля 1633 г. удвоили подённый корм – теперь на него выдавали по копейке в день. А старших Еналеевых – Ижбулата и Иштугана – вместе с семьями в конце 1632 – начале 1633 г. отослали в Москву (жалование в Новгороде им выдали лишь до конца 1632 г.)¹¹. На этом моменте в годовых сметах Великого Новгорода начинается разрыв протяжённостью в 13 лет – следующая смета относится уже к 1645/46 г. Однако мы имеем счастливую возможность проследить судьбу Еналеевых в эти годы, тем более, что она до некоторой степени авантюрна.

Старшие Еналеевы (Ижбулат и Иштуган), надо полагать, отправились в Москву в начале 1633 г. неспроста. Во всяком случае, мы знаем, что в 1633/34 г. они сумели добиться возвращения отцовских земельных владений в Казанском уезде. Земли Еналея Еммаметева в 1616 г. отдали взявшему его в плен Еммею Хозяшеву. Последний, однако, в 1632/33 г. умер на войне с Речью Посполитой под Смоленском, и Еналеевы, узнав об этом, ударили челом о восстановлении их в правах на отцовские земли («забыв» при этом упомянуть, что их отца казнили, а у Хозяшева осталось двое сыновей). Хитрость удалась – владения Еналея Еммаметева отошли к его сыновьям Ижбулату и Иштугану. Обман открылся лишь через несколько лет, о чём и сообщается в копии отказной грамоты, о которой мы писали выше. Не вполне понятно, почему М. Акчурин и М. Ишеев заключили, что челобитье братьев Еналеевых не удовлетворили. В документе ясно написано, что «по тому их ложному Ижбулаткову да Айтуганкову челобитью то отцовское поместье и вотчина им поворочена» [1, с. 42–64; 8, с. 109–110].

Нельзя не отметить странную датировку этой грамоты в публикации, до сей поры бывшей единственным документом, проливавшим свет на судьбу детей Еналея Еммаметева. Публикаторы предложили датировку «не ранее 1633 (7142) г. сентября», опираясь, вероятно, на встречающуюся в тексте дату – 142 г. (1633/34 г.). Очевидно, однако, что грамота написана позднее, в противном случае упоминаемая в тексте дата употреблялась бы в форме «в нынешнем 142-м году». Следовательно, отказная грамота написана не ранее 7143 (1634/35) г., т.е. наиболее ранняя возможная её датировка – 1 сентября 1634 г. Вызывает недоумение и комментарий публикаторов: «Датировано по времени службы в Приказе Казанского дворца князя Б.М. Лыкова, дьяков Ф. Плещеева и С. Малыгина (См.: РБС, т. 10, с. 756–757; Барсуков, с. 86, № 5)». В статье «Русского биографического словаря», на которую ссылаются комментаторы документа, приведены не вполне точные сведения о пребыва-

⁹ Там же. Кн. 18. Л. 57–58 об.

¹⁰ Там же. Кн. 19. Л. 70 об.–71; Кн. 20. Л. 94 об.–95.

¹¹ Там же. Кн. 21. Л. 111–112 об.

нии князя Лыкова на посту главы приказа Казанского дворца. В справочнике А.П. Барсукова на указанной публикаторами странице и вовсе обнаруживаются только сведения о казанских воеводах 1615–1617 гг. [11, с. 755; 2, с. 86]. Не говоря о том, что к моменту публикации грамоты составителям должна была быть известна справочная работа С.К. Богоявленского, где приведены более точные данные о пребывании князя Лыкова во главе приказа Казанского дворца [3, с. 77–78], остановлюсь на другом любопытном обстоятельстве. Дьяков Фёдора Плещеева и Сергея Малыгина в этом приказе при князе Лыкове не числилось. Более того, их не было ни до, ни после князя Лыкова, и не только в Казанском дворце, но и в московских приказах вообще. Таких дьяков невозможно обнаружить ни в одном справочнике о приказах и приказных служащих XVII в. [3; 4; 7; 13]. Остаётся загадкой, как сведения о никогда не существовавших дьяках, почерпнутые на страницах изданий, где таковые персонажи не упоминаются, помогли публикаторам датировать грамоту. Определённо, публикаторы имели дело с дефектной копией документа, где написание имён дьяков могло быть искажено. Единственный из дьяков, служивший при Лыкове в Казанском дворце и носивший имя Фёдор, имел фамилию Панов (числился в ведомстве с 1631 по 1642 гг.), единственный Сергей – Матвеев – с августа 1636 г. по май 1642 г. Время пребывания последнего из них на службе – единственные хронологические ориентиры, позволяющие датировать отказную грамоту. Впрочем, у нас есть основания полагать, что опубликованная грамота написана в 1637/38 г.

В отказной грамоте констатируется, что обман братьев Еналеевых разоблачили, в связи с чем земли их отца передали наследникам Еммея Хозяшева. Отказная грамота при этом ни слова не говорит о дальнейшей судьбе братьев Еналеевых. Мне удалось, однако, обнаружить документ, вносящий в данный вопрос ясность. Речь идёт об отрывке приказной памяти конца 1642 г., начинающемся с ответа на интересующий нас вопрос: «А в прошлом во 146-м году... государь... указал послати казанских татар изменничьих Еналейковых детей Енмаметева Ижбулатка да Итуганка з женами, и з детьми, и со всеми их животы по-прежнему в Великий Новгород на житье»¹². Таким образом, выясняется, что братья Ижбулат и Иштуган Еналеевы владели отцовскими землями около четырёх лет, с 1633/34 по 1637/38 г., после чего их вновь послали к месту прежней ссылки в Новгород. Однако у московских властей возникла мысль всё же наделить Еналеевых поместьями, вследствие чего в Новгород направили указ, предписывавший «испоместить их в Новгороде из новгородских ис порозжих и из выморочных или из оброчных земель, с которых невеликие оброки, с чево б им мочно прокормитца и государева служба служить». А до испомещения татар приказали обеспечить подённым кормом «как им давано наперед сего»¹³.

На этом приключения Еналеевых не закончились. В 1640/41 г. старший из них, Ижбулат, вновь объявился в Москве, «жил долгое время неведомо для чево, а отпущен ли он из Великого Новгорода, и для какова дела отпущен, или будет съехал без отпуску, о том... к нам не писывали». Ижбулата под конвоем отправили обратно в Новгород. Наконец, 19 декабря 1642 г. в Москву приехал

¹² Там же. Ф. 141 («Приказные дела старых лет»). Оп. 2. Д. 138 (1642 г.). Л. 1.

¹³ Там же.

младший Еналеев – Иштуган. Он привёз с собой отписку новгородского воеводы и ударил челом об увеличении кормового жалования (из чего следует, что поместий Еналеевым в Новгородском уезде так и не выделили)¹⁴. Результатом стало увеличение денежного содержания семьи Иштугана до 6 копеек.

Младший брат Ижбулата и Иштугана новокрещен Иван Еналеев Новгорода не покидал. К 1645/46 г. у него было уже трое детей – кроме родившихся в 1629 г. Ильи и в 1632/33 г. Пелагеи в этой семье появился ещё один сын – Пантелей (Пентешка). Содержание этой крестившейся татарской семьи в 1645/46 г. обходилось казне в 29 руб. 20 коп. в год и резко выросло к 1647 г. до 40 руб. 15 коп. за счёт увеличения кормового жалования детям: Иван Еналеев и достигший к тому времени совершеннолетия его сын Илья получали по 3 копейки, жена Ивана и младший сын Пантелей – по 2 копейки, дочь Пелагея – 1 копейку в день¹⁵.

Старшего из Еналеевых – Ижбулата (как и его супруги) – к 1645/46 г. уже не было в живых; пропали из новгородских смет и упоминания об их дочери (возможно, она вышла замуж). Жалование уплачивалось теперь лишь двум сыновьям Ижбулата Моське (Муса) и Балтейке (Балтай) – по 3 копейки в день на двоих. Семья Иштугана (с конца 1630-х гг. его упорно именуют Айтуганом), кажется, к середине 1640-х гг. пополнилась – ей продолжали выделять по 6 копеек в день (как семье покойного Ижбулата, когда та состояла из пяти человек). Всего к 1647 г. в Новгороде жили 12 потомков предводителя Казанского восстания 1615–1616 гг. – сыновья (с жёнами) и внуки Еналея Еммаметева. На их кормовое жалование в общей сложности казна расходовала 73 руб. в год. Кроме того, в 1647/48 г. Ивана Еналеева и двух его сыновей Илью и Пантелея вёрстали на службу и стали кроме подённого корма выдавать государево денежное жалование. Оклад отца семейства – Ивана – составлял 14 руб. в год, однако платили его лишь в половинном размере. Тот же оклад был назначен Илье Еналееву; его младшего брата Пантелея верстали меньшим окладом – 12 руб.¹⁶

Середина XVII в. многое изменила. В 1648/49 г. из новгородских городских смет исчезли упоминания о некрещёных потомках Еналея, следы их пока не найдены. Новокрещен Иван Еналеев по-прежнему жил с семьёй в Новгороде и продолжал получать жалованье из государственной казны. Однако содержание им, как и прочим новгородским новокрещёным, сократили вдвое – на четверых (видимо, дочь вышла замуж) им выдали 18 руб. 25 коп.¹⁷ В следующем 1649/50 г. семья увеличилась за счёт женитьбы Ильи Ивановича Еналеева. Его жене Марье положили подённый корм в размере одной копейки (из денег, ранее выплачиваемых дочери Ивана Еналеева). Год спустя в молодой семье появился ребёнок, получивший при крещении имя Пётр; ему тоже назначили корм – копейку в день. Одновременно прибавили 2 копейки подённого корма Пантелею Ивановичу Еналееву¹⁸. В августе 1651 г. Пантелею Ивановичу Еналееву прибавили к прежнему кормовому окладу две копейки, младенцу Петру – одну копейку. Впрочем, реально выдавалось вдвое меньше в соответствии с

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Кн. 33. Л. 79; Кн. 34. Л. 147 об.

¹⁶ Там же. Кн. 38. Л. 108 об.–109 об.; Кн. 40. Л. 61 об.–62 об.

¹⁷ Там же. Кн. 37. Л. 64 об.–65.

¹⁸ Там же. Кн. 38. Л. 28–28 об.; Кн. 40. Л. 57–57 об.

прежним распоряжением платить только половину оклада¹⁹. Ситуация частично исправилась в 1653/54 г., когда взрослые мужчины из семьи Еналеевых вновь стали получать кормовое жалование в полном объёме, тогда как их жёнам и несовершеннолетнему Петру Еналееву корм по-прежнему давали «в полы окладов». Материальное положение семьи собственным трудом поправлял старший из Еналеевых, Иван, подрядившийся на пороге русско-польской войны 1654–1667 гг. производить станки к мушкетным стволам. За изготовленные им 122 станка из городской казны ему заплатили 12 руб. 20 коп.²⁰ И, наконец, отмечу небезынтесную деталь: в 1650 г. Иван Еналеев с сыновьями Ильёй и Пантелеем в составе новгородских отрядов участвовали в подавлении восстания в Пскове, после чего Илье денежный годовой оклад увеличили на четыре рубля, а его отцу и брату на два рубля каждому²¹.

Так встраивались в новые для них социальные, политические, экономические и культурно-религиозные реалии казанские татары, волей судьбы оторванные от собственных корней и вынужденные жить в противоположной части Московского государства. С одной стороны, они оказались в Новгороде явно не по своей собственной воле и, безусловно, находились под контролем местной воеводской администрации. С другой стороны, контроль этот не был достаточно жёстким, чтобы мешать Еналеевым время от времени наведываться в Москву для решения важных для них вопросов. Новгородские городские сметы свидетельствуют, что на протяжении трёх десятилетий потомки предводителя Казанского восстания получали за казённый счёт кормовое содержание и, подобно прочим служилым людям, были вёрстаны годовыми денежными окладами (а двое даже ненадолго сумели вернуться в родные земли добиться возвращения отцовских земельных владений). Непохоже, чтобы на них оказывали давление в вопросах вероисповедания – из четырёх оказавшихся в Новгороде Еналеевых православие принял лишь один (да и тот, кажется, по личным причинам – ради вступления в брак с христианкой). Показательно и то, что сын и внуки предводителя Казанского восстания спустя три с половиной десятилетия приняли деятельное участие в подавлении восстания в Пскове и были за это пожалованы царским правительством.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документ 1. 1616 г., ранее 1 ноября. Челобитная казанского жильца Ивана Очкасова «с товарищи» об освобождении от уплаты сошных денег в связи с их разорением во время «татарской войны».

(31) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои казанские жильцы Ивашко Очкасов и во всех таварыщев своих место. По твоей государеве грамоте велено с нас, холопей твоих, в Казани взяти с твоего государева жалованья с наших поместьишек, которые даваны в Казани, сошных денег с дач с четвертые четверти по пяти алтын. А за нами, холопи твоими, в казанских деревнишках крестьян нет, пашем своими людишками,

¹⁹ Там же. Кн. 40. Л. 57.

²⁰ Там же. Кн. 43. Л. 69–69 об., 118 об.–119.

²¹ Там же. Кн. 39. Л. 60–60 об.; Ф. 233 («Печатный приказ»). Оп. 1. Кн. 60. Л. 257 об.

а ково и были немногие крестьянишка, и те в тотарскую войну побиты, а иные розбрелись, а которые крестьянишка и остались, и те ныне меж двор волочатся. Да у нас же, холопей твоих, в Казани по грехом дворишка наши и животишка все погорели. И мы, холопи твои, от татарские войны и от пожару обнищали до конца. А нынеча мы, холопи твои, в Казани в твоих государевых сошных деньгах стоим на правеже. А преж сего, государь, с нас, холопей твоих, в Казани твоих государевых сошных денег не имывали. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй нас, холопей своих, для нашего разоренья, не вели на нас взяти своих государевых сошных денег, чтоб нам, холопом твоим, вконец не погинути и твоей царской службы вперед не отстать. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38507. Л. 31.

Документ 2. 1616 г., ранее 1 ноября. Докладная выписка по челобитной казанского жильца Ивана Очкасова с царской резолюцией об освобождении челобитчиков от уплаты сошных денег.

(32) Выписано в доклад.

Бьют челом государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси казанской жилец Иван Очкасов и во всех товарищей своих место, а сказали: по государеву указу велено взяти с их поместей, которые им поместья даваны в Казанском уезде, сошных денег з дач с четвертые чети по пяти алтын с чети. А за ними в казанских поместьях крестьян нет, пашут хлеб своими людьми, а за кем деи крестьянишка были, и те их крестьяне в татарскую войну побиты, а достальные розбрелись безвестно. Да у них же деи в Казани были дворы, и те деи их дворы в казанской пожар погорели со всеми животы и з запасы. И они де от татарские войны и от казанского пожару обнищали, а в тех деи они сошных деньгах ныне стоят на правежи. А в росписи из борных книг, какова прислана к боярину ко князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому да дьяком к Семену Головину да к Ондрею Варееву ис Помесного приказа за приписью дьяка Гарасима Мартемьянова, по которым книгам²² // (33) збираны в прошлом во 123-м году сошные деньги, Казань и казанские пригороды не написаны.

И государь бы их, казанских жильцов, Ивана Очкасова с товарищи пожаловал, тех сошных денег с их поместей имать не велел.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38507. Л. 32–33.

Документ 3. 1616 г., 4 ноября. Указная грамота в Казань воеводам князю В.Т. Долгорукову, князю С.Н. Гагарину и дьякам А. Подлесову и А. Истомину с распоряжением об освобождении казанских жильцов от уплаты сошных денег.

(34) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Казань боярину нашему и воеводам князю Володимеру Тимофеевичю Долгорукому да князю Семену Никитичю Гогарину, да дьяком нашим Ондрею Подлесову да Офонасью Истомину. Били нам челом казанские жильцы Иван Очкасов и во всех

²² На обороте помета: 125-го ноября в 1 день государь пожаловал казанских дворян и детей боярских, с их поместей, которые за ними в Казани, сошных денег имать не велел.

товарыщей своих место, а сказали²³: по нашему указу велено собрать с Казанского уезда со всяких земель²⁴ сошных выборным целовальником сошные деньги по сту по дватцати рублей с сохи²⁵, и за ними де в их поместьях, которые им даваны в Казанском уезде, в деревнях крестьян нет, пашут хлеб²⁶ своими людьми, а у кого²⁷ деи у них²⁸ крестьяне и были²⁹, и те де³⁰ в татарскую войну побиты, а иные розбрелись розно³¹, да у них же де в Казани³² дворы их³³ со всеми их³⁴ животы все погорели. И они де от татарские войны и от пожару³⁵ обнища[ли], и ныне де они в Казани стоят в сошных деньгах на правеже. А прежде сего с их поместей в Казани сошных денег не имывано. И нам бы их, казанских жильцов, дворян и детей боярских пожаловать, тех сошных денег с их поместей имать не велеть. И мы казанцов дворян и детей боярских пожаловали, с их поместей, которые за ними в Казани, сошных денег имать не велели. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б на казанцах на дворянах и на детях боярских с их поместей // (35) сошным целовальником сошных денег имать не велели³⁶. Писан на Москве лета 7125-го ноября в 4 день.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38507. Л. 34–35.

Документ 4. 1617 г., 30 апреля. Память из приказа Казанского дворца в приказ Сбора пятинных денег о сборах пятинных денег с городов, подведомственных Казанскому дворцу.

(36) Лета 7125-го апреля в 30 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу боярину князю Дмитрею Михайловичу Пожарскому да дьяку Семену Головину. Велети им отписать, скольких городов на нынешней на 125-й год и на прошлые годы пятинных денег собрано, которые города ведают в приказе Казанского дворца, да та выпись прислать в приказ Казанского дворца к боярину ко князю Алексею Юрьевичу Ситцкому да к дьяком к Федору Опраксину да к Богдану Губину, да к Ивану Шевыреву. Дьяк Федор Опраксин³⁷.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38507. Л. 36.

²³ Слова а сказали приписаны над строкой.

²⁴ Слова с Казанского уезда со всяких земель приписаны над строкой.

²⁵ Далее зачеркнуто: по.

²⁶ Слово хлеб приписано над строкой вместо вычеркнутого пашну.

²⁷ Слова у кого приписаны над строкой вместо вычеркнутого у которых.

²⁸ Слова у них приписаны над строкой вместо вычеркнутого и были.

²⁹ Слова и были приписаны над строкой.

³⁰ Слово де приписано над строкой.

³¹ Слово розно приписано над строкой.

³² Далее зачеркнуто – по грехом.

³³ Далее зачеркнуто – и.

³⁴ Слова со всеми их приписаны над строкой.

³⁵ Слова и от пожару приписаны над строкой.

³⁶ Далее зачеркнуто: потому что те их поместья тотаровя розорили без остатку и дворы у них в Казани погорели.

³⁷ Внизу помета: Отписать [...] и что взято, и что донять.

Документ 5. 1617 г., после 30 апреля. Выписка в приказе Сбора пятинных денег о сборе третьей «пятинны» в городах, подведомственных приказу Казанского дворца.

(37) С Казани и с Свияжского по окладу пятинных денег 10 000 рублей.

И в то число взято на Москве пятинного збору³⁸ и с тем, [...] Козанской дво-рець 8 931 рубль 2[1 алтын].

Да с Свияжского взято 964 рубли 29 алтын 3 деньгою.

И обоего с Казани и с Свияжского взято пятинных денег 9 896 рублей 16 алтын 5 денег.

А достальные пятинные деньги 103 рубли 16 алтын 3 деньги по государеву указу козанцом посадцким людем отданы для пожару.

С Чебоксар по окладу пятинных денег 400 рублей, и те деньги по окладу взяты все сполна, да сверх окладу взято 74 рубли 16 [алтын].

С Курм[ыша по] окладу 700 рублей, и те деньги по окладу взяты все сполна, да сверх окладу взято 44 рубли 12 алтын пол-2 деньги.

С Олатаря по окладу пятинных денег 1 500 рублей, и в то число взято на Москве 1 268 рублей, а донять против окладу 232 рубли. //

(38) С Темникова по окладу пятинных денег 1 500 рублей, и в то число взято 348 рублей 33 алтына, а донять 1 151³⁹ рубль 2 деньги.

С Касимова по окладу 300 рублей.

И с Ка[симова по окладу взя]то 214 рублей 10 алтын 2 деньги, а до[нять по] окладу 85 рублей 23 алтына.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38507. Л. 37–38.

Документ 6. 1617 г., 17 марта. Память из приказа Казанского дворца в Галицкую четверть с распоряжением о выдаче жалования казанскому жильцу Девятому Фёдоровичу Змееву (с упоминанием об осаде Казани восставшими).

(1) Лета 7125-го марта в 17 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу боярину князю Григорью Петровичю Ромодановскому да дьяку Семену Головину. Бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси казанской жилец Девятой Змеев, а сказал: в прошлом де во 124-м году был он на государеве службе походе за Лисовским, а как де заворовали казанские татарове и чюваша, и черемиса, и он де в Казани в осаде сидел, а государева де ему денежного четвертного жалованья на прошлой на 124-й год не дано. И государь бы ево пожаловал, велел ему то свое государево денежное жалованье на прошлой на 124-й год дати. И государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси казансково жильца Девятого Змеева пожаловал, велел ему своево государева жалованья на прошлой на 124-й год дати половину ево окладу дватцать один рубль. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу боярину князю Григорью Петровичю Ромодановскому да дьяку Семену Головину казанскому жильцу Девятому Змееву государева четвертного денежного жалованья на прошлой

³⁸ Слова на Москве пятинного збору приписаны над строкой вместо вычеркнутого с Казани.

³⁹ Исправлено из 1 131.

на 124-й год велети дати половину ево окладу дватцать один рубль. Дьяк Богдан Губин (1)⁴⁰. //

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38697. Л. 1.

Документ 7. 1617 г., ранее 21 марта. Выписка о службах и размере жалования казанского жильца Девятого Змеева.

(2) Выписан оклад.

Казанской жилец Девятой Федоров сын Змеев.

123-го марта в 12 день по памяти за приписью дияка Офонася Овдокимова написано в казанской десятне, какова ис Казани прислана за дьячью приписью, написано: Девятому ис чети учинено денежного жалованья при боярех во 120-м году за балчиковскую и за казанские службы и за раны, что он служил при царе Василье, вновь 22 рубля. Да 121-го по боярской же грамоте за подмосковные службы и за рану к 22-м рублев придано⁴¹ 10 рублев. Да в 121-м году по государеве грамоте справлено за ним за подмосковные службы, как был Хоткеев, к 32 рублем 10 рублев. И государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси для того Змеева пожаловал, велел за ним свое жалованье и боярские придачи справить⁴².

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38697. Л. 2.

Документ 8. 1617 г., 8 мая. Память из приказа Казанского дворца в Галицкую четверть о выплате жалования казанским жильцам Воину Григорьевичу и Комаю Григорьевичу Курманалеевым с упоминанием о разорении их поместий восставшими.

(1) Лета 7125-го мая в 8 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу боярину князю Григорью Петровичу Ромодановскому да дьяку Семену Головину. Били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси казанские жильцы Воин да Комай Григорьевы дети Курманалеевы, а сказали: в прошлом де во 124-м году, как государю изменили было казанские тотаровя и чюваша, и черемиса, и вотяки, и в то время те тотаровя поместья их розорили, крестьян посекали и животы их и крестьянские пограбили. Да в прошлом же во 124-м году, как был в Казани пожар, и дворы де их и достальные животы згорели. И они де от татарского разоренья и от пожару оскудали, а государева де денежново годового жалованья емлют они из Галицкие чети Воин по дватцати по четыре рубли, а Комай по осминатцати рублев. И им де государева денежного жалованья на нынешней на 125-й год не дано. И государь бы их пожаловал, велел им свое государево четвертное денежное

⁴⁰ На обороте пометы:

Девятой Змеев деньги взял. Богдан Пелепелицын в ево место руку приложил.

Дано 21 рубль, счот Михалка Неверова.

Справил Ивашка Черницын.

⁴¹ Слово придано приписано над строкой.

⁴² На обороте помета: Справил Михалко Неверов. По склейке помета: Выписать оклад.

125-го марта в 21 день дать жалованья 21 рубль.

жалованье на нынешней на 125-й год для их разоренья дати. И государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси казанских жильцов Воина да Кома⁴³ // (2) Корманалеевых пожаловал, велел им свое государево четвертное денежное жалованье на нынешней на 125-й год для их разоренья дати в полы их окладов. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу боярину князю Григорью Петровичю Ромодановскому да дьяку Семену Головину казанским жильцом Воину да Комаю Корманалеевым государево денежное четвертное жалованье на нынешней на 125-й год для их разоренья велети дати в полы их окладов⁴⁴.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38749. Л. 1–2.

Документ 9. 1617 г., после 8 мая. Выписка о службах и размере жалования казанских жильцов Воина и Кома Григорьевых детей Корманалеевых.

(3) Выписан оклад казанским жильцом.

Воин Корманалеев. 121-го августа в 28 день по государеву указу по памяти ис Казанского дворца за приписью дияка Офонася Овдокимова велено ему учинити денежного жалованья оклад вновь по 17 рублей. Да 122-го августа в 11 день по памяти за приписью дияка Марка Поздеева за литовскую службу, что он был в войне в литовских городех, и за головодство, и за рану придано ему к старому его окладу к 17 рублем 5 рублей, и придача велено справить. Да 124-го февраля в 3 день по памяти за приписью дияка Богдана Губина за карачевскую службу 122-го году и за рану велено ему придать к старому его окладу и к придаче 2 рубли, велено справить.

Комай Григорьев сын Корманалеев. 121-го августа в 18 день по государеву указу по памяти за приписью дияка Офонася Овдокимова велено ему учинити оклад вновь 18 рублей.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38749. Л. 3.

Документ 10. 1642 г., между 19 и 22 декабря. Отрывок выписки в приказе Новгородской четверти о приезде в Москву в челобитчиках Ижбулата Еналеева

(1) А в прошлом во 146-м году в Новгородскую четверть к дьяком к думному к Федору Лихачеву да к Максиму Матюшкину да к Григорью Львову в памяти ис приказа Казанского дворца за приписью дьяка Федора Панова написано: государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси указал послати казанских татар изменничьих Еналейковых детей Енмаметева Ижбулатка да Итуганка з женами и з детьми и со всеми их животы по-прежнему в Великий Новгород на житье, и служити свою государеву службу, и испоместить их в Новгороде из новгородских ис порозжих и из выморочных или из оброчных земель, с которых невеликие оброки, с чево б им мочно прокормитца и государева служба служить. А покаместа их испоместят, и до тех мест указал государь давати им

⁴³ На обороте помета: По сей памяти Воин да Камай Григорьевы дети Корманалеевы взяли государева жалованья по три рубли человеку, а Камай Корманалеев руку приложил.

Счот Михалков.

⁴⁴ По склейке скрепа: Дьяк Богдан Губин.

свое государево жалованье корм, как им давано наперед сего, а из Новагорода без своего // (2) государева указу к Москве и в ыные города никуды отпускати их не велел. И государева грамота по той памяти в Великий Новгород к боярину и воеводе ко князю Петру Александровичю Репнину да к дьяку Богдану Обобурову послана.

И после тово в прошлом во 149-м году казанской татарин Ижбулатко Еналеев объявился на Москве, а отпущен ли он из Великого Новагорода, или собою съехал без отпуску, о том ко государю из Великого Новагорода боярин и воевода и дьяки не писали.

И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу татарин Ижбулатко Еналеев отослан в Великий Новгород с приставом, и велено ему и брату ево Итуганку з женами и з детьми быти в Великом Новегороде без съезду, и бережение к ним велено держати по прежнему государеву указу. //

(3) А ныне тот же татарин Ижбулатко Еналеев объявился на Москве и подал в Новгородской четверти из Новагорода от боярина и воеводы от Глеба Ивановича Морозова да от дьяка Филипа Арцыбашева о себе отписку. И Ижбулатко допрашиван, для какова дела он к Москве приехал. А по государеву указу ему и брату ево з женами и з детьми велено жить в Новегороде без съезду, и будет о чем им бити челом государю, и они б о том челобитные подавали в Великом Новегороде боярину и воеводе и дьяку, и боярин и воевода и дьяк по их челобитью отпишут ко государю, и о том им велит государь указ учинить.

И Ижбулатко Еналеев сказал: пришел де он к Москве бити челом государю о его государеве жалованье о прибавочном корму, а тем де им кормом, што ныне дают, не прокормитца.

А по новгородским сметным списком казанским татаром Ижбулатку да Итуганку Еналеевым государева жалованья поденного корму по 4 денги, женам их по 2 денги, детям по денге человеку на день⁴⁵.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 138 (1642 г.). Л. 1–3.

Документ 11. 1642 г., 23 декабря. Указная грамота (отпуск) царя Михаила Фёдоровича в Великий Новгород к воеводам с распоряжением увеличить кормовое содержание Айтугану Еналееву и членам его семьи.

(4) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в нашу отчину в Великий Новгород боярину нашему и воеводе Глебу Ивановичю Морозову да дьяку нашему Филипу Арцыбашеву. По нашему указу взяты ис Казани в Великий Новгород на житье казанские татаровя изменничьи Еналейковы дети Енмаметева Ижбулатко да Итуганко з женами и з детьми, а из Новагорода без нашего указу к Москве и в ыные города никуды отпускать их не велено, и беречь⁴⁶ велено накрепко, чтоб те татаровя всегда были в Великом Новегороде без съезду. И в прошлом во 149-м году казанской татарин Ижбулатко Еналеев объявился было⁴⁷

⁴⁵ *Помета по ссавам столбца:* 151-го декабря в 22 день // сее отписки слушав, // пожаловал татарина Ижбулатка Еналеева, велел // давать своего государева жалованья корму з женою и з детьми по два алтына на день и с прежним.

⁴⁶ *Далее зачеркнуто:* тово.

⁴⁷ *Слово было приписано над строкой.*

на Москве⁴⁸. И по нашему указу⁴⁹ Ижбу // (5) латко отослан⁵⁰ в Великий Новгород⁵¹ с приставом⁵². И в нынешнем во 151-м году декабря в 19 день объявился на Москве казанской татарин Ижбулатков брат Еналеева Айтуганко и подал в Новгородской чети печатнику нашему и думному дьяку Федору Федоровичю Лихачеву да дьяком нашим Григорью Лвову да Тимофею Голосову из Новгорода от вас о себе отписку. А писали естя к нам⁵³, што бил нам челом⁵⁴ Айтуганко об отпуске к Москве⁵⁵ бити нам челом⁵⁶ о своих делех⁵⁷. И вы де того казанского татарина Айтуганка⁵⁸ к нам к Москве отпустили за порукою⁵⁹. И Айтуганко в приказе Новгородские четверти⁶⁰ допрашиван, для какова он дела к Москве приехал⁶¹. // (6) И Айтуганко Еналеев сказал: пришел де он к Москве бити нам челом о нашем жалованье о прибавочном корму, а тем де им кормом, што ныне дают, не прокормитца. А по новгородским сметным списком казанским татаром Ижбулатку и Айтуганку Еналеевым дают⁶² нашего жалованья поденново корму⁶³ по четыре денги, женам их по две денги, детям по денге человеку на день. И мы татарина Айтуганка⁶⁴ Еналеева пожаловали, велели ему з женою и з детьми давать⁶⁵ нашего жалованья корму⁶⁶ и с прежним по два алтына на день. И как к вам

⁴⁸ *Далее зачеркнуто:* и жил долгое время неведомо для чего, а отпущен ли он из Великого Новгорода и для какова дела отпущен, или будет съехал без отпуску, о том боярин князь Ондрей Васильевич Хилков и дьяки ты, Филип, да Яков Бутримов к нам не писывали.

⁴⁹ *Слова* И по нашему указу *приписаны над строкой.*

⁵⁰ *Слово* отослан *написано над строкой вместо вычеркнутого* послан.

⁵¹ *Далее зачеркнуто:* Новгородские четверти.

⁵² *Далее зачеркнуто:* з Богданом Бекетовым, и велено ему и брату ево Итуганку з женами и з детьми быти в Великом Новгороде бес съезду, и бережение к ним велено держати по прежнему нашему указу.

⁵³ *Слова* объявился на Москве казанской татарин Ижбулатков брат Еналеева Айтуганко и подал в Новгородской чети печатнику нашему и думному дьяку Федору Федоровичю Лихачеву да дьяком нашим Григорью Лвову да Тимофею Голосову из Новгорода от вас о себе отписку. А писали естя к нам *написаны на обороте; в тексте далее зачеркнуто:* писали естя к нам с казанским татаринком Айтуганком Еналеевым, что в нынешнем же во 151-м году ноября в 29 день.

⁵⁴ *Далее зачеркнуто:* казанской татарин.

⁵⁵ *Слова* об отпуске к Москве *приписаны над строкой вместо вычеркнутого* Еналеев, чтоб им пожаловати его, отпустить к Москве за порукою.

⁵⁶ *Далее зачеркнуто:* нам.

⁵⁷ *Слово* делех *приписано над строкой вместо вычеркнутого* нужах.

⁵⁸ *Далее зачеркнуто:* отпустили за порукою.

⁵⁹ *Слова* отпустили за порукою *приписаны над строкой вместо вычеркнутого* декабря в 6 день. *Далее вычеркнуто:* а порука де по нем взята в Великом Новгороде посадские и всяких чинов люди, и жена, и дети, и брат родной у нево в Новгороде остался. А в прошлом ж во 146-м году в Новгородскую четъ.

⁶⁰ *Слова* в приказе Новгородские четверти *приписаны над строкой.*

⁶¹ *Далее зачеркнуто:* А по нашему // указу ему и брату ево з женами и з детьми велено жить в Новгороде без съезду, и будет о чем им бити челом нам, и они б о том челобитные подавали в Великом Новгороде вам, и вы по их челобитью отпишете к нам, и о том им велим наш указ учинить.

⁶² *Слова* дают *приписано над строкой.*

⁶³ *Далее зачеркнуто:* дают.

⁶⁴ *Слово* Айтуганка *приписано над строкой вместо вычеркнутого* Ижбулатка.

⁶⁵ *Слова* з женою и з детьми давать *приписаны над строкой вместо вычеркнутого* давать.

⁶⁶ *Далее зачеркнуто:* з женою и з детьми.

ся наша грамота придет, и вы б по нашему указу⁶⁷ казанскому татарину Аитуганку⁶⁸ Еналееву и жене ево, и детям⁶⁹ велели давать нашего жалованья корму⁷⁰ и с прежним по два алтына на день, и велели тое дачю писати в расходные книги и в сметной годовой⁷¹ список⁷² себе статью. А вперед бы естя тех казанских татар изменничьих Еналейковых детей Енмаметева Ижбулатка да Аитуганка из Новгорода без нашего указу к Москве и в ыные города никуда отпустить не велели, а велели б естя беречь накрепко, чтоб те татаровя всегда были в Великом Новгороде без съезду⁷³. Писан на Москве лета 7 151-го декабря в 23 день (6)⁷⁴.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 138 (1642 г.). Л. 4–6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин М., Ишеев М. Татары Верхнего и Среднего Поволжья – участники Смуты начала XVII века // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. IV. Казань: Институт истории АН РТ, 2010. С. 42–64.
2. Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. IX + 611 с.
3. Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1946. 315 с.
4. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 608 с.
5. Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М.: Синодальная типография, 1908. 234 с.
6. Воскобойникова Н.П. К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII века // История СССР. 1986. № 3. С. 159–161.
7. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. 1625–1700. Биографический справочник. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 720 с.
8. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI–XVII вв.). Казань: Издательство Казанского университета, 1990. 204 с.
9. Зорин А.В. Великий рейд Александра Лисовского (март–декабрь 1615 г.) // Русский сборник. Выпуск 5. (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. Вып. 12). Брянск: Издательство «Курсив», 2009. С. 224–232.
10. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1869. 541 с.
11. Корсаков В. Лыков-Оболенский, кн. Борис Михайлович // Русский биографический словарь. Т. X. СПб.: Типография главного управления уделов, 1914. С. 750–756.

⁶⁷ Слова по нашему указу приписаны над строкой.

⁶⁸ Слово Аитуганку приписано над строкой вместо вычеркнутого Ижбулатку.

⁶⁹ Слова и жене ево, и детям приписаны над строкой.

⁷⁰ Далее зачеркнуто: давать з женою и з детьми.

⁷¹ Слово годовой приписано над строкой.

⁷² Далее зачеркнуто: имянно.

⁷³ Слова А вперед бы естя тех казанских татар изменничьих Еналейковых детей Енмаметева Ижбулатка да Аитуганка из Новгорода без нашего указу к Москве и в ыные города никуда отпустить не велели, а велели б естя беречь накрепко, чтоб те татаровя всегда были в Великом Новгороде без съезду записаны на обороте листа.

⁷⁴ На обороте помета: За приписью дьяка Тимофея Голосова. Взял государеву грамоту Аитуганко Еналеев сам.

12. Лисейцев Д.В. Земский собор 1616 г. и сбор третьей пятины в Московском государстве: механизмы взаимодействия правительства и податного населения на исходе Смутного времени // Российская история. 2016. № 5. С. 3–20.

13. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб.: Институт российской истории РАН, Российский государственный архив древних актов, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 303 с.

14. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук, 1936. 631 с.

15. Пермская летопись с 1263–1881 г. Второй период. С 1613–1645 гг. / Сост. В.Н. Шишонко. Пермь: Типография губернской земской управы, 1882. 502 с.

16. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. Казань: Издательство Казанского университета, 1978. 240 с.

17. Полное собрание русских летописей. Т. XIV. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. 154 с.

Сведения об авторе: Дмитрий Владимирович Лисейцев – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-8632-2152. E-mail: Liseitsev@mail.ru

Поступила 13.01.2020 Принята к публикации 02.03.2020

Опубликована 29.03.2020

REFERENCES

1. Akchurin M., Isheev M. Tatars Verkhnego i Srednego Povolzh'ya – uchastniki Smuty nachala XVII veka [The Tatars of the Upper and the Middle Volga regions – participants of the Time of Troubles at the beginning of the seventeenth century]. *Etnologicheskie issledovaniya v Tatarstane* [Ethnological Studies in Tatarstan], no. 4. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2010, pp. 42–64. (In Russian)

2. Barsukov A.P. *Spiski gorodovykh voevod i drugikh lits voevodskogo upravleniya Moskovskogo gosudarstva XVII stoletiya po napechatannym pravitel'stvennym aktam* [The Lists of the City Voivodes and Other Persons of the Voivode Government of the Muscovite State in the seventeenth century according to the Printed Government Documents]. St. Petersburg, 1902. ix + 611 p. (In Russian)

3. Bogoyavlenskiy S.K. *Prikaznye sud'i XVII v.* [Order Leaders of the seventeenth century]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1946. 315 p. (In Russian)

4. Veselovskiy S.B. *D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv.* [Dyaks and Podyachys from the fifteenth to the seventeenth centuries]. Moscow: 'Science', 1975. 608 p. (In Russian)

5. Veselovskiy S.B. *Sem' sborov zaprosnykh i pyatinnykh deneg v pervye gody tsarstvovaniya Mikhaila Fedorovicha* [Seven Collections of the Extraordinary and Pyatinnye Money in the First Years of Mikhail Fedorovich's Reign]. Moscow: Synodal Publ., 1908. 234 p. (In Russian)

6. Voskoboinikova N.P. K istorii finansovoy politiki Russkogo gosudarstva v nachale XVII veka [To the history of the financial policy of the Russian state at the beginning of the seventeenth century]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], no. 3, 1986, pp. 159–161. (In Russian)

7. Demidova N.F. *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. 1625–1700. Biograficheskiy spravochnik* [Servile Bureaucracy in Russia in the seventeenth century. 1625–

1700. Biographical Guide]. Moscow: Monuments of historical thought, 2011. 720 p. (In Russian)

8. *Dokumenty po istorii Kazanskogo kraya iz arkhivokhranilishch Tatarskoy ASSR (vtoraya polovina XVI–XVII vv.)* [Documents on the History of the Kazan Region from Archives of the Tatar ASSR (second half of the sixteenth and the seventeenth centuries)]. Kazan: Kazan State University Publ., 1990. 204 p. (In Russian)

9. Zorin A.V. Velikiy reyds Aleksandra Lisovskogo (mart–dekabr' 1615 g.) [The great campaign of Alexander Lisovsky (March–December 1615)] *Russkiy sbornik*, Is. 5: *Trudy kafedry otechestvennoy istorii drevnosti i srednevekov'ya Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni akademika I.G. Petrovskogo* [Russian Collection, Is. 5: Proceedings of the Department of National History of Antiquity and Middle Ages of the Bryansk State University Named after Academician I.G. Petrovsky], no. 12. Bryansk: Cursiv, 2009, pp. 224–232. (In Russian)

10. *Izbornik slavyanskikh i russkikh sochineniy i statey, vnesennykh v khronografy russkoy redaktsii* [Izbornik of Slavic and Russian Essays and Articles Included in Chronographs of the Russian Edition]. Moscow: Printing house of A.I. Mamontov and Co, 1869. 541 p. (In Russian)

11. Korsakov V. Lykov-Obolenskiy, kn. Boris Mikhaylovich [Prince Boris Mikhailovich Lykov-Obolensky]. *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary], Vol. X. St. Petersburg: Printing house of the appanages' head office, 1914, pp. 750–756. (In Russian)

12. Liseytshev D.V. Zemskiy sobor 1616 g. i sbor tret'ey pyatiny v Moskovskom gosudarstve: mekhanizmy vzaimodeystviya pravitel'stva i podatnogo naseleniya na iskhode Smutnogo vremeni [Zemsky Sobor of 1616 and collecting of the third *piatina* in the Muscovite state: interaction between government and tax-payers at the end of the Time of Troubles]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], no. 5, 2016, pp. 3–20. (In Russian)

13. Liseytshev D.V., Rogozhin N.M., Eskin Yu.M. *Priказы Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: Slovar'-spravochnik* [Orders of the Muscovite State in the sixteenth and seventeenth centuries: Reference Dictionary]. Moscow; St. Petersburg: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russian State Archive of Ancient Acts, Center for Humanitarian Initiatives, 2015. 303 p. (In Russian)

14. *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the History of the Bashkir ASSR], Part. 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences Publishing House, 1936. 631 p. (In Russian)

15. *Permskaya letopis' s 1263–1881 g. Vtoroy period. S 1613–1645 gg.* [Perm Chronicle from 1263 to 1881. The Second Period: From 1613 to 1645]. Shishonko V.N. (ed.). Perm: Printing House of the Provincial Zemstvo Board, 1882. 502 p. (In Russian)

16. *Pistovaya kniga Kazanskogo uezda 1602–1603 gg.* [The Scribal Book of the Kazan District: 1602–1603]. Kazan: Kazan State University Publ., 1978. 240 p. (In Russian)

17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. XIV. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov Publ., 1910. 154 p. (In Russian)

About the author: Dmitry V. Liseitsev – Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-8632-2152. E-mail: Liseitsev@mail.ru

*Received January 13, 2020 Accepted for publication March 2, 2020
Published March 29, 2020*

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В 1736 г. ПО ИЗВЕСТИЮ ФРАНЦУЗСКОГО КОНСУЛА АДАМА ЯВОРКИ

П.А. Аваков¹, Ю.Н. Беспярых²

¹ Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
pavakov@mail.ru

² Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ybespyatykh@yandex.ru

Цель: введение в научный оборот уникального документа 1736 г. и определение его информационного потенциала как источника по истории Крымского ханства. Попутно авторы реконструируют обстоятельства создания документа и факторы, обусловившие его смысловую направленность и содержание.

Материалы исследования: впервые переведенный с немецкого языка архивный подлинник, внешняя и внутренняя критика которого опирается на широкий круг современных ему источников и более поздних исследований.

Результаты и научная новизна: известие французского консула А. Яворки записано в лагере российской армии в Крыму по приказу генерал-фельдмаршала графа Б.К. Миниха. Тематически оно подразделяется на три блока: автобиографический рассказ, сведения разведывательного характера и общие страноведческие. Будучи канцелярским документом, этот источник вписывается и в широкий контекст иностранных нарративов о Крымском ханстве.

Сообщение А. Яворки содержит новые сведения о его жизни, о реакции крымской элиты на вторжение русской армии, о положении христианских подданных хана в военное время, о представителях рода Гиреев и хозяйстве Крымского ханства. Верификация приведенных данных в сопоставлении со свидетельствами других источников позволяет сделать вывод о высокой степени достоверности изучаемого документа. Вместе с тем, не все сведения А. Яворки о структуре нобилитета Крымского ханства точны, что объясняется довольно-таки поверхностным знакомством дипломата с этой сферой государственной жизни в стране пребывания.

Ключевые слова: Крымское ханство, источниковедение, французская дипломатия, Русско-турецкая война 1735–1739 гг.

Для цитирования: Аваков П.А., Беспярых Ю.Н. Крымское ханство в 1736 г. по известию французского консула Адама Яворки // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 127–146. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.127-146

Благодарности: Статья подготовлена в рамках государственных заданий на 2020 г. ЮНЦ РАН по теме «История и культура народов Юга России: между традицией и модернизацией» (№ гос. регистрации АААА-А19-119011190182-8), и СПбИИ РАН по теме «Памятники документальной письменности Средних веков и Нового времени в собраниях Научно-исторического архива и других архивохранилищ Российской Федерации: описание, изучение и публикация» (№ гос. регистрации АААА-А19-119011190239-3).

**THE CRIMEAN KHANATE IN 1736 ACCORDING TO THE ACCOUNT
OF THE FRENCH CONSUL, ADAM YAVORKA**

P.A. Avakov¹, Yu.N. Bespyatykh²

¹ *Federal Research Centre The Southern Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences
Rostov-on-Don, Russian Federation
pavakov@mail.ru*

² *St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ybespyatykh@yandex.ru*

Abstract: *Research objective:* An introduction to the scholarly circulation of a unique document of 1736 and the evaluation of its informative potential as a source on the history of the Crimean Khanate. Along the way, the authors reconstruct the circumstances of the creation of the document and the factors that determined its semantic focus and content.

Research materials: An archived original of the document, first translated from German and accompanied by external and internal criticism on a wide range of contemporary sources and more recent studies.

Results and novelty of the research: The account of the French consul, A. Yavorka, was recorded in the camp of the Russian army in the Crimea on the order of Field Marshal, Count B.Ch. Münnich. Thematically it is divided into three sections: an autobiographical story, intelligence information, and general geographic information. Being a clerical document, this source also fits into the wide context of foreign narratives about the Crimean Khanate.

The account by A. Yavorka contains new information about his biography, the reaction of the Crimean elite to the invasion by the Russian army, the position of the Christian subjects of the Khan in wartime, the representatives of the Giray's family, and the economy of the Crimean Khanate. Verification of the data in comparison with evidence from other sources suggests a high degree of reliability regarding the document under study. At the same time, the information of A. Yavorka about the structure of the nobility of the Crimean Khanate is not quite accurate, which is explained by the rather superficial acquaintance of the diplomat with this segment of public life in his host country.

Keywords: Crimean Khanate, source study, French diplomacy, Russian-Turkish war of 1735–1739

For citation: Avakov P.A., Bespyatykh Yu.N. The Crimean Khanate in 1736 according to the Account of the French Consul, Adam Yavorka. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 127–146. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.127-146

Acknowledgements: The article was prepared as part of state assignments for 2020 entrusted to the Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the RAS on the topic “History and Culture of the Peoples of the South of Russia: Between Tradition and Modernization” (state registration number: AAAA-A19-119011190182-8), and the St. Petersburg Institute of History of the RAS on the topic “Monuments of documentary writing of the Middle Ages and the New Age in the collections of the Scientific and Historical Archive and other archives of the Russian Federation: description, study and publication” (state registration number: AAAA-A19-119011790239-3).

Подавляющее большинство дошедших до нас письменных источников по истории Крымского ханства возникло за его пределами, и посему изучение прошлого этого государства невозможно без документов и нарративов, созданных в других странах – на русском, османском, польском, молдавском и некоторых иных языках. Оставленные иностранными наблюдателями сообщения о Крымском ханстве и их источниковедческая ценность неоднократно привлекали внимание исследователей. Известно, что далеко не все авторы таких текстов сами посещали эту страну, получая сведения о ней и ее жителях от соседей (см., напр.: [19, с. 133–139]). Но записки побывавших там иностранцев стали для специалистов истинными энциклопедиями крымской жизни (см., напр.: [6, с. 313–350; 8, с. 273–275]). Взгляд чужестранцев на Крымское ханство имеет свои традиции, парадигмы и особенности, порождаемые как объектом рецепции, так и ее субъектами. Особенности таких источников были точно уловлены Ю.М. Лотманом. По его мнению, они заключаются в том, что в отличие от местного жителя, замечающего и описывающего эксцессы, сторонний наблюдатель в первую очередь обращает внимание на норму жизни в чужой стране, на непривычную для него обыденность. Сталкиваясь же с отклонением от нормы, он склонен описывать его как обычай. Не владея сложной многозначностью чужой культуры, иностранец может буквально истолковывать незнакомые ему явления, понимать переносные значения как прямые, и наоборот, не осознавать иронии и амбивалентных ситуаций. Лишь в результате тщательного анализа и «дешифровки» такого свидетельства «мы сможем не только отделить верные высказывания от ошибочных, но и в самих ошибках, в характере непонимания находить источник ценных сведений» [11, с. 677].

Среди наиболее содержательных и наименее вовлеченных в научный оборот иностранных источников по истории Крымского ханства XVIII в. выделим донесения консулов Франции в Бахчисарае. С 1719 по 1769 г. эту должность занимали десять человек: Франсуа Ферро, или Ферран (1719–1722), Ксаверио Главани (1722–1734), Адам Яворка (1735–1736), Жан-Мишель Вентюр де Паради-старший (1741–1745), Шукс (1745–1748), Пьер Тексье де Лансе (1748–1754), Клод-Шарль де Пейссонель (1754–1758), Пьер-Люк Форнетти (1758–1768), барон Франсуа де Тотт (1767–1769), Пьер Рюффен (1769) [30, р. 688; 34, 1195–1197. old.]. Вопреки высказанному в историографии мнению [14, с. 72], их пребывание в Крыму вовсе не было «нерегулярным», поскольку деятельность самого консульства на полуострове насчитывает почти полвека (с перерывом в 1736–1740 гг.). Следовательно, все эти дипломаты были свидетелями, а порой и участниками многих важных событий в жизни Крымского ханства, сообщение о которых французскому правительству являлось их прямой обязанностью. Для историков такие свидетельства представляют собой источники исключительной важности, в том числе и потому, что вплоть до конца 1750-х годов ни одно другое государство не имело в Крыму своего постоянного дипломатического представительства.

К настоящему времени опубликована лишь малая толика дипломатической корреспонденции французских консулов в Бахчисарае, а именно: единственная реляция К. Главани 1725 г. и корпус из 114 донесений Ф. де Тотта 1767–1769 гг. [36, р. 331–338; 22] Несколько консулов помимо текущих дипломатических донесений написали специальные сочинения о Крымском

ханстве; некоторые из них впоследствии были изданы¹. Так, в 1784 г. вышли в свет пространные мемуары Ф. де Тотта «о турках и татарах» [35], отдельные сюжеты которых, в том числе относящиеся к Крыму, в следующем году вызвали критические замечания К.-Ш. де Пейссонеля [31, р. 20–22, 63–67]. Он в 1787 г. опубликовал развернутую «Записку о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарии» и реляцию о восстании Едисанской орды 1758 г., написанные соответственно в 1755-м и 1759 гг. [13]. До сих пор не введены в научный оборот два его труда 1772 г., написанные в жанре «политического размышления» и посвященные дальнейшей судьбе независимого Крымского ханства [21, р. 341]. В записке К.-Ш. де Пейссонеля 1755 г. упомянуты пока еще не ставшие достоянием исторической науки некие мемуары страноведческого характера «о Татарии», ранее сочиненные его предшественником Ж.-М. Вентюр де Паради-старшим [13, с. 9, 34]. Документ, который авторы этих строк подготовили к публикации, хотя и возник при совершенно иных обстоятельствах, имманентно принадлежит к вышеназванной группе делопроизводственных и повествовательных источников.

Его появлению на свет предшествовало грандиозное и доселе небывалое событие: взятие 17 июня 1736 г. Бахчисарая русской армией под командованием генерал-фельдмаршала графа Бурхарда Кристофа Миниха [7, с. 73–74; 2, с. 269–270]. В тот же день, как гласит запись в походном журнале, казаки привели в русский полевой лагерь близ крымской столицы «двух резидентов: Адама Еворка – французского консула при хане, и Андрея Буковского – польского шляхтича, посланного к хану от польского коронного гетмана, воеводы киевского, которых встретили... разстоянием от Бакчисарая в 3-х верстах» [7, с. 74]. Это же событие зафиксировано в анонимных мемуарах на немецком языке о кампании 1736 г., известных как «Дневник российского императорского генерал-фельдмаршала графа Б.К. фон Миниха», авторство которого принадлежит находившемуся при нем в качестве историографа профессору Санкт-Петербургской академии наук Готлобу Фридриху Вильгельму Юнкеру [28, S. 213]. Он пишет, что Б.К. Миних «пожелал обоих расспросить обо всем им известном о крымских делах», а затем попросил «повторить многое из их ответов, о чем здесь не слыхали». Далее Г.Ф.В. Юнкер излагает их рассказы [28, S. 213–217; перевод: 3, с. 26–28].

Памятуя о весьма слабой изученности деятельности иностранной дипломатии в Крымском ханстве, не лишним будет вкратце рассказать о самих опрошенных.

Согласно записи в дневнике французского посольства в Константинополе, посол Луи-Совёр де Вильнёв, маркиз Форкалькье назначил венгерского дворянина Адама Яворку (венг. *Jávorka*, франц. *Jávourka*) на должность консула при крымском хане 8 апреля 1735 г. [34, 1193. old.]. Так малозначительный во французской дипломатической иерархии пост занял выдающийся представитель венгерской эмиграции, один из ближайших сподвижников князя Ференца II Ракоци и, в сущности, национальный герой Венгрии, именем которого названа одна из улиц Будапешта.

¹ Мы не принимаем во внимание опубликованные записки Ф. Феррана и К. Главани о Черкесии соответственно 1709 и 1724 гг., не имеющие непосредственного отношения к ханству.

В молодости А. Яворка был активным участником Освободительной войны венгерского народа против монархии Габсбургов 1703–1711 гг. Он родился около 1683–1684 гг. в деревне Надькостолан, что в Верхней Венгрии (ныне – с. Вельке-Костоляни в Пьештянском районе Трнавского края, Словакия), присоединился к куруцам в 1704 г., будучи студентом Надьсомбатского университета, и через несколько лет дослужился до капитана гусарского полка. Вероятно, подобно своему соотечественнику, тоже куруцу и прямому предшественнику в качестве дипломатического агента Франции в Крыму (но без официального статуса) Андрашу Тоту (отцу будущего консула Ференца Тота, более известного как Франсуа де Тотт), он имел словацкое происхождение, однако в его самосознании преобладала венгерская идентичность. После заключения Сатмарского мира и капитуляции куруцев в 1711 г. А. Яворка попытался организовать в Венгрии новое восстание, потерпел неудачу, был схвачен австрийцами, но бежал из тюрьмы и в 1712 г. скрылся в Речи Посполитой. В 1713-м он поступил на военную службу в Россию, затем перебрался в Молдавию, Валахию, и в 1716-м – в Османскую империю к своему патрону Ференцу II Ракоци. В 1721 г. эмигрант был зачислен майором во французский гусарский полк графа Ласло Берчини и выехал во Францию, но в 1724-м вернулся на службу к Ференцу II Ракоци в турецкий городок Родосто на западном побережье Мраморного моря (ныне г. Текирдаг, Турция). А. Яворка участвовал в Войне за польское наследство 1733–1735 гг. на стороне Станислава Лещинского, а после окончания Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. навсегда переселился в Польшу, где и умер в г. Ярославле в 1747 г., будучи полковником [32; 37, 133–141. old.].

Польский шляхтич Анджей Буковский, товарищ А. Яворки по несчастью, не был столь заметной фигурой. Он пребывал в Крыму с мая 1736 г. в качестве посланца от гетмана великого коронного и киевского воеводы Юзефа Потоцкого. Целью миссии А. Буковского было принести жалобу на враждебные действия украинских казаков гетмана в эмиграции Филиппа Орлика, находившихся на османской территории и в апреле тревоживших окраины Польши [28, S. 216].

Сообщения этих иностранцев были записаны, а сами они «на своем паролле» последовали вместе с русской армией «до указу Ея императорского величества» [7, с. 75]. Через три недели, 8 июля, их «объявление о себе на немецком диалекте» генерал-фельдмаршал отправил в Кабинет министров Анны Иоанновны с кабинетным курьером Федором Мусиным-Пушкиным [7, с. 74, 84; 4, с. 104, 111], в качестве одного из приложений к своему донесению от 6 июля². Бумаги были получены в Санкт-Петербурге 20 июля³.

Ныне почти все эти документы хранятся в фонде № 177 («Кабинет министров») Российского государственного архива древних актов. Не удалось обнаружить лишь запись сообщения А. Буковского – вероятно, она не сохранилась. Однако содержание ее известно по пересказу Г.Ф.В. Юнкера [28, S. 216–217; перевод: 3, с. 28]. Тем ценнее для историков подлинная запись известия А. Яворки, составившая отдельное дело, озаглавленное архивистами второй половины XVIII в. так: «Скаска венгерского дворянина, бывшаго в Крыму французским резидентом Адама Яворки о движениях турецкой армии,

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 9. Л. 344–347.

³ Там же. Л. 347 об.

о татарах и проч.»⁴. Забегая вперед, отметим, что название дела лишь частично отражает его содержание.

Документ написан готической скорописью на немецком языке, одной и той же рукой. Текст выполнен коричневыми чернилами на шести листах серой писчей бумаги стандартного для того времени формата, сложенных вдвое в тетрадь (*in folio*), с двух сторон. Фолиация в правых верхних углах лицевых страниц проставлена другими чернилами – более светлого коричневого цвета. Рукопись изобилует французскими и латинскими словами. Ее автор иностранные для него слова (существительные на немецком почти повсеместно со строчной буквы) пишет обычным для того времени латинским шрифтом, как было принято. К французским словам, к 1730-м годам прочно вошедшим в немецкоязычный обиход, писец в готической графике присоединил немецкие служебные морфемы – словообразовательные и флексивные аффиксы. В тексте порой отсутствуют апострофы (диакритика). Должно быть, писец очень спешил, размашистым почерком поспевая заносить на бумагу слова А. Яворки, на ходу перелагая его рассказ в третьем лице и, соответственно, в сослагательном наклонении. Косвенное подтверждение этому видится в случаях, когда одно слово разбито с большим пробелом на два: например, вместо *worunter* («из которых») – бессмысленное *worunt er*; или, наоборот, два разных слова слиты в одно: *auchein* (*auch* – «тоже, также», *ein* – неопределенный артикль к последующему слову)⁵. Точки после порядковых и количественных числительных, а также в конце предложений и абзацев проставлены не всегда. Поспешностью можно объяснить и некоторые грамматические особенности текста (во всяком случае, не соответствующие принятым ныне нормам). Не исключено также, что писарь либо не был носителем немецкого языка, либо просто не вполне владел им из-за недостаточной грамотности.

Документу дано канцелярское заглавие: «*Registratur, gehalten, wegen des französischen Residenten in der Crim̃, H[err] Adam Ieworka*», которое мы перевели как «Запись известия французского резидента в Крыму г[осподина] Адама Еворки»⁶. Антропологический поход позволяет отнести источник к «вынужденно актуализованному интервью», поскольку он был создан, «когда обладатель информации излагал ее в условиях принудительного диалога и под воздействием чужой воли» [16, с. 9]. В конце рукописи указаны дата и место ее создания: «В полевом лагере у селения Салгира, 21-го июня 1736»⁷. Примечательно, что во всех остальных случаях даты в документе приведены одновременно по юлианскому и григорианскому календарю (разница между которыми в XVIII в. составляла 11 дней [9, с. 219–220]) через дробь, что позволяет безошибочно определить хронологию описанных событий и соотнести их со свидетельствами других источников. Конечная дата показана по юлианскому календарю, так как, согласно походному журналу, 21 июня следовавшая из Бахчисарая в направлении Кафы армия Б.К. Миниха достигла р. Салгир и разбила лагерь на ее обоих берегах. «При деревне Салгире», на правом берегу, разместилось правое крыло армии [7, с. 75–76]. Следо-

⁴ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 109. Л. 1–6 об.

⁵ Там же. Л. 1 об., 2 об.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 6 об.

вательно, повторный опрос французского консула состоялся спустя четыре дня после его прибытия в расположение русской армии.

Тематически известие А. Яворки подразделяется на три блока: автобиографический рассказ, сведения разведывательного характера и общая страноведческая информация. В сочинении Г.Ф.В. Юнкера многое из показаний французского консула пересказано почти дословно, однако отнюдь не охватывает всего их содержания [28, S. 213–216; перевод: 3, с. 26–28]. Последнее обстоятельство придает изучаемому документу особую значимость. Несомненно, Г.Ф.В. Юнкер был ознакомлен с ним и даже имел под рукой его копию, когда работал над своими мемуарами. На это недвусмысленно указывает не только точная передача им содержания документа, но и неправильное написание в обоих источниках фамилии французского посла в Османской империи анаграммой: «Neuville» вместо «Villeneuve».

А. Яворка поведал, что «состоял на службе у князя Ракоци, пока тот в прошедшем году не скончался в Константинополе» (на самом деле умер неподалеку – в городке Родосто), после чего французский посол маркиз Л.-С. де Вильнёв пригласил его на должность консула «при татарском хане» и отправил в Крым, чтобы сменить «пребывавшего там на французской службе капитана Тота», тоже венгра (речь идет об Андраше Тоте). Консул не преминул вспомнить о том, что в 1724 г. «побывал в Москве и Петербурге, будучи отправлен туда из Константинополя князем Ракоци, с тем чтобы доставить его и великого визира письма Е[го] в[еличеству] Петру I, содержание которых имело отношение к грузинам, отдавшимся под защиту Российского государства»⁸. Эта миссия А. Яворки уже обращала на себя внимание венгерских историков [33, 768–769. old.; 29, 369–370. old.]. Материалы о ней отложились в деле Коллегии иностранных дел 1724 г. «Приезд из Царьграда в Россию и отпуск обратно туда же венгерского шляхтича Адама Ягорки (sic! – *Авт.*) с письмами от князя Ракоция...»⁹.

Консул прибыл в Крым 14/25 июля 1735 г. и сменил А. Тота, вернувшегося во Францию. По словам А. Яворки, ему было поручено заботиться о французских миссионерах и местной католической общине, «а также вообще обо всех находящихся в Крыму христианах, и среди них о православных, с тем чтобы им тоже не препятствовали в отправлении богослужебных обрядов, поскольку иначе они могут подвергаться угнетению»¹⁰. Последние опасения дипломатов христианнейшего короля вскоре оправдались. С началом в 1735 г. Русско-турецкой войны христианские подданные крымского хана в глазах мусульманского населения полуострова не могли не превратиться в потенциальных коллаборационистов. Вероятно, именно с этим был связан описанный А. Яворкой случай, происшедший в Бахчисарае за пять-шесть дней до прихода русской армии, то есть в конце первой декады июня 1736 г. Крымские татары «очень худо обошлись с шестью православными священниками (среди которых был один архиепископ) – таскали за волосы, сильно избили, а одного из этих священников даже захватили». Судя по всему, речь идет о греческих пресвитерах и иерархе Готской и Кафской митрополии Константинопольской православной церкви.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 40. Оп. 40/1. 1724 г. Д. 3. 13 л.

¹⁰ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 109. Л. 1–1 об.

Сам дипломат накануне вторжения русской армии находился у Перекопа. Когда она овладела Перекопской линией и вошла в Крым, хан Каплан-Гирей I с войском отступил оттуда к р. Альме и послал к А. Яворке «с приказом явиться к нему». Однако консул «велел ответить хану, что ногайские татары увели у него лошадей и повозки, а кроме того, у него нет провианта, и посему он не может предпринять поездку к хану или следовать за ним». Вместо этого дипломат «бежал в горы близ Бахчисарая к христианам, где мог найти пропитание», взяв с собой поляка А. Буковского. Когда же А. Яворка в горах узнал о прибытии русской армии к Бахчисараю, то вместе с А. Буковским отправился к Б.К. Миниху «искать для себя и для живущих в горах христиан защиты Е[е] р[оссийского] и[мператорского] вел[ичества]». Придя в город, он нашел русского офицера, которого попросил отвести к генерал-фельдмаршалу, что и произошло¹¹.

Далее А. Яворка сообщил оперативные сведения о действиях крымского хана – то, что больше всего интересовало русское командование. Возможно, при этом он отвечал на конкретные наводящие вопросы. Согласно его данным, перед началом кампании 1736 г. Каплан-Гирей I покинул Крым и отправился в Константинополь. Он уже находился в полутора днях пути из Перекопа в Очаков, когда получил известие об осаде русскими Азова, что вынудило его 30 марта/10 апреля вернуться в Перекоп и объявить сбор войска в поход. 14/25 апреля хан «с частью своей армии» продвинулся на 15 верст к северу от Перекопа, где ожидал прибытия пополнения. 7/18 мая хан с войском пришел к Черной Долине и 8/19 мая намеревался идти к Днепру, но поскольку в тот день состоялся бой с русскими войсками, он «тут же с силами в 200 тыс. человек пошел обратно маршем к Перекопу»¹². Речь идет о первом с начала Крымского похода 1736 г. сражении, происшедшем близ Черной Долины между передовыми отрядами русской армии и авангардом крымского войска. Во время боя Каплан-Гирей I с основными силами стоял лагерем в 80 верстах к югу от Черной Долины. По словам плененных крымских татар, его войско насчитывало 100 тыс. человек [7, с. 58–60; 2, с. 245–248]. Следовательно, А. Яворка сильно преувеличил мобилизационные возможности крымского хана.

Французскому консулу было известно, что двумя-тремя днями ранее, когда русская армия только достигла Перекопа, к Каплан-Гирею I прибыл османский капыджибаши и передал ему подарок «великого султана» и жалованье для сейменов («Seijmers») – ханских лейб-гвардейцев: отороченный соболем головной убор, украшенный усыпанным алмазами эгретом, подбитый соболем кафтан, дорогую саблю и 300 мешков, «каждый по 500 левенталеров» (т. е. львиных курушей). Трое родственников хана – султаны калга, нуреддин и ор-бей («Kalga, Nuradin und Orbeij») – тоже получили по кафтану и несколько мешков денег каждый. По свидетельству дипломата, после взятия Б.К. Минихом Перекопа хан собрал «султанов и знатнейших князей» на совещание, во время которого виднейший аристократ ханства – Хаджи-Джантемур Ширин-бей («Gentamir Scheri-Murza, oder Scherem-Beij»), произнес проникновенную речь: «Русские пришли сюда не затем, чтобы умереть от голода, а будут за наш счет жить и кормиться. Нам не следует воображать,

¹¹ Там же. Л. 1 об.–2 об.

¹² Там же. Л. 2 об.

что это старые русские, сотню которых один татарин гнал перед собой; ныне это другие русские, из которых теперь один гонит сотню татар», – передает его слова А. Яворка. Каплан-Гирей I «на это хранил молчание»¹³.

В своем рассказе дипломат уделит внимание и личности хана. Иностранец знал, что Каплан-Гирей I уже «дважды смещали, так как он постоянно был неудачлив в своих предприятиях», что во время своего безуспешного похода в Персию 1735 г. он «получил от Порты 500 мешков по 500 левенталеров каждый». Согласно молве, ему было 64 года и у него болели руки и ноги¹⁴. И если с возрастом информаторы консула ошиблись – на самом деле Каплан-Гирей I было 56 лет (он родился в шабане 1091 г. по календарю Хиджры, то есть в июле 1680 г. [27, р. 568]), то плохое состояние его здоровья подтверждается и другими источниками. Так, в августе 1735 г. кубанские ногайцы сообщили данскому казачьему старшине Даниле Ефремову, что прибывший в Прикубанье крымский хан из-за немощи не способен к верховой езде и его возят на телеге¹⁵. По словам ногайца Бачме-Мамбета, допрошенного в июле 1736 г. в штабе армии Б.К. Миниха, ослабевший Каплан-Гирей I «верхом не может ехать, ездит в коляске» [4, с. 121]. Судя по свидетельству другого современника – крымского историографа Абдулгаффара Кырыми, созвучному с сообщением А. Яворки, хан страдал хирагрой и подагрой [1, с. 132, 161].

Отдельного внимания заслуживают приведенные французским консулом сведения об иерархии нобилитета Крымского ханства и мужских представителях рода Гиреев. С одной стороны, неполнота и неточность части этих данных указывает на поверхностную осведомленность дипломата о социальной структуре страны пребывания, а с другой – некоторые из его свидетельств уникальны, поскольку не отражены в других источниках.

А. Яворка различает «4 разряда знатных татар». 1) Султаны, которые занимают высшие посты, «то есть относятся к ханскому роду». 2) Ширин-бей, или князья («Scherem-beijs, seindt Fürsten»)¹⁶. Здесь иностранец допустил ошибку, придав родовому имени Ширин расширительное типологическое значение, сочтя его частью бейского титула. Судя по контексту, Ширин-бейями он назвал глав всех семи карачи-бейских родов Крымского ханства: беев Ширинов, Барынов, Мансуров, Седжеутов, Аргынов, Кыпчаков и Яшлавов [26, S. 27–41; 17, с. 29–30; 10, с. 98–108]. Примечательно, что А. Яворка применяет к этой категории высший аристократический титул Священной Римской империи германской нации – Fürst, что говорит о понимании им политической роли карачи-беев. 3) Ширин-мурзы («Scherem-Mursi»), которых он считает нетитулованными дворянами¹⁷. Между тем речь идет о младших князьях Ширинах, имевших преимущество перед прочими крымскими мурзами иного происхождения [10, с. 98]. 4) Мурзы («Mursi»), которых А. Яворка тоже не относит к титулованной знати. Довольно подробно он рассказал о девяти султанах – принцах ханского дома Гиреев, перечислив их в определенном иерархическом порядке со ссылкой на молву.

¹³ Там же. Л. 3–3 об.

¹⁴ Там же. Л. 3 об.

¹⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 47. Л. 7–7 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 109. Л. 3 об.

¹⁷ Там же. Л. 3 об.

Registratur,

gefallen, wegen des französischen Residenten
in der Crim, H. Adam Jeworka.

H. Adam Jeworka, ein Ungarischer
Adelmann, ist, seinem Auftrag nach, in des Fürsten
Ragotski Diensten geblieben, bisjaldiges im
Kriegesfloßmann faßt in Constantinopel
geblieben, da ihn der dajalbt subfistierende
Minister H. von Neuville, als Consul bey
dem Tartar- Chan engagiert, und ihn
abgeschiedigt und ihn dajalbt befluchtliche
Consul, da im französischen Diensten, Kaptein
Tot, einen Ugar von gebracht,
abzuweisen. Im Jahr 1724, sey er in
Moskau und in Petersburg geblieben; von
dem Fürsten Ragotski aus Constantinopel
dajalbt geschickt, um seinen und des Groß-Regen-
tens an J. M. Peter den 1ten zu überbringen,
wenn jessalt die Georgianer betrogen sein
soll, als welche jessalt des Russischen
Reichs Gefahr gegeben.

Den ¹⁴/₂₅ Julii 1735, starr er in der Crim.
aufkommen, sah ihn Capitain Tot, festlicher
nach dem König zurückgegangen: abgejant;

«Запись известия французского резидента в Крыму г[осподина] Адама Еворки».

21 июня 1736 г. (РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 109. Л. 1)

“Record of the Account of the French Resident in Crimea, Adam Yavorka”.

21 June 1736 (Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 177.

Inventory 1. Year 1736. Case 109. Folio 1)

Имена первых троих из них, самых высокопоставленных, консулом не названы – в документе фигурируют лишь титулы. 1) Калга-султан – «сын ханского брата» и командующий армией. Последнее обстоятельство дало дипломату основание сравнить его с польским великим гетманом коронным, «однако с той разницей, что калга-султан – второй после хана, а ни один султан не может наследовать ханского достоинства, если прежде не был калгой и не командовал армией». Известно, что в 1735–1736 гг. эту должность занимал Фетих-Гирей, сын бывшего хана Девлет-Гирея II и в скором времени преемник своего дяди на престоле [18, с. 125, 129–130, 145–148; 5, с. 55–57, 75; 23, р. 117]. 2) Нуреддин-султан – второй военачальник («Unter-Feldt-Herr») в ханстве. В 1735–1736 гг. им был Арслан-Гирей – другой сын Девлет-Гирея II, племянник правящего хана и сам хан в 1748–1756 гг. [18, с. 130, 150–152; 5, с. 55–57, 75, 80–81; 23, р. 117]. 3) Ор-бей – «третий после хана», который «по своей должности может быть сравнен с польским стражником коронным (хранителем границы)»¹⁸. Речь идет о Махмуд-Гирее, тоже сыне Девлет-Гирея II и племяннике Каплан-Гирея I [4, с. 39, 40, 41; 18, с. 145]. Примечательно, что в документе трижды приведены два варианта названия последней должности – «ор-бей, или ор-капи» («Orbeij oder Orkapi») ¹⁹. Как известно, Ор-Капы – турецкое название Перекопской крепости (Or Kapı – Врата Рва), где находилась резиденция ор-бея, или перекопского бея, – наместника северных территорий Крымского ханства и охранника их рубежей [13, с. 22; 17, с. 42]. То есть А. Яворка спутал названия должности и крепости – вероятно, из-за того, что корнем обоих слов является топоним «Ог» (ров). Сделанное им сравнение ор-бея со стражником коронным нельзя признать удачным. Как известно, в армии Королевства Польского XVI–XVIII вв. были две штабные должности с таким названием. Задача охраны восточной границы страны возлагалась на стражника польного коронного – и то лишь поначалу, в XVI в. Затем на него распространились обязанности стражника великого коронного, обеспечивавшего безопасность войска на марше и во время отдыха, и только тогда, когда им предводительствовал король. Но в XVIII в. обе должности полностью утратили военные функции и приобрели титулярный характер, превратившись в анахронизм [24, с. 175–176; 25, с. 149–170]. Таким образом, проведенная дипломатом аналогия не вполне уместна, так как отражает не реальное иерархическое соотношение ор-бея и коронного стражника (великого или польного), а лишь формальное частичное сходство их должностных функций.

Остальные шесть султанов не играли тогда столь значительной роли в военно-политической жизни Крымского ханства. 4) Селим-Гирей («Selim Gerej») – «самый старший сын правящего хана, двадцати пяти лет, нигде не служит». Это будущий хан Селим-Гирей II, правивший в 1743–1748 гг. [18, с. 149–150; 5, с. 78–79]. 5) Шах-Гирей («Schach Gerei»), «второй сын правящего хана, тринадцати лет», который занимает военную должность и «носит бунчук». Ни в одном известном нам источнике или исследовании этот отпрыск Каплан-Гирея I больше не упоминается. 6) Другой Шах-Гирей – «сын недавно умершего калги-султана», то есть Адил-Гирей – скончавшегося в 1735 г. брата Каплан-Гирея I [18, с. 129, 149; 15, с. 76; 5, с. 78]. Стало быть,

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Там же. Л. 3, 4, 6 об.

он приходился правящему хану племянником. 7) Ахамед-Гирей («Ahamed-Gerei») – султан «без должности». Несомненно, здесь подразумевается Азамат-Гирей, сын бывшего хана Гази-Гирея III и племянник Каплан-Гирея I [18, с. 139, 148, 149]. Искажение имени, вероятно, произошло из-за его неправильного произношения А. Яворкой, так как в документе оно записано неоднократно. По словам консула, этот султан «благороден, весьма здравомыслящ и очень любим татарами», зато «хан его ненавидит и завидует ему». При этом он беден, поскольку в Крыму у него нет ничего, кроме одного дворца. Говорят, на свое содержание он ежегодно получает от Порты «всего лишь шесть мешков по 500 левенталеров» в качестве дохода с поместья в Румелии. 8) Авед-Гирей («Aved-Gerei»), «любимый брат только что названного султана Ахамеда, а потому тоже не имеет должности и обладает очень малыми доходами». Это Абед-Гирей – другой сын хана Гази-Гирея III и племянник Каплан-Гирея I [1, с. 130]. 9) Еще один султан, не названный по имени (вместо него многоточие), который «тоже не имеет должности»²⁰.

Заключительная часть известия А. Яворки представляет собой лапидарное экономическое, демографическое и административно-географическое описание Крымского полуострова. Оно имеет избирательный характер и, вероятно, охватывает лишь те вопросы, какие интересовали тогда русское командование. Описание начинается с перечисления того, что «Крым в изобилии производит», из десяти пунктов. Это: 1) мед – он, «говорят, столь же хорош, как липец» – известный на всю Европу липовый мед из Литвы; 2) воск; 3) «превосходная шерсть»; 4) масло; 5) пшеница; 6) рожь; 7) холощенные бараны – «их, говорят, ежегодно в один только Константинополь отправляют 100 000»; 8) рогатый скот (очевидно, крупный); 9) соль, которую добывают «в стоячих соляных озерах»: в июне она ложится на воде, словно лед, а в сентябре снова исчезает; и 10) лошади и бараны²¹. Эти сведения имеют принципиальное значение для изучения развития в Крыму в первой трети XVIII в. товарного земледелия, животноводства, перерабатывающих промыслов и в целом – рыночных отношений. Слова дипломата могут служить очередным эмпирическим основанием для уже неоднократно высказывавшегося в историографии суждения о том, что «сводить экономику ханства к паразитическому потреблению награбленного – это слишком упрощенно» [12, с. 158]. Как ни странно, А. Яворка ни словом не обмолвился об экономическом значении татарских набегов. Он не упомянул ни об охоте крымских татар на рабов в соседних странах, ни о процветании на полуострове работорговли, ни о роли труда рабов в местном хозяйстве. Представляется, что «фигуру умолчания» следует объяснять не угасанием в Крыму этого «сектора экономики», а отсутствием к нему интереса у интервьюеров французского консула.

Вслед за целой плеядой европейских авторов XVI–XVIII вв. А. Яворка называет титульную нацию Крымского ханства «крымскими, или перекопскими, татарами». Они «насчитывают 150 тыс. воинов», кроме «ногайских татар, переселенных теперь ханом в Крым». Последних «40 тыс. семей, и они живут в деревнях этого полуострова разделенными и размещенными, с тем чтобы не могли объединиться». Вероятно, здесь идет речь о находившемся в

²⁰ Там же. Л. 4–5.

²¹ Там же. Л. 5–5 об.

вассальной зависимости от крымского хана ногайском родоплеменном объединении едисанцев, эвакуированном Каплан-Гиреем I из низовьев Днепра на полуостров в связи с наступлением российской армии [18, с. 128]. О населении материковой части Крымского ханства (Буджак, Кубань, Нижнее Поднепровье), как и о христианских народах Крыма, дипломат ничего не сообщает. Полуостров, по его словам, поделен на 40 кантонов, в каждом «30, 40 и до 50 селений и над ним поставлен кади, то есть судья»²². Названное число кадилыков почти совпадает с цифрами, встречающимися в историографии [17, с. 32; 20, с. 63–90].

Особое внимание А. Яворка уделит доходам хана, калги-султана, нуреддин-султана и ор-бея. «Хан имеет приблизительно 1000 мешков дохода, считая каждый мешок по 500 левенталеров», то есть около полумиллиона львиных курушей. Эта сумма складывается из субсидий Порты, доходов от Бахчисарая, Козлова (Кезлева), Балаклавы и прилегающих к ним селений – «особенно горных, где живут христиане», а также из таможенных сборов и арендной платы за пользование соляными озерами у Перекопа и Козлова. Калге-султану принадлежат города Акмечеть, или Султан-Сарай, и Карасу (Карасубазар). Последний больше Бахчисарая и ведет большую торговлю, возле него «много селений, в которых живут христиане, несколько соляных озер», и поэтому ежегодный доход калги-султана «может составить 300 мешков», то есть около 150 тыс. львиных курушей. Нуреддин-султану принадлежат города Эски-Крым и Судак, «где растет наилучший крымский виноград». Его доходы «могут достигать шестидесяти мешков», не считая десяти-двенадцати мешков, получаемых от Порты из налоговых поступлений Кафы. Ор-бей получает доход от Перекопа и таможенных сборов в нем, который исчисляется более чем в 100 мешков, или 50 тыс. львиных курушей²³. Говоря о «принадлежности» крымским султанам тех или иных городов, А. Яворка не вполне точен. Под этим словом следует понимать не феодальное владение городами, а кормление за счет собираемых с их населения пошлин и налогов – как денежных, так и натуральных.

Свой рассказ консул завершил перечислением семи гаваней Крымского полуострова, расположенных как на территории самого ханства: Козлов, Балаклава и еще две «по обе стороны от нее», так и на землях Кафинского эялета Османской империи: Кафа, Еникале и Керчь, из которых последние «заняты турецкими гарнизонами»²⁴. Безусловно, эти сведения представляли для Б.К. Миниха большой интерес, ведь одной из целей его похода было взятие Кафы. В сочинении Г.Ф.В. Юнкера они опущены.

Происхождение изученного источника позволяет безошибочно отнести его к российским делопроизводственным документам. Вместе с тем, содержательное известие А. Яворки вписывается в широкий контекст иностранных нарративов о Крымском ханстве, не лишенных мотивов ориентализма. Проживший в Крыму чуть больше года французский консул не сообщил о стране своего пребывания ничего принципиально нового в сравнении с тем, что известно историкам на сегодняшний день. Записка К.-Ш. де Пейссонеля или труд профессора Галльского университета шведа Й. Тунманна (никогда

²² Там же. Л. 5 об.

²³ Там же. Л. 5 об.–6 об.

²⁴ Там же. Л. 6 об.

Крым не посещавшего) гораздо более информативны и богаты подробностями. Но эти хрестоматийные сочинения появились намного позже 1736 г. и отражают реалии середины и второй половины XVIII в., когда Крымское ханство вступило в заключительную фазу своего существования, пережив тяжелые потрясения и понеся большие потери в ходе трех вторжений русской армии 1736–1738 гг. Крым же, увиденный А. Яворкой, – государство, только подошедшее к порогу военной катастрофы, но еще не осознавшее этого. Имеет значение и ментальная оптика наблюдателя. Если ставший известным беллетристом и востоковедом барон Ф. де Тотт, тоже венгр, был французским дипломатом во втором поколении и до назначения консулом в Крым прошел профессиональную школу в Константинополе, то сослуживец его отца А. Яворка – просто завербованный во французскую армию иностранец. Но зато он смотрел на Крым и его население не зашоренными глазами отягощенного культурными стереотипами цивилизованного западноевропейца, а взором жителя Венгрии, граничившей с Османской империей, для которого крымские татары – не дикие варвары, а одни из соседей. Неслучайно его рассказ лишен предубеждений, свойственных ориентализму (в понимании Э.В. Саида). Он лапидарен, поскольку отвечает на вопросы, заданные Б.К. Минихом (пускай даже опосредованно). Именно поэтому дипломат ничего не сказал о религиозной жизни в Крыму – эта тема, никак не связанная с войной, явно не интересовала российского главнокомандующего. Личность вопрошавшего тоже определенным образом повлияла на содержание известия: до войны 1735–1739 гг. Б.К. Миних, выходец из северогерманского графства Ольденбург, никогда не проходил службу на юге России и не участвовал в сражениях против турок и татар. Для него очень многое из того, что знал и мог поведать А. Яворка, – в новинку. Несмотря на общий характер рассказа, некоторые сообщенные дипломатом подробности способны расширить имеющиеся в науке знания о генеалогии рода Гиреев и биографиях его отдельных представителей (данные о третьем сыне Каплан-Гирея I Шах(ин)-Гирее, о вражде хана с двумя племянниками, и т.д.). Известие также содержит новые сведения о злоключениях самого консула, о реакции Каплан-Гирея I и Ширин-бея на вторжение русской армии, о положении христианских подданных хана в военное время, о хозяйстве Крымского ханства, и пр.

Какой же была дальнейшая судьба французского дипломата, которому Б.К. Миних позволил остаться в расположении русской армии в Крыму? Как показал Ф. Тотт, поступок консула не встретил понимания у начальства и вызвал кривотолки – как среди его соотечественников-эмигрантов, так и среди крымских татар. Сведения об этом содержатся в реляциях французского посла в Османской империи маркиза Л.-С. де Вильнёва своему правительству. Согласно его донесению от 27 июля 1736 г., он узнал из газет, что А. Яворка, «покинув иезуитов-миссионеров, отступивших в горы близ Бахчисарая, был задержан отрядом казаков и препровожден в лагерь генерала Миниха, который оставил его на свободе под честное слово и даже предоставил ему свой стол». С трудом добравшиеся из Крыма в Константинополь иезуиты уверяли посла, что консул «только затем не покинул их, когда московиты подошли к Бахчисараяу, чтобы спасти, будь то возможно, их дома и защитить от огня, и что именно с этой целью он отправился в лагерь генерала Миниха». Но

крымские татары думали иначе: этот поступок дипломата «и добрый прием, который, как они слышали, оказал ему генерал Миних, вызвали у них странные подозрения в неверности г[осподина] Яворки, и они даже преподнесли события таким образом, чтобы объявить его и миссионеров шпионами, способствовавшими вторжению московитов в Крым; эти подозрения стоили отцу Латуру и отцу Кардону 300 пиастров, заплаченных, чтобы вырваться из рук крымского султана, приказавшего их арестовать». Другими сведениями о судьбе своего подопечного Л.-С. де Вильнёв тогда не располагал, так как А. Яворка ничего ему не писал «с тех пор как находится у московитов». В донесении от 7 мая 1737 г. посол сообщал, что пропавший консул прислал ему «очень длинное письмо в свое оправдание», но другой венгерский эмигрант полковник Адам Мариаши усомнился в его верности, «особенно после отказа г[осподина] Яворки приехать в Хотин, несмотря на данные пашой заверения позволить ему безопасно добраться до Константинополя». Бывший французский агент в Крыму А. Тот, тоже опираясь на слова А. Мариаши, подтвердил факт предательства своего преемника в письме Л.-С. де Вильнёву от 23 апреля 1737 г.: «...этот полковник многое написал мне о г[осподине] Яворке, в том числе о том, что он потерял голову; я равно раздосадован и тем, что касается его, и положением дел в Крыму для консульства» [цит. по: 34, 1200. old.²⁵]. Свет на эти события проливают русские источники.

Из донесения Б.К. Миниха в Кабинет министров от 16 июля 1736 г. известно, что находившиеся при русской армии уже более месяца французский и польский «консулы» обратились к нему с просьбой отпустить их в Польшу. Эта идея не нашла понимания у генерал-фельдмаршала, предлагавшего их еще на некоторое время «в России удержать», ради чего им было «для довольствия по их желанию и денег несколько выдано». Он запрашивал указ о том, как следует поступить с иностранными дипломатами: отпустить в Польшу или задержать в России?²⁶ Ответ на этот вопрос последовал в указе от 4 августа, подписанном кабинет-министрами графом А.И. Остерманом и князем А.М. Черкасским. В указе выражалось опасение, что А. Яворка и А. Буковский, «будучи в свободе, иногда при армии нашей шпионствуют и с турками и с татарами корреспонденцию иметь будут». «Того ради потребно быть кажется, – предлагали кабинет-министры Б.К. Миниху, – чтобы вы их от себя отпустили, и дав оным паспорта, сюды им ехать велели, откуда они потом в отечества свои возвратиться могут». Однако принятие решения по данному вопросу было предоставлено самому военачальнику²⁷. Так и произошло, причем ранее выхода этого распоряжения. Еще 23 июля главнокомандующий донес в Кабинет министров, что отправил французского консула и польского шляхтича в пограничный городок Царичанка к генерал-майору князю Н.Ю. Трубецкому, приказав ему содержать их «при всяком довольствии» до получения императорского указа на сей счет. Новые подробности содержатся в донесении генерал-фельдмаршала от 23 августа: оказывается, в Царичанку отправился только А. Яворка, А. Буковский же остался при армии из-за «тяжкой болезни». Б.К. Миних предписал Н.Ю. Трубецкому как можно дольше задерживать там французского консула «под разными претексты» (предлогами), а по получении 20 августа

²⁵ Перевод с франц. А.Ю. Беспятых.

²⁶ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 9. Л. 397.

²⁷ Там же. Д. 8. Л. 193 об.–194 об.

указа кабинет-министров от 4 августа распорядился отправить иностранца в Санкт-Петербург. В этом же донесении военачальник отметил, что за А. Яворкой «в бытность при здешней армии по его кондувиту (поведению. — *Авт.*) никакого подозрительства... приметить было неможно». В конце августа в российскую столицу через Царичанку поехал и выздоровевший А. Буковский [4, с. 120, 135, 149]. Итак, изученные документы однозначно свидетельствуют о том, что Адам Яворка, подозреваемый Л.-С. Вильнёвым в предательстве, а крымскими татарами и российским правительством — в шпионаже, не был ни предателем, ни шпионом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулгаффар Кырыми*. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
2. *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война с Турцией в 1736–1739 гг. СПб.: Электротип. Н.Я. Стойковой, 1906. [Т. 1]. XLIX, 556, 192 с.
3. *Брун Ф.К.* Крым в половине XVIII столетия. Одесса: изд-е И. Федорова, 1867. 28 с.
4. Всеподданнейшие донесения гр. Миниха / Под ред. А.З. Мышлаевского. Ч. 1 // Сборник военно-исторических материалов. СПб.: Воен. тип., 1897. Вып. 10. [4], VI, 331 с.
5. *Гайворонский А.Е.* Созвездие Гераев: Краткие биографии крымских ханов. Симферополь: Доля, 2003 (Библиотека «Полуостров»). 108 с.
6. *Жарких М.І.* «Опис Татарії» Мартина Броневського: джерелознавчі спостереження // До джерел: Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Київ; Львів: [б. в.], 2004. Т. 2. С. 313–350.
7. Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.: Сборник документов / Сост., вст. ст., археогр. введение, передача текста, комм. и указ. П.А. Авакова; отв. ред. И.О. Тюменцев. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. 484 с.
8. *Кизилов М.Б.* «Книга путешествий» Эвлии Челеби как источник сведений о быте крымских татар XVII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 1993. Вып. 3. С. 273–275.
9. *Климишин И.А.* Календарь и хронология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1985. 320 с.
10. *Лаишков Ф.Ф.* Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884). Одесса: тип. А. Шульце, 1889. Т. 4. С. 96–110.
11. *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ., 2002. 768 с.
12. *Некрасов А.М.* К истории Крымского ханства и его взаимоотношений с Россией в XV–XVI веках // *Некрасов А.М.* Избранные труды. Нальчик: Издат. отд. КБИГИ, 2015. С. 157–159.
13. *Пейссонель Ш. де.* Записка о Малой Татарии / Пер. В.Х. Лотошниковой; вст. ст., примеч. и комм. В.В. Грибовского. Днепропетровск: Герда, 2009. 80 с.
14. *Почекаев Р.Ю.* Эволюция правового статуса российского дипломатического представительства в Крымском ханстве (1750-е – начало 1780-х гг.) // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 70–86.
15. *Сейит-Яхья Н.С.* Военные действия в Крыму в 1735–1736 годах // *Qasevet*. 2010. № 37. С. 74–83.

16. Сень Д.В. Расспросные речи как источник по истории казачьего населения Крымского ханства и информационного пространства южного пограничья // *Magna adurgit: historia studiorum*. 2018. № 2. С. 7–14. DOI: 10.22162/2541-9749-2018-6-2-7-14.

17. Тунманн [Й.] Крымское ханство / Пер. Н.Л. Эрнста, С.Л. Белявской. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1936. 104, [3] с.

18. Халим Гидай-султан. Розовый куст ханов, или История Крыма / Перелож. А. Ильми; пер., прил. и поясн. К. Усеинова. 2-е изд., испр. Симферополь: Аян; Сти-лос, 2008. 192 с.

19. Шалак М.Е. Крымское ханство и его население глазами иностранцев, посетивших Московское царство в конце XVI – начале XVII вв. // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Исторические науки»*. 2016. Т. 2 (68). № 4. С. 133–139.

20. Bıyık Ö. Kırım'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi (1600–1774). İstanbul: Ötüken, 2014. 300 s.

21. Brătianu D.I. Les Observations de M. de Peyssonnel en 1774 sur l'exécution du traité de Koutchouk Kaïnardji // *Revue historique du Sud-Est européen*. 1929. [Vol.] 6. № 10–12. P. 339–363.

22. Correspondance consulaire de Crimée du baron de Tott (1767–1770) / Édition de documents établie par F. Tóth. İstanbul: Les Éditions Isis, 2014. 266 p.

23. Desaive D., Gökbilgin Ö. Le khanat de Crimée et les campagnes militaires de l'Empire ottoman: Fin du XVIIe – début du XVIIIe siècle, 1687–1736 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1970. Vol. 11. № 1. P. 110–117.

24. Góralski Zb. Urzędy i godności w dawnej Polsce. 2 wyd. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1998. S. 284.

25. Hundert Zb. Strażnicy koronny i wojskowy w dobie Jana Sobieskiego (1667–1696): Kilka uwag o osobach odpowiedzialnych za organizowanie przemarşów armii koronnej // *Acta Universitatis Lodzensis: Folia Historica*. Łódź, 2017. [T.] 99. S. 149–170.

26. Ivanics M. Die Şirin: Abstammung und Aufstieg einer Sipe in der Stepe // *The Crimean Khanate between East and West (15th–18th Century)* / Ed. D. Klein. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. S. 27–41.

27. İnalçık H. Kaplan Girây I // *The Encyclopedia of Islam: New edition*. 3rd impression. Leiden: E.J. Brill, 1997. Vol. 4. P. 568–569.

28. [Junker G.F.W.] Tagebuch des russisch-kaiserlichen Generalfeldmarschalls B.Ch. Grafen von Münnich, über den Ersten Feldzug des in den Jahren 1735–1739 geführten Russisch-türkischen Krieges // *Hermann E.A. Beiträge zur Geschichte des russischen Reiches*. Leipzig: J.C. Hinrichsschen Buchhandlung, 1843. S. 117–244.

29. Köpeczi B. A bujdoso Rákóczi. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 573. old.

30. Mézin A. Les consuls de France au siècle des Lumières (1715–1792). Paris: Imprimerie nationale, 1997. (Diplomatie et Histoire). 976 p.

31. Peyssonnel C.-Ch. de. Observations critiques sur les Mémoires de M. le Baron de Tott, pour servir à l'Histoire des Turcs & des Tartares / Par M. de Peyssonnel, Ancien Consul-Général à Smyrne, ci-devant Consul de Sa Majesté auprès du Khan des Tartares. Maestricht: Dufour & Roux, 1785. 133 p.

32. Thaly K. Jávorka Ádám ezredes, s a gr. Forgách- és Rákóczi- levéltár: (Vázlat a Rákóczi-emigratio történetéből) // *Századok: Magyar Történelmi Társulat közlönye*. 1888. 22. évf. 4. sz. 293–319. old.; 5. sz. 389–411. old.; 6. sz. 489–504. old.; 7. sz. 585–610. old.

33. Thaly K. Pótlékül Jávorka Ádám életrajzához // *Századok: Magyar Történelmi Társulat közlönye*. 1888. 22. évf. 8. sz. 768–769. old.

34. Tóth F. Magyar ügynökök a francia király szolgálatában Kelet-Európában az orosz-osztrák-török háború korában (1736–1739) // *Századok: Magyar Történelmi Társulat folyóirata*, 2011. 145. évf. 5. sz. 1183–1214. old.

35. *Toth F. de. Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares: Maestricht, 1785 / Texte édité par F. Tóth. Paris: H. Champion, 2004 (Bibliothèque des correspondances: Mémoires et journaux. T. 7). 382 p.*

36. *Veinstein G. La révolte des mirza tatars contre le khan, 1724–1725 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1971. Vol. 12. N 3 (Juillet – septembre). P. 327–338.*

37. *Zachar J. Idegen hadakban. Budapest: Magvető, 1984. (Nemzet és Emlékezet). 496. old.*

Сведения об авторах: Пётр Ашотович Аваков – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук (344006, пр. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-9051-5611. E-mail: pavakov@mail.ru

Юрий Николаевич Беспярых – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (197110, ул. Петрозаводская, 7, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4383-254X. E-mail: ybespyatykh@yandex.ru

Поступила 20.12.2019 Принята к публикации 04.02.2020

Опубликована 29.03.2020

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. *Umdet al-akhbar*. Book 2: Perevod. Seriya «Yazma Miras. Pis'mennoe Nasledie. Textual Heritage». Iss. 5. Per. s osmanskogo Yu.N. Karimovoy, I.M. Mirgaleeva; obshchaya i nauchnaya redaktsiya, predislovie i kommentarii I.M. Mirgaleeva. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2018. 200 p. (In Russian)

2. Baiov A.K. *Russkaya armiya v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ioannovny: Voyna s Turtsiey v 1736–1739 gg.* [The Russian Army in the Reign of the Empress Anna Ioannovna: War with Turkey in 1736–1739], Vol. 1–2. St. Petersburg: N.Ya. Stoykova's Electric Printing House, 1906. XLIX, 556, 192 p. (In Russian)

3. Brun F.K. *Krym v polovine XVIII stoletiya* [The Crimea in the middle of the eighteenth century]. Odessa: I. Fedorov Publ., 1867. 28 p.

4. Myshlaevskiy A.Z. (ed.). *Vsepoddannejshie donesenija gr. Miniha* [Humble Servant's Reports of Count Münnich], Pt. 1. *Sbornik voenno-istoricheskikh materialov* [The Collection of Military Historical Materials], Iss. 10. St. Petersburg: Military Printing House, 1897. (4), VI, 331 p. (In Russian)

5. Gayvoronskiy A.E. *Sozvezdie Geraev: Kratkie biografii krymskikh khanov* [Constellation of the Gireys: Brief Biographies of the Crimean Khans]. Simferopol: Dolya, 2003. 108 p. (In Russian)

6. Zharkikh M.I. “Opis Tatarii” Martina Bronevs'kogo: dzhereloznavchi sposterezheniya [The “Description of the Tartaria” by Martin Bronevsky: Source-Study Observations]. *Do dzherel: Zbirnik naukovikh prats' na poshanu Olega Kupchinsk'kogo z nagodi yogo 70-richchya*. [To Sources: Collection of Scholarly Papers in Honor of Oleg Kupchinsky on the Occasion of His 70th Birthday], Vol. 2. Kyiv; Lviv, 2004, pp. 313–350. (In Ukrainian)

7. Avakov P.A. (ed.). *Zhurnaly Krymskikh pokhodov rossiyskoy armii 1735–1738 gg.: Sbornik dokumentov* [The Journals of the Russian Army Crimean Campaigns in 1735–1738: Collection of Documents]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS Press, 2017. 484 p. (In Russian)

8. Kizilov M.B. "Kniga putestestviy" Evlii Chelebi kak istochnik svedeniy o byte krymskikh tatar XVII v. [Evliya Chelebi's "Travel book" as a source of information on the everyday life of Crimean Tatars in the 17th Century]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History, and Ethnography of Tauria], Iss. 3. Simferopol: Tauria, 1993, pp. 273–275. (In Russian)
9. Klimishin I.A. *Kalendar' i khronologiya* [Calendar and Chronology]. Moscow: "Science", 1985. 320 p. (In Russian)
10. Lashkov F.F. Arkhivnye dannye o beylikakh v Krymskom khanstve [Archival data on Beyliks in the Crimean Khanate]. *Trudy VI Arkheologicheskogo s"ezda v Odesse (1884)* [Proceedings of the VI Archaeological Congress in Odessa (1884)], Vol. 4. Odessa: A. Schulze's Printing House, 1889, pp. 96–110. (In Russian)
11. Lotman Yu.M. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. St. Petersburg: Art-St. Petersburg, 2002. 768 p. (In Russian)
12. Nekrasov A.M. K istorii Krymskogo khanstva i ego vzaimootnosheniy s Rossiei v XV–XVI vekakh [On the history of the Crimean Khanate and its relations with Russia in the 16th and 17th Centuries]. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Nal'chik: Publishing department of the Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research, 2015, pp. 157–159. (In Russian)
13. Peyssonel Ch. de. *Zapiska o Maloy Tatarii* [Memoire about the Little Tartaria]. Lotoshnikova V. Kh. (trans.). Dnepropetrovsk: Gerda, 2009. 80 p. (In Russian)
14. Pochekaev R.Ju. Evolyutsiya pravovogo statusa rossiyskogo diplomacheskogo predstavitel'stva v Krymskom khanstve (1750-e – nachalo 1780-kh gg.) [The evolution of the legal status of the Russian diplomatic mission in the Crimean Khanate (from the 1750s to early 1780s)]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2018, no. 2, pp. 70–86. (In Russian)
15. Seyit-Jyahya N.S. Voennye deystviya v Krymu v 1735–1736 godakh [Military operations in the Crimea in 1735–1736]. *Qasevet*. 2010, no. 37, pp. 74–83. (In Russian)
16. Sen' D.V. Rassprosnnye rechi kak istochnik po istorii kazach'ego naseleniya Krymskogo hanstva i informacionnogo prostranstva juzhnogo pogranich'ja [Questioning speeches as a source on the history of the Cossack population of the Crimean Khanate and the information space of the southern borderland]. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018, no. 2, pp. 7–14. DOI: 10.22162/2541-9749-2018-6-2-7-14. (In Russian)
17. Tunmann [J.] *Krymskoe hanstvo*. [The Crimean Khanate]. Simferopol: State Publishing of the Crimean ASSR, 1936. 104, [3] p. (In Russian)
18. Halim Giray-sultan. *Rozovyj kust hanov, ili Istoriya Kryma* [A Rose-bush of the Khans or the History of Crimea]. Simferopol: Ayan, Stilos, 2008. 192 p. (In Russian)
19. Shalak M.E. Krymskoe hanstvo i ego naselenie glazami inostrancev, posetivshih Moskovskoe carstvo v konce XVI – nachale XVII vv. [The Crimean Khanate and its people through the eyes of foreigners visiting the Moscow Tsardom at the late of the 16th and beginning of the 17th Century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser. "Istoricheskie nauki"* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Series "Historical Studies"], 2016, Vol. 2 (68), no. 4, pp. 133–139. (In Russian)
20. Bıyık Ö. *Kırım'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi (1600–1774)*. İstanbul: Ötüken, 2014. 300 s. (In Turkish)
21. Brătianu D.I. Les Observations de M. de Peyssonnel en 1774 sur l'exécution du traité de Koutchouk Kaïnardji. *Revue historique du Sud-Est européen*, [Vol.] 6, no. 10–12, 1929, pp. 339–363. (In French)
22. Tóth F. (ed.). *Correspondance consulaire de Crimée du baron de Tott (1767–1770)*. İstanbul: Les Éditions Isis, 2014. 266 p. (In French)
23. Desai D., Gökbilgin Ö. Le khanat de Crimée et les campagnes militaires de l'Empire ottoman: Fin du XVIIe – début du XVIIIe siècle, 1687–1736. *Cahiers du monde russe et soviétique*, Vol. 11, no. 1, 1970, pp. 110–117. (In French)

24. Góralski Zb. *Urzędy i godności w dawnej Polsce*. 2 wyd. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1998, 284 ss. (In Polish)
25. Hundert Zb. Strażnicy koronny i wojskowy w dobie Jana Sobieskiego (1667–1696): Kilka uwag o osobach odpowiedzialnych za organizowanie przemarszów armii koronnej. *Acta Universitatis Lodzensis: Folia Historica*. Łódź, 2017. [T.] 99, s. 149–170. (In Polish)
26. Ivanics M. Die Şirin: Abstammung und Aufstieg einer Sipe in der Stepe. *The Crimean Khanate between East and West (15th–18th Century)*. D. Klein (ed.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. S. 27–41. (In German)
27. İnalçık H. Kaplan Girây I. *The Encyclopedia of Islam: New edition*, Vol. 4. 3rd impression. Leiden: E.J. Brill, 1997, pp. 568–569.
28. [Junker G.F.W.] Tagebuch des russisch-kaiserlichen Generalfeldmarschalls B.Ch. Grafen von Münnich, über den Ersten Feldzug des in den Jahren 1735–1739 geführten Russisch-türkischen Krieges. Hermann E.A. *Beiträge zur Geschichte des russischen Reiches*. Leipzig: J.C. Hinrichsschen Buchhandlung, 1843. S. 117–244. (In German)
29. Köpeczi B. *A bujdosó Rákóczi*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1991. 573. old. (In Hungarian)
30. Mézin A. *Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792)*. Paris, Imprimerie nationale, 1997. 976 pp. (In French)
31. Peyssonel C.-Ch. de. *Observations critiques sur les Mémoires de M. le Baron de Tott, pour servir à l'Histoire des Turcs & des Tartares* / Par M. de Peyssonnel, Ancien Consul-Général à Smyrne, ci-devant Consul de Sa Majesté auprès du Khan des Tartares. Maestricht, Dufour & Roux, 1785. 133 pp. (In French)
32. Thaly K. Jávorka Ádám ezredes, s a gr. Forgách- és Rákóczi- levéltár: (Vázlat a Rákóczi-emigratio történetéből). *Századok: Magyar Történelmi Társulat közlönye*. 22. évf., 1888., 4. sz., 293–319. old.; 5. sz., 389–411. old.; 6. sz., 489–504. old.; 7. sz., 585–610. old. (In Hungarian)
33. Thaly K. Pótlékül Jávorka Ádám életrajzához. *Századok: Magyar Történelmi Társulat közlönye*. 22. évf., 1888., 8. sz., 768–769. old. (In Hungarian)
34. Tóth F. Magyar ügynökök a francia király szolgálatában Kelet-Európában az orosz-osztrák-török háború korában (1736–1739). *Századok: Magyar Történelmi Társulat folyóirata*, 145. évf., 2011., 5., sz., 1183–1214. old. (In Hungarian and French)
35. Toth F. de. *Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares: Maestricht, 1785*. Paris: H. Champion, 2004. 382 p. (In French)
36. Veinstein G. La révolte des mirza tatars contre le khan, 1724–1725. *Cahiers du monde russe et soviétique*, Vol. 12, no. 3, 1971, pp. 327–338. (In French)
37. Zachar J. *Idegen hadakban*. Budapest: Magvető, 1984. 496. old. (In Hungarian)

About the authors: Pyotr A. Avakov – Cand. Sci. (History), Senior Research Associate of the Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (41, Chekhov Ave., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-9051-5611. E-mail: pavakov@mail.ru

Yuri N. Bespyatykh – Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (7, Petrozavodskaya Str., St. Petersburg 197110, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4383-254X. E-mail: ybespyatykh@yandex.ru

*Received December 20, 2019 Accepted for publication February 4, 2020
Published March 29, 2020*

КРЫМ ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОГО АВАНТЮРИСТА УИЛЬЯМА ИТОНА

Н.И. Храпунов

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
khrapunovn@mail.ru*

Целью статьи стало изучение сведений о Крыме в малоизвестном источнике – сочинении британского авантюриста Уильяма Итона, побывавшего на полуострове в эпоху независимости Крымского ханства и пользовавшегося весьма любопытной информацией, полученной как из опыта, так и от своих крымских знакомых.

Материалом исследования был посвященный Крыму отрывок из трактата Итона «Обозрение Турецкой империи», опубликованного в 1798 г. в Лондоне, который прежде не анализировался отечественной историографией, а также отзывы на него в трудах британских интеллектуалов начала XIX в.

В результате исследования раскрыты аспекты биография Итона, свидетельствующие о его практических знаниях о разных регионах Османской империи и Крыма, а также реальном опыте в международной торговле, что должно было сказаться на его рассуждениях и оценках. Выявлен информационный потенциал этого источника, сообщившего массу информации о государственном устройстве Крымского ханства, его взаимоотношениях с Османской империей, социальной структуре и статусе отдельных групп населения, военном деле, населении и городах, экономике и принципах налогообложения, неудачных реформах последнего хана Шагин Гирея, сокращении населения в последние годы его правления и о присоединении Крыма к России. Предложенный Итоном проект по включению Крыма в систему международной торговли призван был нормализовать отношения Великобритании и России. Показано место размышлений Итона в контексте британской политики, англо-русских отношений, осмысления английскими интеллектуалами роли Османской империи и Крымского ханства в мировой истории. Продemonстрировано, что, подобно Итону, многие англичане понимали историческую обусловленность российской экспансии в Северное Причерноморье. Раскрыто сходство его взглядов с представлениями традиционных соперников англичан – французов.

Ключевые слова: Крым, Уильям Итон, записки путешественников, Крымское ханство, крымские татары, историческая имагология, Российская империя, международные отношения

Для цитирования: Храпунов Н.И. Крым глазами британского авантюриста Уильяма Итона // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 147–166. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.147-166

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

THE CRIMEA AS VIEWED BY BRITISH ADVENTURER WILLIAM ETON

N.I. Khrapunov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation
khrapunovn@mail.ru

Abstract: *Research objective:* This paper analyses the account of the Crimea supplied in a little-known source written by British adventurer, William Eton, who visited this peninsula in the period of an independent Crimean Khanate and used extremely interesting information taken from both his own experience and his Crimean friends.

Research materials: This paper addresses Eton's book, titled *A Survey of the Turkish Empire*, published in London in 1798, which was never used by Russian scholarship, and responses to it by early nineteenth-century British intellectuals.

Research novelty and results: This paper has discovered aspects of Eton's biography which reveal that he both received practical knowledge of various regions of the Ottoman Empire and obtained real experience in international trading to influence his reflections and opinions. It has uncovered the possible sources of the text in question, which supplied varied information on the government of the Crimean Khanate, its relations to the Ottoman Empire, social structures and statuses of different population groups, warfare and population, towns and settlements, economy and taxation, failed reforms by the last khan Shagin Girei, depopulation throughout the last years of the khanate, and its joining to Russia. Eton's aim behind the detailing of Crimea into international trade was an intention to normalize the relations between the Great Britain and Russia. This research has placed Eton's ideas into the context of British policy, English-Russian connections, and the British writers' perceptions of the place held by the Ottoman Empire and the Crimean Khanate in world history. It has been demonstrated that, similarly to Eton, many British recognised the historical conditionality of Russia's expansion into the northern Black Sea area. This research has shown the similarity of Eton's views with the perception of the French writers who were traditional rivals of the British.

Keywords: Crimea, William Eton, travelogues, Crimean khanate, Crimean Tatars, historical imagery, Russian empire, international relations

For citation: Khrapunov N.I. The Crimea as Viewed by British Adventurer William Eton. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 147–166. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.147-166

Acknowledgements: The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the academic project no. 18-09-00053 "The Crimea as Viewed by the English in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries".

Общеизвестно, что записки путешественников являются важнейшим источником сведений о Крыме в эпоху Средневековья и в Новое время. Их авторы, будучи внешними наблюдателями, заметили вещи, ускользавшие от внимания других документов. Помимо реконструкции фактических обстоятельств истории полуострова, травелог свидетельствуют о том, как в европейской культуре формировались представления о далеком регионе, которые впоследствии повлияли на политиков и бизнесменов, идеологов и писателей. Не мудрено, что за прошедшие полтора века изданы и переведены многие источники. Отрывки, рассказывающие о крымских татарах, собраны в заме-

чательной хрестоматии [21]. Тем не менее, целый ряд травелогов пока не введен в научный оборот. К их числу можно отнести сочинения англичанина Уильяма Итона¹. Хотя в формальном отношении это не путевые записки, а политико-экономические трактаты, автор подчеркивал, что опирался, прежде всего, на свой богатый опыт путешественника: *«поскольку я говорю о странах, в которых долго жил, и о событиях, многим из которых был свидетелем, надеюсь, что мои доводы будут иметь некоторый вес»* [36, р. iii].

Об авторе известно мало. Не случайно автор фундаментальных исследований об англичанах в Восточной Европе Э.-Г. Кросс ограничился констатацией, что Итон был «поднаторевшим в черноморских торговых делах купцом» [10, с. 380] и «коммерческим советником британского посольства в Петербурге» [9, с. 160], не включив его труды в библиографию английских путешествий по России [32]. Сочинения Итона изредка цитируют отечественные и зарубежные исследователи, не разбирая вопрос о личности автора и не подвергая его труды источниковедческому анализу [например: 16, с. 151; 49, р. 5–6]. Представляется, что эти известия заслуживают большего внимания. Настоящая статья призвана восполнить историографический пробел.

В 1798 г. Итон опубликовал трактат под названием «Обозрение Турецкой империи» [36], который должен был дать ее всестороннее описание, рассказать об административном устройстве, армии, экономике, подвластных народах и причинах упадка. Составной частью книги стал рассказ о крымских татарах, основу которого составили сведения о Крымском ханстве, к тому времени уже прекратившем свое существование, тогда как объем актуальной информации о Крыме существенно меньше. В течение четырех лет книга дважды переиздавалась, что свидетельствует о большом интересе английской публики. Впоследствии мысль о необходимости развивать британскую торговлю в Черном море была повторно изложена в книге меньшего объема [37].

Итон сообщил, что был британским консулом в Османской империи [36, р. iii], а затем несколько лет провел в России, где пользовался доверием всемогущего Григория Александровича Потемкина, и пять лет был секретарем британского посольства в Петербурге [36, р. iii–iv]. Из других источников известно, что перед тем он жил в Басре и был там голландским консулом [27, р. 160, п. 15; 39, р. 282]². Функцию представителя социально-экономических интересов Нидерландов мог исполнять подданный другого государства, постоянно проживавший в этом иракском городе. Итон пытался использовать свой опыт жизни на Востоке в интересах родины. Так, британское правительство привлекло его в качестве эксперта, когда обсуждался проект почтового сообщения через ближневосточные страны [39, р. 282–283]. Он едва ли не первым предложил британскому флоту захватить один из островов в Персидском заливе, превратив его в ключевой пункт для обеспечения стабильного сообщения с Индией [50, р. 654].

По словам самого Итона, в октябре 1777 г. он прибыл в Еникале, крепость, переданную России по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, завершившему войну с Османской империей 1768–1774 гг. [см.: 2], откуда собирался

¹ Упомянутые в этой статье английские фамилии приведены к современному написанию [см.: 13], хотя в историографии могут встречаться самые разнообразные варианты.

² В опубликованной по-русски статье Э.-Г. Кросса он назван датским консулом [9, с. 160], но это, надо думать, обычная ошибка переводчика, спутавшего «Dutch» («голландский», «нидерландский») и «Dane» («датский»).

отправиться в город «Bagshirai», то есть, вероятно, в столицу ханства – Бахчисарай. Однако начавшееся восстание против ставленника России хана Шагин-Гирея и расквартированных в Крыму русских войск [см.: 1, с. 209–236] нарушило планы англичанина. Лишь в декабре он смог погрузиться на корабль (ведь *«дорога по суше была небезопасна»*), направлявшийся в Каффу (совр. Феодосия). Однако шторм унес путешественников дальше к западу вдоль крымского побережья, причем они *«несколько раз высаживались на берег, чтобы набрать воды, но всякий раз нас прогоняли татары»*. Наконец, мореплаватели достигли рейда Кезлева (совр. Евпатория), но продолжавшаяся зимняя буря и угроза со стороны османских судов заставила их двигаться дальше к западу, до самого устья Дуная. Здесь Итон высадился на берег и по суше отправился в Россию [36, р. 322, 324, 325]. Рассказ о плавании, возможно, содержит некоторые преувеличения. Итон, в частности, утверждал, что однажды взял на себя управление кораблем в открытом море, то есть обладал знаниями и навыками навигатора [36, р. 325]. В другом отрывке путешественник упомянул, что бывал в окрестностях Бахчисарая – очевидно, в какой-то другой поездке [36, р. 331]. Итон утверждал, что при подготовке своего трактата пользовался сведениями заслуживающих доверия информаторов, в частности – некоего Сеид эффенди, визиря последнего хана Шагин-Гирея, с которым общался в 1781 г. [36, р. 306–307]. Быть может, это было его второе путешествие в Крым.

Некоторые известия об Итоне, причем не самые благоприятные, сохранились в английских архивах. Знаменитый инженер Самьюэль Бентам, поступивший на русскую службу, в 1780 г. отправился на юг в обществе Итона [27, р. 160]. Впрочем, он вскоре разочаровался в товарище по путешествию и предпочел расстаться с ним, добравшись только до Полтавы. В письмах Бентам упоминает, что Итон женился на театральной актрисе, которая подчинила его своей власти [44, р. 54–55]. Когда в 1803 г. началась очередная англо-французская война, Итон предложил организовать снабжение расквартированных в Средиземноморье английских войск хлебом и солониной, используя свои русские связи. Ему удалось получить должность суперинтенданта лазарета (начальника карантина) на Мальте, отбитой англичанами у французов, под предлогом того, что Потемкин (умерший в 1791 г.) поручил ему разведывательную миссию на острове в 1797 г. Передав эту должность третьему лицу, Итон занялся интригами против английского же губернатора острова Александра Болла. Поставленные им хлеб и горох были приняты флотом, а вот мясо никуда не годилось. Его солили и паковали в бочки в Феодосии, где Итон приобрел для этой цели памятник мусульманской архитектуры – общественные бани, которые, впрочем, к тому времени не использовались по назначению и значительно обветшали. В конце концов, проект Итона закончился полным провалом (1806 г.). Очевидно, его таланты прожектора значительно превосходили способности купца [41, р. 30–33; 17, с. 51; 40, р. 69, 194]. Феодосийские бани сначала перешли в собственность английского правительства, а в 30-х гг. XIX в. были снесены по указанию градоначальника Александра Ивановича Казначеева [35, р. 292–294].

Вероятно, Итона можно назвать авантюристом эпохи Просвещения в том смысле, который вкладывает в этот термин крупнейший исследователь данного феномена А.Ф. Строев [18, с. 7–31]. О влиянии его произведений на

английскую общественную мысль говорит хотя бы то, что имя Итона появилось в авторских примечаниях к «Паломничеству Чайльд-Гарольда». Байрон отметил, что европейские интеллектуалы по-разному оценивали происхождение современных греков и по-разному видели их политическое будущее. По его словам, Итон был среди тех филэллинов, которые ввели европейцев в заблуждение относительно высоких моральных достоинств греков и необходимости их освобождения от власти османов. Удивителен контраст с другими авторами, отказавшими грекам как в древнем происхождении, так и в моральных достоинствах или политической поддержке [29, р. 191–194].

Кажется, в путешествиях Итон овладел разговорным турецким языком. Во всяком случае, он пространно рассуждает о его особенностях и происхождении от «джагатайского диалекта гуннского, или татарского» языка. «Татарами» же в данном случае он называет все родственные племена, расселившиеся однажды *«от Японского моря до границ Польши»*, то есть, очевидно, тех, кого сегодня мы бы назвали тюрками [36, р. 201–208]. Впрочем, однажды англичанин упомянул, что, общаясь с турецким чиновником высокого ранга, брал с собой грека-переводчика [36, р. 326]. Если Итон действительно мог объясниться по-турецки, это выгодно отличало его от большинства путешественников европейцев, которым для общения с местными жителями приходилось привлекать непрофессионального переводчика, а то и двух сразу [например: 22, с. 665, 669–671]. Учитывая, что квалификация этих посредников почти всегда оставляла желать лучшего, нетрудно догадаться, что в результате подобных бесед создавались и тиражировались самые невероятные представления о регионе и его жителях. В другой раз Итон дал великолепный перевод части Артикула III Кучук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., определявшего независимость Крыма [36, р. 319–320; ср.: 2, с. 350–351]. Неясно только, переводил ли он сам, и если да – то с какого языка.

Нужно упомянуть о внешнеполитическом контексте, сделавшим книгу Итона столь значимым событием. Обострившиеся противоречия европейских держав накануне Наполеоновских войн и становившийся очевидным внутренний кризис Османской империи стимулировали обсуждение будущего переустройства Европы и Ближнего Востока. После того, как Кучук-Кайнарджийский договор открыл Черное море для русских торговых судов, интерес к получению аналогичных прав и развитию собственной торговли в регионе стали проявлять европейские державы. Как обычно, Великобритания в этом отношении конкурировала с Францией [40, р. 34–44]. Победы россиян в очередной турецкой войне 1787–1791 гг. породили в Западной Европе опасения, что Россия реализует планы по ликвидации европейских владений Османской империи и даже станет главным политическим игроком на всем Востоке. Потому, начиная войну с Россией (1788–1790 гг.), шведский король Густав III потребовал от Екатерины II, среди прочего, вернуть туркам Крым [3, с. 159]. В 1791 г. британский премьер-министр Уильям Питт-младший, выступая в Палате общин, угрожал Петербургу войной, если тот не вернет Крым османам. Ультиматум, впрочем, не был поддержан ни парламентариями, ни общественным мнением [40, р. 49, п. 108]. Большую роль сыграла позиция британского политика – лидера партии вигов Чарльза-Джеймса Фокса, выступившего против вмешательства в дела России. В качестве своеобразной благодарности Екатерина II даже заказала его мраморный бюст, который установила в Эрмитаже, а копию – в

Царском селе. Впрочем, когда выяснилось, что Фокс симпатизировал революции во Франции и сторонникам независимости Польши, бюсты велено было убрать. Эта история стала мишенью английских карикатур [15, с. 226; 10, с. 350–353]. Несомненно, нежеланию англичан идти на радикальные меры способствовал и значительный объем торговли с Россией в конце XVIII в., которая шла через прибалтийские порты и приносила существенный доход, а также критически важные зерно и материалы для судостроения [33, р. 17–25].

Тем не менее, идеи изменения статуса Крыма продолжили бытовать в сознании британцев. Знаменитый путешественник Эдвард-Даньел Кларк писал в 1800 г. из Еникале (в северной части совр. Керчи) своему другу Уильяму Оттеру: *«О, если бы турки и татары снова стали хозяевами этой земли!»* [45, р. 293]. Впоследствии на страницах книги путешествий он предложил европейским державам силой «вернуть» Крым османам [30, р. 268–270]. Однако «просвещенные европейцы» довольно поверхностно представляли себе регион, судьбой которого желали распоряжаться. Понимая это, Итон заметил, что его желание описать Крым, «самую прославленную землю» татарских орд, вызвано распространенными в Европе «ошибочными представлениями» о покорении Крыма Екатериной II, а также *«об этой стране в целом и о натуре их (татар – Н.Х.) прежнего государственного устройства, до сих пор столь мало известных»* [36, р. 304]. В книге Итона не раз встречаются имена французских дипломатов и авантюристов Шарля де Пейссоннеля и Франсуа де Тотта [о них: 42, р. 490–492, 568–571]. Первый был французским консулом в Крыму в 1753–1757 гг., второй – в 1767–1769 гг. Впоследствии они опубликовали несколько ставших очень популярными книг о Крымском ханстве и Османской империи. Итон полемизировал с де Тоттом и де Пейссоннелем, полагая, что те проглядели некоторые важные обстоятельства и пришли к ряду неточных выводов.

Подобно большинству путешественников, Итон называл «татарами» кочевников – *«большое число тех бродячих и некультурных племен, что населяют обширную страну, простирающуюся от северных границ Китая до пределов Венгрии»*. Но в отличие от большинства современников, он подчеркивал, что в названии их не нужна лишняя «р» – этот татары, а не тартары [36, р. 304]. Все дело в том шоковом впечатлении, которое произвело на европейцев нашествие монголов XIII в. В грозных завоевателях увидели предсказанных христианскими пророчествами предвестников конца света [20, с. 13, 39, прим. 16]. Потому европейцы прибавили букву «р» в название страны и ее жителей – *Тартария* («Tartaria»), *тартары* («Tartars»), подчеркнув их связь с Тартаром, то есть преисподней древнегреческих мифов. Это переосмысление этнонима и топонима оставалось актуальным и через полвека после Итона. Не случайно участник Крымской войны (1853–1856) Томас Милнер писал: *«Кажется, монахи и священники, пораженные сходством [слов] “татарин” и “Тартар” и разрушениями, которые произвели орды завоевателей – словно посланники из адских областей, придумали написание “тартарин”, до сих пор распространенное, но неправильное»* [43, р. 122].

Представления Итона об истории Крыма весьма смутны. Так, он знал, что некогда центром крымского улуса был Старый Крым, а Каффа была генуэзской колонией. Но путешественник решил, что однажды генуэзцы *«сделались столь влиятельными, что снимали или избирали ханов по собственному жела-*

нию». Затем турки изгнали генуэзцев, восстановив независимость ханов, но в конце концов стали сами их назначать [36, р. 305–306]. Это суждение удивительно, ведь современники Итона могли почерпнуть более реальные сведения о ранней истории Крыма, например, из сочинения французского «кабинетного» историка середины XVIII в. Жозефа Дегиня [34, р. 343–344, 375–389]. Нашлось место в записках Итона и для «пещерных городов» Крыма. Загадочные заброшенные постройки из искусственных пещер на горных вершинах заставляли и местных жителей, и приезжих путешественников давать волю фантазии. Очень популярным было представление о том, что пещеры эти были высечены в давние времена, когда Крым был покрыт морем, и лишь горные вершины поднимались над волнами, образуя несколько островов [23, с. 421–422]. Итон проявил редкую для своих современников несклонность к фантастическим объяснениям. Он предположил, что искусственные пещеры могли служить, в частности, убежищем для пастухов и их стад [36, р. 330–331].

Разбирая текст Итона, возникают проблемы с адекватным пониманием и передачей терминов. Так, подобно другим зарубежным авторам своей эпохи, Итон не делал различия между этносом («русские») и политической нацией (дворянство и чиновничество Российской империи разного этнического происхождения, «россияне»). И тех, и других он именовал «Russians». Проблема адекватного перевода этого термина в источниках XVIII–XIX вв. – сюжет для отдельного исследования. В этой статье он передается как «русские», следуя отечественной традиции перевода травелогов. Крымских татар же Итон именует «нацией» (nation), включая в эту группу всех подданных хана, а не только знать (беев и мурз) и чиновников. Нация делилась на сословия (пытаясь подобрать наиболее точный термин, он использовал слова «state» или «class», пояснив их через французское *état*) – беи, мурзы, свободные крестьяне и горожане. Очевидно, в его понимании нацию составляли все полноправные подданные, причем «тело нации» (the body of the nation) составляли свободные общинники-крестьяне, мнение которых учитывалось при выборе хана [36, р. 307–313]. Немусульманское население Итон частью крымской нации не считал, очевидно потому, что положение его было неполноправным, выражением чего была, в частности, обязанность платить подушную подать. Впрочем, по словам Итона, жизнь этой группы населения была куда лучше, чем у христиан и иудеев Турции [36, р. 318]. Эти терминологические упражнения могли отразить урок Французской революции, сделавшей представление о нации исключительно актуальным.

По словам Итона, турки присвоили себе право назначать крымских ханов из рода Гиреев. *«Хан сохранял свое владычество лишь по соизволению османского султана, так что ежегодно из Константинополя присылали капуджи-пашу с фирманом, подтверждающим его [власть] на следующий год»* [36, р. 305–308]. Иначе говоря, о независимости ханства речь на самом деле не шла. Основаниями для смещения неугодного хана могли быть жалобы влиятельных в Крыму людей, недовольство Портой поведением хана во время войны или задержки в поставках хлеба в Константинополь. Лишенных престола правителей не предавали смерти – единственным исключением, по мнению Итона, стал последний хан Шагин-Гирей. Они отправлялись в ссылку на окраину Османской империи или получали поместье недалеко от ее столицы, где жили с семьей и слугами [36, р. 308–309].

По словам Итона, Гирей «являются ближайшими наследниками османского престола» [36, р. 309]. Предание о том, что в случае пресечения османской династии их трон перейдет к правителям Крыма, не имело под собой реальных оснований, однако память о нем была жива среди крымских татар и в 20-х гг. XIX в. [26, с. 586–587]. Власть хана была тираничной, но не абсолютной. В обычных случаях он руководствуется нормами Корана. Его власть ограничивал совет, куда входили четыре бея – старшие мужчины из родов Ширин, Барин, Мансур и Сиджеут. Этих лиц Итон выделил в отдельное сословие, сравнив его с британским титулованным дворянством – лордами. Хан консультировался с ними по вопросам войны и мира, а также «по всем делам, касающимся нации в целом» и отношений с Константинополем и другими монархиями. Именно беям сообщал османский правитель о назначении хана, тем самым символически признавая их роль. Членов бейских родов хан не мог казнить смертью – решение об этом принимал султан [36, р. 309–311].

Итон подробно оценил бюджет правителя Крыма. По его подсчетам, доходы хана складывались из: 1) десятины с зерна, которое выращивали жившие за пределами Крымского полуострова ногаи; 2) прибыли от солевых озер (около 100 000 талеров в год); 3) экспортных и импортных пошлин (такая же сумма); 4) субсидий от османов в военное время, а также нерегулярных выплат на покупку оружия и «для поддержания у татар бодрого духа»; 5) ежегодных османских субсидий на содержание татарской администрации; 6) османских субсидий на ханскую гвардию (около 1600 человек). Общие доходы Шагин-Гирея в 1781 г. Итон оценил в 900 000 талеров, без учета денег, полученных от Порты [36, р. 317–319]. Любопытно, что денежные расчеты в трактате приведены в талерах («dollars»). Талер – принятая в германских государствах начала Нового времени крупная серебряная монета высокой пробы. Благодаря своему качеству талер австрийской императрицы Марии-Терезии (1740–1780) свободно обращался в Османской империи [12, с. 114]. Талеры Итон переводил в английские фунты стерлингов по курсу 8:1 [36, р. 318–319].

В случае пресечения рода Гиреев их власть перешла бы к Ширинам, которые к тому же нередко женились на дочерях Гиреев. Глава рода, бей, не имел права передавать по наследству или каким-либо образом отчуждать недвижимость, связанную с его титулом, – она переходила к тому, кто получал его должность. Зато деньгами и движимым имуществом он мог распоряжаться по своей воле. Беи ловили тех, кто совершал преступления в их владениях, но могли лишь выпороть злодея, ведь смертная казнь была прерогативой хана [36, р. 311].

Отдельным сословием Итон считал мурз – земельных собственников, положение которых он сравнил с нетитульным дворянством своей родины. В отличие от беев, власть и земли мурзы после смерти переходили к его старшему сыну, а не старшему в роду мужчине. В своих владениях мурзы имели те же судебные права, что и беи. Но «мурзами» именовали и мужчин из бейских родов. Хан мог предавать мурзу смерти, но обычно привлекал в таких случаях к суду представителей крымской знати [36, р. 311–312]. Беи и мурзы получали подушную подать, которую платили жившие в ханстве христиане и иудеи [36, р. 318].

Большая часть земли в ханстве принадлежала беям и мурзам. Сам хан владел лишь небольшим участком близ Бахчисарая [36, р. 310]. Татарские

крестьяне были лично свободными. Своей землей они могли распоряжаться по собственной воле. Землей того, кто умер, не оставив наследника, распоряжались согласно предписаниям Корана. Бею или мурзе, управлявшему округом, где находились владения крестьянина, полагалась десятина урожая или скота (если земля использовалась как пастбище). Участок можно было взять в аренду у другого владельца, заплатив пятую часть урожая или скота [36, р. 313]. Особой обязанностью крестьян было участие в отрядах, которые обязаны были собирать для хана беи и мурзы в количестве, зависящем от численности населения в своем округе. Оружие, снаряжение и провизию нужно было покупать самим или надеяться на щедрость бея или мурзы. Перейдя границу ханства, войско *«кормилось грабежом, вне зависимости от того, принадлежала ли эта страна дружественной или враждебной державе»*. Большую часть трофеев татары оставляли себе, выделив по доле хану и своему бею или мурзе [36, р. 313–314].

Существовало и особое сословие городских жителей, которые не должны были выплачивать беям и мурзам десятину за землю, где стояли их дома и находились сады и поля, поскольку, как считалась, она принадлежала городам. Они не подлежали призыву на войну, если только сами не хотели вступить в войско ради грабежа [36, р. 314].

По словам путешественника, татарский способ ведения войны был полностью противоположен европейским обычаям. Сражение представляло собой хаотичные нападения и отступления отдельных отрядов, без всякого деления на разные роды войск; *«но эта беспорядочная борьба давала волю страстям каждого индивидуума, личная ярость усиливала дикий ужас этой сцены, и врага никогда не щадили, если только он не был изранен и потому представлял ценность в качестве раба»* [36, р. 331–332]. Иначе говоря, татары представлены в виде архетипичных кочевников, а описание их военного дела следует традиции, начало которой положили еще античные авторы применительно к причерноморским конным варварам. Это не удивительно, ведь Итон считал татар потомками гуннов [36, р. 202].

Итон перечислил основных должностных лиц в ханстве. В Акмечети (совр. Симферополь) была резиденция калги-султана, также происходившего из Гиреев. Он имел право распоряжаться жизнью и смертью в своем округе и собственную администрацию. Однако представление о том, что калгой становился старший сын правящего хана, по словам путешественника, неверно. Из Гиреев происходил нуреддин-султан. Его полномочия Итон описывает противоречиво: эта *«должность, кажется, была чем-то вроде временного помощника хана»*. Живший в Перекопе ор-бей мог происходить из клана Ширинов, а функции его напоминали функции калги. Похожими были и полномочия аккерманский сераскира; он был также наместником над ногаями до того, как те переселились на Кубань. Наконец, кубанскому сераскиру, представлявшему семейство Гиреев, подчинялись не только ногаи, но и сераскиры отдельных племен кубанских татар [36, р. 315–316].

Духовно-судебные органы ханства Итон описал следующим образом. Хан назначал муфтия и кадиаскера, причем в отличие от Османской империи, в Крыму не было улемов, ограничивавших ханскую власть. Двадцать четыре кадия (не считая кадиев Кубани) возглавляли округа, которые включали по несколько деревень или стойбищ. По мнению Итона, изначально система

управления в Крыму была феодальной, но после принятия ислама ее адаптировали под нормы Корана. Религиозным главой, или халифом, крымские татары считали османского султана. Однако у них существовали свои пищевые традиции – постановления османских муфтиев о мусульманской трапезе не касались Крыма, жители которого любили конину, запретную для других мусульман [36, р. 316–317]. Возможно, именно поэтому он заметил в другом месте, что турки называли татар «пожирателями падали» [36, р. 199]. С другой стороны, это свидетельствует об определенной независимости в религиозных вопросах и некоторой гибкости исламских норм.

Наконец, существовал особый класс придворных чиновников, которые назывались капу-халки, то есть «люди у ворот», поскольку *«в древности правосудие вершил сидевший у его (хана – Н.Х.) ворот судья; они включали визиря, казнадар-баши, дефтердара, ахтаджи-бея, капиджи-баши и пр. На эти должности хан назначал кого хотел из числа мурз или их сыновей, купцов, турок и пр.»* [36, р. 314]. Функции этих лиц Итон не раскрыл.

Англичанин считал, что крымских татар обучали в лучшем случае чтению и письму, но не наукам, а потому их смышленость – результат не образования, но природных талантов и жизненного опыта. *«Как у большинства варваров, их собственная страна кажется им одновременно образцом совершенства и границей познания, и даже главные государственные служащие не знают географии или взаимного расположения всех остальных стран»* [36, р. 331]. Как тут не вспомнить знаменитую англичанку Элизабет Крейвен, которая, познакомившись в 1786 г. в Крыму со знатным татаринном, с иронией отметила: *«Каймакан – первый министр хана. Он совершенно ничего не смыслит в географии собственной страны и говорит, что Англия и Петербург – одно и то же»* [31, р. 179].

Итон рассказал читателям о правлении последнего крымского хана. В отличие от своих предшественников, благодаря Кучук-Кайнарджийскому трактату Шагин-Гирей не был ставленником османов, но *«был избран ханом беями и мурзами с одобрения народа»* [36, р. 321]. Впрочем, его популярность оказалась недолгой. Новый хан хотел «цивилизовать» своих подданных, но его реформы показались чересчур радикальными привыкшим к старине татарам. Шагин-Гирей применил новый способ комплектования войска, которое, включая офицеров-мурз, теперь получало плату. Зато мурзы лишились земельной ренты, которую платили им крестьяне. Ее размер был уменьшен, а деньги стали идти в ханскую казну. Была начата чеканка новой монеты, что потребовало больших затрат. Постоянный дефицит бюджета заставил хана передавать различные доходы на откуп, причем откупщики собирали деньги с народа с невиданной прежде жестокостью [36, р. 321–322]. Недовольные тем, что Шагин-Гирей предпочел держаться нейтралитета в борьбе между Москвой и Константинополем, турки подбивали его подданных к бунту. Неспособный подавить повторяющиеся мятежи своими силами, он был вынужден обращаться за военной помощью к России. В конце концов, Екатерина II, *«устав от вызываемых ими постоянных тревог и решив более не подвергать своих подданных риску набегов, причиной чего были эти варвары, захватила Крым и Кубань»* [36, р. 322–323]. Итон положительно оценил это событие, поскольку теперь «татарские орды» перестали быть угрозой для Восточной и Центральной Европы. Ее

жители могли больше не бояться того, что их уведут в рабство, а имущество разграбят или сожгут: *«эти орды ныне или рассеяны среди своих братьев-дикарей в Азии, или цивилизованы своими завоевателями»* [36, р. 333].

В другой раз он использовал подобный аргумент, рассказывая о российской политике в Молдавии. Притеснения местного населения со стороны османов и периодические жестокие набеги крымских татар были невыносимы для местных жителей и могли вызвать у прогрессивного человека лишь отвращение и сожаление. Действия же России во время оккупации княжества в войну 1768–1774 гг. оказалось исключительно мягкими и терпимыми [36, р. 301–303]. *«Власть татар целиком была оскорблением человечества и унижением людской натуры не меньшим, чем [власть] османских султанов. Следовало ли ожидать, что подобная России держава будет терпеть удары от орды дикарей, если она могла отплатить за обиды? если она по праву не господина, но христианина и друга человечности могла защитить своих слабых соседей, которым неоткуда было больше искать защиты, разграбление и обезлюдение которых усиливала врага и ее, и их самих? У нее было священное [на то] право, и нечестивыми будут уста, пытающиеся ее обвинить»* [36, р. 303–304]. Как видим, Итон апеллировал к ценностям, которые считал общими для «цивилизованного» мира.

Англичанин сказал несколько слов о выселении христиан из Крыма в Приазовье в 1778 г. По его сведениям, всего было выведено 75 000 человек. Однако в первую зиму большая часть их погибла от холода, поскольку не успели построить себе домов. Выжило лишь семь тысяч человек [36, р. 327–328]. Итона не удивило и то, что после присоединения к России многие татары предпочли уехать в Турцию. Другие путешественники, англичане и французы, считали причиной эмиграции насилие и несправедливости, которые творили русские власти и солдаты [30, р. 124–126, 172–180; 47, р. 66, 84, 87–88]. Итон же проныцательно увидел культурные противоречия между жителями страны и ее новыми хозяевами: *«Помимо религиозных предрассудков этих людей, их беспокойные и буйные нравы сделали их мало приспособленными к трудолюбию и цивилизованности, которые она (Екатерина II – Н.Х.) попыталась ввести в своих вновь приобретенных владениях. Те, кто предпочел покинуть эту страну, должны были продать свои земли и другое имущество, которое находилось под защитой русских. Она не поступила с ними так, как всегда поступали турки и татары с жителями завоеванных стран – те, кто решил остаться, сохранили в неприкосновенности свое имущество и свою веру, пользуясь той же защитой и теми же привилегиями, что и христиане в русском подданстве»* [36, р. 332–333]. Между прочим, точно также осмыслил причины крымско-татарской эмиграции и француз Жан де Рёйи, изучавший полуостров в 1803 г. по заданию своего правительства [46, р. 176–178]. Всего, по оценке путешественника, из Крыма выехало две трети мусульманского населения, так что на полуострове осталось 100 тысяч человек. Правда, он привел фантастическую цифру оставшихся жителей Кубани – 600 тысяч [36, р. 319].

Итак, Итон выразил сформировавшееся в Европе мнение о турках и татарах как экзистенциальных врагах, и одновременно – той противоположности, которая позволяла лучше осознать черты своей собственной культуры [см.: 11, с. 83–89; 6, с. 235–264]. Не удивительно, что эти суждения очень напомнили образ, сложившийся в русской культуре и общественной мысли [см.: 19; 12], а его ри-

торика – официальную идеологию России, выраженную, например, в манифесте Екатерины II о начале второй войны с османами [14, с. 883–888, № 16567].

В традициях эпохи Просвещения, Итон считал торговлю двигателем прогресса. Потому османское завоевание Крыма в конце XV в. он считал катастрофой для Крыма, отметив, что крымские порты в османскую эпоху *«постепенно утратили прежний блеск и величие, о которых теперь свидетельствуют лишь развалины»*. Он положительно оценивал присоединение Крыма к России, ведь Екатерина II сразу же *«задумала вернуть торговлю и промышленность в место, столь для них удобное; она немедленно и с большими затратами создала новые заведения для этой цели»*. Ее либеральное и просвещенное правление должно было не просто возродить торговлю, но и цивилизовать «варварскую дикость» и сделать обращенный в пустыню Крым снова изобильным и производительным [36, р. 306]. Удивительно, но подобные рассуждения нельзя назвать совсем оригинальными.

Еще в 1769 г. известный авантюрист граф Сигизмунд фон Редерн (ок. 1715–1789) представил Екатерине II проект присоединения Крыма к России. Это должно было стать этапом для реализации его грандиозного замысла – компании для торговли с Индией и Китаем. Фон Редерн вдохновлялся примером Британской Ост-Индской компании, ставшей мощнейшим инструментом британского колониализма. Задуманная им структура должна была получить ряд государственных функций (юридический иммунитет, право вести войну, армию и флот). Однако императрица проект отвергла, очевидно, по причине его утопичности [18, с. 222–224]. Британский путешественник Реджинальд Поул-Кару (1753–1835), впоследствии ставший известным политиком, побывавший в Крыму в 1781 г., писал Потемкину о том, что присоединение к России было бы благом для Крыма [10, с. 380]. Горячим сторонником расширения англо-русской торговли был Энтони Браф – автор соответствующего трактата, изданного в 1789 г. с посвящением принцу Уэльскому (будущему королю Георгу IV). О Крыме автор не упомянул, но зато сказал об историческом опыте торговли с Россией и ее выгоде для Англии. Браф пытался преодолеть кризис в отношениях с Россией, возникший из-за войны за независимость североамериканских колоний от Лондона и спровоцированной ею политикой «вооруженного нейтралитета» Екатерины II. По его мнению, торговля была выгодна всем: британцам она приносила прибыль, а русским – блага цивилизации. *«В анналах истории нет [другой] нации, столь быстро поднявшейся из тьмы и варварства к высотам величия и цивилизации, как сделали русские в течение нашего века. Есть много причин этих быстрых и замечательных перемен – но осмелюсь утверждать, что важнейшей были контакты с Великобританией»* [28, р. 44].

О том, что Крым можно сделать звеном в международной торговле, связывающей западноевропейские державы и их заморские колонии с Россией, а затем, через Волгу и Дон, с Индией и Китаем, писали и другие Западные авторы, в частности – «русский шотландец» Маттью Гатри, много лет служивший врачом в Петербурге и издавший описание Крыма в 1802 г. под именем своей покойной жены. Близкие идеи высказывали представители державы, традиционно соперничавшей с Великобританией во всех начинаниях. Суждения сторонника «Старого порядка» во Франции Шарля де Бара, побывавшего в Крыму в 1784 г.,

напоминают проекты Итона, Гатри, а также секретного агента Наполеона Жана Рёйи, изучавшего юг России в 1803 г. Все эти авторы, по сути дела, предлагали планы нормализации отношений между Россией и Западной Европой, где важнейшая роль отводилась взаимовыгодной торговле через Крым. Характерно, что, предпринятые Россией меры для оживления черноморской торговли напоминали то, о чем писали европейцы. Однако нестабильная ситуация в Европе в целом и Средиземноморье в частности, вызванная Наполеоновскими войнами начала XIX в., не позволила их реализовать [см.: 25]. Как уже говорилось, основная торговля России с Англией продолжала идти через Балтику.

Итон выступил горячим сторонником заключения англо-русского союза, полагая, что взаимные интересы сторон важнее накопившихся противоречий, а общим врагом держав является Франция, так что интересами Османской империи можно пожертвовать [36, р. 391–462]. Неудивительно, что его книга вызвала критику. В 1807 г. было опубликовано сочинение английского коммерсанта Томаса Торнтона (1762–1814), который, по его словам, 14 лет прожил в Константинополе и 15 месяцев – в Одессе, а потому накопил достаточный опыт для изложения альтернативного взгляда на Османскую империю [48, р. iv]. Впрочем, язвительный Байрон по этому поводу заметил: *«Г-н Торнтон вбил себе в голову, что может рассчитывать на доверие публики, раз уж прожил в Пере четырнадцать лет; вероятно, он может рассчитывать на него, когда говорит о турках, но это способно дать ему такое же представление о настоящем положении Греции и ее жителей, как столько же проведенных в Уоппинге лет – о Горной Шотландии»* [29, р. 194]. Убийственная ирония Байрона была понятна его соотечественникам. Уоппинг – это один из районов Лондона, а высокогорная северо-западная часть Шотландии находится на противоположном конце Великобритании. Лондон, естественно, считали центром английской жизни, прогресса и культуры, тогда как шотландские горцы пользовались репутацией полной противоположности англичанам: они отличались суровой простотой нравов и долго боролись за свою независимость. Итак, по мнению поэта, в Пере, то есть районе Константинополя (Стамбула) на северном берегу бухты Золотой рог, можно было собирать сведения о греках с тем же успехом, что в Лондоне – о шотландских горцах.

Торнтон можно назвать османofileм, который подверг жесткой критике не только Итона, но и Россию за планы по изгнанию турок из Европы [48, р. 81–88]. Между прочим, о Крыме он не рассказал почти ничего, если не считать истории о работорговле в Каффе, взятой из сочинения немецкого купца Николауса-Эрнста Клеемана, побывавшего там в 1769 г. [48, р. 376–377; ср.: 7, с. 141–143]. Итон вынужден был оправдываться, и в том же году опубликовал новую книгу, призванную доказать неправоту Торнтонa. В этот раз проблему Крыма он обошел стороной [38]. Как отметил все тот же Байрон, сочинения Итона и Торнтонa *«стоило бы издать вместе и сравнить»*, ведь *«на одной стороне – парадокс, на другой – предрассудок»* [29, р. 194]. Впрочем, он считал, что обоим авторам свойственны заблуждения.

Идеи Итона привлекли внимание не только на родине путешественника, но и в России, где издали перевод отрывков из его трактата 1807 г. Эти публикации появились после победы над Наполеоном и во время Венского конгресса, когда европейские державы решали вопрос о послевоенном устройстве мира. Очевидно, издатели оценили лестную оценку русских, которых Итон

включил в число «цивилизованных наций», а также его призывы освободит греков от османской власти совместными усилиями России и Англии [4; 5].

Как уже говорилось, в 1803 г. Итон не смог реализовать свой проект по снабжению британской армии и флота крымскими продуктами. Качество пшеничных сухарей и вареного гороха заказчики сочли приемлемым, а вот соловина дурно пахла, так что ее вместе со свиным салом и бычьими языками, купленными Итоном не по условиям контракта, а по собственной воле, было решено продать с аукциона. На следующий год его контракт с флотом был прекращен. К тому же британское правительство отказалось оплачивать покупку феодосийских бань, приобретенных Итоном под склад для товаров [41, р. 31–32]. Оставим в стороне вопрос о том, как он умудрился запастись свининой и салом именно в Крыму. В конце концов, их могли доставлять с материка в Феодосию лишь для упаковки и погрузки, к тому же известно, что служащими Итона были переселенцы с Запада. Тем более какие-то операции он действительно вел в Херсоне или Одессе – однако зачем было добавлять в цепочку еще и Феодосию? Быть может, крах этого проекта объяснялся не только не самыми блестящими способностями Итона-торговца, как иногда полагают [41, р. 32–33]. Утопичные проекты хозяйственного развития Крыма, создания здесь новых предприятий и введения новых технологий оказались важным фактором первых российских десятилетий в жизни полуострова. Богатая природа южной части полуострова, казавшееся выгодным географическое положение Крыма и активная «рекламная компания» российских властей ввела в заблуждения и российских, и зарубежных помещиков и предпринимателей [8]. Характерен пример известного британского агронома Артура Янга-младшего, который решил организовать в Крыму образцовое поместье по последнему слову английской науки и техники, подговорил переселиться в Таврику своих соотечественников-колонистов, но недооценил реальные жизненные обстоятельства, такие как отсутствие рабочих рук, портовой инфраструктуры и дорог, а потому его проект потерпел крах [24, с. 266–269].

Следы Итона затерялись после 1806 г. И, хотя его экономические и политические прожекты не были реализованы или потерпели неудачу, благодаря англичанину в нашем распоряжении имеется уникальное описание Крымского ханства в последние годы его существования. Думается, что «крымский отрывок» из трактата Итона можно поставить в ряд таких важнейших «внешних» описаний полуострова и его жителей в XVIII в., как записки де Пейссоннеля или Обри де ля Мотре. И, конечно, стоит задуматься о переводе его на русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев С.И. «...Кафир весьма крутого нрава»: А.В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб.: Государственный мемориальный музей А.В. Суворова, 2015. 552 с.
2. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 366 с.
3. [Екатерина II] Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 3. Вып. X. С. 135–240.

4. [Итон У.] О характере русских / пер. с англ. Сп. Д[е]ст[у]н[ис] // Сын Отечества. 1814. № XIV. С. 41–51; № XV. С. 103–108.
5. [Итон У.] О характере и положении нынешних греков / пер. с англ. С[п]. Д[е]стунис // Сын Отечества. 1815. № IV. С. 140–150; № VII. С. 17–25.
6. Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. 2-е изд. / пер. с ит. Е. Смагина, А. Карлова, А. Митрофанов. СПб.: Alexandria, 2016. 326 с.
7. [Клееман Н.–Э.] Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым... / пер. с нем. И. Одинцов. СПб.: Государственная военная коллегия, 1783. 250 с.
8. Конкин Д.В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная и торговая практика в Крыму в первые десятилетия после присоединения к Российской империи // Боспорские исследования. 2018. № 37. С. 166–186.
9. Кросс А.Г. «Замечания» сэра Джона Синклера о России / пер. с англ. Н.И. Серман // XVIII век. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л.: Наука, 1975. С. 160–168.
10. Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Н.Г. Беспярых, Ю.Н. Беспярых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 526 с.
11. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В.Б. Литвинов, И.А. Пильщиков. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
12. Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760–1840-е / сост. О.А. Соснина, А.М. Валькович. М.: Кучково поле, 2017. 256 с.
13. Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий. Около 22700 фамилий. М.: Русский язык, 1986. 576 с.
14. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXII: 1784–1788. [СПб.]: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 1168 с.
15. С берегов Темзы – на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже / ред. Б. Аллен, Л. Дукельская. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1997. 323 с.
16. Сироткин В.Г. Рец. на книгу: А.М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807 гг.) // Вопросы истории. 1963. № 10. С. 149–151.
17. Стевен А.Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1891. № 13. С. 33–54.
18. Строев А. «Те, кто поправляет Фортуна». Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 400 с.
19. Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 320 с.
20. Филюшкин А. Как Россия стала для Европы Азией? // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–48.
21. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильского населения Крыма. Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане / ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь: Таврия-Плюс, 2014. 768 с.
22. Храпунов Н.И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2009. Вып. XV. С. 656–681.
23. Храпунов Н.И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследования и иллюзии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Вып. XXII. С. 412–433.

24. Храпунов Н.И. О деятельности протестантских миссионеров в Крыму в первой четверти XIX в. // История и археология Крыма. 2017. Вып. 6. С. 264–277.
25. Храпунов Н.И. Переосмысление Шелкового пути после присоединения Крыма к России // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути. Материалы II Международной научно-богословской конференции «Духовный Шелковый путь. Созидание. Интеграция». Казань: Исламская книга, 2018. С. 103–113.
26. Храпунов Н.И. Известия о Крыме и о Крымском Ханстве, собранные Уильямом Туком в 1785 г. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 579–595. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.579-595
27. Anderson M.S. Samuel Bentham in Russia, 1779–1791 // The American Slavic and East European Review. 1956. Vol. 15. No. 2. P. 157–172.
28. Brough A.A View of the Importance of the Trade between Great Britain and Russia. London: G.G. J. and J. Robinson, 1789. 51 p.
29. [Byron G.G.] The Works of Lord Byron. A New, Revised and Enlarged Edition. Vol. II: Poetry / ed. E.H. Coleridge. London: John Murray; New York: Charles Scribner's Sons, 1899. 525 p.
30. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. 524 p.
31. [Craven E.] A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters... London: G.G. J. and J. Robinson, 1789. 327 p.
32. Cross A. In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge (UK): Open Book Publishers, 2014. 419 p.
33. Davey J. The Transformation of British Naval Strategy: Seapower and Supply in Northern Europe, 1808–1812. Woodbridge: Boydell Press, 2012. 237 p.
34. Deguignes [J.] Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs el des autres Tartares occidentaux... T. 3. Paris: Desaint & Saillant, 1757. 542 p.
35. Dubois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée... Vol. V. Paris: Librairie de Gide, 1843. 464 p.
36. Eton W. A Survey of the Turkish Empire... London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. 516 p.
37. Eton W. A Concise Account of the Commerce and Navigation of the Black Sea. London: T. Cadell and W. Davies, 1805. 53 p.
38. Eton W. A Letter to the Right Honourable the Earl of D***, on the Political Relations of Russia, in Regard to Turkey, Greece, and France... London: T. Cadell and W. Davies, 1807. 135 p.
39. Ingram E. From Trade to Empire in the near East – III: The Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804 // Middle Eastern Studies. 1978. Vol. 14. No. 3. P. 278–306.
40. Kapetanakis P. New Approaches of British and Ionian Presence in Ports and Grain-Markets of the Russian Black Sea and the Danube (Mid-18th – Mid-19th Century). Athens: General Secretariat for Research and Technology, 2015. 212 p.
41. Macdonald J. From Boiled Beef to Chicken Tikka: 500 Years of Feeding the British Army. London: Frontline Books, 2014. 246 p.
42. Mézin A. Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792). [Paris]: Ministère des affaires étrangères. Direction des archives et de la documentation, [1998]. 980 p.
43. Milner Th. The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars... London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. 368 p.
44. Morriss R. Science, Utility and Maritime Power: Samuel Bentham in Russia, 1779–91. London; New York: Routledge, 2015. 273 p.

45. Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge. New York: J. & J. Harper, 1827. 528 p.
46. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803... Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.
47. Romme Ch.-G. Voyage en Crimée en 1786 / présenté par M. Deschanet et G. Bekirova. Paris: L'Harmattan, 2016. 150 p.
48. Thornton Th. The Present State of Turkey... London: Joseph Mawman, 1807. 436 p.
49. Williams B.G. The Sultan's Raiders: The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire. Washington (DC): The Jamestown Foundation, 2013. 53 p.
50. Yapp M.A. British Perceptions of the Russian Threat to India // Modern Asian Studies. 1987. Vol. 21. No. 4. P. 647–665.

Сведения об авторе: Никита Игоревич Храпунов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (295007, пр. Вернадского, 4, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6141-9487, ResearcherID: Q-8101-2017. Email: khrapunovn@mail.ru

Поступила 26.12.2019 Принята к публикации 19.02.2020

Опубликована 29.03.2020

REFERENCES

1. Grigor'ev S. I. «...Kafir ves'ma krutogo nra»: A. V. Suvorov i Krymskoe khanstvo (1771–1779) [“...A Kafir of Great Temper”: A.V. Suvorov and the Crimean Khanate (1771–1779)]. St. Petersburg: A.V. Suvorov State Memorial Museum, 2015. 552 p. (In Russian)
2. Druzhinina E.I. *Kiuchiuk-Kainardzhiiskii mir 1774 goda (ego podgotovka i zakliuchenie)* [The 1774 Peace of Kuchuk-Kainardzha: Its Preparation and Conclusion]. Moscow: Academy of Sciences of USSR, 1955. 366 p. (In Russian)
3. Pis'ma Ekateriny Vtoroi k baronu Grimm [Catherine II's correspondence to baron Grimm]. *Russkii arkhiv* [Russian Archive], Vol. 3, no. 10, 1878, pp. 135–240. (In Russian)
4. [Eton W.] O kharaktere russkikh [On the character of the Russians]. *Syn Otechestva* [Son of Fatherland], no. 14, 1814, pp. 41–51; no. 15, pp. 103–108. (In Russian)
5. [Eton W.] O kharaktere i polozhenii nyneshnikh grekov [On the character and situation of modern Greeks]. *Syn Otechestva* [Son of Fatherland], no. 4, 1815, pp. 140–150; no. 7, pp. 17–25. (In Russian)
6. Cardini F. *Evropa i islam. Istoriia neponimaniia* [Europe and Islam: A History of Misunderstanding]. St. Petersburg: Alexandria, 2016. 326 p. (In Russian)
7. *Kleemanovo puteshestvie iz Veny v Belgrad i Novuiu Kiliu, takozh v zemli budzhatskikh i nagaitskikh tatar i vo ves' Krym...* [Kleeman's Travel from Vienna to Belgrade and Novaia Kiliia, and Also to the Lands of Budzhak and Nogay Tatars and to the All Crimea...]. St. Petersburg: State Military College, 1783. 250 p. (In Russian)
8. Konkin D. V. «Ekonomika i zhizn': khoziaistvennaia i torgovaia praktika v Krymu v pervye desiatiletii posle prisoedineniia k Rossiiskoi imperii» [“Economy and life”: economical and trade policies towards the Crimea after its reunification with the Russian empire]. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporan Studies], no. 37, 2018, pp. 166–186. (In Russian)

9. Cross A.G. «Zamechaniia» sera Dzhona Sinklera o Rossii [John Sinclair's "Notes" on Russia]. *XVIII vek* [The 18th century], Vol. 10. Leningrad: Science, 1975, pp. 160–168. (In Russian)
10. Cross A.G. *Britantsy v Peterburge. XVIII vek* [The British in Petersburg: The eighteenth century]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2005. 528 p. (in Russian)
11. Neumann I.B. *Ispol'zovanie «Drugogo»: obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichnostey* [Uses of the Other: The East in European Identity Formation]. Moscow: New Publisher, 2004. 335 p. (In Russian)
12. *Orientalizm. Turetskii stil' v Rossii. 1760–1840-e* [Orientalism: Turkish Style in Russia, the 1760–1840s]. Moscow: Kuchkovo field, 2017. 256 p. (In Russian)
13. Rybakin A.I. *Slovar' angliiskikh familii. Okolo 22700 familii* [A Dictionary of English Family Names: ca. 22,700 Family Names]. Moscow: Russian language, 1986. 576 p. (In Russian)
14. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 goda* [Complete Collection of Legislation in the Russian Empire, from 1649 on], Vol. 22. St. Petersburg: Printing house of the Second Department of the Office of His Imperial Majesty, 1830. 1168 p. (In Russian)
15. *S beregov Temzy – na berega Nevyy. Shedevry iz sobraniia britanskogo iskusstva v Ermitazhe* [From the Banks of the Thames to the Banks of the Neva: Masterpieces from the British Art Collection in the State Hermitage Museum]. St. Petersburg: State Hermitage Museum, 1997. 323 p. (In Russian)
16. Sirotkin V.G. Rets. na knigu: A.M. Stanislavskaya. *Russko-angliiskie otnosheniia i problemy Sredizemnomor'ia (1798–1807 gg.)* [Review of: A.M. Stanislavskaya. Russian-English relations and the Mediterranean problems, 1798–1807]. *Voprosy istorii* [Questions of History], no. 10, 1963, pp. 149–151. (In Russian)
17. Steven A.Kh. Dela arkhiva Tavricheskogo gubernskogo pravleniia, otnosiaschiesia do razyskaniia, opisaniia i sokhraneniia pamiatnikov stariny v predelakh Tavricheskoi gubernii [Files in the archive of the Taurida governorate administration related to the search, descriptions, and protection of ancient monuments in the Taurida governorate]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Scholarly Archival Commission], no. 13, 1891, pp. 33–54. (In Russian)
18. Stroev A. «Te, kto popravliaet Fortunu». *Avantiuristy Prosveshcheniia* [“The Correctors of Fortune”: Adventurers of the Enlightenment]. Moscow: New literary review, 1998. 400 p. (In Russian)
19. Taki V. *Tsar' i sultan. Osmanskaia imperiia glazami rossiian* [Czar and Sultan: Ottoman Empire as Viewed by the Russian]. Moscow: New literary review, 2017. 320 p. (In Russian)
20. Filiushkin A. Kak Rossiia stala dlia Evropy Aziei? [How did Russia become “Asia” for Europe?]. *Izobretenie imperii: iazyki i praktiki* [Inventing Empire: Languages and Practices]. Moscow: New Publisher, 2011, pp. 10–48. (In Russian)
21. *Khrestomatiia po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture starozhil'cheskogo naseleniia Kryma* [Textbook on the Ethnic History and Traditional Culture of the Old-residing Population of the Crimea], Vol. 1. Simferopol: Tauria-Plus, 2014. 768 p. (In Russian)
22. Khrapunov N.I. Puteshestvie po Krymu Stivena Grelleta [Stephen Grellet's travel through the Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History, and Ethnography of Tauria], no. 15. 2009, pp. 656–681. (In Russian)
23. Khrapunov N.I. Mangupskoe gorodishche v trudakh puteshestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX v.: issledovaniia i illiuzii [Ancient city of Mangup through the late eighteenth and early nineteenth century travelogues: researches and illusions]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History, and Ethnography of Tauria], no. 22. 2017, pp. 412–433. (In Russian)

24. Khrapunov N.I. O deiatel'nosti protestantskikh missionerov v Krymu v pervoi chetverti XIX v. [On the activity of Protestant missionaries in the Crimea in the first quarter of the nineteenth century]. *Istoriia i arkheologiiia Kryma* [History and Archaeology of the Crimea], no. 6. 2017, pp. 264–277. (In Russian)
25. Khrapunov N.I. Pereosmyslenie Shelkovogo puti posle prisoedineniia Kryma k Rossii [Silk Road Reconsidered: After the Reunification of the Crimea and Russia]. *Islamskii faktor v integratsionnykh protsessakh Velikogo Shelkovogo puti. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii «Dukhovnyi Shelkovyi put'. Sozidanie. Integratsiia»* [Islamic Factor in the Integration Processes on the Silk Road: Proceedings of the 2nd International Scholarly and Theological Conference “Spiritual Silk Road. Creation. Integration”]. Kazan: Islamic book, 2018, pp. 103–113. (In Russian)
26. Khrapunov N.I. Izvestiia o Kryme i o Krymskom Khanstve, sobrannye Uil'iamom Tukom v 1785 g. [The Account of the Crimea and the Crimean Khanate Collected by William Tooke in 1785]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*, Vol. 6, no. 3, 2018, pp. 579–595. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.579-595 (In Russian)
27. Anderson M.S. Samuel Bentham in Russia, 1779–1791. *The American Slavic and East European Review*, Vol. 15, no. 2. 1956, pp. 157–172.
28. Brough A. *A View of the Importance of the Trade between Great Britain and Russia*. London: G.G. J. and J. Robinson, 1789. 51 p.
29. [Byron G.G.] *The Works of Lord Byron. A New, Revised and Enlarged Edition*, Vol. 2. London: John Murray; New York: Charles Scribner's Sons, 1899. 525 p.
30. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa*, Pt. 1: *Russia, Tahtary, and Turkey*, Vol. 2. 4th ed. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. 524 p.
31. [Craven E.] *A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters...* London: G.G. J. and J. Robinson, 1789. 327 p.
32. Cross A. *In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917)*. Cambridge (UK): Open Book Publishers, 2014. 419 p.
33. Davey J. *The Transformation of British Naval Strategy: Seapower and Supply in Northern Europe, 1808–1812*. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. 237 p.
34. Deguignes [J.] *Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs el des autres Tartares occidentaux...* Vol. 3. Paris: Desaint & Saillant, 1757. 542 p.
35. Dubois de Montpéreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée...* Vol. 5. Paris: Librairie de Gide, 1843. 464 p.
36. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire...* London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. 516 p.
37. Eton W. *A Concise Account of the Commerce and Navigation of the Black Sea*. London: T. Cadell and W. Davies, 1805. 53 p.
38. Eton W. *A Letter to the Right Honourable the Earl of D***, on the Political Relations of Russia, in Regard to Turkey, Greece, and France...* London: T. Cadell and W. Davies, 1807. 135 p.
39. Ingram E. From Trade to Empire in the near East – III: The Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804. *Middle Eastern Studies*, Vol. 14, no. 3, 1978, pp. 278–306.
40. Kapetanakis P. *New Approaches of British and Ionian Presence in Ports and Grain-Markets of the Russian Black Sea and the Danube (Mid-18th – Mid-19th Century)*. Athens: General Secretariat for Research and Technology, 2015. 212 p.
41. Macdonald J. *From Boiled Beef to Chicken Tikka: 500 Years of Feeding the British Army*. London: Frontline Books, 2014. 246 p.

42. Mézin A. *Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792)*. [Paris]: Ministère des affaires étrangères. Direction des archives et de la documentation, [1998]. 980 p.
43. Milner Th. *The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars...* London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. 368 p.
44. Morriss R. *Science, Utility and Maritime Power: Samuel Bentham in Russia, 1779–91*. London; New York: Routledge, 2015. 273 p.
45. Otter W. *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge*. New York: J. & J. Harper, 1827. 528 p.
46. Reuilly J. *Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803...* Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.
47. Romme Ch.-G. *Voyage en Crimée en 1786*. Paris: L'Harmattan, 2016. 150 p.
48. Thornton Th. *The Present State of Turkey...* London: Joseph Mawman, 1807. 436 p.
49. Williams B.G. *The Sultan's Raiders: The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire*. Washington (DC): The Jamestown Foundation, 2013. 53 p.
50. Yapp M.A. British Perceptions of the Russian Threat to India. *Modern Asian Studies*, Vol. 21, no. 4. 1987, pp. 647–665.

About the author: Nikita I. Khrapunov – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Research Centre for the History and Archaeology of the Crimea at the V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Republic of Crimea, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6141-9487, ResearcherID: Q-8101-2017. Email: khrapunovn@mail.ru

*Received December 26, 2019 Accepted for publication February 19, 2020
Published March 29, 2020*

УДК 930.2

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.167-184

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О РЕКЕ СЫРДАРЬЯ В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XV–XIX вв.

Н.А. Атыгаев^{1, 2}, О. Канай³

¹ *Казахский национальный аграрный университет
Алматы, Республика Казахстан*

² *Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшық»
Атырау, Республика Казахстан
nuratygaev@mail.ru*

³ *Евразийский научно-исследовательский институт
Международного казахско-турецкого
университета имени Ходжи Ахмеда Ясави
Алматы, Республика Казахстан
kaztegin@hotmail.com*

Цель статьи: рассмотреть некоторые, наиболее интересные, с точки зрения авторов, сведения о реке Сырдарья, которые содержатся в историко-географической литературе XV–XIX вв.

Материалы исследования: Работа основана, прежде всего, на данных сочинений мусульманских историков и географов. Это известные труды таких авторов средневековья как Хафиз-и Абру, Шараф ад-Дин Йезди, Низам ад-Дин Шами, Захир ад-Дин Бабур, Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани, Абу-л-Гази-хан, Махмуд ибн Вали и др. В ходе работы также привлекались русские архивные документы, сведения голландского исследователя Николааса Витсена, картографические материалы и труды ученых XVIII–XIX вв.

В результате исследования в научный оборот вводятся некоторые новые сведения о реке Сырдарья, которая является одной из главных (по длине и по водности) рек Центральной Азии. Она протекает по территории современного Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана, однако наибольшая часть реки находится на территории Республики Казахстан. Река Сырдарья является одним из наиболее часто упоминаемых гидронимов в историко-географической литературе позднего средневековья и Нового времени. В большинстве сочинений она, так же, как и в более ранних трудах мусульманских ученых, именуется как река Сейхун или Сайхун, хотя в источниках встречаются и другие наименования реки. Некоторые средневековые ученые считали, что Сырдарья (Сейхун) является одной из рек, упоминаемых в хадисе пророка. Сырдарья была естественной границей между разными областями Центральной Азии. Река часто упоминается в мусульманских источниках в связи с военно-политическими событиями, происходившими в Центральной Азии. Источники также отмечают богатство фауны, особенно разнообразие ихтиофауны, Сырдарьи. В целом, исторические материалы показывают важное значение Сырдарьи в истории народов Центральной Азии.

Ключевые слова: история, география, река Сырдарья, Сейхун, Аральское море, фауна, рыболовство

Для цитирования: Атыгаев Н.А., Канай О. Некоторые сведения о реке Сырдарья в историко-географической литературе XV–XIX вв. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 167–184. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.167-184

**SOME INFORMATION ON THE SYR DARYA RIVER
IN HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL LITERATURE
FROM THE FIFTEENTH TO NINETEENTH CENTURY**

N.A. Atygayev^{1, 2}, O. Hanayi³

¹ *Kazakh National Agricultural University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

² *The State Historical and Cultural Museum-Reserve "Saraychik"
Atyrau, Republic of Kazakhstan
nuratygayev@mail.ru*

³ *Eurasian Research Institute
of the Khoca Akhmet Yasawi International Turkish-Kazakh University
Almaty, Republic of Kazakhstan
kaztegin@hotmail.com*

Abstract: *Research objectives:* To discuss the most interesting (from the point of view of the authors) information about the Syr Darya River contained in historical and geographical literature from the fifteenth to nineteenth century.

Research materials: This work is based primarily on the earlier works of Muslim historians and geographers. These are the famous texts of such authors of the Middle Ages as Hafiz-i Abru, Sharaf ad-Din Yazdi, Nizam ad-Din Shami, Zahir ad-Din Babur, Fazlallah ibn Ruzbihan Isfahani, Abu l-Gazi Khan, Mahmud ibn Wali, and others. The authors also used Russian archival documents, information provided by the Dutch researcher Nikolaas Witsen, cartographic materials, and works of scholars of the eighteenth and nineteenth centuries.

Results and novelty of the research: Some new information about the Syr Darya River is introduced into scholarly circulation. The Syr Darya is one of the major (in length and water content) rivers of Central Asia. It flows through the territory of modern Tajikistan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. However, the largest part of the river is located in the Republic of Kazakhstan. The Syr Darya is one of the most frequently mentioned hydronyms in the historical and geographical works of the late Middle Ages and the Modern Age. In many works, early or later, it is referred to as the Seykhun or Saykhun River, although other names of the river are also found in the sources. Some medieval scholars believed that the Syr Darya (Seykhun) was one of the rivers mentioned in the hadith of the prophet. The Syr Darya was a natural border between different regions of Central Asia. The river is often mentioned in Muslim sources in connection with the military and political events taking place in Central Asia. Sources also note the richness of the Syr Darya's fauna, especially the diversity of its ichthyofauna. In general, historical materials show the importance of the Syr Darya in the history of the peoples of Central Asia.

Keywords: history, geography, Syr Darya River, Seykhun, Aral Sea, fauna, fishing

For citation: Atygayev N.A., Hanayi O. Some Information on the Syr Darya River in Historical and Geographical Literature from the fifteenth to nineteenth century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 167–184. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.167-184

Территория современного Казахстана в период средневековья не была для соседей «terra incognita». Основные объекты его природно-географической среды упоминаются в письменных документальных и нарративных

источниках, написанных на различных языках, зафиксированы на географических картах этого периода. Изучение по этим материалам природно-географической среды Казахстана в разные эпохи позволило бы расширить наши представления об истории и экономических особенностях региона, воссоздать географические условия местности, ход исторических событий и др. Однако данная тематика мало исследуется в исторической науке, серьезных исследований по ней практически нет.

В историко-географической литературе XV–XIX вв. содержатся важные и интересные сведения о реке Сырдарье, которая играла значимую роль в истории и экономике стран Центральной Азии. В данной работе предпринимается попытка собрать и обобщить эти сведения.

Река Сырдарья является самой длинной водной артерией Центрально-азиатского региона. Протяженность ее, по данным В.В. Бартольда, «от слияния Кара-Дарьи и Нарына до устья» составляет более 2 800 км [9, т. 3, с. 491]. В наши дни ученые определяют длину Сырдарьи в 2212 км и ок. 2900 км от истока Нарына [23, с. 368].

В большинстве персоязычных сочинений Сырдарья, так же, как и в более ранних трудах мусульманских историков, именуется – река Сейхун или Сайхун (سیحون). [29, с. 125, 129, 135, 143; 18, с. 57, 59, 64; 35, с. 27; 41, с. 70; 19, с. 601, 616, 1035, 1046; 9, т. 3, с. 210; 28, с. 67, 88, 198, 364, 365; 34, с. 117, 425 и др.].

Сырдарья названа Сейхуном (Сайхун, Сейхун-дария) и в некоторых тюркоязычных сочинениях: «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» анонимного (по мнению Р.Г. Мукминовой, автором был Мухаммед Шейбани-хан) автора [39, рук. «Б», л. 96б, 99а, 100а.], «Бабур-наме» Захир ад-Дина Бабура [14, с. 20], «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми [1, с. 28, л. 246а], «Дил-и гараиб» Худайберди ибн Кош-Мухаммада [6, с. 147] и др. В тюркоязычном «Шаджара-йи тюрк» Абу-л-Гази-хана, согласно переводу Б.А. Ахмедова, о Сырдарье говорится: «Река Ходжент, которую называли также Сейхуном...»¹ [6, 76]. В европейской историко-географической литературе река также обычно называется Сейхуном. В 1705 г. голландский исследователь Николаас Витсен в своей книге «Северная и Восточная Тартария» (первое издание вышло в 1692 г.) писал: «Реки Ховарезмии являются, в основном, ответвлениями самой большой реки Сихун. Один из многих прочих потоков называется Кавхаворе, шириной он в пяти локтей, глубиной в два человеческих роста... В двух милях от этих мест из Сихуна выходит еще один поток, называемый Рудкерби, который протекает мимо многих деревен, это довольно узкий поток. С западной стороны Сихун имеет еще несколько рукавов, например, Рад, Хезар, Кердахвас, Аал, Бус и Хири» [16, с. 126]. Отметим, что основную часть своих сведений он получал от русских, побывавших в интересующем нас регионе.

В большинстве мусульманских историко-географических трудов позднего средневековья и Нового времени Сырдарья именуется «рекой Ходженда» (دریای خوجند=اب خوجند) [19, с. 648, 1046; 35, с. 157; 34, с. 42, 43, 59, 140]. «В арабских и персидских источниках река обычно называется по городам и местностям, лежащим на ее берегах, особенно часто “рекой Ходженда”», – указывал В.В. Бартольд [9, т. 3, с. 492].

¹ В изданиях «Шаджара-йи тюрк», которыми мы располагаем, этих сведений нет, однако Б.А. Ахмедов, как он отмечал сам, имел возможность пользоваться более полными списками сочинения [6, с. 73].

В известном труде первой половины XV в. «География» («Джуграфийаи») Хафиз-и Аbru приводится следующая информация об этой реке: «Ходженд... Истоки этой реки [Сейхун] находятся в Туркестане в области Узгенд; затем в нее впадают реки Хуршаб, Ош и другие, образуя большую реку; [она] приходит к Ахсикету, затем в Ходженд...» [30, с. 143]. В другом разделе своего труда Хафиз-и Аbru пишет: «Река Ходженд, ее называют [также] Сейхун и Шаш. Сейхун меньше Джейхуна; начало – от Туркестанских гор, течет по стране Тюрк, доходит до Ахсиката, долгота которого 90°20', а широта – 42°25'; оттуда течет на юго-запад и доходит до Ходженда, долгота которого 90,5°, а широта – 41°25'; затем течет и доходит до Фараба долгота которого 86,5°, а широта – 44°; оттуда течет [далее] и доходит до Янги, долгота которого 88,5°, а широта – 47. Оттуда <соединившись в Хорезмской степи с Джейхуном, изливается в Хазарское море>» [30, с. 142]. В.В. Бартольд об этих сведениях писал: «Свидетельство Хафиз-и Аbru о соединении Сыр-Дарьи с Аму-Дарьей очень любопытно, но пока не находит себе подтверждения ни в каких других источниках» [9, т. 3, с. 66]. Ж.М. Тулибаева также обращает внимание на то, что сообщение Хафиз-и Аbru о повороте Сырдарьи в сторону Амударьи больше ни в одном письменном историческом источнике не встречается [41, с. 73].

Однако далее В.В. Бартольд пишет: «Подтверждается только, что река изменила свое течение и от Дженда направлялась к юго-западу, в пески... Можно полагать, что в течение небольшого промежутка времени этот проток был так многоводен, что мог доходить до Аму-Дарьи». В качестве подтверждения своего предположения В.В. Бартольд ссылается на старинное казахское стихотворение, записанное в начале XX в. М.С. Андреевым, в котором имеются следующие строки: «Была в старое время у нас река; называлась она Кызыл-Дарья; ее началом был Сейхун (Сыр-Дарья); перерезывала она Кызыл-кумы до Джейхуна (Аму-Дарьи). Была культура везде, когда была река, но и она высохла по повелению бога» [9, т. 3, с. 66]. По мнению географов, русла этой реки сохранились. Как указывает Н.Г. Маллицкий, «на карте Русского государства, составленной Гюссефельдом (1786), между Аму-дарьей и Сыр-дарьей действительно показана река Kizil-daria» [27, с. 281].

В «Шаджара-йи тюрк» (завершен в 1661 г.) Абу-л-Гази-хана говорится: «Река Ходжент, которую называли также Сейхуном, тоже впадала в Мазандаранское море, вобрав в себя множество больших рек (анхар) Дашт-и Кипчака» [6, с. 76]. На основании этого сообщения Б.А. Ахмедов пишет, что Амударья и Сырдарья «ранее впадали в Каспийское море, а русла свои они изменили в 986/1578 г.» [6, с. 76]. Хотя возможно сделать и другое предположение. В своем сочинении Абу-л-Гази-хан далее пишет: «...В нее (него – море?) впадали Йангидарья и Кадан. Ее вода очень соленая. Много в ней больших и малых островков, в частности таких, как Тубак и Арал-Ата ... Город, который когда-то был одним из больших в Хорезме, находится под этим морем. Его каменные строения видны из-под воды мореплавателям» [6, с. 76].

Во-первых, исторические материалы показывают, что в Арал впадала именно Яныдарья (каз. Жаңадария). Так, А.И. Левшин писал, что Яныдарья, которая возникла только в 1760–1770 гг., впадала в залив Каракуй, находившийся на юго-восточной части Аральского моря [24, с. 51, 59]. По мнению

А.И. Макшеева: «Река Джаны-дарья (по-Татарски Яны-дарья, в переводе новая река) есть южный рукав Сыра, впадающий в юго-восточную часть Аральского моря» [26, с. 23]. «Прежде Яны-дарья впадала в юго-восточную часть Аральского моря, а теперь, мелея год от году, она проходит верст на триста, оканчиваясь озером Кукча-тенгиз», – писал в 1880 г. исследователь Туркестанского края Л.Ф. Костенко. Он сообщает также, что Яны-дарья называлась ранее Каракалпак-дарья [22, т. 1, с. 252–253]. В «Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона», в самом большом и значимом энциклопедическом издании Российской империи, в статье «Сыр-дарья» говорится: «Из рукавов С.-дарьи в особенности замечательны старые русла Яны-дарья и Куван-дарья. Яны-дарья отделяется в нескольких верстах от г. Перовска и направляется через пески Кызыл-кум на З. к Аральскому морю... Прежде Яны-дарья впадала в юго-вост. часть Аральского м., ныне же мелея все более и более, проходит верст на 300, оканчиваясь в разливах и озерах» [48, т. 32 (63), с. 220]. Русские исследователи XIX в. утверждают, что Жанадарья (Яныдарья) возникла только в XVIII в. Это, возможно, связано с тем, что река имела два русла, и в XVIII в. сложилось ее новое русло. А.И. Левшин пишет: «...след Яныдарьи в некоторых местах имеет два русла; одно шириною, равное Сыр-ру, а в середине оно другое, гораздо уже. По сему последнему текла Яны, а первое есть, вероятно, путь какой-то большой, давно пересохшей реки и на ней-то, конечно, находились те поселения, коих развалины видим мы теперь» [24, с. 62]. О старом русле «Джаныдарьи», имевшем такое же название, писал и в 1856 г. А.И. Макшеев [26, с. 23–25]. А река Кадан, которая, как пишет Абу-л-Гази-хан, также впадала в Арал, возможно, река Куван (Куандарья). Возможно, в данном случае мы имеем дело с ошибкой переписчика или технической опечаткой в типографии, т.е. в тексте не Даль «>», а Вав «و».

Во-вторых, соленость Аральского озера хорошо известна. Так, например, об Арале как о соленном озере пишет Хамдаллах Казвини [9, т. 3, с. 56]. Сам Абу-л-Гази-хан называет Арал – «Аджи-тенгиз» (اجى تينگىز), т.е. «Ащы теңіз» – «Горькое море» [21, с. 77 (тюрк. текст, с. 76); 5, с. 162]. В «Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона» об Арале говорится: «А. второе по пространству соленное озеро земли» [48, т. 2 (3), с. 12].

В-третьих, Хорезмским городом под Аралом, о котором упоминает Абу-л-Гази, может быть городище Арал-Асар, обнаруженное археологами в 2004 г. и датированное концом XIII – началом XV вв. [8, с. 431–436].

Поэтому можно предположить, что в вышеприведенном тексте Абу-л-Гази имеется в виду Аральское море (Мазандаранское море, возможно, описка автора), а не Каспий, как полагал Б.А. Ахмедов [6, с. 75]. В 1697 г. русские послы Ф. Скибин и его товарищи, побывавшие у Тауке-хана, утверждали: «А Сырт де река течет из под камени...а пала де устьем в море Хивинское или Аральское...» [17, т. 1, с. 384].

Однако уже в историко-географической литературе начала XVI в. приводятся несколько другие данные об устье Сырдарьи (Сейхуна). В персоязычном сочинении «Михман-наме-йи Бухара» (1509–1510 г.) Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфাহани сообщается, что «Следы этой реки исчезают в песчаных холмах того края (Каракума – *авт.*)» [44, с. 74]. Это его сведение подтверждает тимурид Захир ад-Дин Бабур, который в своем известном труде «Бабур-наме» (1530-е гг.) об этой реке пишет следующее: «Река Сейхун известная

под названием Воды Ходженда, приходит в Фергану с северо-восточной стороны; пройдя через эту область, она течет на запад, проходит севернее Ходженда и южнее Финакета, который теперь более известен под названием Шахрухии, потом снова уклоняется на север и течет в сторону Туркестана; значительно ниже Туркестана эта река, не сливаясь ни с какой [другой] рекой, вся впитывается в песок и [исчезает]» [14, с. 20].

Комментируя вышеприведенное сообщение Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфакхани, В.В. Бартольд писал: «Как и Бабуру, автору (Фазлаллаху ибн Рузбихану Исфакхани – *авт.*) ничего не известно об Аральском море. По его словам, Сыр-Дарья исчезает в песчаной степи Каракум, и последние остатки реки теряются под песчаными холмами. В Сыгнаке автор несомненно мог получить о Сыр-Дарье более точные сведения, и поэтому его рассказ во всяком случае заслуживает внимания, хотя известие об изменении русла Сыр-Дарьи еще более неясно и противоречиво, чем известие об изменении русла Аму-Дарьи». Исследователь все же предположил, что Сырдарья еще в XIV в. «переменила здесь свое течение и не достигала больше Аральского моря» [9, т. 3, с. 492]. В связи с этим представляет интерес сообщение Хафиз-и Абру о том, что «В старых книгах вообще написано, что из Хорезма река течет в Хорезмское озеро, но теперь это озеро исчезло...» [30, с. 142]. Возможно, дело не только в изменении русла Сырдарьи, но и в значительном высыхании (регрессии) в этот исторический период самого Аральского моря. По мнению Л.С. Берга, площадь Арала с 1221 по 1573 г. была небольшой, т.к. в это-время часть воды Амударьи текла в Сарыкамыш, затем далее в Каспийское море [11, с. 25, 32].

Спустя полвека Сырдарья, по данным историко-географических трудов конца XVI – первой половины XVII вв., впадала в Аральское море, более известное тогда под названием Хорезмское море (بحر خوارزم). Так, например, в географо-биографическом труде «Тазкире-йи хафт иклим» (1588–1594 гг.) Амина Ахмада Рази говорится: «А Сейхун – тоже огромная река, и ее исток находится в Туркестане, в каком-то месте, которое тоже называется Сейхуном. И эта река тоже, собрав воды многих притоков, впадает в Хорезмское море. Сейхун некоторые именуют Сан‘ан, а некоторые – Аб-и Шахр-и Хаста. Автор книги “Масалик и мамалик” называет эту реку Чадж (т.е. Чач)» [40, с. 1510]. В энциклопедическом сочинении «Бахр ал-асрар» (написано в 1630–1640 гг.) Махмуд ибн Вали о Сейхуне (Сырдарье) пишет: «Исток ее в горах Каратегин, а устье – Хорезмское озеро... Протяженность Сейхуна восемьдесят фарсангов. Река Тапта, являющаяся рекой Ферганы и Ахсикета, впадает в эту реку. [Сейхун], вместе с Хорезмским озером и Джейхуном, впадает в Хазарское море» [31, с. 96]. О том, что река «Сырдар» (Сырдарья) впадала в «Хивинское море», писал и голландец Николаас Витсен [16, с. 69].

В работе В.В. Бартольда приводятся следующие сведения географа XV в. Джурджани о впадении Сырдарьи в Аральское море: «Чачская река носит в книгах название Нахр аш-Шаш (Шашской реки), так как пишут Шаш вместо Чач. Она вытекает из Туркестана, недалеко от Чигиля, проходит через область Узгенда, потом принимает илакский проток (Ангрен), течет по области Ахсикета, потом через Ходженд, потом через Фараб, наконец через области тюркских и туркменских племен [и впадает] в Джендское озеро». Сам В.В. Бартольд, указывая на компилятивность сочинения Джурджани, пишет:

«Начало и конец отрывка о Сыр-Дарье буквально соответствует тексту *Джахан-наме* (рук. Нац. Б-ки, л. 192). К сожалению, я в свое время не выписал полностью всего отрывка из этой рукописи, которой теперь у меня нет под руками; не могу поэтому определить, находится ли уже в источнике нашего автора допущенная им географическая ошибка (как известно, Ангрен впадает в Сыр-дарью ниже Ахсикета и Ходжента). <Эта ошибка содержится уже в тексте *Джахан-наме*>...» [9, т. 3, с. 72–73]. Рекой Сейхун и рекой Шаш называет Сырдарью в сочинении «Джихан-наме» турецкий географ Катиб Челеби [45, с. 349; 46, с. 32 (106)].

Отметим и другие наименования Сырдарьи в исторических источниках. Так, согласно «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Йезди, еще одним названием Сырдарьи было Ахсикетская река [29, с. 135]. В «Бахр ал-асрар» Махмуд ибн Вали указывает: «Называют ее также и реками Ходженд и Шахрухия, ибо протекает она около них» [31, с. 96]. В труде Николааса Витсена эти названия даны несколько искаженно. Он пишет: «Река Сихун, иначе Шаск, Заз, или Шас, Хузенд и Шерехкуба, или Шехрука, и Нахар, или река Хогенде, – все названия по имени городов, мимо которых протекает река...» [16, с. 57]. В другом месте своего труда он сообщает, что «Река Сихун, которая в этой местности называется Хезни, течет с востока в сторону севера через всю территорию этого предела» [16, с. 138].

В некоторых мусульманских, преимущественно тюркских, исторических трудах река названа «Сыр». Причем в источниках встречаются два варианта написания названия – (سر) и (سير). Например, в рукописях Абу-л-Гази-хана используется оба варианта (سير سوى и سر سوى) [21, (тюрк. текст, с. 12, 40, 42, 57, 63, 97)].

Впервые в мусульманской литературе «Сыр» (سير) как название реки упоминается в анонимном сочинении «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» [39, рук. «Б», л. 123б.]. Учитывая, что этот труд был закончен около 1504 г. [28, с. 13], можно утверждать, что местное население использовало в отношении реки название «Сыр» по крайней мере с XV в. Это название встречается также в таких тюркоязычных сочинениях XVI–XIX вв. как «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи и его расширенной версии, известной под названием «Кара таварих» [42, с. 112–114; 43, с. 30, 49, 121, 123, 126, 133, 276], «Шаджара-йи тюрк» Абу-л-Гази-хана (в издании 1768 г. передано в форме Сирра) [50, с. 13, 181, 184, 187, 188, 191; 2, т. 1, с. 52, т. 2, с. 121, 138, 144, 146, 393; 3, с. 12, 160, 165, 169], «Фирдаус ал-икбал» Муниса и Агахи [51, р. 56, 75; 28, с. 459, 475], «Дил-и гараиб» Худайберди ибн Кош-Мухаммада [6, с. 147].

В некоторых персоязычных трудах Сырдарья также названа рекой «Сыр» (سير). Так она фигурирует в «Шайбани-наме» Камал ад-Дина Бинаи [20, л. 23а], «Шараф-наме-йи шахи» Хафиз-и Таныша [47, л. 279б] и «Бахр ал-асрар» Махмуд ибн Вали [31, с. 65].

Отметим также, что Абу-л-Гази-хан в «Шаджара-йи тюрк» называет Аральское море «морем Сыра» (سير تينکزی – سير دکزی) [50, т. 1, с. 291, т. 2, р. 312; 49, с. 159; 4, с. 307; 9, с. 87–88; 6, с. 76; 5, с. 167]².

² В переводе на казахский язык «Шаджара-йи тюрк» Абу-л-Гази название «Сыр» отсутствует (см.: [7, 181 б.]).

Автор «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани употребляет в отношении Сырдарьи такие названия как «река Сейхун», «река Сыр», «река Ходженд» (اب سر = اب سيحون = نهر سيحون = اب خجند) [32, с. 75, 85, 86, 88, 108, 186, 198, 209, 263, 264, 268]. В этом сочинении содержится ценная информация о наименовании реки: «Эту реку на языке жителей того края называют «рекой Ходженд». Узбеки и монголы³ ее называют «рекой Сир» (اب سر) [44, с. 74].

В русских архивных документах XV–XIX вв. приводятся разные варианты названия Сырдарьи – «Сыр», «Сырт», «Шир», «Сыр-Дарья», «Сырдарья», «Дарья-Сыр» [17, т. 1, с. 92, 220, 224, 300, 412, т. 2, с. 297, 344, 345].

Некоторые мусульманские историки XVI–XVII вв. считали, что Сырдарья (Сейхун) является одной из рек, упоминаемых в хадисе пророка. Так, например, Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани в «Михман-наме-йи Бухара» пишет: «А река Сейхун является одной из четырех рек мира, о которых говорится в некоторых хадисах, что они выходят из рая. Источником прозрачной [воды] их является душистая почва вечного рая» [44, с. 73–74]. А в «Бахр ал-асрар» Махмуд ибн Вали утверждает: «Река Сейхун – река эта в Мавераннахре и по правильным высказываниям, упоминаемая в хадисе река Сейхан – это Сейхун» [31, с. 96]. В.В. Бартольд считал, что «названия Джейхун и Сейхун явились по аналогии с названием двух рек северной Сирии – Джейхана и Сейхана» [9, т. 3, с. 210]. По мнению З.А. Джандосовой, названия Сейхун и Джейхун заимствованы «арабами из Библии, где Гихон (Геон) и Фисон – названия двух из четырех райских рек...Предположительно, завоеванная страна произвела на завоевателей столь приятное впечатление, что была уподоблена райскому саду (jannat)» [23, с. 373]. Относительно этого Б.А. Ахмедов пишет: «По сведениям Хафиз-и Абру (Тарих-и Хафиз-и Абру, л. 31 а), река под этим названием (Сейхан) есть и в Руме и впадала в Мраморное море (Бахр-и Рум), а Шамс аддин (Камус ал-алам, т. IV, стр. 2740–2742) помещает его в области Сивас, в долине, расположенной между горами Кузан и Бугаз. Она, минуя вилает Тартус, впадала в Мраморное море» [31, с. 137]. Таким образом, мы имеем дело с переносом названия из одного места в другое, что было в средневековье достаточно распространенным явлением.

Река Сырдарья была естественной границей между разными областями Центральной Азии. Автор «Тарих-и Шахрухи» обращает внимание на то, что Сырдарья была «серьезной преградой для войска» [10, с. 64]. В «Кара таварих» Утемиша-хаджи говорится, что Орда-ичену были пожалованы владения в районе Сырдарьи [43, с. 30, 276]. Согласно «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами, Чингиз-хан предоставил междуречье Сейхуна (Сырдарьи) и Джейхуна (Амударьи) Чагатаю-хану [35, с. 27]. Также по «Шараф-наме-йи шахи» Хафиз-и Таныша, территория от Кашгара и Сейхуна до Джейхуна была владениями Чагатай-хана [47, т. 1, с. 73]. В другом месте своего сочинения он пишет: «Некоторые люди определяют область Мавераннахра как страну, расположенную между двумя реками – Джейхуном и Сейхуном» [47, т. 1, с. 219]. О том, что Мавераннахр расположен между реками Джейхун и Сейхун пишут и

³ В тексте مغول [32, с. 85]. Поэтому правильнее было бы перевести «могул».

Махмуд ибн Вали в «Бахр ал-асрар», и Амин Ахмада Рази в «Тазкире-йи хафт иклим» [31, с. 76; 40, с. 1509].

В труде «Джихан-наме» турецкого географа Катиба Челеби также указано, что Мавераннахр находится между реками Джейхун и Сейхун [45, с. 349]. Из «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Йезди следует, что во второй половине XIV в. р. Сырдарья (Ходжент) была естественной границей между владениями эмира Тимура и Могулистана [18, с. 73]. В компилятивном сочинении XIX в. «Дил-и гараиб» указывается, что Сейхун является одной из границ Хорезма [6, с. 147].

Сырдарья часто упоминается в мусульманских источниках в связи с военно-политическими событиями, происходившими в Центральной Азии. Многие завоевательные походы эмира Тимура проходили через Сырдарью. Переправившись через реку, его войска шли на север на Золотую Орду, и на восток – на Могулистан и Китай. Здесь, на берегах Сырдарьи, согласно «Тарих-и Рашиди», закончился жизненный путь последнего правителя Могулистана, Султана Махмуд-хана, который с сыновьями был утоплен в реке по приказу Мухаммеда Шейбани-хана [34, с. 147, 263].

По данным «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Йезди, зимой Сырдарья очень сильно замерзала. Согласно источнику, чтобы «добраться до воды, нужно было прорыть три-четыре кари льда» [18, с. 341]. Указанная здесь толщина льда составляла около 1,5 м., что вызвало справедливое сомнение А. Ахмедова, который заметил, что «В настоящее время даже околополярные реки так не замерзают» [18, с. 443]. Но все же толщина льда на реке была достаточной для передвижения по ней большой группы людей. Шараф ад-Дина Йезди сообщает, что зимой «караваны телег с грузом, лошадьми и другими животными шли по льду» [18, с. 341]. Это же подтверждает Махмуд ибн Вали, который пишет: «Она, подобно Джейхуну, в некоторые зимы так сильно замерзает, что войска и караваны [свободно] проходят через нее» [31, с. 96]. Николаас Витсен также утверждал: «Зимой крупные реки Гихун и Сихун замерзают настолько, что целые караваны могут переходить их по льду» [16, с. 57].

К.А. Пищулина отмечает, что «бассейн среднего течения Сыр-Дарьи (а именно узкая полоса, тянущаяся вдоль ее левого берега, и более широкая – вдоль правого, ограниченная горной цепью Каратау на северо-востоке и водоразделом долин Чирчика и Бадама, южнее г. Сайрама, на востоке)» во всей историко-географической литературе исследуемого периода именовался Туркестаном [37, с. 38]. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани достаточно четко показывает его границы. Со стороны Мавераннахра первым городом Туркестана был Аркук – небольшая крепость на западной стороне. «Эта крепость Аркук – пограничная застава Туркестана, и потому для каждого, кто из Бухары и Самарканда трогается в путь в область Туркестана, первым его местопребыванием является эта знатная крепость...», – пишет Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани [44, с. 73]. Об этой крепости в другом месте своего труда он говорит: «Эта крепость в одном фарсах от реки Сейхун, и расположена она на западной стороне реки. Через нее проходит дорога в восточные крепости Туркестана, как-то Йаси, Сабрам и другие владения» [44, с. 75]. Таким образом, восточными городами-крепостями Туркестана являлись – Йаси и Сабрам (Сауран). Северной же границей Туркестана в «Михман наме-йи Бухара» указывается город Сыгнак, который «является окраиной благоустроенной

области» [44, с. 117]. Этот регион, «Вся территория Туркестана объединяется в одно целое Сырдарьей», – пишет К.А. Пищулина [37, с. 40].

Согласно «Михман наме-йи Бухара» Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфাহани, в начале XVI в. вдоль берега Сырдарьи было 30 крепостей-городов [44, с. 73]. В 1697 г. Ф. Скибин и его товарищи, побывавшие у Тауке-хана, утверждали: «А Сырт де река течет из под камени, от городов их не в близости...» [17, т. 1, с. 384]. К.А. Пищулина объясняет это тем, что «низкие глинистые берега реки затоплялись во время разливов и размывались» [37, с. 40–41].

Присырдарьинские города – Сыгнак, Сауран, Йасы и другие – были, как указывают специалисты, важными центрами торгово-экономических связей для населения степных районов, превосходными для своего времени крепостями и могли выдержать длительную осаду. Традиционно они являлись административно-политическими центрами, существовавших ранее на территории Казахстана государственных образований. К тому же Йасы (Туркестан) был в средневековье крупным религиозным центром. Кроме этого, для казахских кочевых племен земли нижнего и среднего течения Сырдарьи представляли большой интерес и как ценные зимние пастбища, но использовать их можно было, лишь владея ключевыми пунктами этой территории – городами-крепостями Туркестана и Каратау [37, с. 91–99]. Поэтому в течение XV–XVII вв. правители Казахского ханства и государства Шибанидов вели за присырдарьинские города постоянные войны. Эти города вошли окончательно в состав Казахского ханства в конце XVI в. [37, с. 27, 98].

Туркестанская часть Сырдарьи хорошо показана в «Михман наме-йи Бухара» Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфাহани. В этом сочинении приводится следующее красочное описание реки: «В самом деле эта река необыкновенна. Начало истоков ее, согласно тому, что видно, есть начало областей Ходжента и Шахрухии. Течет [река] на расстоянии более трехсот фарсахов⁴ по Туркестану, среди зимовий узбеков, и теряется в конце страны узбеков в песках, которые жители той страны называют Каракумы. Следы этой реки исчезают в песчаных холмах того края. На [протяжении] этих трехсот фарсахов, по которым течет река Сейхун, все берега и окрестности ее покрыты в изобилии кормовыми травами и зарослями камыша. Из притоков и рукавов ее ответвляются большие каналы и ими орошаются возделанные земли ... Может быть, среди рек мира ни одна река по множеству пользы и доходов от травы, древесного топлива и мест охоты не близка к Сейхуну. Прозрачная ее вода дарует жизнь животным... А края [реки] – словно ланиты красавиц, украшенные порослью душистых трав, – являются предметом зависти садов стран света из-за радующих душу лугов. Ты сказал бы, что каждый их луг подобно локонам красавиц, превратившимся в места охоты на сердца поклонников, сделался полем охоты на разного рода животных: на куланов, диких коз и разных других зверей. Сквозь чащи ее деревьев и заросли камыша нет возможности пробиться ветру, [даже] диву не удастся пройти по тропинкам ее берегов. Ты сказал бы, она – река рая, ибо полна беспредельными дарами, или, она – само милосердие, которое по милости вседержителя сказалось в обилии пользы...» [44, с. 73–74].

⁴ Фарсах – мера длины в странах древнего Востока, «расстояние, проходимое лошадью за 1 час», обычно от 6 до 9 км (см. [12, т. 2, с. 601]).

Согласно «Михман-наме-йи Бухара», в начале XVI в. на побережьях Сырдарьи проводили зиму казахи: «Местом их (казахов – *авт.*) зимовья является побережье реки Сейхун, которую называют рекой Сыр. Как мы объяснили выше, все окрестности Сейхуна покрыты зарослями най, [тростника], который по-тюркски называется камыш, богаты кормами для скота и топливом» [44, с. 74]. По словам автора этого труда, Сырдарья была окаймлена такими громадными зарослями камыша, что «змее не было возможности проползти в их узких проходах. Солнце, несмотря на острые клинки [своих] лучей, никогда не проникало вглубь, чтобы срезать их на корню. Кроме тени, которая охватывала их полу, никто не решался ступить ногой, чтобы проложить путь сквозь эти камышовые дебри...» [44, с. 84]. Спустя 250 лет, в 1856 г. русский исследователь, генерал А.И. Макшеев, отмечая важность камышей для казахских зимовок на Сырдарье, писал: «Камыши защищают и людей и стада от холода и буранов и служат кроме того для людей топливом, а для скота кормом» [26, с. 52]. Это же чуть позже, в 1874 г., отмечал и Г.С. Загряжский: «камыш, которым заросли берега озер (озер, в дельте Сырдарьи – *авт.*) доставляет киргизам (казахам – *авт.*) топливо, строительный материал, а молодой камыш скашивается на корм скоту» [13, с. 4].

Ферганская часть Сырдарьи хорошо описана в «Бабур-наме». Захир ад-Дин Бабур пишет: «В Фергане семь городов; пять из них — на южном берегу реки Сейхун, два — на северном берегу» [14, с. 20]. Затем он приводит описание каждого из этих городов (Андижан, Ош, Ахси и др.). Например, о городе Ахси в сочинении говорится: «Один из городов на северном берегу реки Сейхун — Ахси; в книгах это [название] пишут: Ахсикет, так же как поэта Асир ад-дина называют Асир ад-дин Ахсикети. В Фергане после Андиждана нет города больше этого. От Андиждана к западу [до Ахси] девять йигащей пути. Омар Шейх мирза сделал его своей столицей. Река Сейхун течет под крепостью. Крепость стоит на высоком яру. Вместо рва там служат глубокие овраги. Омар Шейх мирза, когда сделал Ахси своей столицей, еще раз или два копал овраги дальше, вне крепости. В Фергане нет [другой] такой неприступной крепости» [14, с. 22].

Захир ад-Дин Бабур отмечает богатство фауны поймы Сырдарьи. Он пишет: «Сторона реки Сейхун, где стоит Ахси, степная; там много белых кийиков. Андижданская сторона — [сплошь] густой кустарник; там попадает много бугумаралов и зайцев, они очень жирные» [14, с. 22]. Исследователи позднего времени также обращали внимание на это. Так, например, А.И. Левшин писал, что на берегах Сырдарьи и его протоков водятся множество кабанов, волки, барсы, тигры и другие звери [24, с. 61]. О том, что здесь обитают тигры, кабаны, олени, волки, сайгаки, дикие кошки и др. животные писали такие дореволюционные ученые как А.И. Макшеев, Н.А. Ивашинцов, Л.С. Берг [25, с. 50; 15, с. 252; 11, с. 8] и др. По словам Л.Ф. Костенко, еще в конце XIX в. в камышах Сырдарьи обитали такие представители животного мира как тигры, барсы, кабаны, фазаны, дикие гуси, утки и др. [22, т. 1, с. 255, т. 3, с. 99].

В бассейне Сырдарьи обитало очень большое количество рыб, хотя в 1697 г. Ф. Скибин и его товарищи утверждали, что «рыбы де в ней мало» [17, т. 1, с. 384]. Однако в 1696 г. В. Кобыakov, также побывавший в составе дипломатической миссии в ставке Тауке-хана, сообщал: «А рыбы де в реке Сыру премногое число» [17, т. 1, с. 431]. В начале XVII в. Николаас Витсен так-

же писал: «В этой реке много рыбы: сомы и сазаны, или карпы. (Сом – это жирная рыба, у которой большая голова, шесть футов или более длиной; как я полагаю, осетр или лосось)» [16, с. 69].

Ихтиофауна Сырдарьи была очень разнообразной. «Сыр-дарья богата рыбою. В ней водятся осетры, шипы, сомы, сазаны (карпы), жерехи, судаки, щуки, облы, подлещики и проч.», – писал в 1856 г. А.И. Макшеев [26, с. 15]. В 1874 г. Г.С. Загряжский отмечал «изобилие щук, сомов, окуней, судаков, карасей, усачей и лещей» в озерах в дельте реки [13, с. 4]. В работе Н.В. Остроумова 1891 г. указывается наличие в Амударье и Сырдарьи таких видов рыб как шип, сом, жерех, сазан, судак, лещ, щука и сопа [36, с. 33]⁵.

Однако рыболовство на Сырдарье было развито очень слабо. Так, например, Ф. Скибин и его товарищи утверждали, что «на реке рыбу не ловят» [17, т. 1, с. 384]. То же сообщает В. Кобяков: «и обыкности де у них такой лет, чтоб рыбу есть и ловить, и промыслов таких нет» [17, т. 1, с. 431]. Однако в 1880 г. Л.Ф. Костенко, говоря об изобилии рыбы на Сырдарье, писал, что по преимуществу ловится «осетр, из которого добывается икра». По его словам, «мелкую рыбу ловят вершинами, а крупную – бьют отрогами», и занимаются этими только «кочевники-киргизы», т.е. казахи [22, т. 3, с. 96–97].

Таким образом, в историко-географической литературе XV–XIX вв. имеются интересные сведения о реке Сырдарье. В большинстве сочинений она, так же, как и в более ранних трудах мусульманских ученых, именуется – река Сейхун или Сайхун, хотя в источниках встречаются и другие наименования реки. Некоторые средневековые ученые считали, что Сырдарья (Сейхун) является одной из рек, упоминаемых в хадисе пророка. Сырдарья была естественной границей между разными областями Центральной Азии. Река часто упоминается в мусульманских источниках в связи военно-политическими событиями, происходившими в Центральной Азии. Источники также отмечают богатство фауны, особенно разнообразие ихтиофауны Сырдарьи. В целом, исторические материалы показывают важное значение Сырдарьи в истории народов Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулгаффар Кырыми*. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 420 с.
2. *Абулгази Баядур-хан*. Родословная история о татарах: в 2 томах / Г.Ф. Миллер. СПб.: При Имп. Академии Наук, 1768. Т. 1. 483 с.; Т. 2. 480 с.

⁵ Известно, что даже в советское время ихтиофауна Сырдарьи отличалась оригинальностью по сравнению с другими реками СССР. Так, географ Э.М. Мурзаев писал о наличии в реке 41 вида рыб [33, с. 312]. Однако в настоящее время специалисты отмечают значительное снижение рыбных запасов в Сырдарье. Например, по данным таджикских ученых, сейчас на в таджикистанской части реки водятся всего 19 видов рыб: осетр, форель, щука, плотва, красноперка, белый амур, сом, маринка, лещ, толстолобик, судак, сазан, жерех [38].

3. *Абул-л-Гази*. Родословное дерево тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова; с послесл. и примеч. Н.Ф. Катанова. Казань: Типо-лит. Имп. Ун-та, 1906. [223] с. 336 с.
4. *Абулгазы бахадур хан*. Шаджра-йи турк / Пер. Риза Нура. Стамбул, 1343 (1925). 352 с. (На турецком языке)
5. *Абулгозий*. Шажарйи турк. Ташкент: Чулпон, 1992. 192 с. (На узбекском языке)
6. *Ахмедов Б.А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент: Издательство «ФАН», 1985. 264 с.
7. *Әбілғазы*. Түрік шежіресі. Көне түрік тілінен аударған Б. Әбілқасымов. Алматы, 1991. 208 б. (На казахском языке)
8. *Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Выдающиеся археологические памятники Казахстана. Алматы., 2014. 504 с.
9. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. III. М.: Восточная литература, Наука, 1964. 711 с.; Т. VIII. М.: Восточная литература. Наука, 1973. 725 с.
10. *Бейсембиев Т.К.* «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата: Наука, 1987. 200 с.
11. *Берг Л.С.* Аральское море. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. 611 с.
12. *Гаффаров М.А.* Персидско-русский словарь. В двух томах. Т. I + II. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы (ГРВЛ). 1976. Т. II. С. 601.
13. *Загряжский Г.С.* Быт кочевого населения Чу и Сыр-Дарьи // Туркестанские ведомости. 1874. № 25. С. 4–5.
14. *Захир ад-Дин Бабур*. Бабур-наме. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1992. 312 с.
15. *Ивашинов Н.А.* Очерки низовьев Сыр-Дарьи и приаральской степи (из походных записок 1853 г. // «Морской сборник». 1854. Т. 13. № 1. С. 252.
16. История Казахстана в западных источниках XII–XX в. Т. 6. Немецкие исследователи в Казахстане. Часть 2. Пер. с ранненовоголл. А.П. Евдокимова / Пер. с нем. Л.И. Быковской / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: «Санат», 2006. 312 с.
17. История Казахстана в русских источниках. Т. I. Посольские материалы Русского государства (XVI–XVII вв.). Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, комментарии, составление словарей указателей А. Ивина. А., 2005. 705 с. + 16 с. вкл. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI первой трети XVIII в. о народах Казахстана / Сост., транскрипция, комментарии, вступительная статья И.В. Ерофеевой. А., 2005. 448 с. + 8 с. вкл.
18. *Ўзди Шараф ад-Дин Али*. Зафар-наме. Перев. со староузб., предисловие, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент: издательство журнала «SANAT», 2008. 486 с. Фотокопия рукописи ЛО ИНА Д 88. Личный архив автора.
19. *Камал ад-Дин Абд ар-Раззак Самарканди*. Матла-и садаин ва маджма-и бахраин. Тегеран, 1383 (2004). Т. 2. Ч. 2. 1156 с. (На персидском языке)
20. *Камал ад-Дин Бинаи*. Шайбани-наме. Копия рук. ИВ АН №844. Личный архив автора. (На персидском языке)
21. *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1958. 105 с.
22. *Костенко Л.Ф.* Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. СПб., 1880. Т. 1. 452 с.; Т. 3. 302 с.
23. Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы, 2014. 528 с., 54 ил.
24. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. 656 с.
25. *Макшеев А.И.* Описание Аральского моря // «Записки Географического Общества», 1851 г., кн. V. С. 50.
26. *Макшеев А.И.* Описание низовьев Сыр-Дарьи // «Морской Сборник», 1856 г. Т. XXIII, № 9. 80 стр.

27. *Маллицкий Н.Г.* О некоторых географических терминах, имеющих отношение к Средней Азии // Изв. Всесоюзного географического общества. 1945. Т. 77. №5. С. 276–287.
28. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата: Изд-во Академии Наук КазССР, 1969. 652 с.
29. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. Ответ. ред. и авт. введ. В.А. Ромодин. М.: Наука. ГРВЛ, 1973. 280 с.
30. Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв.: [Перевод] / АН УзССР, Ин-т востоковедения им. Абу Райхана Беруни; [Отв. ред. Б.А. Ахмедов]. Ташкент: ФАН, 1988. 413, [1] с.
31. *Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблестей благородных (география) / Введение, перевод, примечания, указатели Б.А. Ахмедова. Ташкент, 1977. 168 с.
32. Михман-наме-йи Бухара (Тарих-е падешахи Мухаммад Шибани). Бе талиф-и Фазлаллах ибн Рузбихан Хунджи. Чап-е дуввом. Тегеран, 2535 шахшахи (1976). 402 с. (На персидском языке)
33. *Мурзаев Э.М.* Средняя Азия. М., 1968. 482 с.
34. *Мухаммед Хайдар Дулати.* Тарих-и Рашиди. Перевод с персидского языка А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой, 2-е издание, дополненное. Алматы: Санат, 1999. 656 с.
35. *Низомиддин Шомий.* Зафар-наме. Тошкент: «Узбекистон», 1996. 458 с. (На узбекском языке)
36. *Остроумов Н.В.* География Туркестанского края с краткими сведениями о ханствах Бухарском, Хивинском и Закаспийской области. Изд. 2-е, с картой Туркестанского края. Самарканд, 1891. 92 с.
37. *Пищулина К.А.* Очерки истории Казахского ханства: Сборник статей / Вступ. ст., сост. К.З. Ускенбая. Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2016. 350 с.
38. Рыбные запасы в Сырдарье снизились в пять раз. Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20110705/rybnye-zapasy-v-syrdare-snizilis-v-ryat-raz> (Дата обращения: 08.06.2019)
39. «Таварих-и гузида Нусрат-наме». Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений кандидата филологических наук А.М. Акрамова. Ташкент: «ФАН», 1967. 475 с.
40. Тазкире-йи хафт иклим талиф-и Амин Ахмад Рази. Чап-е дуввом. Тегеран, 1389 (2010). Т. 1–3. 1830 с. (На персидском языке, перевод к.и.н. З.А. Джандосовой)
41. *Тулибаева Ж.М.* Персоязычные источники по истории казахов и Казахстана XIII–XIX вв. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2006. 256 с.
42. *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусеитовой. Алматы: Ғылым, 1992. 296 с.
43. *Утемиш-хаджи.* Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
44. *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфхани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р.П. Джалиловой. Под редакцией А.К. Арендса. Москва: Восточная литература, 1976. 106 с.
45. *Хаджа Халиф Катиб Челеби.* Китаб-и Джихан-наме. Режим доступа: http://www.kitabicihannuma.com/Cihannuma_pdf/7-Cihannuma_301-350.pdf (Дата обращения: 31.05.2019)

46. *Хаджа Халиф Катиб Челеби*. Китаб-и Джихан-наме. / Фонд редких книг и рукописей Национальной библиотеки Республики Казахстан (Инв. №112816 (6865 РК) (SUPPL.TURC.215). Микрофильм рукописи Национальной библиотеки Франции в Париже. 1142 г.х. (1729 г.)

47. *Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммед Бухари*. Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы). Факсимиле рукописи D 88. Пер. с перс., введ., прим. и указатели М.С. Салахетдиновой. Ч. 1. М., 1983. 298 с.; Ч. 2. М., 1989. 560 с.

48. Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). Т. 2 (3): Араго – Аутка. 1890. 2, 478, 2 с, 17 л. ил., карт. Т. 32 (63): Судоходные сборы – Таицы. 1901. 4, 480 с, 14 л. ил., карт.

49. *Abulghasi Bahadur Chani*. Historia Mongolorum et Tartarorum / Hālfīn, Ibrāhīm; Fraehn, C.M. 1825. 215 p.

50. Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi behadour Khan. Publiee, traduite et annotee par Le Baron Desmaisons. Tome I: Texte. St. Petersburg, 1871. 386 + 2 p. Tome II: Traduction. St.Petersbourg, 1874. 394 p.

51. *Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi*. Firdaws al-Iqbal: History of Khorezm. Translated from Chaghatay and annotated by Yuri Bregel. Leiden; Boston; Köln, 1999. lxxvii + 718 p.

Сведения об авторах: Нурлан Адилбекович Атыгаев – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Казахского национального аграрного университета (050010, проспект Абая, 8, Алматы, Казахстан); Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык» (060707, ул. К. Мырзагали, 11, Атырау, Казахстан). E-mail: nuratygaev@mail.ru

Омирбек Канай – старший научный сотрудник Евразийского научно-исследовательского института Международного казахско-турецкого университета имени Ходжи Ахмеда Ясави (050004, ул. Маметова, 48, Алматы, Казахстан). E-mail: kaztegin@hotmail.com

Поступила 15.01.2020 Принята к публикации 02.03.2020

Опубликована 29.03.2020

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. *Umdet al-akhbar*. Kniga 1: *Transkriptsiya, facsimile* [Umdet al-Akhbar. Book 1: Transcription, Facsimile]. D.D. Paşaoğlu (transcription), I.M. Mirgaleev (translation). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 420 p. (In Russian, Ottoman)

2. Abu-l-Ghazi Bahadur Khan. *Rodoslovnaya istoriya o tatarah: v 2 tomah* [Genealogical History of Tatars: in two volumes]. 2 Vols. G.F. Miller (trans.). St. Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences, 1768. (In Russian)

3. Abul-l-Ghazi. *Rodoslovnoe derevo tyurkov* [Genealogical Tree of the Turks]. G.S. Sablukov (trans.). Kazan: Typographic lithography of the Imperial University, 1906. [223] + 336 p. (In Russian)

4. Abu-l-Ghazi Bahadur Khan. *Shadzhra-ii turk*. Riza Nur (trans.). Stambul, 1343 (1925). 352 p. (In Turkic)

5. Abu-l-Ghazi. *Shazharii turk*. Tashkent: Chulpon, 1992. 192 p. (In Uzbek)

6. Ahmedov B.A. *Istoriko-geograficheskaya literatura Sredney Azii XVI– XVIII vv.* (Pismennye pamyatniki) [Historical and Geographical Literature of Central Asia from the

sixteenth to the eighteenth centuries (Written Monuments)]. Tashkent, 1985. 264 p. (In Russian)

7. Abu-l-Ghazi. *Turk shezhiresy*. Kone turik tilinen audargan B. Abilkasymov. Almaty, 1991. 208 p. (In Kazakh)

8. Baipakov K.M., Voyakin D.A. *Vydayushiesya arheologicheskie pamyatniki Kazahstana* [Outstanding Archaeological Monuments of Kazakhstan]. Almaty, 2014. 504 p. (In Russian)

9. Bartol'd V.V. *Sochineniya* [Writings]. Vol. III and VIII. Moscow: 'Science', 1964, 1973. 711 and 725 p. (In Russian)

10. Beisembiev T.K. «*Tarih-i Shahruhi*» kak istoricheskii istochnik [“Tarikh-i shakhruhi” as a Historical Source]. Alma-Ata: 'Science', 1987. 200 p. (In Russian)

11. Berg L.S. *Aralskoe more* [The Aral Sea]. St. Petersburg: Typography of M.M. Stasyulevich, 1908. 611 p. (In Russian)

12. Gaffarov M.A. *Persidsko-russkii slovar* [Persian-Russian Dictionary]. 2 Vols. Moscow: 'Science', 1976. (In Persian, Russian)

13. Zagryazhskii G.S. Byt kochevogo naseleniya Chu i Syr-Dari [Life of the nomadic population of the Chu and Syr-Darya]. *Turkestanskii vedomosti* [Turkestan Gazette], no. 25. 1874, pp. 4–5. (In Russian)

14. Zahir ad-Din Babur. *Babur-name*. Tashkent: Main Edition of Encyclopedias, 1992. 312 p. (In Russian)

15. Ivashintsov N.A. Ocherki nizovev Syr-Dari i priaralskoi stepi (iz pohodnykh zapisok 1853 g. [Essays on the lower reaches of the Syr Darya and the Aral steppe (from expedition notes of 1853)]. *Morskoi sbornik* [Marine Collection], no. 13/1, 1854, p. 252. (In Russian)

16. *Istoriya Kazahstana v zapadnykh istochnikakh XII–XX v.* Vol. 6: *Nemeckie issledovateli v Kazahstane*. Part 2 [History of Kazakhstan in the Western Sources from the twelfth to twentieth centuries. Vol. 6: German Researchers in Kazakhstan. Part 2]. A.P. Evdokimov, L.I. Bykovskaja (trans.), I.V. Erofeeva (ed.). Almaty: Sanat, 2006. 312 p. (In Russian)

17. *Istoriya Kazahstana v russkikh istochnikakh*. Vol. I: *Posol'skie materialy Russkogo gosudarstva (XVI–XVII vv.)* [History of Kazakhstan in Russian Sources. Vol. 1: Embassy Materials of the Russian State of the sixteenth and seventeenth centuries]. A. Isin (ed.). Almaty, 2005. 705 p. + 16 p. Vol. II: *Russkie letopisi i oficial'nye materialy XVI – pervoi treti XVIII v. o narodakh Kazahstana* [Vol. 2: Russian Chronicles and Official Materials from the sixteenth to the first third of the eighteenth century about the Peoples of Kazakhstan]. I.V. Erofeeva (ed.). Almaty, 2005. 448 p. (In Russian)

18. Sharaf ad-Din Ali Yazdi. *Zafar-name*. A. Ahmedov (ed.). Tashkent: Sanat, 2008. 486 p. (In Russian)

19. Kamal ad-Din Abd ar-Razzak Samarkandi. *Matla-i sadain va madzhma-i bahrain*. Vol. 2. Part. 2. Tegeran, 1383 (2004). 1156 p. (In Persian)

20. Kamal ad-Din Binai. *Shaibani-name*. Kopiya ruk. IV AN № 844. Lichnyi arhiv avtora [Copy of manuscript No. 844, Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences. Personal archive of the author]. (In Persian)

21. Kononov A.N. *Rodoslovnaya turkmen. Sochinenie Abu-l-Gazi, hana hivinskogo* [Genealogy of the Turkmen. The Work of Abu-l-Ghazi, the Khan of Khiva]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1958. 105 p. (In Russian, Turkic)

22. Kostenko L.F. *Turkestanskii krai. Opyt voenno-statisticheskogo obozreniya Turkestanskogo voennogo okruga* [The Turkestan Region. The Experience of the Military and Statistical Review of the Turkestan Military District]. Vols. 1 and 3. St. Petersburg, 1880. 452 and 302 p. (In Russian)

23. *Kratkii enciklopedicheskii slovar istoricheskikh toponimov* [Concise Encyclopedic Dictionary of Historical Place Names]. I.V. Erofeeva (ed.). Almaty, 2014. 528 p. (In Russian)

24. Levshin A.I. *Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kaisackih, ord i stepei* [Description of the Kirghiz-Kazakh or Kirghiz-Kaisak Hordes and Steppes]. Almaty, 1996. 656 p. (In Russian)
25. Maksheev A.I. *Opisanie Aralskogo morya* [Description of the Aral Sea]. *Zapiski Geograficheskogo Obshestva* [Notes of the Geographical Society], no. 5. 1851, p. 50 (In Russian)
26. Maksheev A.I. *Opisanie nizov'ev Syr-Dari* [Description of the Lower Reaches of the Syr-Darya]. *Morskoi Sbornik* [Marine Collection], no. 23. 1856. 80 p. (In Russian)
27. Mallickii N.G. O nekotorykh geograficheskikh terminakh, imeyushih otnoshenie k Srednei Azii [About some geographical terms related to Central Asia]. *Izv. Vsesoyuznogo geograficheskogo obshestva* [Proceedings of the All-Union Geographical Society], no. 77/5. 1945, pp. 276–287. (In Russian)
28. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials for the History of Kazakh Khanates from the fifteenth to the eighteenth centuries (extracts from Persian and Turkic writings)]. Alma-Ata: 'Science', 1969. 652 p. (In Russian)
29. *Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii* [Materials for the History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan]. Is. 1. V.A. Romodin (ed.). Moscow: 'Science', 1973. 280 p. (In Russian)
30. *Materialy po istorii Srednei i Centralnoi Azii X–XIX vv.: [Perevod]* [Materials on the History of Central and Central Asia from the tenth to the twentieth centuries: Translations]. B.A. Ahmedov (ed.). Tashkent: Fan, 1988. 413,[1] p. (In Russian)
31. Mahmud ibn Vali. *More tain otositelno doblestei blagorodnyh (geografiya)* [A Sea of Secrets Regarding the Valor of the Noble (Geography)]. B.A. Ahmedov (trans.). Tashkent, 1977. 168 p. (In Russian)
32. Mihman-name-ii Buhara (Tarih-e padeshahi Muhammad Shibani). *Be talif-i Fazlallah ibn Ruzbihan Hundzhi. Chap-e duvvom*. Tehran, 2535 shahshahi (1976). 402 p. (In Persian)
33. Murzaev E.M. *Srednyaya Aziya* [Middle Asia]. Moscow, 1968. 482 p. (In Russian)
34. Muhammed Haidar Dulati. *Tarih-i Rashidi*. A. Urumbaev, R.P. Dzhaililova, L.M. Epifanova (trans.). Almaty: Sanat, 1999. 656 p. (In Russian)
35. Nizomiddin Shomii. *Zafar-name*. Toshkent: Uzbekiston, 1996. 458 p. (In Uzbek)
36. Ostroumov N.V. *Geografiya Turkestanskogo kraya s kratkimi svedeniyami o hanstvakh Buharskom, Hivinskom i Zakaspiiskoi oblasti* [Geography of the Turkestan Region with Brief Information about the Khanates of Bukhara, Khiva, and the Transcaspiian Region]. Samarkand, 1891. 92 p. (In Russian)
37. Pishulina K.A. *Ocherki istorii Kazahskogo hanstva: Sbornik statei* [Essays on the History of the Kazakh Khanate. Collected Articles]. Q.Z. Uskenbay (ed.). Almaty: Valikhanov Institute of History and Ethnology, 2016. 350 p. (In Russian)
38. *Rybnye zapasy v Syrdare snizilis v pyat raz* [Fish Stocks in Syrdarya Decreased by Five Times]. Available at: <https://news.tj/ru/news/rybnye-zapasy-v-syrdare-snizilis-v-pyat-raz> (Last accessed: 08.06.2019) (In Russian)
39. *Tavarih-i guzida Nusrat-name*. A.M. Akramov (ed.). Tashkent: FAN, 1967. 475 p. (In Russian, Turkic)
40. *Tazkire-ii haft iklim talif-i Amin Ahmad Razi. Chap-e duvvom*. Tehran, 1389 (2010). 1830 p. (In Persian)
41. Tulibaeva Zh.M. *Persoyazychnye istochniki po istorii kazahov i Kazahstana XIII–XIX* [Persian Sources on the History of the Kazakhs and Kazakhstan from the thirteenth to the nineteenth centuries]. Astana: Gumilev Eurasian National University, 2006. 256 p. (In Russian)
42. Ötemish Hajji. *Chingis-name*. V.P. Yudin (transcription and translation), Yu.G. Baranova (ed.). Alma-Ata: Gylym, 1992. 296 p. (In Russian, Turkic)
43. Ötemish Hajji. *Kara tavarikh*. I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova, Z.T. Khafizov (eds and trans.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian, Turkic)

44. Fazlallah ibn Ruzbihan Isfahani. *Mihman-name-ii Buhara (Zapiski buharskogo gostya)* [Notes of the Bukhara Guest]. R.P. Dzhalilova (trans.), A.K. Arends (ed.). Moscow: 'Oriental Literature', 1976. 106 p. (In Russian)
45. Haja Halif Katib Chelebi. *Kitab-i Dzhihan-name*. Available at: http://www.kitabicihannuma.com/Cihannuma_pdf/7-Cihannuma_301-350.pdf (Last accessed: 31.05. 2019)
46. Haja Halif Katib Chelebi. *Kitab-i Dzhihan-name*. Fond redkih knig i rukopisei Nacional'noi biblioteki Respubliki Kazakhstan (Inv. №112816 (6865 RK) (SUPPL.TURC.215). Mikrofil'm rukopisi Nacional'noi biblioteki Francii v Parizhe. 1142 g.h. (1729 g.) [Rare Books and Manuscripts Fund of the National Library of the Republic of Kazakhstan, No. 112816 (6865 RK) (SUPPL.TURC.215). Microfilm of the manuscript of the National Library of France in Paris. 1142 AH (1729)].
47. Hafiz-i Tanysh ibn Mir Muhammed Buhari. *Sharaf-name-ii shahi (Kniga shahskoi slavy)* [Book of the Shah's Glory]. M.S. Salahetdinova (trans.). Part. 1. Moscow, 1983. 298 p. Part. 2. Moscow, 1989. 560 p. (In Russian, Persian)
48. *Enciklopedicheskii slovar* [Encyclopedic Dictionary]. F.A. Brockhaus, I.A. Efron (eds). Vol. 2 (3): *Arago – Autka*. 1890. 2, 478, 2 p, 17 l. il., kart. Vol. 32 (63): *Sudohodnye sbory – Taicy*. 1901. 4, 480 p, 14 l. il., kart. (In Russian)
49. Abulghasi Bahadur Chani. *Historia Mongolorum et Tartarorum*. Halfin, Ibrahim (ed.). Moscow, 1825. 215 p. (In Turkic).
50. *Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan*. Vol. I: *Texte*. Baron Desmaisons (ed. et trans.). St. Petersbourg, 1871, 386 + 2 p. Vol. II: *Traduction*. St. Petersbourg, 1874. 394 p. (In Turkic, French)
51. Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi. *Firdaws al-Iqbal: History of Khorezm*. Yu. Bregel (trans.). Leiden; Boston; Koln, 1999. lxxvii + 718 p. (In English, Turkic)

About the authors: Nurlan A. Atygayev – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, Kazakh National Agricultural University (8, Abay Ave., Almaty 050010, Kazakhstan); State Historical and Cultural Museum-Reserve “Saraychik” (11, K. Myrzagali Str., Atyrau 060707, Kazakhstan). E-mail: nuratygaev@mail.ru

Omurbek Hanayi – Senior Research Fellow, Eurasian Research Institute of the Khoja Akhmet Yasawi International Turkish-Kazakh University (48, Mametov Str., Almaty 050004, Kazakhstan). E-mail: kaztegin@hotmail.com

*Received January 15, 2020 Accepted for publication March 2, 2020
Published March 29, 2020*

УДК 94(470.41)

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.185-199

**THE DECREE OF THE CENTRAL COMMITTEE
OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF BOLSHEVIKS
IN AUGUST 1944 AND THE TATAR INTELLIGENTSIA**

A.G. Gallyamova^{1a}, A.Sh. Kabirova^{1b}, I.I. Khanipova^{1c}

¹ *Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

^a *alfiya1955@gmail.com*, ^b *aikabirova@mail.ru*, ^c *ihanipova@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* To analyze the reasons for the promulgation of the Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of August 9, 1944, “On the Status and Measures of Improving Mass-Political and Ideological Work of the Tatar Party Organization”, and determine its impact on the activities of the Tatar creative and humanitarian intelligentsia in the second half of the 1940s and early 1950s.

Research materials: Documentary sources from federal and regional archives, along with specialized studies.

Results and novelty of the research: The authors believe that the adoption of the 1944 Decree should be considered in the context of changes in the general political situation in the country associated with the strengthening of the dictatorship of the state and the destruction of liberal ideological trends at the end of World War II. The promotion of the national spirit, necessary for the survival of the state in military conditions, lost its relevance and gave way to great-power sentiments. The Decree was used as a “whip” against the national intelligentsia, but it did not stop the development of humanitarian thought. Many creative figures recognized the ideological framework only externally, while in reality, they often went far beyond it and continued to work actively in the study of ethnic history and culture.

Keywords: national policy, Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, Soviet culture, history of the Tatars, Golden Horde, censor, Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on August 9, 1944

For citation: Gallyamova A.G., Kabirova A.Sh., Khanipova I.I. The Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in August 1944 and the Tatar Intelligentsia. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 185–199. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.185-199

The adherence to communist ideology was the main indicator of the political trustworthiness of man in Soviet society. The role of the guides of the dominant ideological paradigm was assigned to the intelligentsia whose activities were strictly regulated by the authorities. Scholars, writers, artists were supposed to participate in the formation and education of the so-called “new man”. In this context, in the 1930s in Tatarstan, as throughout the country, works appeared glorifying the revolution, the greatness of the new system, and labor achievements in the name of the triumph of socialism.

The years of the Great Patriotic War became a time when the threat looming over the state forced it to make ideological concessions in the spiritual sphere.

However, this did not last long. The situation radically changed in accordance with the situation on the war fronts, which moved away from the territory of the USSR. The decree "On the Status and Measures of Improving Mass-Political and Ideological Work of the Tatar Party Organization", promulgated by the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on August 9, 1944, testified to this in all evidence. Attempts by the country's leadership to regulate the activities of the Tatar humanitarian intelligentsia intensified many times in the postwar years. The article is aimed at both analyzing the reasons for the Decree's promulgation and determining its impact on the activities of the Tatar creative and humanitarian intelligentsia in the second half of the 1940s and early 1950s.

A historiographic review of specialized articles regarding the topic reveals increased interest among researchers. I.L. Izmailov's [13; 14] and D.M. Iskhakov's [16; 17; 18] articles contain a thorough and conceptual presentation of the issue under consideration. In the period of the collapsed communist monopoly on the interpretation of history, they were the first to thoroughly describe the situation in the Tatar humanities. It is especially valuable that I.L. Izmailov [13] published archival materials that provide the reader with the opportunity for further independent reflection. Tatarstan humanitarians pay serious attention to the discussion of the relations between the authorities and the Tatar creative community in the period of late Stalinism. A.G. Gallyamova discussed the processes of interaction between the political and intellectual elite of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1950s and 1960s [7; 8; 9]. She introduced into scholarly circulation and analyzed a large set of documents from the republican and central archives detailing the cultural policy and its implementation in the Tatar ASSR until perestroika. An attempt in 1958 to disavow the assessments of the history and cultural heritage of the Tatar people promulgated fourteen years earlier is of particular interest in the context of the article [8, p. 243]. R.B. Khaplekhamitov, in turn, described the specifics of the sociocultural situation and the position of the Tatar intelligentsia in the second half of the 1940s and 1950s [37]. D. Galiullina presented a discussion of the controversial stages in the history of the Tatar people in the university environment in the second half of the 1940s [6]. Various aspects of the issue were considered in the works of B.F. Sultanbekov [33], I.R. Tagirov [34], A.Sh. Kabirova [19], D.A. Pinaeva [28]. At the same time, despite a number of publications, the formation of ideological principles in the field of state national-cultural policy in the Tatar ASSR, their influence on the activities of the Tatar intelligentsia and the development of national culture in the post-war decades are still not fully understood. This is the reason why the authors turned to this topic.

The realities of the initial period of the war connected with the catastrophic situation on the fronts showed that the ideological basis of the 1930s was not enough to induce Soviet people to mobilize internally for the struggle and readiness to die for the country. Therefore, the authorities returned to the primordial pre-socialist values, traditionally used to raise the military spirit and strengthen universal patriotism. Instead of class bonds of the consolidation of society, they resorted to propagating examples of military prowess from Russian history, legalizing the persecuted religious feelings, shifting the focus of the formation of public consciousness from the principles of abstract "proletarian internationalism" to national values.

The content of the propaganda work changed due to new ideological imperatives: many events of the pre-October history of Russia began to be evaluated positively, the number of lectures on the heroic-patriotic topic increased. In the first nine months of the war, twenty-one thousand lectures with the participation of about two million people were delivered in Tatarstan only in rural areas. Military-historical subjects prevailed: "The Patriotic War of 1812", "Civil War", "The rout of the Entente", etc. Republican newspapers "Krasnaya Tataria" and "Kyzyl Tatarstan" solved propaganda tasks. Special display cases for central and local newspapers and messages of the Soviet Information Bureau were installed in crowded places due to the decrease in the number of periodicals because of the difficulties of the war period. The Tatar book publishing house significantly increased the volume of output and published, during the war years, 670 books and brochures of a political and defense nature in Russian and Tatar languages with a circulation of more than 10 million copies¹.

The so-called "religious revival" became an effective tool for influencing the masses. The decision to stop all anti-religious propaganda in the country was made at the state level. For the first time after the devastating actions of previous years, people were allowed to visit churches and mosques and conduct the necessary rituals. They began to celebrate Kurban Bayram and Easter. Pilgrimage to holy places intensified. Among the Muslims of the Tatar ASSR, these places were Bolghar in the Kuibyshev (nowadays Spassky) district, holy spring key in the Bilyar district of the Republic, grave of the "Seven Saints Young Ladies" in the Tatar cemetery in Kazan.

The permission of the authorities to conduct religious services and ceremonies revealed the need of the population of Tatarstan in religious buildings that ceased their activities in the midst of atheistic campaigns. By 1941, the bulk of religious buildings in the republic was closed [see 12, p. 63; 20, p. 229–334, 338–343]. Believers dared to resume the struggle for their return taking advantage of ideological concessions. For example, archival funds preserved the appeals of Christians in the village of Verkhniy Aktash (Aktash district), the village of Maloe Podberezye (Podberezhinsky district), the village of Arbuzov-Baran (Bilyar district), etc., addressed to F.F. Gorbachev, Plenipotentiary of the Council for Russian Orthodox Church Affairs in Tatar ASSR, requesting the opening of churches². Muslims addressed their applications to Kh.S. Bagaev, Plenipotentiary of the Council for Religious Cults in Tatarstan. In 1945, Bagaev received 30 applications for the opening of mosques from 26 districts of the Republic, including from residents of the village of Staroe Alparovo (Alkeevsky district), the village of Ibraikino (Aksubaevsky district), etc.³. In the same year, part of the submitted applications was granted⁴.

The permission to perform a Hajj to a group of believers of 17 people (with two people from the Tatar ASSR) was a very significant event for Muslims of the country. In 1943, in addition to the current Central Spiritual Administration of

¹ State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund P-15. Inventory 5. Case 200a. Folios 69–70.

² State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund R-873. Inventory 1. Case 8. Folios 56–58; Case 9. Folio 109; Inventory 2. Case 6. Folios 62–64.

³ State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund P-15. Inventory 5. Case 1844b. Folio 1; Fund R-873. Inventory 1. Case 3. Folio 1.

⁴ State Archive of the Russian Federation. Fund R-6991. Inventory 2. Case 20. Folios 88–89, 91–95, 99.

Muslims with a center in the city of Ufa, three more Muslim spiritual administrations were established in the North Caucasus (Buinaksk), Transcaucasia (Baku), Central Asia and Kazakhstan (Tashkent). The status of an informal leader was assigned to the Central Asian spiritual administration.

Finally, which is especially important in the context of this article, the switching of people's consciousness into the field of national potential nourishing in a person feelings of heroism, pride, sacrifice, was crucial for the regions in which a significant number of representatives of the non-Russian nation lived. The Tatar cultural factor, which was richly reflected in traditions, literature, and songwriting, became extremely important in the Tatar ASSR.

This factor was used in various aspects. The national idea was used by the authorities in addressing letters on behalf of the peoples of the USSR to their compatriots who fought in the army. "A letter to the Tatar front-line soldiers ..." from the working people of the Tatar ASSR [30], published in "Pravda" on March 5, 1943, received massive support: it was signed by one and a half million people [35, p. 280]. Tatar front-line newspapers of the war years helped to strengthen the moral and combat qualities of the Tatars. According to A.K. Ainutdinov, during the war there were 16 such periodicals [2], whose editors and correspondents were famous Tatarstan writers and journalists: Musa Jalil was a literary employee of the newspaper "Otvaga" (Courage), Khatib Usmanov served in the newspaper "Vatan Uchen" (For the Motherland) of the North-Western Front. Ibrahim Gazi and Adele Kutui actively collaborated with the editorial board of the newspaper "Kyzyl Armiya" (Red Army) of the First Belorussian Front. Abdrakhman Absalyamov worked in the newspaper "Vatan Uchen Sugyshka" (In battles for the Motherland) of the Karelian Front. Reading newspapers in their native language united the soldiers, cheered them up, and helped to survive.

An important event related to dramatic changes in national policy occurred on April 24, 1944, when the Order of the All-Union Committee on Higher School Affairs under the Council of People's Commissars of the USSR "On the organization of the Department of Tatar Language and Literature at Kazan State University named after V.I. Ulyanov-Lenin" was promulgated [36, p. 216]. The emergence of a new institutional education meant the expansion of the sphere of formation of the national intelligentsia. The Tatar Language and Literature Department was established in the Fall of 1944 at the Faculty of History and Philology.

Of course, wartime conditions made it difficult to solve the personnel problem, material equipment, and the selection of student contingent. The department received a very small room and a limited book fund. There was no special cabinet of the Tatar language and literature, nor visual aids. Nevertheless, on June 27, 1945, the Academic Council of the Faculty of History and Philology began to implement a wide program for student admission, lecturing on the history of the Tatar language and literature, and the research work of the department headed by Rabiga Afzalovna Khakimova⁵. The five-year plan of academic work included the study of the language of the works of Sh. Marjani, Musa-Akeget-Zade, the life and work of G. Tukai (R.A. Khakimova), the analysis of the dictionary of Mahmud Kashgari

⁵ State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund R-1337. Inventory 2. Case 29. Folio 23^v.

(S. Bikbulatov), etc⁶. The foundation of the department intensified the research of such teachers as L.Z. Zalyaletdinov, V. Khangildin, Sh. Ramazanov, R. Shakirova.

However, the ideological concessions associated with the Tatar national factor were most expressed in the works of writers and artists of the Republic. While realizing the expanded opportunities, the national intelligentsia turned to those plots of the heroic past, which, despite the previous ban, were carefully preserved in the ethnic treasury. Naki Isanbet, Fatykh Khusni, Shaikhi Mannur, Sibgat Khakim, Fatikh Karim and other writers were given the opportunity to create and publish literary works without the usual wary of state security agencies. The Tatar intelligentsia “remembered” the time of the existence of the powerful medieval Tatar states of the Golden Horde and the Kazan Khanate and revived the image of Idegei, the courageous defender of the native land, and other national heroes bravely fighting against the conquerors.

In the Fall of 1941, the play “Idegei” based on the tragedy by N. Isanbet was presented on the stage of the Tatar Academic Theater. As researcher G. Arslanov notes, the performance “was supposed to charge with optimism, a great will to win” [3, p. 80–81], which was extremely relevant during the war. As early as 1940, Naki Isanbet, the Tatar writer and dramaturge, published a composite text of the Tatar epic about Idegei with his comments. He presented Idegei as a brave warrior and, in addition, noted the important contribution of the ulus of Jochi (Golden Horde) to the history and culture of the Tatar people. The epic received rave reviews. He was rated as an outstanding literary work, comparable with the Kyrgyz epos “Manas”, the Karelian “Kalevala” and others.

However, when the actuality of Idegei was lost, it was this work that became one of the main targets in the struggle against “Tatar nationalism”. As soon as the territory of the USSR was liberated from the Wehrmacht troops, the authorities abruptly set about “restoring order” in the country [see 27, p. 327]. In 1943–1944, entire peoples (Kalmyks, Chechens, Crimean Tatars, Ingush, Balkars, Greeks, etc.) were evicted from their places of historical dwelling. The reason for the deportations was their unfounded accusations of mass betrayal [see 4].

In relation to the Tatar people, the eviction of which seemed rather problematic (recall that Tatars belong to the dispersed-settled ethnic groups, and therefore only one fourth of the total number of Tatars in the USSR lived in the Tatar ASSR – a republic called after the titular nation [see 21, p. 249; 26, p. 11]), the line aimed at its spiritual discrimination was very clearly manifested. It found its expression in the Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks “On the State and Measures to Improve Mass-Political and Ideological Work in the Tatar Party Organization” promulgated on August 9, 1944.

Earlier, similar decisions of the Party Central Committee on improving ideological work were adopted in the Moldavian, Belorussian, and Ukrainian SSR [22, p. 501–504, 506–512, 524–525; 27, p. 501, 506]. January 27, 1945, works created on the basis of the Bashkir epic were negatively evaluated in the Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks “On the Status and Measures of Improving the Propaganda Work in the Bashkir Party Organization” [22, p. 539–543].

⁶ State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund R-1337. Inventory 2. Case 42. Folio 1.

In the August decree (1944), the Tatar Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks underwent ideological execution primarily for “mistakes” allegedly made by historians and writers while creating those works that, until recently, the authorities had assessed as “patriotically correct” and objectively reflecting the history of the Tatars. The document noted: “The Tatar Regional Committee entrusted the ideological work in the field of history to the Tatar Institute of Language, Literature, and History, unsatisfactorily directed the work of writers and artists, did not sufficiently control the repertoire of art institutions, and did not organize work on the ideological and political education of the intelligentsia. As a result, serious ideological errors took place in Republic in coverage of the history of the Tatar people, as well as in Tatar literature and art” [22, p. 515].

According to the governing bodies, “nationalist mistakes” were expressed in “embellishment of the Golden Horde, ignoring its aggressive essence”, “anti-scientific characterization of the Golden Horde as the homeland of the Tatar people”, “incorrect assessment of the feudal Idegei epic”, etc.⁷ [31, p. 101–102].

In fact, the republican Soviet elite was accused of connivance in “sticking out” the national factor. The central government demanded restrictions on the freedom of the creative intelligentsia in matters of self-expression, a return to the communist-imperial interpretation of the history and culture of the Tatars.

Gradually, conquered positions regarding the national question systematically returned to the “Procrustean bed” of ideological schemes established earlier in the state. The main goal of the 1944 Decree was to erase from the mass consciousness the historical memory of the past powerful Tatar states and to regulate the activities of the scholarly and artistic intelligentsia. To this end, the Tatar Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks received a categorical prescription “to organize the scientific development of the history of Tatarstan”, “to eliminate ... the shortcomings and mistakes of a nationalist character”, and to draw attention exclusively to international aspects, focusing on “research and coverage of the history of the joint struggle of Russian, Tatar and other peoples of the USSR against foreign invaders ...” [20, p. 518].

A thorough discussion of the Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks took place at a meeting of the Republican Party organization in September 1944. After this, a wave of sessions and meetings swept through the institutions and organizations of the Tatar ASSR.

The main blow was inflicted on the Tatar Institute of Language, Literature, and History, whose work was derogatorily criticized by the Bureau of the Tatar Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on October 6, 1944. The main provisions of the August decisions of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks were practically duplicated in the resolution “On Errors and Deficiencies in the Work of the Tatar Research Institute of Language, Literature and History” made following the meeting⁸.

The decree also formulated the main ideological principles that should be strictly followed. According to these principles, the Golden Horde was declared an

⁷ Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17. Inventory 125. Case 242. Folio 139.

⁸ Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17. Inventory 125. Case 242. Folio 139.

“aggressive, predatory state” that “waged aggressive wars and robber campaigns on the lands of the Russian people and its neighbors”. Accordingly, the ulus of Jochi could only be considered as a negative phenomenon. It was impossible to talk about the “conquest” or “capture” of the Kazan Khanate by the Russian state, but only about the “annexation” that contributed to the progress of Tatars, etc.

Serious personnel shifts were made in parallel with the “work on mistakes”. Kh. Yarmukhametov, director of the Institute of Language, Literature, and History, was removed from his post as “unable to cope with work”. Some department heads were also removed.

In 1946, an academic session was held in Moscow dedicated to the ethnogenesis of Tatars. The Bulgarian theory of the origin of the Tatar people prevailed in historical studies, despite the fact that this hypothesis was seriously questioned during the debate. To overcome the resistance of historians who disagreed with the theory of Bulgarism, the Institute of History of the USSR Academy of Sciences created a Commission to facilitate the writing of “History of Tatarstan” under the chairmanship of A.P. Kuchkin. This commission was supposed to monitor the structure and content of the “History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic” being prepared at the Institute of Language, Literature, and History [see 11].

The regional committee of the party also “revealed” the shortcomings in the study of Tatar literature [32, fol. 101–102; 48, fol. 139] and pointed out that “the 1940 periodization of the history of Tatar literature ignores the enormous progressive influence of Russian culture on the work of Tatar writers, does not reflect the negative influence of Islam on the development of Tatar culture, does not show the struggle of progressive representatives of the Tatar people (K. Nasyri, G. Tukai and others) against the religious fanaticism of the Muslim clergy”⁹. “Prospect of periodization of history” and “History of literature” by B. Yafarov, “Prospect of periodization of history of literature” by Kh.Kh. Khismatullin and Ja.Kh. Agishev was ranked among the works littered with harmful “nationalist sentiments”¹⁰.

As already noted above, the epic *Idigei*, which had been considered shortly before as one of the achievements of the Tatar culture, was also sharply criticized [23, p. 68]. On November 28, 1944, the Tatar Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks made a resolution “On the erroneous article of N. Isanbet” regarding his “500th anniversary of the Tatar folk epos – dastan *Idegei*” published before the war in the journal “Soviet *adabiyaty*” (Soviet Literature)¹¹. In turn, a certificate from the Propaganda and Agitation Directorate of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks indicated regarding the dastan *Idegei* that this epic should not be “put on a par with the greatest works of oral creativity of the peoples of the USSR ...” since it “glorifies the aggressive state of the Golden Horde” and Golden Horde military commanders who acted as “leaders of robber campaigns ...”¹².

The negative characteristics of the epic had sad consequences for the development of historical studies not only in Tatarstan, but also in those regions where

⁹ Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17. Inventory 125. Case 242. Folio 139^v.

¹⁰ State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund P-15. Inventory 5. Case 1143. Folios 51–55.

¹¹ State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund P-15. Inventory 5. Case 1154. Folios 30–31.

¹² Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17. Inventory 125. Case 290. Folios 7–8.

the merits of Idegei were known and revered. So, in Kazakhstan, an ideological campaign was launched against academician A.Kh. Margulan, a researcher of the folk epic. He was accused of praising Edige (the Kazakh version of Idegei's name) and idealizing the Golden Horde [see 1; 39, p. 19–20].

The ideological dictate in the field of literature was further strengthened in 1946 when decisions were made regarding the journals "Zvezda" and "Leningrad". In the Tatar Republic, the Tatarstan branch of the Main Directorate for Literature and Publishing houses gave a negative assessment to the works "Hope", "Girl from Kazan", "Duma" by Sh. Mannur, "Pillow" by G. Kashshaf, "Source of Life" by G. Zakirov, "Hole and gap" by A. Iskhak, "Ring", "Unburned heart" by F. Khusni, "Soldier" and "Beautiful words" by A. Yerikeyev. The writers were accused of preaching pessimism, decadence, lack of ideology "harmful to the education of Soviet youth".

Collections of plays "Our variety" (compiled by A. Kamal) and "We choose", a sketch by A. Kamal "We met", a play by M. Amir "Bouncer", and a collection of poems by A. Yerikeyev were criticized in 1946–1947 for the "distortion of Soviet reality" and the lack of patriotism¹³. In 1948, one verse was removed from the poem of Gabdulla Tukai published in a collection edited by M. Gainullin. The reason for this was the censors' doubts as to which era the incorrect formulations of the "hard life" in the poem belonged to¹⁴.

Categorical prescriptions were presented to the repertoire of theaters, which required the production of modern performances "faithfully depicting the life and struggle of Soviet people"¹⁵. At the end of the 1940s, the operas "Altynchech", "Tulyak", "Zyugra" by N. Zhiganov, "Galiyabanu", "Zulhabira" by M. Muzafarov, "Mountain Story" by A. Klyucharev, "Bashmagym" by J. Fayzi underwent an ideological crackdown. The representative of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, who checked the work of the Tatar Opera and Ballet Theater in July 1949, pointed out a number of "shortcomings" that made it possible to determine what party-state officials wanted to see on the stage of spectacular institutions. He writes condemning the lack of "ideologically and artistically complete" works of national authors in the theater's repertoire: "None of the works reveals great friendship and ties between nations. Nowhere is it said about the enormous progressive revolutionary influence of the Russian people, Russian culture. The topics related to the life of Lenin, Molotov, Kirov, Gorky in Kazan are not covered anywhere. None of the works shows the leading role of the party"¹⁶. In the late 1940s, about two dozen performances of Kazan theaters were banned from showing as inconsistent with ideological principles [15, p. 638–642].

At the same time, according to contemporaries, the hidden persecution of the great Tatar composer S. Saydashev began. In 1948, S. Saydashev, the author of the "March of the Soviet Army" (which, according to S. Shamov, ranks fifth in terms of beauty and value among the masterpieces of world music [38, p. 80]), was re-

¹³ State Archive of the Russian Federation. Fund R-9425. Inventory 1. Case 440. Folios 45, 49; Case 545. Folio 180.

¹⁴ State Archive of the Russian Federation. Fund R-9425. Inventory 1. Case 663. Folio 161.

¹⁵ State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund P-15. Inventory 30. Case 6. Folio 287.

¹⁶ Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17. Inventory 133. Case 368. Folios 106–107.

moved from the post of conductor and Musical Director of the Tatar Theater. In 1952, devastating articles by Z. Khayrullina and Ch. Bakhtiyarova were published under the eponymous title "About the work of Salikh Saydashev" in the journal "Sovet ədəbiyatı" (Soviet Literature) [38, p. 43]. As a result of such dramatic circumstances, he became really poor and died suddenly in 1954.

Study books on humanities underwent ideological revisions. A textbook on Tatar literature for the eighth grade of middle school was sharply criticized twice (in September 1948 and in January 1952). The authors were accused of being "captured by bourgeois objectivism", including "harmful works" in the textbook, poorly illuminating the influence of Russian literature on Tatar literature, incorrectly assessing Jadidism, the role of Islam. The overall result of this campaign was that the names and works of the people who made up the pride of Tatar literature, fell into disgrace. One of the authors of the textbook, literary critic B. Yafarov, was expelled from the ranks of the All-Union Communist Party of Bolsheviks for misinterpreting the problems of its development, and M. Gainullin, director of the Institute, was reprimanded. In turn, L. Zalyay, G. Kashshaf, and G. Khalit suffered for a positive assessment of Jadidism [see 29].

Teaching materials for high school fell into the stream of criticism after school literature. In the Fall of 1950, the Department of Tatar Language and Literature of Kazan State University attracted a wide scholarly community to discuss curricula, as well as courses "Introduction to Linguistics" and "Tatar Literature for Secondary Schools"¹⁷.

In 1952, in connection with the identification of "serious errors in covering the history of Tatar literature of the pre-October period" in the eighth-grade textbook, the bureau of the Tatar Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks posed new tasks in the study of Tatar literature and language for literary scholars and linguists. The department was forced to both re-review curricula and programs as well as hold discussions on the problems of the history and nature of Tatar enlightenment¹⁸. New version of the textbook by M.U. Usmanov and Ja.Kh. Agishev was admitted to the publishing house only after several stages of reviewing, studying by a special commission and discussion at the regional committee¹⁹.

The expansion of the field of ideological pressure in the humanitarian sphere led to the internal self-censorship of teachers, their attention to party directives. So, in the analysis of teaching materials on folklore, comparative grammar of the Tatar and Russian languages, R.A. Khakimova, the head of the department, pointed out the shortcomings in the "disclosure of the identity, ideology, and historical conditionality" of the Tatar national folklore and, in accordance with the guidelines laid down above, noted that "it was presented in isolation from Russian culture"²⁰. Fierce debate ensued during the discussion of the name of the ancient period, which contained a characteristic of the culture and statehood of the Golden Horde.

¹⁷ State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund R-1337. Inventory 2. Case 6. Folio 2.

¹⁸ State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund R-1337. Inventory 2. Case 238. Folio 113.

¹⁹ State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund R-1337. Inventory 2. Case 238. Folio 10.

²⁰ State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund R-1337. Inventory 2. Case 166. Folia 16, 23–35.

B.A. Yafarov, the compiler of the program, did not dare to talk about the “Golden Horde period” and proposed to call it the “Bulgarian-Kazan era”²¹. The content of the program on ancient Tatar literature caused heated debates at the next meeting. The authorship, time and place of writing the work “Nahj al-Faradis” (The Way to Paradise) also turned out to be extremely debatable²². The problems of studying such works of Tatar literature as “Chura-Batyr”, the dastan “Chinggis Khan”, “Sayakhatname”, “Yosyf and Zuleikha” etc., also became the subjects of discussions.

Thus, the Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of August 9, 1944 was aimed at both establishing strict ideological control over the spiritual life of the Tatars and Tatarstan as well as restricting the activities of writers, scholars, representatives of culture and art, limited by official dogmas.

However, the authorities’ desire for total control in the cultural sphere not only did not “break” the national intelligentsia, but partly even revived the discussion over the ethnic and socio-cultural history of Tatars. This was especially noticeable during the years of the “thaw”. So, despite the widespread approval of the Bulgarian theory of the origin of Tatars, the orientalist M.G. Safargaliyev did not stop his research in the study of the Golden Horde [32]. Later Sh.F. Mukhamedyarov and M.A. Usmanov also studied this subject. Limitations in the field of Tatar national literature and linguistics did not stop the study of the complex problems of the origin of the Tatar language, its history and teaching methods. Issued of the Tatar enlightenment of the nineteenth century continued to be developed in the field of the history of the Tatar people.

The creative intelligentsia did not abandon attempts to change the situation as well. G. Kashshaf, S. Battal, Sh. Mannur, Sh. Mudaris, A. Eniki, N. Fattakh, and others defended the identity of the Tatar culture. With the onset of democratic change, Tatar writers and cultural figures came up with a number of sore problems and questions: freedom of creativity, the need to improve the conditions for the development of national culture, the resumption of Tatar newspapers and magazines that appeared before the war, etc. During a meeting of the Writers’ Union of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in 1957, representatives of the Tatar creative elite even tried to change the assessments of the epos “Idegei”, established after the August Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in 1944, and suggested that it could be considered not a “feudal”, but a “popular” one. They also suggested considering Jadidism not as a manifestation of pan-Turkism, but as a scholarly and educational popular movement. But these questions were only posed. They could not be resolved, since the liberalization of the political regime in the country ended quite quickly and the previous trends prevailed in national cultural policy.

²¹ State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund R-1337. Inventory 2. Case 166. Folia 26–27^v.

²² According to modern scholars, Mahmud al-Bulgari wrote “Nahj al-Faradis” in the Golden Horde city of Sarai in 1357–1358. Recently it was presented to the general public [see 4; 10; 24; 25].

REFERENCES

1. Azarov A. Al'key Margulan i zhernova repressiy. Trudnye otnosheniya uchenogo s sovetskoy vlast'yu [Alkey Margulan and the millstone of repression. The scholars' difficult relationship with the Soviet regime]. *Radio Azattyk*. Available at: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-soviet-scientist-alkey-margulan/30101609.html> (Last accessed 30.08.2019). (In Russian)
2. Aynutdinov A.K. *Letopis' podviga: Istoricheskiy ocherk po stranitsam frontovyykh gazet* [Chronicle of the Feat: A Historical Sketch on the Pages of Frontline Newspapers]. Kazan: Tatar book publishing house, 1984. 110 p. (In Russian)
3. Arslanov M.G. *Tatarskoe rezhisserskoe iskusstvo (1941–1956 gg.)* [Tatar Directorial Art (1941–1956)]. Kazan: Institute of Language, Literature and History, 1996. 224 p. (In Russian)
4. Bugay N.F. L. *Beriya – I. Stalinu: «Soglasno vashemu ukazaniyu...» (O deportatsii narodov v SSSR v 30–40-e gg.)* [Beria to I. Stalin: “According to your instructions ...” (On the deportation of peoples to the USSR in the 1930–40s)]. Moscow: AIRO-KhKh, 1995. 319 p. (In Russian)
5. *V Bolgare prezentovali perevod sochineniya XIV veka «Nakhdzh al-Faradis» («Put' v ray»)* *Makhmuda al-Bulgari* [A Translation of the 14th century Work “Nahj al-Faradis” (The Way to Paradise) by Mahmud al-Bulgari Was Presented in Bolghar]. Available at: <https://www.tatar-inform.ru/news/2019/06/15/654097/> (Last accessed 15.06.2019). (In Russian)
6. Galiullina D. Obsuzhdenie nekotorykh aspektov istorii tatarskogo naroda na kafedre istorii SSSR KGU vo vtoroy polovine 1940-kh gg. [Discussion of some aspects of the history of the Tatar people at the Department of History of the USSR of Kazan State University in the second half of the 1940s]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 2004, no. 2, pp. 26–28. (In Russian)
7. Gallyamova A.G. *Istoriya Tatarstana: modernizatsiya po-sovetski (vtoraya polovina 1940-kh – pervaya polovina 1980-kh gg.)* [History of Tatarstan: Soviet-style Modernization (second half of the 1940s – first half of the 1980s)]. Kazan: Magarif, 2010. 223 p. (In Russian)
8. Gallyamova A.G. Ideologiya i obshchestvenno-politicheskaya situatsiya v TASSR vo 2-y polovine 1940-kh – seredine 1980-kh gg. [Ideology and socio-political situation in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the second half of the 1940s – mid-1980s]. In: Gallyamova A.G., Kabirova A.Sh., Ivanov A.A., Gaynetdinov R.B., Minnullin I.R., Almazova L.I. *Istoriya Tatarstana i tatarskogo naroda. 1917–2003 gg.: ucheb. posobie* [History of Tatarstan and the Tatar People. 1917–2003: Textbook]. Kazan: Kazan State University Publ., 2014, pp. 231–243. (In Russian)
9. Gallyamova A.G. «Otmechavshiesya v postanovlenii TsK VKP(b) nedostatki... do sikh por ne preodoleny» (Godu literatury posvyashchaetsya) [“The shortcomings noted in the resolution of the Central Committee of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks ... have not yet been overcome” (dedicated to the year of literature)]. *Ekho vekov – Gasyrlar avazy* [The Echo of the Ages]. 2015, no. 1/2, pp. 84–93. (In Russian)
10. Gibadullin I.R., Sayfetdinova E.G. Makhmud al-Bulgari. Nakhdzh al-Faradis (glava III, razdel 1) [Mahmud al-Bulgari. Nahj al-Faradis (Ch. III, sect. 1)]. *Zoloto-ordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 175–184. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.175-184 (In Russian)
11. Zakiev M.Z. 50 let poiskov i otkrytiy [50 years of research and discoveries]. *50 let poiskov i otkrytiy* [50 Years of Research and Discoveries]. Kazan: Tatar book publishing house, 1989, pp. 12–20. (In Russian)

12. Ibragimov R.R. *Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Tatarstane v 1940–1980-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [State-confessional Relations in Tatarstan in the 1940–1980s: PhD Thesis]. Kazan, 2004. 225 p. (In Russian)
13. Izmaylov I.L. «Ne dano marksistskoy otsenki Zolotoy Orde» [The Golden Horde has not received a Marxist assessment]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 1996, no. 3/4, pp. 96–101. (In Russian)
14. Izmaylov I.L. Otsenka bulgarskogo perioda v tatarskoy istorii: nauchnye kontseptsii i obshchestvennoe soznanie [Assessment of the Bulgarian period in Tatar history: academic concepts and public consciousness]. *Natsional'naya istoriya tatar: teoretiko-metodologicheskoe vvedenie* [National History of the Tatars: Theoretical and Methodological Introduction]. Kazan: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 57–75. (In Russian)
15. *Istoriya Kazani v dokumentakh i materialakh. XX vek* [The History of Kazan in Documents and Materials. The twentieth century]. R.U. Amirkhanov (ed.). Kazan: Magarif, 2004. 711 p. (In Russian)
16. Iskhakov D.M. Nauchnaya intelligentsiya i natsional'noe samosoznanie tatar (1940–1990-e gg.) [Scholarly intelligentsia and national identity of the Tatars (the 1940–90s)]. *Tatarskiy put': prava naroda i politkorrektnost'* [The Tatar Way: The Rights of the People and Political Correctness]. Kazan: Magarif, 2003, pp. 129–136. (In Russian)
17. Iskhakov D.M. *Problemy stanovleniya i transformatsii tatarskoy natsii* [Problems of Formation and Transformation of the Tatar Nation]. Kazan, 1997. 247 p. (In Russian)
18. Iskhakov D.M. Rol' intelligentsii v formirovani i sovremennom funktsionirovani natsional'nogo samosoznaniya tatar [The role of the intelligentsia in the formation and modern functioning of the national identity of the Tatars]. *Sovremennyye natsional'nye protsessy v Respublike Tatarstan* [Modern National Processes in the Republic of Tatarstan], no. 2. Kazan: Institute of Language, Literature and History, 1994, pp. 5–26. (In Russian)
19. Kabirova A.Sh. Tatarskiy natsional'nyy faktor kak element ideologicheskoy liberalizatsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Tatar national factor as an element of ideological liberalization during the Great Patriotic War]. *Tatarica*. 2015, no. 4, pp. 98–109. (In Russian)
20. Krivonozhkina E.G., Khanipova I.I. *Sel'skoe naselenie Tatarskoy ASSR nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Rural Population of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic on the Eve of and during the Great Patriotic War]. Kazan: Center for Innovation Technology, 2011. 464 p. (In Russian)
21. Kozlov V.I. *Natsional'nosti SSSR (etnodemograficheskiy obzor)* [Nationalities of the USSR (ethno-demographic review)]. Moscow: Statistics, 1975. 263 p. (In Russian)
22. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK. 1898–1986, T. 7: 1938–1945* [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee. 1898–1986, Vol. 7: 1938–1945]. Moscow: Political Publishing, 1985. 574 p. (In Russian)
23. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Tatarii (1941–1970): Dokumenty i materialy* [Cultural Construction in Tatarstan (1941–1970): Documents and Materials]. M.K. Mukharyamov (ed.). Kazan: Tatar book publishing house, 1976. 520 p. (In Russian)
24. Mahmud al-Bulgari. *Nakhdzh al-Faradis. Put' v ray. Perevod. Transkriptsiya* [Nahj al-Faradis. Way to Heaven. Translation. Transcription]. Gibadullin I.R., Sayfetdinova E.G., Galiullina E.R. (tr.); Nurieva F.Sh. (transcription). Moscow: Islamic book, 2019. 320 p. (In Russian)
25. Mahmud al-Bulgari. *Nakhdzh al-Faradis. Put' v ray. Faksimile* [Nahj al-Faradis. Way to Heaven. Facsimile]. Mirgaleev I.M., Sayfetdinova E.G. (eds). Moscow: Islamiic book, 2019. 448 p. (In Russian)

26. *Narodnoe khozyaystvo Tatarskoy ASSR k 50-letiyu so dnya obrazovaniya: stat. sb.* [National Economy of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic on the Occasion of the 50th Anniversary of the Founding. Collected papers]. G.D. Mayorov (ed.). Kazan: Statistics, 1970. 195 p. (In Russian)

27. *Noveyshaya istoriya Rossii. 1914–2005* [Contemporary History of Russia. 1914–2005]. M.V. Khodyakov (ed.). Second edition. Moscow: Higher education, 2007. 525 p. (In Russian)

28. Pinaeva D.A. Interpretatsiya natsional'noy istorii i kul'tury v kontse 1940-kh – nachale 1960-kh gg.: vzaimootnosheniya vlasti i intelligentsii (na materialakh Tatarskoy ASSR) [Interpretation of national history and culture in the late 1940s – early 1960s: the relationship of power and intelligentsia (based on the materials of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political, and Legal Studies, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice]. 2017, no. 1(75), pp. 162–167. (In Russian)

29. Piskarev V., Sultanbekov B., Gibadullina R. «Etot uchebnik ne vyderzhivaet bol'shevistskoy kritiki» [“This textbook does not stand up to Bolshevik criticism”]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 1997, no. 1–2, pp. 81–111. (In Russian)

30. «Pis'mo tatarskogo naroda frontovikam-tataram» i otvety na nego: sb. dok. [“Letter from the Tatar People to the Tatar Front-line Soldiers” and Answers to It]. Mustakimov I.A., Gaffarova G.V. (eds). Kazan: Main Archival Administration under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan, 2012. 144 p. (In Russian)

31. Postanovlenie byuro Tatarskogo obkoma VKP(b) ot 6 oktyabrya 1944 g. «Ob oshibkakh i nedostatkakh v rabote Tatarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii» [Resolution of the Bureau of the Tatar Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of October 6, 1944 “On Errors and Deficiencies in the Work of the Tatar Research Institute of Language, Literature, and History”]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 1996, no. 3/4, pp. 101–102. (In Russian)

32. Safargaliev M. Odin iz spornykh voprosov istorii Tatarii [One of the controversial issues of the history of Tatarstan]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 1951, no. 7, pp. 74–80. (In Russian)

33. Sultanbekov B.F. «Idegey», Stalin i nashe vremya [“Idegei”, Stalin and our time]. *Stranitsy sekretnykh arkhivov* [Pages of Secret Archives]. Kazan: Tatar book publishing house, 1994, pp. 203–235. (In Russian)

34. Tagirov I.R. Na ideologicheskom fronte [On the ideological front]. *Ocherki istorii Tatarstana i tatarskogo naroda (XX vek)* [Essays on the History of Tatarstan and the Tatar People (twentieth century)]. Kazan: Tatar book publishing house, 1999, pp. 335–337. (In Russian)

35. *Tatariya v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: sbornik dokumentov i materialov* [Tatarstan during the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of Documents and Materials]. Zalyalov A.M., Smykov Yu.I., Subaev N.A. (eds). Kazan: Tatar book publishing house, 1963. 360 p. (In Russian)

36. Tumasheva D.G. Razvitie tatarskogo yazykoznaniya v Kazanskom universitete (1944–1995) [The development of Tatar linguistics at Kazan University (1944–1995)]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 1996, no. 1/2, pp. 212–216. (In Russian)

37. Khaplekhamitov R.B. *Tatarskaya tvorcheskaya intelligentsiya i vlast' (1944–1965 gg.)* [Tatar Creative Intelligentsia and Power (1944–1965)]. Kazan: Word, 2011. 152 p. (In Russian)

38. Shamov S. *Melodii sud'by naroda* [Melodies of the Fate of the People]. Kazan: V.I. Ulyanov-Lenin Kazan State University, 2004. 154 p. (In Russian)

39. *Eto ne dolzhno povtorit'sya. Stenogramma diskussii po kazakhskomu eposu (11–15 aprelya 1953 g.)* [This Should Not Be Repeated. Transcript of the Discussion on the Kazakh Epic (11–15 April 1953)]. Orzaev F. (ed.). Almaty, 2007. 320 p. (In Russian)

About the authors: Alfiya G. Gallyamova – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Research Fellow of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4344-902X. E-mail: alfiya1955@gmail.com

Aislu Sh. Kabirova – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Research Fellow of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7173-0874. E-mail: aikabirova@mail.ru

Ilnara I. Khanipova – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Senior Research Fellow of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-7585-8069. E-mail: ihanipova@mail.ru

*Received January 10, 2020 Accepted for publication March 2, 2020
Published March 29, 2020*

АВГУСТОВСКОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) 1944 ГОДА И ТАТАРСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

А.Г. Галлямова^{1а}, А.Ш. Кабировва^{1б}, И.И. Ханипова^{1с}

¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Казань, Российская Федерация

^а alfiya1955@gmail.com, ^б aikabirova@mail.ru, ^с ihanipova@mail.ru

Цель: проанализировать причины принятия Постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» и определить его влияние на деятельность татарской творческой и гуманитарной интеллигенции во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.

Материалы исследования: документальные источники из федеральных и региональных архивов, специальные научные работы.

Результаты и научная новизна: авторы считают, что принятие Постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. следует рассматривать в контексте изменения всей общеполитической ситуации в стране, связанной с усилением диктата государства и уничтожением либеральных тенденций в идеологии, обозначившимся к концу Великой Отечественной войны. Возвеличение национального духа, необходимое в экстремальных для существования государства условиях, утратило свою актуальность. В стране все более явно зазвучали великодержавные настроения. Постановление играло роль «кнута» для национальной интеллигенции, но оно не остановило развитие гуманитарной мысли. Многие творческие деятели лишь внешне признавали идеологические рамки, но на деле часто выходили далеко за них, продолжая активно работать в области изучения этнической истории и культуры.

Ключевые слова: национальная политика, советская культура, цензура, коммунистическая идеология, национальная интеллигенция, Татарская АССР, история татар, Золотая Орда, Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г.

Для цитирования: Gallyamova A.G., Kabirova A.Sh., Khanipova I.I. The Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in August 1944 and the Tatar Intelligentsia // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 185–199. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.185-199

Сведения об авторах: Галлямова Альфия Габдульнуровна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4344-902X. E-mail: alfiya1955@gmail.com

Кабилова Айслу Шарипзяновна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7173-0874. E-mail: aikabirova@mail.ru

Ханипова Ильнара Ильдусовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-7585-8069. E-mail: ihanipova@mail.ru

Поступила 10.01.2020 Принята к публикации 02.03.2020

Опубликована 29.03.2020

РЕЦЕНЗИИ

УДК [94(57):656.8](049.32)

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.200-205

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: VÉR, MÁRTON. OLD UYGHUR DOCUMENTS CONCERNING THE POSTAL SYSTEM OF THE MONGOL EMPIRE

И.А. Мустакимов

*Институт международных отношений
Казанского федерального университета
Казань, Российская Федерация
imus2007@mail.ru*

В статье анализируется книга доктора Мартона Вера, посвященная изучению и публикации документальных источников, связанных с функционированием почтовой службы Монгольской империи. Беспрецедентная по размерам и эффективности паневразийская сеть курьеров и почтовых станций стала одним из важнейших имперских учреждений Чингизидов. В данной книге, вышедшей в серии Berliner Turfantexte, представлены тексты и английский перевод (с подробным комментарием) 63 древнеуйгурских документов XIII–XIV вв., 18 из которых публикуются впервые.

В основном сохранившиеся в берлинской Турфанской коллекции, эти уникальные тексты были обнаружены в районе Турфана и в окрестностях Дуньхуана. Включающие в себя целый ряд официальных актов и других документов, имеющих отношение к почтовой системе, они отражают особенности ее функционирования на местном и региональном уровнях. Таким образом, их изучение позволяет рассматривать почтовую систему с новых позиций, поскольку ранее при освещении истории почтовой системы основное внимание исследователями уделялось нарративным источникам.

Ключевые слова: древнеуйгурские документы, Монгольская империя, Чингизиды, почтовая система, Восточный Туркестан

Для цитирования: Мустакимов И.А. Рецензия на книгу: Vér, Márton. Old Uyghur Documents Concerning the Postal System of the Mongol Empire // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 200–205. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.200-205

REVIEW OF THE BOOK: VÉR, MÁRTON. OLD UYGHUR DOCUMENTS CONCERNING THE POSTAL SYSTEM OF THE MONGOL EMPIRE

I.A. Mustakimov

*Institute of International Relations of Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
imus2007@mail.ru*

Abstract: This article analyzes Dr. Márton Vér's book dedicated to the study and publication of documentary sources related to the functioning of the postal service of the Mongol Empire. The pan-Eurasian network of couriers and postal stations, unprecedented in size and efficiency, became one of the most important imperial institutions of the Chinggisids. This book, published in the Berliner Turfantexte series, contains texts and English translations (with detailed commentary) of 63 ancient Uyghur documents of the thirteenth and fourteenth centuries, 18 of which are published for the first time.

Mostly preserved in the Berlin Turfan collection, these unique texts were discovered in the Turfan region and in the vicinity of Dunhuang. Comprising a range of administrative records and other documents with links to the postal system, they provide multiple snapshots of its operation at local and regional level. Their study allows us to consider the postal system from new positions, since previously, when covering the history of the postal system, researchers focused on narrative sources. Documentation related to the postal service in the Turfan region was published in both Turkic (Uyghur) and Mongolian languages. Large differences in the form of Uyghur and Mongol decrees and orders of the end of the thirteenth and fourteenth centuries, according to the fair remark of Dr. Vér, indicate the parallel existence of at least two clerical traditions here. Studying the language of Uyghur documents allowed the author of the work under review to clarify the meaning of some key terms related to the postal service. The book ends with indexes, a bibliography, a list of abbreviations, concordances of published documents, and a table of measures and weights from the Mongol period.

It was suggested that it would be appropriate to publish facsimiles of documents along with the typed Uyghur text in the future. Some shortcomings of the selected transcription and some inconsistency in the chronological characteristics of Uyghur sources were pointed out too.

However, the comments made do not affect the scholarly significance of the peer-reviewed work. The monograph will be of interest to specialists in the field of Turkology, Mongolian studies, medieval history of Eurasia, and especially to those investigating the history of the Mongol Empire. In particular, the conclusions and advances of the Hungarian scholar will be useful in analyzing Turkic documentary sources of the Golden Horde and post-Golden Horde times.

Keywords: Old Uyghur documents, Mongol Empire, Chinggisids, postal system, East Turkestan

For citation: Mustakimov I.A. Review of the Book: Vér, Márton. Old Uyghur Documents Concerning the Postal System of the Mongol Empire. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 200–205. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.200-205

Работа Мартона Вера – первое тематическое и критическое издание древнеуйгурских документов из Восточного Туркестана, относящихся к функционированию почтовой системы в монгольский период. Значимость рецензируемой книги определяется уже этим – ведь ранее сведения о таком неотъ-

емлемом атрибуте Монгольской империи, как почтовая система, черпались почти исключительно из нарративных источников.

Исследуемые в работе документы происходят из восточной части современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и из китайской провинции Ганьсу, в основном из окрестностей Дуньхуана. Как известно, наибольшее количество древнеуйгурских текстов сохранилось в Турфанском регионе (при этом значительная часть уйгурских документов сохранилась лишь фрагментарно). В работе опубликована транскрипция и перевод на английский язык (с подробным комментарием) 63 документов XIII–XIV вв. Из них 18 документов ранее не публиковались, для 15 документов имеется перевод на китайский и японский языки.

М. Вер предлагает следующую (на наш взгляд, вполне обоснованную) классификацию документов, относящихся к функционированию почты в Монгольской империи и опубликованных в его книге:

I. Официальные документы

1. Указы и распоряжения.

Документы этой категории, в свою очередь, разделяются на 3 группы:

а) о снабжении почтовых станций и гонцов провизией (24 документа);

б) о выполнении населением повинностей в порядке очередности по обеспечению функционирования почты (как правило, путем предоставления подвод или несения ямской службы) (11 документов);

в) разные указы (3 документа).

2. Учетные («бухгалтерские») документы (5 документов).

3. Официальные реестры (2 документа).

II. Частные документы

1. Списки и реестры, относящиеся к системе подвод (улаг) (16 документов).

2. Иные частные документы (2 документа).

Автор солидаризируется с целым рядом современных исследователей истории Монгольской империи, которые, не отрицая разрушительных последствий монгольских завоеваний, отмечают значение монгольского владычества в создании политических, экономических, религиозных и культурных макроструктур. Все это вывело культурный и экономический обмен между различными народами и цивилизациями Евразии на новый, беспрецедентный уровень. При этом монголы не только обеспечивали этот обмен, но и активно ему содействовали [4, с. 12]. Одной из таких макроструктур являлась сеть почтовых станций (ямов), разбросанных по территории Великого монгольского улуса. Хорошо известно, что монголы понимали необходимость быстрого и надежного потока информации и товаров на раннем этапе их завоеваний. Эта необходимость привела к созданию почтовой системы для всей империи. Беспрецедентная по своим размерам и эффективности, паневразийская сеть курьеров и почтовых станций стала одним из важнейших имперских институтов Чингизидов.

Интересно, что управленческая документация, касающаяся почтовой службы, в Турфанском регионе издавалась как на тюркском (уйгурском), так и на монгольском языках. Большие различия в формуляре уйгуроязычных и монголязычных указов и распоряжений конца XIII – XIV вв., по справед-

ливому замечанию М. Вера свидетельствуют о параллельном бытовании здесь по крайней мере двух канцелярских традиций [4, с. 43]. Анализ содержания административной документации позволил автору сделать вывод о том, что в Северо-Восточном Туркестане при монгольском правлении существовало три уровня управления, в сфере почтовой службы продолжавшие функционировать вплоть до 1330-х гг. Формирование этой трехуровневой системы совпало с захватом Чагатаидами Центральной Азии в начале XIV в. Функционирование двух низших уровней (документы, касающиеся отдельных почтовых станций и нескольких станций одной местности) обеспечивалось документацией на уйгурском языке, документы высшего уровня управления издавались на монгольском языке [4, с. 44].

М. Вер рассматривает как исторический, так и лингвистический контекст создания документов. В частности, он останавливается на вопросе определения языка, использовавшегося в уйгурографичных тюркоязычных документах монгольского периода (XIII–XIV вв.). В среде тюркологов (А. фон Габен, сэр Дж. Клосон, К. Рёрборн, М. Эрдал, А.Рона-Таш и др.) отсутствует единодушие в отнесении языка этих источников к древнетюркскому (Old Turkic) или среднетюркскому (Middle Turkic) периоду. По мнению М. Вера, XIII–XIV вв. составляют переходный период от предшествующего Новому времени (pre-modern period) к раннему Новому времени (early-modern period). По аналогии с этим определением он предлагает считать XIII–XIV вв. для тюркского языка (языков) переходным от древнетюркского к среднетюркскому периоду [4, с. 13]. Учитывая консерватизм языка законодательной и управленческой документации, в частности, использование в ней устоявшихся формул, М. Вер считает, что язык тюркских уйгурографичных правовых документов монгольского периода из Восточного Туркестана правомернее считать древнетюркским, нежели относить его к среднетюркскому периоду (далее М. Вер называет язык публикуемых им документов просто «уйгурским» (с. 44 и др.)). Вместе с тем автор книги признает, что целый ряд специалистов по уйгуроязычным гражданским документам (Л.В. Кларк, Т. Мориясу, Д. Мацуй) выявили несколько лингвистических и иных критериев, отличающих юридические документы западно-уйгурского (IX–XII вв.) и монгольского периодов [3, с. 13]. Соглашаясь с обоснованностью доводов М. Вера, нельзя не обратить внимания на некоторую непоследовательность предлагаемой им хронологии: период западноуйгурского царства (в отечественной историографии – княжества (государства) Кочо) определяется им как IX–XII вв., монгольский период – как XIII–XIV вв. Между тем, княжество Кочо продолжало существовать как после впадения в вассальную зависимость от государства Западная Ляо в первой половине XII в., так и после признания идикутом Барчуком монгольского сюзеренитета в 1209 г. [1, с. 85–98; 2, с. 56–57]. Это еще раз подтверждает тезис автора рецензируемого исследования о преемственности языка документов домонгольского и монгольского периода.

Внимательное изучение уйгуроязычных документов позволило автору исследования уточнить значения некоторых ключевых терминов, связанных с почтовой службой. Так, М. Вер отмечает, что термин улаг, для которого в большинстве словарей приводится два основных значения («вьючное животное» и «почтовая лошадь»), в уйгурских текстах XIII–XIV вв., связанных с почтовой службой, мог иметь значение «домашнее животное, находившееся в

собственности или используемое почтовой службой» (в сочетаниях ат улаг ‘конь-улаг’ или ашгак улаг ‘осел-улаг’) [4, с. 46].

Книга завершается указателями, библиографией, списком сокращений, конкордансами опубликованных документов, а также таблицей мер и весов монгольского периода.

В порядке предложения при подготовке будущих изданий хотелось бы отметить, что наличие факсимиле публикуемых документов еще более украсило бы работу. Это позволило бы специалистам верифицировать выводы автора, а также шире использовать работу М. Вера в качестве учебного пособия для студентов-тюркологов, изучающих уйгурскую палеографию. Нельзя также признать вполне удобной избранную автором систему транскрипции, в которой отсутствуют отдельные обозначения для тюркских увулярных согласных q и ɣ.

Вместе с тем, высказанные замечания не влияют на научную значимость работы, выполненной М. Вером. Монография будет интересна специалистам в области тюркологии, монголистики, средневековой истории Евразии, прежде всего истории Монгольской империи. В частности, выводы и наработки венгерского ученого будут полезны при анализе документальных источников (ханских ярлыков, частно-правовых актов) золотоордынского и постзолотоордынского времени. Труд М. Вера безусловно заслуживает высокой оценки и внимательнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кутлуков М. Монгольское господство в Восточном Туркестане // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977. С. 85–98.
2. Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л.: Наука, 1966. С. 56–57.
3. Тугушева Л.Ю. Предисловие // Уйгурские деловые документы X–XIV вв. из Восточного Туркестана / Предисл., транскрипция, пер. с древнеуйгурского Л.Ю. Тугушевой, факсимиле рукописей. М.: Наука, 2013. С. 10–14.
4. Vér M. Old Uyghur Documents Concerning the Postal System of the Mongol Empire. Berliner Turfantexte XLIII. Turnhout: Brepols Publishers, 2019. 263 p.

Сведения об авторе: Ильяс Альфредович Мустакимов – кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений Казанского федерального университета (420008, ул. Пушкина, 1/55, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0052-5136, ResearcherID: AAG-5119-2020. E-mail: imus2007@mail.ru.

Поступила 03.01.2020 Принята к публикации 28.02.2020
Опубликована 29.03.2020

REFERENCES

1. Kutlukov M. Mongol'skoe gospodstvo v Vostochnom Turkestane [Mongol Rule in East Turkestan]. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [The Tatar-Mongols in Asia and Europe]. Moscow: 'Science', 1977, pp. 85–98. (In Russian)
2. Tikhonov D.I. Khozyaystvo i obshchestvennyy stroy Uygurskogo gosudarstva X–XIV vv. [The Economy and Social Structure of the Uyghur State from the tenth to the fourteenth centuries]. Moscow; Leningrad: Science, 1966, pp. 56–57. (In Russian)
3. Tugusheva L.Yu. Predislovie [Foreword]. Idem (ed. and tr.) *Uygurskie delovye dokumenty X–XIV vv. Iz Vostochnogo Turkestana* [Uyghur Administrative Documents from the tenth to fourteenth centuries from East Turkestan]. Moscow: 'Science', 2013, p. 10–14. (In Russian)
4. Vér M. *Old Uyghur Documents Concerning the Postal System of the Mongol Empire*. Berliner Turfantexte XLIII. Turnhout: Brepols Publishers, 2019. 263 p. (In English, Uyghur)

About the author: Ilyas I. Mustakimov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University (1/55, Pushkin Str., Kazan 420008, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0052-5136, ResearcherID: AAG-5119-2020. E-mail: imus2007@mail.ru

*Received January 3, 2020 Accepted for publication February 28, 2020
Published March 29, 2020*

ХРОНИКА

УДК 94(47).031:061.3

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.206-210

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА 750-ЛЕТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Т.Р. Галимов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
galimov_t_r@mail.ru*

2019 год был ознаменован в научно-исследовательской среде историков-медиевистов 750-летним юбилеем со дня образования Золотой Орды. В честь этого исторического события был проведен ряд мероприятий: комплекс научных конференций, круглых столов, научно-просветительских лекций, художественных выставок, изданы монографии, опубликованы переводы, факсимиле и транслитерации обширного круга исторических источников по истории Золотой Орды, основная часть из которых была впервые введена в научный оборот. В этом ряду необходимо особо отметить VI Международный золотоордынский форум, привлекающий внимание специалистов по истории Золотой Орды со всего мира, проведенный 26–28 июня 2019 г. Также золотоордынской истории были посвящены два значимых мероприятия, прошедших под конец 2019 года: круглый стол «Цивилизация Золотой Орды и ее влияние на судьбы народов Евразии», прошедший на первом международном Петербургском историческом форуме (1 ноября 2019 года в г. Санкт-Петербург, Россия), и международный научный симпозиум «Золотая Орда и её наследие» (25–26 ноября 2019 года в г. Стамбул, Турция). Стоит заметить, что оба заключительных мероприятия проводились в вышеотмеченных городах в этом столетии впервые. Научно-исследовательская общественность этих двух крупных научных центров мира встретила эти мероприятия с большим энтузиазмом, активно сопровождала её собственным участием, а за результатами следила с немалым интересом. Благодаря этому удалось провести данные мероприятия максимально сбалансированно, и одновременно с представлением новых разработок и идей, презентовать наличные на данный момент передовые результаты исследований по истории Золотой Орды.

Ключевые слова: конференция, симпозиум, Золотая Орда, источниковедение, историография, Древняя Русь, Россия, Турция

Для цитирования: Галимов Т.Р. Заключительные научные мероприятия юбилейного года 750-летия образования Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 206–210. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.206-210

**FINAL ACADEMIC EVENTS DEDICATED
TO THE 750TH ANNIVERSARY OF THE GOLDEN HORDE**

T.R. Galimov

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
galimov_t_r@mail.ru*

The year 2019 was marked by the 750th anniversary of the Golden Horde in the scholarly and research environment of medievalists. A number of academic events were organized in honor of this historic event: a series of academic conferences, round tables, scholarly and educational lectures, art exhibitions, publications of monographs, publications of translations, facsimiles and transliterations of an extensive range of historical sources on the history of the Golden Horde. The bulk of this output was, for the first time, introduced into scholarly circulation. Among these events, it is worth noting the Sixth International Golden Horde Forum with the participation of international experts on the history of the Golden Horde was held on 26–28 June 2019. Two other significant events held at the end of 2019 were also dedicated to the history of the Golden Horde: the roundtable “Civilization of the Golden Horde and Its Influence on the Fate of the Peoples of Eurasia,” held as part of the First International St. Petersburg Historical Forum (1 November 2019, St. Petersburg, Russia), and the International Academic Symposium “Golden Horde and Its Heritage” (25–26 November 2019, Istanbul, Turkey). It is worth noting that both final events were held in the aforementioned cities for the first time this century. The scholarly and research communities of these two large academic centers of the world welcomed these events with great enthusiasm, actively supported them with their own participation, and viewed the results with considerable interest. Thanks to this, the organizers of these events managed to conduct them in as balanced a manner as possible and, at the same time, presented new developments and ideas, including currently relevant and advanced research results on the history of the Golden Horde.

Keywords: conference, symposium, Golden Horde, source study, historiography, Ancient Rus', Russia, Turkey

For citation: Galimov T. Final Academic Events Dedicated to the 750th Anniversary of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 206–210. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.206-210

Первый международный Петербургский форум, прошедший с 28 октября по 3 ноября 2019 г., по результатам своего первого созыва предстал одним из перспективных и многообещающих проектов российской исторической науки. В ходе его работы не был обойден стороной в том числе и комплекс проблем российской истории золотоордынского периода. Благодаря введению оргкомитетом в программу выше обозначенной тематики, составной частью форума стал научный круглый стол «Цивилизация Золотой Орды и ее влияние на судьбы народов Евразии».

Основной доклад д.и.н. М.Г. Крамаровского (Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия) «Чингисидская глобализация и цивилизационные особенности Золотой Орды» наглядно представил всё то глобальное влияние и взаимодействие, при этом не всегда имевшее воинственный и негативный характер, золотоордынской цивилизации на социально-политическую и культурную повседневность средневекового мира, и в особенности на Русь.

По мнению ведущего российского археолога, данная позиция еще только начинает своё хождение в современной историографии. К большому сожалению М.Г. Крамаровского, для некоторых исследователей до сих пор остаются неслышанными результаты его исследований и выделяемый им призыв директора Государственного Эрмитажа, М.Б. Пиотровского, к диалогу в урегулировании споров относительно исторического прошлого, а в частности неоднозначности золотоордынского влияния на судьбу Древней Руси.

Об особенностях золотоордынской цивилизации, а именно в её религиозной составляющей, продолжил в расширенном докладе «К вопросу об исламском богословии в Золотой Орде», руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова (далее сокр. ЦИЗОТХ) Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (далее сокр. ИИ АН РТ), к.и.н. И.М. Миргалеев (г. Казань, Россия).

Уникальность процессуального ведения дел в Золотой Орде, в средневековое время, сравнимого по своим элементам с современным судопроизводством, отметил в своем докладе Р.Ю. Почекаев, к.ю.н. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург, Россия), «Разбирательство споров русских князей ханами Золотой Орды: процессуальные аспекты»

Трудностям в источниковедческой работе над пониманием средневекового восприятия золотоордынского господства на Руси, был посвящен доклад Т.Р. Галимова, с.н.с, к.и.н. (ЦИЗОТХ, г. Казань, Россия), «“А переменит Бог Орду...”: страх или надежда древнерусских князей».

В завершении круглого стола, представила свой доклад Татьяна Владимировна Жданова (гимназия № 7 имени В.М. Воронцова, г. Воронеж, Россия), «К вопросу датировки разорения Курской земли войсками Ногай и ликвидации Ахматовых слобод в конце XIII века».

По итогам круглого стола, участники научного собрания отметили крайнюю актуальность темы, а также выразили надежду на увеличение временных рамок блока истории Золотой Орды и на развитие данного направления в составе Петербургского международного исторического форума.

Еще больший интерес в научно-исследовательской среде историков-медиевистов привлек международный научный симпозиум «Золотая Орда и её наследие», проведенный в г. Стамбуле (Турция), 25–26 ноября 2019 г. Исключительно благодаря поддержке главных организаторов симпозиума, а именно Стамбульского Университета (İstanbul Üniversitesi), Литературного факультета Стамбульского Университета (İ.Ü. Edebiyat Fakültesi), а также Турецкого Исторического Общества (Türk Tarih Kurumu), данное мероприятие прошло с широким международным участием. В ходе подготовки проекта в состав оргкомитета был включен ИИ АН РТ. В состав научной конференции была включена значительная делегация, представленная научными сотрудниками самого Института, в особенности его отдела ЦИЗОТХ. Кроме того к участию были приняты именитые исследователи Золотой Орды из крупнейших научных центров России, Казахстана, Болгарии и Сербии.

В ходе работы пленарного заседания симпозиума со стороны делегации ИИ АН РТ выступил академик АН РТ, д.и.н. Р.Р. Салихов. В своем обращении он подчеркнул важность реализации совместных международных науч-

ных проектов по исследованию и популяризации истории Золотой Орды и татарских ханств. Также зам. директора, отметил значительный вклад ЦИЗОТХ в исследовательскую и публикационную деятельность, проводимую совместно с турецкими исследователями, ставшую возможной, в том числе, благодаря выявлению международных специалистов и координации научных исследований, проводимой сотрудниками Центра и лично его руководителем, Ильнуром Мидхатовичем Миргалеевым.

Совместная публикационная активность, широкая издательская деятельность, развитие и соответствующие планы отдела ЦИЗОТХ были освещены подробно в докладе м.н.с. Л.С. Гиниятуллиной «Деятельность Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств по изучению истории Золотой Орды и ее наследия».

Первое заседание, названное в честь именитого турецкого историка и исследователя Золотой Орды, профессора Мустафы Кафали (Mustafa Kafalı), открыл своим докладом И.М. Миргалеев. Руководитель ЦИЗОТХ напомнил всем присутствовавшим о причинах номинального разделения Монгольской империи и проблеме идентификации места Талаского курултая 1269 г., проведение которого предопределило образование Золотой Орды.

Завершая первое заседание, один из главных организаторов симпозиума, профессор, доктор Ильяс Кемальоглу, в своем докладе отметил значительную роль эмиров в политике Золотой Орды, возраставшей, по мере ослабления ханской власти. В этом отношении также примечателен доклад академика, д.и.н. Вадима Винцеровича Трепавлова «Опыт Чагатай в поздней Золотой Орде», согласно которому применяемая эмиром Едигеем схема влияния в XIV–XV вв. на ханскую ветвь, а соответственно на политическую ситуацию в Золотой Орде имела достаточно близкие, знакомые и понятные формы для властного темника.

Четвертое заседание, модеримуемое академиком АН РТ Р.Р. Салиховым, открыл профессор, доктор Юлай Шамильоглу, который, прежде всего, отметил высокий уровень проведения симпозиума и подчеркнул, что после Международного золотоордынского форума это второе по значимости научное мероприятие. Доклад Юлая Шамильоглу был посвящён проблеме изученности и популяризации истории чумы, а именно так называемой Черной Смерти, которая, по мнению ученого, вышла с территории Золотой Орды и распространилась, благодаря тесным торговым контактам, на весь средневековый мир, изменяя и кроя его по-новому.

Источниковедческий анализ и разбор особенностей восприятия образов Золотой Орды как на среднем востоке, так и в Европе, заслуживающий исключительный интерес, был представлен в докладах: к.и.н. Д.М. Тимохин (НИУ ВШЭ, г. Москва) «Особенности описания биографии Джучи-хана в арабо-персидских источниках»; с.н.с, доктор Александр Узелац (Институт истории, г. Белград, Сербия) «Святой Людовик и Джучиды»; с.н.с., доктор Роман Хаутала «Францисканцы и итальянские купцы в Золотой Орде».

Более детально религиозные аспекты в истории Золотой Орды затронули в своих докладах, сотрудники ЦИЗОТХ ИИ АН РТ: с.н.с, к.и.н. Т.Р. Галимов «Поездка митрополита Киевского и всея Руси Кирилла II (III) в Никею: легитимность поставления за пределами стен Константинополя и признание в Золотой Орде»; с.н.с., к.и.н. Э.Г. Сайфетдинова «Стамбульская рукопись

Махмуда ал-Булгари Нахдж ал-Фарадис»; с.н.с., к.и.н. И.Р. Гибадуллин «Анатолийский суфий, живущий в Крыму: Абу-Бакр Каландар Руми».

Крымская тематика в истории Золотой Орды и постзолотоордынских ханствах особо ярко поднималась в докладах: с.н.с., к.и.н. Э.И. Сейдалиев (Крымский научный центр ИИ АН РТ) «Города Золотой Орды в Юго-Восточном Крыму: предпосылки возникновения и особенности формирования»; магистр истории Владислав Петрович Гулевич (г. Киев, Украина) «Литва, Крым и Великая Орда в последние годы правления польского короля и великого князя литовского Казимира IV Ягеллона (1486–1492)»; профессор, д.и.н. И.В. Зайцев (РАН, г. Москва) «Анонимная история» Крымского ханства (ее рукописи и источники); доцент, к.ю.н. Р.Ю. Почакаев (НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург) «Наследие Золотой Орды в судебной практике Крымского ханства».

На особенности государственности татарских ханств, требующие более пристального внимания, указали в своих докладах: доцент, к.и.н. Д.Н. Маслюженко (Курганский государственный университет, г. Курган) «Сибирская государственность Шибанидов в постордынский период: периодизация, территория и основные элементы»; к.и.н. Канат Ускенбай (Казахстан) «Казахское ханство в XV в.»; с.н.с., к.и.н. А.В. Аксанов «Ханская Казань и завоеванный турками Константинополь: исторические параллели в источниках».

В области историографического наследия и его критики стоит особо выделить сообщение профессора, доктора Александра Николова (Болгария) «“Татарская гегемония”: Монгольская империя и Золотая Орда в болгарской историографии и учебной литературе» и профессора, доктора Тасин Джемиля (Румыния) «Важные исправления, необходимые в истории Золотой Орды».

В завершении симпозиума прозвучал доклад г.н.с., д.и.н. Л.Р. Габдрафиковой «Образ Сююмбике в татарской культуре нач. XX в.», отметивший устойчивость исторических образов и их наследование в татарской культуре.

Сведения об авторе: Тэймур Рустэмович Галимов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

*Поступила 14.01.2020 Принята к публикации 24.02.2020
Опубликована 29.03.2020*

About the author: Teymur R. Galimov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

*Received January 14, 2020 Accepted for publication February 24, 2020
Published March 29, 2020*

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2022 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2022)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Серебряный дирхам с тамгой Берке.
Крым, 664 г.х. (1265–1266). Золотая Орда

On the cover: Silver Dirham with Berke’s tamga.
Crimea, 664 AH (1265/6). The Golden Horde

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2020. Т. 8, № 1

GOLDEN HORDE REVIEW. 2020, vol. 8, no. 1

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 20.03.2020 г. Дата выхода в свет 29.03.2020 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 13,25 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>